ВОЙНА И МЫ

Юрий Мухин
Александр Лебединцев

ОТЦЫ-КОМАНДИРЫ

Звезды на погонах — звезды на могилах

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Взяв за основу анализ воспоминаний о Великой Отечественной войне офицера-пехотинца А.З.Лебединцева, известный исследователь Ю.И. Мухин оценивает ответственность советских офицеров за чрезмерные потери войск Красной Армии в той войне. Ставится вопрос — так ли мы готовим офицеров нашей армии, и нужны ли нашему народу такие офицеры?

Это первая книга подобного плана — как по затронутой теме, так и по способу ее раскрытия.

- А. Лебединцев Ю. Мухин
- Часть 2. Обе стороны медали
- Боевое крещение
- Бои на Букринском плацдарме. 1943 г.
- Паника под Босовкой
- Глава 7. О смелости и нерешительности
- Бой за Сумы
- Глава 8. Об уме и тупости
- Боевая учеба
- Прохоровка
- Форсирование Днепра
- Глава 9. О добросовестности и паразитизме
- Глава 10. О честности и подлости
- Накануне разгрома дивизии
- После разгрома
- Воры в погонах
- Глава 11. О дисциплине и разгильдяйстве
- Типичное разгильдяйство
- Преступное разгильдяйство
- Управленческое разгильдяйство
- Глава 12. О наградах и наказаниях
- За Днепр
- Фронтовые церемонии вручения наград
- «За выслугу летов»
- Иностранные награды
- Забытый смысл
- Снятие с должности
- Казнь командира дивизии
- Глава 13. О любви и сексе на фронте
- Напрасно держали в тайне
- Послесловие
- О товарище

- Снова о трусости
- Типичный кадровый офицер
- О репрессиях
- О военном образовании
- «Учился много, но ничему не научился»
- По Сеньке шапка
- Снова о тупости и нежелании знать военное дело
- Что делать?
- Верховный Главнокомандующий
- notes
    - 1

А. Лебединцев Ю. Мухин
Отцы-командиры Часть 2

Кадры решают все.
И. В. Сталин

Написаны уже сотни книг, в которых авторы доказывают, что во Второй мировой войне наша Красная Армия понесла неоправданные потери из-за глупости Верховного главнокомандующего в войну, маршала, а после нее ставшего Генералиссимусом Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина. Может быть. Мне со Сталиным служить не довелось. Но я не встречал ни одной книги, в которой бы специально разбирался вопрос: а сколько миллионов солдат мы потеряли из-за тупости и подлости остальных отцов-командиров?

Часть 2. Обе стороны медали
Немного об офицерах

Ю. И. МУХИН. Хотелось бы сначала определить позиции. Александр Захарович — человек сугубо военный, вся его жизнь связана с армией, круг его знакомых в большинстве состоял из таких же, как он, офицеров, с их офицерскими мировоззрением и интересами. Поэтому хочет Лебединцев этого или нет, но он пишет то, что будет воспринято его кругом с пониманием.

А я человек штатский, правда, я имею военную подготовку и офицерское звание, но никогда в армии не служил (исключая два месяца лагерных сборов). И на все, что Александр Захарович пишет, я смотрю с позиции сугубо штатского человека — того, за счет налогов которого и существует офицерская каста. Кроме того, я был руководителем на производстве, то есть я штатский офицер, поэтому могу сравнить, как в похожих случаях поступаем мы, штатские, с теми поступками офицеров, которые описывает Александр Захарович. (Формально офицерские звания в Красной Армии были введены в 1943 г., до этого армейские начальники назывались командирами, но я для простоты буду называть их офицерами во всех случаях, в том числе и в тех, когда они официально так еще не назывались.)

Давайте задумаемся о сути офицерства, о том, зачем они нам, обществу, нужны? Зачем мы на вычеты из своих доходов их одеваем, обуваем, кормим, тратим огромные деньги на их обучение и на пенсии, которые они могут получать не после 60 лет, как мы, а уже через 20 лет службы?

Прогресс идет в направлении все большего и большего разделения труда и с этим ничего поделать невозможно. В плане этого разделения необходимо выделить из общества часть людей, которые бы умели уничтожать внешнего врага в случаях, когда это потребуется. Вообще-то задача уничтожения внешнего врага лежит на всем обществе, на каждом гражданине — иначе он просто не гражданин, исходя из значения этого слова. Но в обществе должны быть и люди, которые проблемами уничтожения врага должны заниматься специально: знать об этом все, что только возможно, и уметь все, что для этого требуется. Эти люди — офицеры. Учитывая, что в реальной войне риск гибели офицеров больше, чем риск среднего гражданина в мирном обществе, общество предоставляет офицерам огромные льготы: они освобождены от проблемы «добывать в поте лица хлеб свой насущный», им устанавливаются высокие доходы, а на

пенсию их отпускают часто еще во цвете лет. Общество как бы кредитует офицеров в надежде, что с началом войны офицеры этот свой долг обществу вернут своей храбростью, смелостью, честностью и самоотверженностью. Только в таком случае обществу имеет смысл содержать офицеров — людей, готовых за это общество принять смерть в бою.

Сама по себе их смерть обществу не нужна — обществу нужна победа, поэтому, пока нет войны, офицеры должны тщательно изучать то, как уничтожить врага, и тщательно к этому готовиться. Если войны не случится, то офицер свой долг обществу отдать не сможет и его оправданием будет только вот эта его готовность.

Если же человек поступает на службу только для того, чтобы получать большую зарплату, а затем и большую пенсию, если он в ходе службы мирного времени изучает не то, как уничтожить врага, а то, как увеличить свои доходы на армейской службе, то это не офицер — это паразит общества, и кормить такую армию все равно, что кормить вражескую. Насколько сами офицеры видят ту грань, до которой они — уважаемые члены общества, и после которой они — его паразиты? Думаю, что большинство из них об этом просто не думают, и сегодня военная служба для многих — это просто способ «устроиться» в этой жизни.

Один, чтобы заработать деньги на жизнь, становится к станку, спускается в забой, берет шуровку у горна доменной печи или садится на комбайн. Со временем такой человек становится специалистом по получению доходов при помощи выбранной им специальности. Это прекрасно и очень полезно для общества, которому нужны специалисты во всех видах деятельности.

А другой идет зарабатывать деньги в казарму и тоже вскоре становится специалистом по получению доходов от военной службы, а поскольку эти доходы в армии зависят от должности и звания, то он становится специалистом по получению должностей и званий, то есть он умеет делать то, что нравится начальству, дающему эти самые должности и звания. А нужны ли такие специалисты обществу? Ведь если начнется война, то толк от таких специалистов мизерный — на войне нужно уметь убивать врага, а не выслуживать оклады.

Вот на 22 июня 1941 года по требованию «специалистов по получению должностей в армии» правительство СССР скрыто отмобилизовало армию так, что даже на начало войны 4,2 млн солдат немецкой армии у западных границ уже противостояли 2,8 млн советских солдат с простой задачей: удержаться 15 дней, в ходе которых будет проведена полная мобилизация и развертывание Красной Армии. Соотношение даже на 22 июня в

живой силе между немецкими и советскими войсками не столь велико, особенно если учесть, что по требованию «специалистов по получению должностей в армии» Советское правительство обеспечило их самолетами, втрое превышающими по численности немецкие, а танков было раз в пять больше. А результат?

Красная Армия начала отступать, теряя миллионы солдат — тех, на шее которых до войны и сидели эти самые «специалисты по получению в армии должностей». Сегодня все историки с трагическим придыханием пишут, что в 1941 году погибла лучшая, кадровая часть офицерства, и это, дескать, предопределило огромные потери СССР в войне. А так ли это? Была ли кадровая часть офицерства Красной Армии лучшей?

Может быть, вопрос поставить по-другому? Почему, пока основное офицерство Красной Армии было кадровым, то она отступала? Почему она начала наступать тогда, когда в армии освоились офицеры запаса, когда на офицерские должности встали храбрые солдаты, когда командование все же разыскало среди кадрового офицерства тех, кто шел в армию защищать Родину, а не за деньгами? Почему на фронте не показало себя в массе все это красиво марширующее до войны офицерство — это вопрос?

Является ли этот дефект специфическим для СССР? Боюсь, что мы еще и не из самых худших. То, как немцы разогнали польскую армию, как разгромили французскую и как три года гоняли англосаксов, позволяет думать, что в остальных странах положение с офицерством было еще худшим.

Гораздо худшим советского было и офицерство императорской русской армии. Как ни объясняй победу в Гражданской войне большим количеством царских офицеров у красных, но ведь не они определили их победу. Командование Красной Армии в массе состояло из бывших солдат и даже гражданских лиц, но Красная Армия все же разбила армии белых, укомплектованные не только «профессионалами», но и получавшие помощь со всего мира. Это невоеннообязанный Н. Махно и унтер-офицер С. Буденный в принципе решили оперативно-тактическую часть будущего немецкого «блицкрига» во Второй мировой. И это не я говорю, первенство в этом вопросе С. Буденного признает начальник тогдашнего немецкого генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер.

О том, что уровень русского офицерства царской России был крайне низким, говорят многие факты, к примеру, их боевая стойкость.

Мне об этом уже приходилось писать, но, думаю, не грех и повторить, что в 1914–1917 годы царская Россия тоже воевала с

немцами в Первой мировой войне, в той войне тоже были и примеры русской доблести, и примеры русской стойкости. Тоже были убитые, раненые, пленные. И вы понимаете, что, чем более мужественен и более предан Родине человек, тем больше вероятности, что в бою его убьют, но в плен он не сдастся. А чем больше человек трус, тем больше вероятности, что он сдастся в плен, даже если еще мог сражаться. Давайте сравним русское и советское кадровое офицерство в этих двух войнах.

Н. Яковлев в книге «1 августа 1914» определил количество наших пленных Первой мировой в 2,6 млн, в других источниках это число уменьшено до 2,4 млн. Но есть и другие данные. В 1919 году «Центробежплен» — организация, занимавшаяся возвратом пленных в Россию, по своим именным спискам и учетным карточкам учла следующее количество пленных русских военнослужащих:

В Германии-2335441.

В Австрии- 1503412.

В Турции- 19795.

В Болгарии — 2452.

Итого- 3911100.

Добавим сюда и 200 тыс. умерших в плену и получим цифру более 4 млн человек. Но мы возьмем самую малую цифру — 2,4 млн.

Для характеристики боевой стойкости армии есть показатель — количество пленных в расчете на кровавые потери, то есть количество пленных, соотнесенное к числу убитых и раненых. По русской армии образца 1914 года из расчета минимального количества — 2,4 млн. пленных, этот показатель таков: на 10 убитых и раненых в плен сдавались 1,9 офицера и 4,4 солдата. (Прошу простить за неуместные дроби.)

Для введения в статистику и генералов ужесточим показатель — введем в расчет только убитых генералов, поскольку у меня нет данных по раненым советским генералам. В царской армии в Первую мировую войну были убиты и пропали без вести (если генерал не убит, то

вряд ли он в плену пропадет без вести) 35 генералов, сдались в плен 73. На 10 убитых генералов в плен сдавался 21 генерал.

У меня нет раздельных по офицерам и солдатам цифр кровавых потерь и пленных Красной Армии за всю войну. Придется считать их нам вместе. Безвозвратные потери Красной Армии за всю Великую Отечественную войну — 8,6 млн. человек (тут и умершие от несчастных случаев и болезней). Около 1 млн умерли в плену, их следует вычесть, останется 7,6 млн. Раненые — 15,3 млн. общие кровавые потери — 22,9 млн. Следовательно

(из расчета 4 млн пленных), на 10 убитых и раненых в Красной Армии в плен сдавались 1,7 человека, что даже выше, чем стойкость только офицеров старой русской армии, то есть этот показатель в Красной Армии улучшен за счет резко возросшего мужества солдат, а при более широком взгляде — граждан СССР.

Но у меня есть данные о раздельных потерях Красной Армии при освобождении государств Восточной Европы и Азии в 1943–1945 годах. Эти цифры более сравнимы с цифрами Первой мировой войны и более корректны, так как не содержат в числе пленных безоружных призывников и строителей, которых немцы сотнями тысяч брали в плен в начале войны.

В этих боях погибли 86 203 советских офицера, были ранены 174 539, попали в плен и без вести пропали 6467 человек. На 10 убитых и раненых — 0,25 пленного.

Погибли 205 848 сержантов, 459 340 были ранены, попали в плен и без вести пропали 17 725 человек. На 10 убитых и раненых — 0,27 пленного.

Погибли 956 769 солдат, 2 270 405 были ранены, попали в плен и без вести пропали 94 584 человека. На 10 убитых и раненых — 0,29 пленного.

Этот показатель удобнее обернуть — разделить на него десятку. Тогда выводы будут звучать так.

В войну 1914–1917 годов немцам для того, чтобы взять в плен одного русского офицера, нужно было убить или ранить около пяти других офицеров. Для пленения одного солдата — около двух солдат.

В войну 1941–1945 годов неизмеримо более сильным немцам для того, чтобы взять в плен одного советского

офицера, нужно было убить или ранить 40 других офицеров. Для пленения одного солдата — около 34 солдат.

За войну были убиты и умерли от ран 223 советских генерала, без вести пропали 50, итого 273, сдались в плен 88 человек. На 10 убитых и пропавших без вести 3,2 сдавшегося в плен, или надо было убить трех советских генералов, чтобы один сдался в плен.

Чтобы в плен сдался или пропал без вести один советский офицер, нужно было убить 14 офицеров, чтобы сдался или пропал без вести один советский солдат, нужно было убить 10 солдат. Генералы и тут всю статистику портят (Справедливости ради, отмечу, что если за время боев с Германией в плен к немцам попали 88 советских генералов, то до 9 мая 1945 г. Красная Армия взяла в плен 179 немецких генералов, из них 113 — до 30 апреля 1945 г.), но здесь результат все же лучше, чем при царе. Следовательно, при коммунисте Сталине боевая стойкость

генералов была в 6,5 раза выше, чем при царе, боевая стойкость офицерства была в 8 раз выше, а стойкость солдат — в 17 раз!

Думаю, что уровень царского офицерства был низким ввиду главной для этой касты причины — того, что и тогда офицеры шли в армию не Родину защищать, а за деньгами.

Показательными в этом плане являются мемуары военного министра России в 1904–1909 годов А. Редигера. Его воспоминания (почти 1100 стр.) написаны на базе его дневников, поэтому очень подробны. Редигер был полным генералом, членом Военного совета, профессором Академии Генштаба, автором классического учебника по военной администрации. Но в его обширных мемуарах нет ничего ни о военном деле, ни о войнах — это данного генерала не интересовало вовсе. Все мемуары, по сути, посвящены тому, как Редигер добывал на военной службе деньги. Поразительно, но у этого члена Военного совета России за 1914–1917 годы в дневниках нет практически никаких упоминаний об идущей войне — ни об операциях русской армии, ни мыслей о том, что же надо для победы. Все эти годы его занимали махинации с акциями и недвижимостью с целью приобрести хорошее имение. Какую победу можно было ожидать от армии, у генералов которой голова болит только о доходах?

Я, как написал выше, из среды гражданских офицеров-руководителей. При царе мы даже форму носили. И у нас ангелов мало, и у нас можно натолкнуться на такого тупого или трусливого ублюдка, что упаси господь, но мы делали Дело, нужное нашему народу, и, как выяснилось после прихода к власти в СССР перестройщиков, делали его очень неплохо. Поэтому для меня и было откровением то, что я узнал об офицерах от А. З. Лебедин-цева. Я не представлял, что Дело (уничтожение врага) можно делать так, как это делали они.

В первой главе второй части я предлагаю рассмотреть такие качества кадрового офицерства Красной Армии, как храбрость и трусость. Строго говоря, быть трусом позорно для каждого, но уж для офицера?! Зачем же ты тогда шел в армию, если так панически боишься смерти, если так ценишь свою шкуру? Но сначала пара слов о терминах.

Храбрость — это способность человека осмысленно действовать в условиях непосредственной опасности для собственной жизни. Поскольку целью врага является лишение тебя жизни, то для офицера храбрость является обязательной чертой характера, нет этой черты — такого офицера лучше сразу расстрелять, но не допускать к командованию людьми, поскольку он их погубит.

Боевое крещение

Теперь с позиции этого определения рассмотрим соответствующие места из воспоминаний Александра Захаровича.

Я выбрал три эпизода, и первый о первом бое Александра Захаровича. Напомню, что он, только что испеченный после ускоренного курса (7 месяцев вместо 2-х лет) лейтенант, которому едва исполнилось 19, который ни разу еще не командовал людьми в своей жизни (пионеры — не в счет, там другие принципы), который ни разу еще не был в Деле, прибывает 23 декабря в штаб 1135-го стрелкового полка, занимающего оборону и ведущего бои с немцами на реке Миус.

Первое, что меня удивило, — их, юных лейтенантов, не принял командир полка, а назначение на должность произвели начштаба с кадровиком. Сразу поясню, что я в данном случае не принимаю во внимание ни моральные аспекты, ни уставные. По моим гражданским меркам, дивизия — это завод, а полк — цех. Для меня немыслимо, чтобы не то что инженера, а рабочего кто-либо допустил к работе и определил ему должность, пока его не увидит начальник цеха. Еще раз повторю — дело не в традициях, не в субординации, не в уставах. Дело полка делает командир полка, делает он его, поручая по частям подчиненным. Как он может его делать, если он подчиненных даже не видел, не знает их способностей? Ведь бывает, что тысяча рабочих и инженеров цеха кладут все силы, чтобы выправить положение, а один дурак нажимает не ту кнопку и вся работа цеха идет псу под хвост.

Второе, что вызывает удивление, — лейтенанта Лебединцева никто не представлял взводу, которым ему надо было командовать. Его просто послали во взвод с посыльным, а сержант Босов представил взвод ему — командиру. И опять дело не в уставах. Хоть рабочий, хоть солдат должны быть уверены в своем начальнике — в том, что он знает, что приказывает. Представляя солдатам их командира, старший начальник как бы подтверждает, что он этого командира проверил и тот действительно будет давать правильные команды. А в случае с Лебединцевым получается, что он как бы приблудился ко взводу в качестве командира.

К примеру, как только я, молодой специалист, появился в отделе кадров своего завода, начальник ОК тут же созвонился с директором и тот меня принял очень быстро. В цехе со мной и говорить никто не стал, пока со мной не переговорил начальник цеха, он же выбрал мне место работы, познакомил с начальником смены, а затем пришел на пересменок и представил меня рабочим

смены, хотя у меня была ученическая внештатная должность помощника мастера.

Тому, о чем я только что написал, не учат в институтах за ненадобностью — это и так понятно любому руководителю, который отвечает за Дело и, главное, собирается его сделать, а не имитировать свою деятельность на своей должности.

Возникает вопрос, а может, это только на гражданке принято вводить инженера в курс дела, а в армии все не так? Да нет, и в армии так: как вы помните, Лебединцев своих новых коллег, помощников начальника штаба, сам водил в окопы, обучая тому, что им нужно будет делать. Да и не он один. Генерал А. В. Горбатов в своих воспоминаниях пишет о выводе вверенной ему дивизии к фронту в 1941 году. Он лично поехал с передовым отрядом, вместе с комбатом наметил рубежи обороны, съездил к соседям и убедился, что они на месте, то есть работал фактически за командира батальона. Но интересно, что, описав этот эпизод, Горбатов оправдывается!

«Некоторым читателям может показаться странным, что командир дивизии сам поехал с батальоном, выделенным в передовой отряд, как будто нельзя такую работу поручить командиру полка. А я, читая об этом в архивных материалах через двадцать лет, и сейчас свои действия считаю правильными. Нельзя забывать, что командир батальона был человеком неопытным, ему и его подчиненным предстоял первый в их жизни бой. Понимал я, и как трудно было действовать малоопытному командиру, старшему лейтенанту, в той обстановке. Прибыл бы он в Шаровку и не нашел бы там 133-й танковой бригады и батальона 692-го стрелкового полка, с которыми должен был совместно действовать. Поневоле растерялся бы.

Вот почему я считал своим долгом помочь молодому комбату на первых порах, если можно, так сказать, научить его на собственном примере самостоятельности и предусмотрительности», — пишет прославленный в будущем командарм.

Для меня поведение А. В. Горбатова выглядит не «странным», а обязательным, гарантирую, что каждый руководящий работник промышленности сочтет это поведение по меньшей мере естественным. Тогда перед каким же «некоторым читателем» оправдывается генерал? Думаю, что перед своими коллегами — кадровыми офицерами, которых Горбатов, само собой, знает лучше меня.

Итак, вечером 23 декабря 1941 года посыльный привел лейтенанта Лебединцева во взвод пешей разведки, замкомвзвода Босов познакомил его с бойцами, и они сели ужинать. Далее

произошло следующее.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Я расспросил сержанта Босова об обстоятельствах ранения моего предшественника лейтенанта Тарасова. Вот что он рассказал о событиях 23-го декабря. Утром взвод вызвали по тревоге в штаб и указали направление наступления на противника (во взводе, напомню, было двенадцать человек) для того, чтобы противник открыл по ним огонь из минометов и орудий, а артиллеристы будут засекать эти минометы и орудия по местам вспышек на огневых позициях…

Сержант с горечью рассказывал, как они открытой цепью пошли к переднему краю противника, как началась немецкая пристрелка по ним. Тут и был ранен лейтенант в предплечье левой руки. Взвод залег. Вскоре была дана зеленая ракета, разрешавшая обратный отход. Спасли от больших потерь наступившие сумерки.

Открылась дверь, и появился лейтенант Тарасов. Раненая рука была на перевязи. Он пришел из медико-санитарной роты, так как этой ночью убывал на лечение в медсанбат. Босов представил нас друг другу, и в это время появился знакомый мне посыльный взвода при штабе полка. Он официально сообщил мне о том, что взводу под моим командованием приказано немедленно прибыть в штаб полка за получением боевой задачи. Стоявший на подоконнике будильник показывал 21 час. Сержант чертыхнулся и произнес вполголоса: «Нас не жалеют, так хоть первые сутки пожалели бы нового лейтенанта. Дали бы ему осмотреться, людей узнать». Я скомандовал: «В ружье», хотя все разведчики уже затягивали ремни и разбирали свои самозарядки, которыми была вооружена вся пехота дивизии. Лейтенант Тарасов Василий Минаевич снял со своего ремня кобуру с пистолетом «ТТ» и передал мне. Одновременно он отдал топографическую карту, компас и противогаз. Не скрою, меня очень тронула такая забота предшественника. У штаба мы простились.

Я доложил начальнику штаба о прибытии и о численности взвода. В строю были десять человек. Павла Платоновича сержант оставил с документами и запасом боеприпасов в доме, и один разведчик постоянно находился в штабе в качестве посыльного. Капитан обратился к сержанту Босову, знает ли он место расположения боевого охранения противника. Он ответил утвердительно. «Требуется его уничтожить этой ночью и захватить «языка», чтобы испортить гитлеровцам сочельник по новому стилю».

— У вас вопросы ко мне есть? — спросил начальник.

— Да, — ответил я. — Во взводе нет ни автомата, ни

пулемета. Чем я буду прикрывать отход после выполнения задачи?

— Вопрос резонный, — заметил капитан и приказал вызвать для усиления моего взвода командира роты автоматчиков с двумя автоматчиками.

Минут через десять явился командир с двумя бойцами. Только у заместителя политрука Телекова имелся в руках ППД, а у второго бойца была такая же самозарядка, как и у всех моих. И тут выяснилось, что рота автоматчиков эти автоматы не получала с момента формирования и была вооружена, как и все стрелковые роты полка, винтовками СВТ, а единственный автомат ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) Телеков выменял в другой дивизии на трофейный пулемет МГ-34. В ту первую мою фронтовую ночь я очень удивился тому, что начальник штаба полка не знает, чем же действительно вооружена рота автоматчиков. А прослушанный накануне рассказ сержанта потряс меня невежеством командира полка, пославшего штатный разведывательный взвод на такое задание, на которое посылают штрафников, да и то численностью не менее роты и на короткий бросок. После долгих выяснений и препирательств начальник штаба выгнал командира роты с его «липовыми» автоматчиками, но замполитрук Телеков воспротивился и обратился с просьбой взять его в разведку.

Еще с довоенного времени в стрелковых ротах были по штату четыре «пилы»: старшина роты, заместитель полит рука, санинструктор и химинструктор. Всем им полагалось иметь по четыре треугольничка в петлицах, отсюда и наименование — «пила». Первые три специалиста имели свои эмблемы, а замполитрука — комиссарскую звезду на рукаве, о чем ныне мало кто помнит. С отменой должности политрука роты был отменен и заместитель. Но в то время Миша — так мы звали Телекова — еще носил это звание и «пилу» в петлицах, но звездочки на рукаве не имелось, как не имелось ее уже и у комиссара полка.

Пулеметный расчет мы должны были получить прямо на переднем крае в одной из рот, державших на этом участке оборону. Тут же в штабе объявился мой непосредственный начальник — начальник разведки полка капитан Татаринцев Петр Петрович. Примерно в 22 часа мы выступили во главе с капитаном в район переправы по льду через реку Миус в окрестности райбольницы. Мой сержант предложил Татаринцеву зайти к Фросюшке — медсестре, проживавшей в своей хате рядом с больницей, почти на самом переднем крае. Как я понял, мои разведчики были здесь не впервые. Нас ожидал кувшин молока и гора пирожков с картофелем, еще теплых, под рушником. Позже я узнал причину приветливости Ефросиньи Ивановны. Разведчики

добывали корм ее буренке да, видимо, и припасы для пирожков в покинутых хатах эвакуированных жителей. Окна ее хаты были завешаны черными платками, в комнате полумрак. Разведчик Кочуровский даже завел патефон, но игла была тупой, и слышался только шум какой-то мелодии. Татаринцев подошел к кровати, где лежала дочь Евфросиньи Анна примерно лет шестнадцати, и представил меня ей.

Покинув хату, мы спустились к руслу реки, где нас ожидал командир стрелковой роты с двумя пулеметчиками и ручным пулеметом — мне для подкрепления. Я сильно воспрянул духом от сознания того, что с нами идет начальник разведки и пулеметный расчет может прикрыть наш отход. Но тут выяснилось, что Татаринцев вовсе не собирается идти с нами, но поддержку обещал самую мощную огнем и даже контратаками в случае необходимости. Босов мне пояснил, что наш начальник всегда «герой» только до переднего края и не далее. А наши «средства подкрепления» сразу же за речкой так начали кашлять дуэтом, что запросто могли нас «заложить» вблизи немцев. Телеков, Кочуровский и Босов пытались им прикладами разъяснить пагубность кашля в разведке, но они продолжали имитировать простуду, пока Босов не дал им обоим пинка под зад. Я пытался им разъяснять бессовестность их поведения, но они твердили одно: «У нас куча детей, а вы ведете нас на погибель, тогда как другие сидят в траншее». За одну ночь я узнал много нового и познавательного, еще не побывав в настоящем бою.

Михаил днем вел здесь наблюдение и хорошо знал подход к немецкому блиндажу. От самого берега реки к позиции боевого охранения немцев вела глубокая межа — канава, уже засыпанная снегом. Я выделил трехдозорных, в которые вызвались три человека: Миша Кочуровский, Косов и автоматчик Телеков. У Кочуровского и Косова в противогазных сумках были связки по пять гранат «РГД», и мы рассчитывали одну бросить в печную трубу блиндажа, а вторую связку под его входную дверь. Двигались мы медленно, не создавая шума, осматриваясь по сторонам и падая камнем при вспышке вражеских осветительных ракет на их переднем крае.

Нейтральная полоса здесь была более полутора километров. Видимо, с этой целью немцы и решили установить боевое охранение именно на этом участке. Весь день противник не подавал признаков жизни, а ночью, когда топилась печь, наблюдались искры из печной трубы. Часов мы тогда не имели. Вдруг я услышал шуршание позади нас. Обернувшись, увидел ползущего Павла Платоновича. Босов принялся шепотом его

отчитывать, но Стаценко заверил, что все документы он передал посыльному, а сам не мог отсиживаться в хате, когда все пошли на такое задание. Спустя несколько минут мы увидели всполохи выстрелов на вражеских позициях, и над нами прошуршали снаряды, которые разорвались на нашем переднем крае. По своей неопытности я подумал, что мы обнаружены, но Михаил мне объяснил, что это немцы поздравили нас с наступлением Рождества. К этому времени мы были уже вблизи вражеского блиндажа, метрах в пятидесяти левее. Вдруг услышали скрип полозьев, и у блиндажа остановились санки. В окопе, рядом с входом в землянку, торчал стальной шлем наблюдателя. Из землянки вышли четыре человека и принялись сгружать термосы и ящики, видимо, рождественские подарки с «фатерланда». Миша шепчет мне на ухо: «Это хорошо, пусть встречают и напиваются». Мы же тогда не знали о немецкой норме в двадцать граммов. Незаметно прошел еще один час. Все немцы собрались в землянке, спустился туда на дележ подарков и наблюдатель. И тут произошел ответный салют по берлинскому или местному времени с нашей стороны. Все трое наших дозорных бросаются к блиндажу и забрасывают две связки гранат, как было условлено, в трубу и к входу в землянку. Два взрыва прогремели почти одновременно. Огромный сноп искр из печи вырвался из-под обломков перекрытия. Мы бросились все к месту взрыва и услышали стоны, кашель и увидели густой дым. Двое спустились в окоп, но войти в землянку было невозможно. Еще опасней было вести раскоп, впрочем, у нас и лопат не было. Я приказал забрать все, что было на бруствере и в окопе. На переднем крае немцы заметили взрыв, начали непрерывно освещать ракетами весь передний край и открыли огонь из пулеметов. Трассирующие пули настильным огнем простреливали почти всю площадь, и мы еле укрылись в канаве. Для прикрытия я оставил тех же дозорных и начал отвод разведчиков к нашему переднему краю. С нашей стороны артиллерия и минометы открыли огонь по вражеским батареям, а минометы вели огонь по пулеметам. Отходили мы быстро. Натренированный к броскам, я легче переносил этот бег, а Павел Платонович бежал с одышкой. Вот и река, в ней несколько полыней от вражеских мин. Мы спрыгиваем в первую нашу траншею и долго приходим в себя. Потом начали подсчет трофеев. Мы вынесли пулемет МГ-34 с двумя коробками лент и ящиком патронов к ним, 50-мм ротный миномет с двумя коробками мин на вьюках, автомат МП-38, три полотнища (желтое, красное и белое) для обозначения переднего края, пару номеров фронтовой газеты и солдатский иллюстрированный журнал. К сожалению, ни пленного, ни солдатской книжки мы не

смогли взять, да я тогда и не знал им настоящей цены. Слышу крик в траншее, кто-то называет мою фамилию и требует к телефону в блиндаже. Идем с Мишей вдвоем, бессвязно отвечаем в штаб полка на вопросы. Требуют быстрее явиться. Чего я только не передумал за эти пятнадцать минут! В штабе командир, комиссар полка, начальник штаба и начальник разведки. Все принялись рассматривать боевые трофеи, начальник штаба упрекает меня за то что не принесли хотя бы мертвого Фрица или Ганса. По тону чувствую, что беда миновала, и комиссар отдает распоряжение вручить нам первым лучшие новогодние подарки от шефов из Сальска и Ростова — по две посылки на «нос».

Миномет я сдал в минометную роту, а пулемет, автомат, патроны к ним и ракетный пистолет с сигнальными патронами оставил во взводе для применения в бою. Сигнальные полотнища комиссар окрестил вражескими «боевыми знаменами» и оставил в своем хозяйстве. Так прошло мое боевое крещение, от которого осталось два отверстия от пуль в полах шинели, да один разведчик получил пулевое ранение в мягкие ткани голени. Было еще одно продолжение этого боевого эпизода. Мой шеф, капитан Татаринцев получил медаль «За боевые заслуги». Долго я выяснял, за какие же именно заслуги он был представлен на боевую медаль, довольно редкую в сорок первом году, и выяснил через кадровиков. Когда мы выдвигались, начальник разведки слонялся по первой траншее и обнаружил на площадке ручной пулемет, оставленный наводчиком на время обогрева в блиндаже. В штабе «в шутку» сказал, что отбил у немцев наш пулемет, и его представили к награде. В то время только один комбат полка капитан Еловский имел орден Красной Звезды да сапер, подорвавший на мине вражескую танкетку, был награжден такой же медалью, как Татаринцев. Носил сапер ее на телогрейке всю зиму. А Еловский всю зиму проходил в шинели внакидку на плечи, чтобы все видели звезду на груди его гимнастерки, под которой был шерстяной свитер. Всем в свое время, но не всегда по истинным заслугам…

Бои на Букринском плацдарме. 1943 г.

Следующим эпизодом для показа храбрости и трусости офицерской касты я взял отрывок из воспоминаний Александра Захаровича, в котором он рассказывает о боях за Днепр. К этому моменту он уже был старшим лейтенантом с большим фронтовым опытом и служил первым помощником начальника штаба 48-го стрелкового полка 38-й дивизии. Командиром полка был подполковник Куз-минов, а непосредственным начальником Александра Захаровича — начальник штаба майор Ершов. К описываемому моменту полк уже переправил за Днепр свои передовые подразделения.

А. З ЛЕБЕДИНЦЕВ Следующим очередным рейсом переправили меня с ротой связи, ее имуществом и посыльными. Я пока оставил писаря Родичева на правом берегу с документами и запасом карт, захватив с собой в полевой сумке топографические карты и бумагу для донесений. Было за полночь, стрельбы почти не велось. Только редкие очереди трассирующих пуль прочерчивали туман над поверхностью реки да одиночные ракеты мерцали в тумане. Слышался скрип уключин и всплеск воды от весел.

Много за ту ночь появилось у гребцов кровавых мозолей на ладонях, но еще больше проявили они храбрости, скользя на своих утлых лодочках между разрывами снарядов мин и бомб в светлое время. Вот кто постоянно проявлял героизм, по значению сродни пехотной атаке! Наши полковые саперы все получили ордена, а четверо дивизионных удостоены Геройства, хотя их подвиги уступали полковым гребцам вне всякого сомнения.

Вот и противоположный берег. Лодка носом ткнулась в прибрежный песок, и мы быстро выскакиваем на берег прямо в расщелину оврага, по дну которого протекал небольшой ручеек. Увлекаю связистов влево, и на четвереньках карабкаемся по крутому склону вверх. Вот и встали на ноги, осторожно продолжаем путь. Показались строения, заходим в крайнюю хату, жители в погребе. Зажгли трофейную плошку, завесили окна и начали устанавливать телефоны и развертывать радиосвязь. До смерти я не забуду позывные тех дней по радио: «Гектар, Гектар, я Авиатор, даю настройку: раз, два, три и т. д.» А телефонисты со штабом дивизии перекликались: «Бокал, Бокал, я Сосна. Сосна слушает». Это нельзя забыть! Вспоминалось мне это много раз на

встречах с радисткой Раей с Кубани, телефонистками Явдохой из города Ромны и Надей из Тульской области. Последние появились пару месяцев спустя, а до них были только Рая и Маша. Я вывел всех посыльных и связистов во двор. Здесь тумана не было и видимость была лучше. Хата стояла почти под обрывом, который возвышался над ней почти до крыши. Я указал Митрюшкину размер щели, и связисты сразу приступили к ее отрывке, работая посменно и вычерпывая землю стальными шлемами. Через час появились начальник штаба и командир полка. Кузминов с телефонистами пошел на КНП,[1] который ему оборудовали те же телефонисты за селом примерно посредине расстояния между батальоном и штабом полка.

Начальником артиллерии полка был майор Бикетов. Он остался на том берегу переправлять свои орудия и минометы и сделал это весьма удачно, так как попался на глаза командующему артиллерией 40-й армии полковнику Бобровникову, который поинтересовался, кто руководит переправой орудий, и Иван Владимирович скромно назвал, разумеется, свою фамилию и должность. Адъютант записал, и в тот же день было оформлено представление на Героя, даже без уведомления прямого начальника Бикетова — командира нашего полка. Уже 23 октября был подписан Указ о присвоении ему звания Героя. Это был первый из указов на Героев за Днепр. Я первым прочитал его фамилию в газете и позвонил на КНП, чтобы поздравить, но он ответил мне крутым матом за «разигрыш», однако через день его поздравили официально. Он извинился и вручил мне флягу спирта из «артиллерийских резервов» за нечаянное оскорбление и как первому поздравившему. Такова была традиция. Жаль, что не смог с ним встреться после войны. Когда узнал его адрес в Ворошиловограде, то его уже не было в живых. Застрелился Герой еще в 1959 году. Всю войну судьба хранила от немецких пуль и осколков, чтобы после войны он сделал это своей рукой. Тоже судьба. И такое было.

Мой прямой начальник Ершов был, прямо скажем, в каком-то трансе. Вызвано это было, скорее всего, страхом и безысходностью нашего положения на плацдарме, тогда как я воспрянул духом после удачной переправы и руководил всеми делами штаба. Только начало светать, я увидел, что в огороде нашего дома разместилась минометная батарея 120-мм калибра, но не нашего полка. Эти «самовары» принадлежали мотобригаде 3-й гвардейской танковой армии. Я попросил их переместить позиции дальше от штаба полка, но минометчики стояли на своем, утверждая, что позиции заняли раньше нас и никуда не

уйдут. Я просил, чтобы Ершов употребил свою майорскую власть, но он только рукой махнул.

Утро обещало ясный день. В чистом небе первыми появились над нами четыре «мессера». Увидев батарею, они сбросили на нее и на хату по два контейнера с мелкими бомбами. Мы еще до этого все свалились в щель в несколько слоев. Я был верхним и заметил в простенке хаты солдата-связиста, которому не хватило места. Он до бомбежки ощипывал убитую утку. А у стенки, прижавшись к ней спиной, стояла фельдшер, лейтенант медицины, молдаванка Оля Дейкун. Это было крохотное создание весом века тот дом, в котором размешался наш штаб, он показан с горящей крышей, овраг и высоту 244.5.

Начальник штаба укрывался под лавкой в хате и разразился бранью за то, что я выбрал именно эту хату. Он впервые с самого начала боев дивизии решил сам лично выбрать место командного пункта и, захватив всех людей штаба, пошел в овраг искать подходящее место, оставив меня и радистку Раю Хабачек поддерживать связь до того времени, пока он не возьмет связь на себя. Минут через пять после их ухода появилась новая волна вражеских бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88. Это были фронтовые пикировщики, близко знакомые нам, пехотинцам. Они наносили точные удары по целям, и пришлись они теперь в основном по скоплениям штабов, службам тыла и медучреждениям, облюбовавшим себе спасение во множестве промоин крутых обрывов большого оврага. Были сброшены несколько бомб и по минбатарее. Теперь она практически перестала существовать. Бомбежку я перенес под лавкой, а радистка с испуга забралась в подпечье русской печи и теперь никак не могла вылезть, задевая своими ягодицами и рыдая от страха и темноты. Я предложил ей лечь там плашмя и высунуть ноги; ухватившись за них, я извлек ее всю в курином помете и пыли. Зазуммерил телефон. Это майор разрешил нам двигаться по проводу на новое место. Взгромоздил ей на плечи приемопередатчик, а себе упаковку питания и телефонный аппарат, и через пять минут мы увидели своих, сидящих в промоинах. Теперь, после второй бомбежки, начальник штаба ругал себя за неудачный выбор места, видя вокруг огромное скопление тыловых служб, и повелел мне с Митрюшкиным найти новое место, более укрытое, замаскированное и отдельное от других обитателей. Почти по отвесному скату оврага на четвереньках мы выбрались севернее, пробежали метров сто пятьдесят вдоль обрывистого берега Днепра и обнаружили именно то, что и было необходимо. Здесь были такие же промоины, но не обозначенные на карте и поросшие терновником, хорошо маскировавшим предполагаемое

расположение КП.

Сержант остался с автоматом охранять место, а я вернулся, чтобы привести к нему всех Впервые Ершов похвалил меня за удачный выбор. Связисты принялись устанавливать связь, а я распределять промоины службам штаба. Громко объявил всем, чтобы не нарушали кусты, и указал, где отрывать котлован землянки. Из всех ПНШ только я один находился при начальнике. Остальные, переправлявшиеся другими рейсами, видимо, блуждали в поисках нас, и я послал на берег к месту причала Митрюшкина, чтобы он указывал место штаба и КНП Кузминова. Только к обеду был доставлен нам поваром Петровичем завтрак на лодке. Петрович был пожилой кубанский казак из станицы Гулькевичи под Армавиром. Он дрожал от пережитого страха после разрывов вокруг лодки и извинялся, что остыли в ведре каша, а в термосе чай. Уже с наступлением темноты он привез нам обед и ужин одновременно. Как мы обрадовались полному ведру жареных окуней, которых он собрал с поверхности реки, возвращаясь на свой берег после завтрака. От разрывов снарядов, мин и авиабомб на реке гибло много рыбы и она всплывала на поверхность и уносилась вниз по течению. Ее даже было видно в бинокль из нашего штаба. Начальник связи капитан Лукьянов часто смотрел в бинокль на противоположный берег, где заправлял переправой полковой инженер Чирва. Рыбу тогда как грибы в лесу собирали многие переправлявшиеся. Ее несло течением также с Щучинской и Зарубинской переправ, которые подвергались бомбежке не менее нашей.

Мы имели свою телефонную связь с находящимся впереди комбатом Ламко и командиром полка Постоянно была связь с командиром и штабом дивизии, находившимся все еще на левом берегу. Из трех стрелковых полков дивизии только линия по дну реки, наведенная нашим начальником направления связи (ННС) младшим лейтенантом Оленичем И. И., служила безотказно по одной простой причине — она не имела ни одного сростка под водой на протяжении километра и была проложена немецким трофейным кабелем в полихлорвиниловой изоляции. На нашем берегу вынуждены были подключиться к ней и другие два полка, а когда и штаб дивизии переправился на плацдарм, то эта же линия служила проводной связью со штабами 40-й и 27-й армий.

Вот за нее и получил Героя Иван Иванович по моей рекомендации. Хотя этого высокого отличия он вполне заслуживал и за другие дела, часто прикрывая ручным пулеметом КНП Кузминова. Он был истинный Герой, скромный и малоизвестный в дивизии. По разнарядке из батальона связи Героя получил еще и телефонист Гаврилов К. А., но о нем я

ничего не могу сказать, так как он был не в нашем полку.

К вечеру начальнику штаба захотелось иметь данные о положении рот от непосредственного свидетеля и он послал меня в боевые порядки. Шагал я с посыльным «по проводу». Первоначально я навестил командира полка на КНП, там с ним находился начальник артиллерии, командир поддерживающего артдивизиона капитан Багрянцев и начальник разведки полка старший лейтенант Борисов. Вскоре Борисов был ранен и после излечения оставлен в штабе дивизии в оперативном отделении у майора Петрова в качестве помощника.

С КНП Кузьминова открывалась панорама почти всего Букринского плацдарма. Справа от КНП возвышалась самая высокая точка с отметкой 244.5. Ее пока еще удерживали немцы, но Ламко вел бой за захват этой высоты с тригонометрическим пунктом. Нанеся на карту точное положение КНП и положение противника, мы переместились в батальон. Своего друга я нашел в верховье того самого огромного оврага, который отсюда брал свое начало. Комбат обедал и ужинал одновременно и пригласил меня к котелку с рыбой из того же водоема, только с батальонной кухни, предложив мне «для храбрости» спиртика в кружке, в которой плавало и пшено. Разводить было нечем, и я выпил со всеми градусами. Мы располагались на восточных скатах высоты, а немцы с западных вели обстрел минами через высоту и я, впервые за всю войну, мог наблюдать мгновенное падение и взрыв мин на поверхности земли. Позже мне такое не приходилось наблюдать до самого конца войны. (Вылеты мин из ствола видел много раз, как и полет реактивных снарядов из «Катюш» и установок «БМ-31».)

Той ночью батальон овладел вершиной высоты. 26 сентября он весь день вел бой за Колесище и высоту 209.7, продвинувшись на несколько километров в южном направлении. 27 сентября батальон атакует высоту 209.7, но противник оказывает упорное сопротивление огнем артиллерии и ударами авиации. За день боя 20 человек убитых и раненых. Недостаток боеприпасов в ротах и батареях. Очень сильным обстрелам и бомбежкам подвергается наша переправа. На следующий день продвинуться не удалось ввиду сильного вражеского огня. Разведка отмечает сосредоточение вражеской пехоты и танков.

В ночь с 28 на 29 сентября по приказу свыше происходила перегруппировка войск. Наш полк, передав свой участок, должен был до рассвета принять другой от 337-й стрелковой дивизии. Эту ночь я провел в батальоне, так как при передаче и приеме позиций вышестоящие штабы, чтобы перестраховаться, требовали оформлять прием и передачу по акту, с указанием переданных

инженерных сооружений. Это была практически невыполнимая задача в ночное время и в весьма короткие сроки. Но у нас всегда и все было на пределе человеческих возможностей. Ершов в этом отношении был просто деспотом, требуя акты и схемы не от батальонов, а лично от меня. До рассвета батальон успел только занять чужие окопы, ничего не зная ни о соседях, ни о противнике. Перед рассветом я вернулся в наш штаб. Все спали, кроме дежурного. Я попросил его доложить Ершову о моем возвращении и мгновенно уснул в одной из промоин.

В моем боевом донесении, сохранившемся в архиве, не были указаны часы, когда именно началась вражеская артиллерийская подготовка. Видимо, через несколько минут после того, как я уснул мертвецким сном, я услышал сплошной грохот разрывов снарядов и мин. Земля буквально содрогалась. Зарево разрывов покрыло равномерно всю занимаемую войсками площадь на плацдарме. Такого я с декабря 1941 года еще не переживал. Дежурный бегал, выкрикивая мою фамилию. Я зашел в котлован, прикрытый сверху обычной плащ-палаткой. Ершов с обезумевшими от страха глазами не спросил меня ничего о смене, а сразу заорал: почему нет связи с батальоном и с командиром полка и что творится вокруг?

Доказывать, что я не начальник связи и что не я спал, а он дрыхнул всю ночь, было бесполезным, и я крикнул: «Что еще вам от меня нужно?» Хотя и сам понимал глупость моего вопроса. Но это привело его в чувство, и он спокойнее сказал: «Нужно срочно бежать на КНП к Кузминову и уточнить, где батальон, а по дороге исправить связь». Я понимал, на что он меня посылает и куда придется идти через сплошной шквал разрывов. И мы пошли по проводу, сращивая перебои провода от разрывов. Вот и верховье большого оврага, поднимаемся на пригорок, где был окопчик КНП. Младший лейтенант связист Оленич вел огонь из ручного пулемета короткими очередями, Кузминов и Бикетов стреляли из карабинов связистов, которые набивали запасные диски к РПД. Увидев меня, Кузминов закричал: «Саша, как ты прорвался через эту стену огня и что вообще сейчас творится?» Телефонист только сообщил о прибытии в штаб, как провод снова перебило разрывом. Со штабом дивизии у командира тоже не было связи, как ее не было, видимо, ни у кого в таком аду. Впереди КНП танконедоступный овраг, откуда были слышны две команды: «форверст» и «фойер». Но вражеская пехота тоже не лезла под пулеметный огонь. Я доложил о вчерашней смене боевых порядков и о той неразберихе, которая там творилась, что и привело к прорыву нашей обороны, видимо, на три-четыре километра. Командиру еще позавчера нужно было сменить свой

КНП, но он почему-то не сделал этого. Ну и часовая артиллерийская обработка всей площади плацдарма позволила врагу вклиниться в наши боевые порядки. Массированность огня противника начала уменьшаться. Уже рассвело, но везде стоял дым и пыль, точно дымовая завеса.

Очнулся от своих дум Кузминов и решил послать меня с докладом об обстановке к командиру дивизии. Хотя он не знал, где наш батальон и что с полковой артиллерией. Он просил передать, что свой КНП они с начальником артиллерии не покинут и будут отстреливаться до последнего патрона. Он просит командира дивизии открыть огонь артиллерии по этому скату. Говоря возвышенными словами, он вызывал огонь на себя, но, не имея связи, делал это через меня. Только вылез я из окопа, как рядом раздался взрыв снаряда, и меня снова бросило в окоп. Я почувствовал боль в области колена левой ноги. Штанина была разорвана, показалась кровь. Я вспомнил, что в командирской сумке у меня почти год хранится перевязочный пакет, я разорвал прорезиненный чехол и стал накладывать повязку сверху брючины. Встал на ноги и с облегчением подумал, что кость цела. Вдогонку Кузминов крикнул мне, что его адрес записан в книге. Я знал, что его супруга Мария Леонтьевна с сыном и дочерью проживают в Сухуми. Спускались мы вниз к реке, где у самого берега должен был располагаться командир дивизии с оперативной группой штаба. Через полчаса мы были у берега, где, заложив руки за спину, ходил по песку командир дивизии полковник Богданов. В стороне стоял начальник оперативного отделения штаба дивизии майор Петров и пытался дозвониться куда-то по телефону. Здесь же были начальник разведки майор Чередник и дивинженер Эшенбах.

Я доложил комдиву о просьбе Кузминова, и он потребовал указать его место на карте и на местности. Потом он спросил, где наш штаб. Я ответил, что здесь же на пригорке в промоинах, и он отпустил меня, наказав: немедленно на том берегу собирайте всех способных держать оружие и переправляйте их сюда. Увидев здесь нашего офицера связи лейтенанта Медведева, я взял его с собой. Начальник штаба обрадовался моему возвращению, и я передал приказ комдива. Ершов тут же поставил задачу Медведеву переправиться на тот берег, провести там тотальную мобилизацию и доставить всех на наш берег. В связи с продвижением противника теперь вся территория плацдарма простреливалась не только артиллерийским и минометным, но и пулеметным огнем.

После обеда Медведев доставил сюда из тылов всех и моего писаря в том числе. Оказалось человек двадцать. Убедившись, что

я могу ходить, Ершов опять же поручил мне идти с отрядом на КНП командира и найти его живого или мертвого. Как ни странно, на месте КНП оказались только связисты. Один из них был убит и один ранен. Я спросил о судьбе командира полка, и Оленич сказал, что оба майора ушли к соседям для поддержания связи и не вернулись. Связь снова была наведена, и я доложил Ершову и в штаб дивизии майору Петрову о том, что командир был жив и где-то у соседей. На его КНП двадцать солдат под командованием Медведева.

Начальник штаба полка хотел послать меня на поиски Кузминова, но это было все равно, что искать иголку в стоге сена, и он приказал мне вернуться на командный пункт. Ужасная тревога немного улеглась. Возвращаясь назад, я видел нескольких раненых, один из них даже песню пел. Я подумал, что, кроме ранения, он еще контужен. Но он на полном серьезе объяснил мне причину своего веселья — теперь на месяц, как минимум, попадет в госпиталь, где отмоется, отоспится и, может, приударит за санитаркой. Было и такое…

К вечеру на КНП появился адъютант, старший батальона старший лейтенант Николенко, который сообщил о том, что батальон отошел на свои прежние позиции на высоте 244.5. С ним остатки роты автоматчиков и разведчики под командованием Зайцева. А командир батальона старший лейтенант Ламко отправлен в полевой госпиталь тяжелоконтуженным.

Вот о чем я доносил в итоговом боевом донесении за тот кошмарный день:

«Роты, не успев принять новые районы обороны, приступили к отражению начавшегося наступления противника. Это был самый ожесточенный день. Окончились боеприпасы, контужен командир батальона, в командование вступил адъютант старший Николенко, погиб один из ротных командиров. Пехоту поддерживали рота автоматчиков полка и взвод пеших разведчиков. Отвагу проявили связисты сержант Перевозчиков и рядовой связист Лыткин. Пал смертью героя командир роты автоматчиков лейтенант Бахтин. Получили ранения начальник разведки старший лейтенант Беличенко, ПНШ-6 капитан Зернюк, парторг полка капитан Новожилов, пропагандист полка капитан Носов. На переправе тяжело ранен полковой инженер Чирва. Комбатом назначен капитан Лихолай из полкового резерва».

Таким был итог этого кошмарного дня, отраженного в боевом донесении нашего полка, так как в архиве донесений из других полков нет, как и дивизионного боевого донесения.

30 сентября противник предпринимал неоднократные попытки продолжить свое наступление, но все они нами были

отражены с юго-восточных скатов высоты 244.5. 1 октября продолжалась только артиллерийская перестрелка, без активных действий пехоты. Ночью подразделения полка были сменены вторым батальоном 22-й гвардейской мотострелковой бригады и выведены на южную окраину Григоровки. Противник, видимо, обнаружил сосредоточение нашей пехоты и танков в колхозном саду и нанес очень сильный, массированный артиллерийский налет по этому району. Командный пункт нашего полка временно разместился в подземном хранилище для зимнего содержания ульев пчел. Этот подвал имел до полутора метров земляной насыпи. После обстрела я насчитал три прямых попадания крупного калибра, но даже они (слава советским колхозникам!) не смогли разрушить надежное перекрытие. Противнику удалось попасть и поджечь два наших танка. В этот артналет погиб начальник связи полка капитан Лукьянов, а при переправе был убит ПНШ-4. Таким образом, за двое суток в штабе полка из шести помощников начальника штаба полка остался я один. Но даже это нисколько не смущало начальника штаба полка, и он продолжал каждую ночь посылать меня на передний край для уточнения положения и проверки бдительности несения боевой службы и дежурства в ночное время. Мы в ротах бывали подчас чаще, чем батальонный командир и его адъютант старший (начальник штаба). А на мне постоянно лежали обязанности в организации смен боевых позиций и частых перегруппировок в обороне.

4 октября отбиты две ночные атаки противника на переднем крае. За два дня боев потеряли убитыми и ранеными 28 человек. К 12 часам в полку остался всего 21 человек, так называемых «активных штыков», то есть два отделения из 91 стрелкового отделения, положенного по штату в полку. Такого я не встречал ни в одной из армий, ни в одной из войн, которые мне приходилось изучать.

Два последующих дня активных действий почти не велось 9 октября мы были выведены с переднего края для получения пополнения. Через сутки мы снова заняли свои позиции в обороне. 12 числа после 40-минутной артподготовки и бомбоштурмовых ударов авиации в 7 часов 40 минут части дивизии перешли в атаку на самом левом фланге нашего плацдарма Наст упали вместе с соединениями 27-й армии, которая была введена из второго эшелона Воронежского фронта и брошена на расширение Букринского плацдарма с 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армиями. Но противник сосредоточил на этом участке семь пехотных, танковую и мотомеханизированную дивизии, которые стояли

насмерть, не допуская расширения этого плацдарма. Первая атака не дала результатов, так как удалось только сблизиться, но не прорвать оборону врага. В 14 часов, после повторного артналета, наши части прорвали несколько траншей и продвинулись от трех до пяти километров и снова были остановлены на рубеже Бучак, Иваньков на заранее подготовленном противником рубеже. Много было потеряно танков и личного состава. Теперешняя дистанция соприкосновения составляла 25–30 метров и позволяла немцам добрасывать свои ручные гранаты прямо в наши траншеи, а наши, из-за коротких рукояток для броска, снова не долетали, как и в боях под Сумами. Командный пункт полка переместился в ночь на 13-е октября в овраг в лесном массиве южнее Григоровки полтора километра. Потери за эти два дня боев в полку составили убитыми 19, ранеными 132 и пропал без вести 21 человек (чаще всего оказывались в плену). Призванные до Днепра в армию снова сдавались в плен, теперь уже без окружения и отступления. Каждый день мы делаем попытки продвижения, но все они безуспешные. Я по-прежнему в штабе один из всех шести помощников. Некому даже дежурить по штабу.

Ю. И. МУХИН. Поставив задачей рассмотреть офицерские качества в отдельности, я не могу обосновать их «чистыми» примерами, поскольку Александр Захарович вспоминает свои бои, а в бою всплывает все: и храбрость, и смелость, и тупость, и сообразительность. Бой на Букринском плацдарме я дал в качестве примера массового героизма, чтобы показать, как этот самый героизм виделся глазами очевидца. Как безропотно четко действовали в условиях ежеминутной смертельной опасности стрелки, саперы, связисты, медики и даже повар.

Поскольку из хронологических воспоминаний Лебединцева я нарезал отдельные рассказы, не связанные хронологией, то мне придется несколько упредить Александра Захаровича и сказать пару слов о том, о чем он расскажет сам в последующих эпизодах, и напомнить уже известное вам.

Их 38-я стрелковая дивизия прошла с боями от Курской дуги до Днепра. В 48-м стрелковом полку, в котором служил Александр Захарович, батальонами командовали кадровые офицеры, однЂго из них, капитана Лихолая, Лебединцев упомянул в донесении — он сменил тяжело контуженною старшего лейтенанта Ламко. Пока кадровые офицеры командовали батальонами, Ламко служил при штабе полка. Начинались бои, и эти комбаты посылали свои роты на неподавленную немецкую оборону, и очень быстро у них в батальонах не оставалось людей. Тогда оставшихся бойцов сводили в один батальон и поручали командовать им Ламко,

который с этим мизером оставшихся бойцов умел выполнить задачу полка. А кадровых комбатов отправляли в обоз («резерв полка») до следующего пополнения людьми. К Днепру в полку остался один батальон, который Ламко переправил на Букринский плацдарм и достаточно глубоко в него вклинился.

Как вы уже поняли, начальник штаба полка Ершов был, пожалуй, единственным, к кому Лебединцев относился с неприязнью, и, надо признать, у Александра Захаровича на то есть все основания, как вы видели и как вы еще увидите ниже. Но все остальные оставшиеся в живых действующие лица этих боев близки председателю совета ветеранов 38-й сд, и Лебединцеву трудно написать о них то, что следовало бы. Придется это сделать мне.

К примеру, мне совершенно непонятно, как командир полка Кузминов командовал полком в этих боях? С его КНП прекрасно были видны наши войска, но не виден был противник. Что же он со своего КНП наблюдал изачем вообще в нем сидел? Ведь впереди у него был всего один батальон, которым прекрасно командовал Ламко. Затем, в момент, когда единственный батальон полка сменил позиции, то почему Кузминов не сменил КНП? Как он мог командовать, когда, как следует из воспоминаний Лебединцева, он даже не знал, где этот батальон находится? Вы можете сказать, что Кузминов сам отстреливался от немцев, а затем вызвал огонь артиллерии на себя. Боюсь, что в данном случае Александр Захарович Кузминова покрывает, поскольку в дальнейшем он одной строчкой скажет, что произошло. Кузминов вызвал огонь не на себя, а на связистов младшего лейтенанта Оленича. Поскольку, как только Лебединцев ушел вызывать огонь на командира полка, Кузминов бросил полк и сбежал с поля боя в тыл соседней дивизии и там два дня прятался. Когда об этом узнал командир дивизии, то (по слухам) избил Кузминова и распорядился готовить дело для суда и штрафного батальона. Но вышел указ о присвоении Кузминову звания Героя Советского Союза за то, что его полк первым форсировал Днепр. Этого у кадрового офицерства отнять нельзя — награды оно умеет получать. А главный герой Днепровской битвы старший лейтенант Ламко получил за нее только орден, а обеспечивший форсирование Днепра сапер лейтенант Чирва вообще ничего не получил. Замечу, что Ламко не кадровый офицер, а сержант, с началом войны выслуживший себе офицерское звание.

Паника под Босовкой

Поскольку выше я привел пример массового героизма, то для равновесия нужен и пример массовой трусости. Для него я выбрал эпизод разгрома немцами 38-й стрелковой дивизии, причем это событие происходило не в 1941, а в 1944-м году. На мой взгляд, немцы даже не разгромили дивизию, а просто разогнали ее.

В дальнейшем Александр Захарович еще расскажет вам предысторию этих боев в других эпизодах, а я постараюсь парой слов ввести вас в курс событий. 38-я сд вела наступление, как водится, силами единственного батальона в каждом полку. В это время наши войска окружили крупную группировку немцев под Корсунь-Шевченковским. Окруженные немцы пошли на прорыв, и с внешнего фронта немецкие дивизии ударили навстречу прорывающимся, причем этот удар пришелся и по 38-й сд. О том, что немцы что-то затевают, наши знали заранее, поскольку уже накануне днем со стороны немцев слышался гул танковых моторов. Но в дивизии кадровое офицерство не приняло никаких мер для подготовки и организации боя. Более того, командир 48-го стрелкового полка уже известный вам Бунтин и уже известный вам майор Ершов весь день и всю ночь накануне были беспробудно пьяны, так что ПНШ-1 Лебединцев сам ездил в штаб за приказом на наступление, сам ночью принял прибывшую для усиления штрафную роту и поставил ей задачу. Продрало пьяные глаза кадровое офицерство только тогда, когда немцы уже ударили.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Январский день короток, события разворачивались стремительно, хотя немцы атаковали на самой малой скорости, делая остановки для стрельбы. Их пехота пробиралась по глубокому снегу, ведя огонь из-за брони танков. Первыми свой КНП на скирде покинул комдив со свитой, а за ними наш командир полка с начальником артиллерии, так как немцы подожгли солому зажигательными пулями. Я наблюдал бегство начальства в бинокль. Огнем прямой наводки дивизионной и полковой артиллерии подбили пять или шесть танков противника, но остальные упорно продвигались к селу Босовка и обходили ее с окраин. Первыми начали выскакивать из села, расположенного в широком овраге, обозники на санях. Немецкие танки расстреливали их из пулеметов, а снарядами били по нашим умолкшим орудиям без боеприпасов. Отвозить орудия было не на чем — тягачи без бензина отстали. Артиллеристы подрывали гаубицы.

Занимаемый нашим штабом дом был крайним. Впереди глубокий овраг, танки не могли его преодолеть. Может, поэтому Бунтин успел оторваться и появился в штабе разъяренным, выкрикивая только два слова: «Стоять насмерть!» Я успел вызвать до этого штабные санки и отправить писаря с боевыми документами и знаменосца с Боевым Знаменем в Шубены Ставы. В углу штаба стоял ручной пулемете диском. Я взял его, а Забуга коробки с запасными дисками, и мы выбежали к сараю, где стояла телега. С нее я расстрелял весь диск по наступающей пехоте. Видел

Видел падающих то ли от моих попаданий, то ли от страха немцев. Бут ин закричал: «Спасать командира!» — и бросился с Ершовым в следующий овраг, сползая на заднице, потом на четвереньках карабкаясь на подъем. Все это запечатлелось в моем мозгу, как на кинопленке до мельчайших подробностей. Я видел их животный страх, хотя и сам осознавал величайшую опасность быть убитым или брошенным при ранении. Теперь Забуга вел огонь уже по спускающимся в первый овраг вражеским пехотинцам, которые спускались тоже на том месте, на котором сидят. Вот где бы пригодились ручные гранаты, но их не было ни у нас, ни у немецкой пехоты.

После того как Бунтин и Ершов скрылись за сараем бригадного стана, я, Забуга и несколько посыльных бросились следом за командованием спускаться в овраг. На подъеме я заметил, как рикошетировали пули вокруг, как рядом со мной посыльному в спину попали три пули и вырвали белую вату телогрейки, а он упал замертво. Видимо, закончились патроны в магазине у немецкого автоматчика, и я успел перевалиться за каменную изгородь, по которой тут же прошла новая очередь. Пустой пулемет мы оставили в овраге, разбив приклад. Броском на полусогнутых мы успели забежать за сарай, где находились командир с начальником штаба. Невдалеке разорвался снаряд, и у Бунтина от попадания осколка потекла кровь на виске. В панике он заорал: «Начальник штаба, принимайте у меня командование полком, я ранен». Последний, как попугай, продублировал во всю глотку: «Лебединцев назначаетесь начальником штаба полка, организовать оборону и ни шагу назад». В это время Забуга спустился по пожарной лестнице и доложил Ершову, что скоро танки сомкнутся, и мы останемся в окружении в селе. Бунтина потащил адъютант и его сожительница. Я показал примерное направление выхода из села и предложил Ершову бежать вместе, но он задал мне самый глупый вопрос. «А ты меня сможешь вынести, если ранят?» Я махнул рукой и бросился под откос, перебежал улицу и оказался на околице с небольшим подъемом.

В это время зарычала «Катюша» и вокруг начали рваться ее снаряды. С этого раза мне навсегда запомнился шквал огня, которого так боялись немцы. Неожиданно из овражка вылезли шесть человек наших пеших разведчиков во главе с их командиром, старшиной.

Они очень обрадовались, что увидели своего, и примкнули к нам. Мы поднялись на пригорок и встретили еще троих связистов из корпуса. Они тоже присоединились к нам. Наступила темнота. На такую беду, какая с нами произошла, нам впервые вместе с приказом на наступление выдали всего один экземпляр топокарты этого района. До этого, как минимум, по пять экземпляров выдавали. Конечно, карта была у адъютанта командира. У меня в те годы была обостренная зрительная память на местность, и я помнил стороны горизонта. Но тогда ориентировался по принципу: где пожары, там немцы, надо идти туда, где нет всполохов. В темноте присоединились с десяток корпусных саперов, которые отрывали землянку комкору. Шум боя постепенно затихал. Впереди послышался скрип снега и понукание лошадей. А после начали различать русскую речь. Видимо, и нас заметили и окликнули: «Кто такие? Одного ко мне> . Я по голосу узнал начальника разведки майора Передника и поспешно назвал себя, так как там уже защелкали затворами оружия. Это была окраина села, видимо Шубеных Ставов. Из хаты вышел подполковник Хамов. Он обрадовался, что у меня человек двадцать войска, и тут же приказал людей не распускать и следовать далее с Передником в направлении села Новая Гребля, где занять оборону и всех отходящих подчинять под свое командование.

Это была третья ночь совершенно без сна, я еле стоял на ногах, но мы пошли. Саперов и связистов как ветром сдуло. Поняв, что опасность миновала, они бросились искать свои корпусные части. Кому же охота идти в полковую пехоту? По пути меня узнал лейтенант Пистрак и очень обрадовался встрече. Забуга отстал где-то в Босовке. К полуночи мы достигли Новой Гребли. Село было забито обозами и машинами. В каждой хате полно людей лежащих, сидящих и стоящих. И все они спали. В одной из хат мы тоже на корточках уснули. До этого я отрядил разведчиков искать наших однополчан. Перед рассветом нас разбудили орудийные разрывы. Стреляли с небольшого расстояния из танков осколочными снарядами. В огромной панике мы и другие бойцы начали выскакивать из хаты и выбегать на дорогу, по которой неслись санки в конных упряжках. Наступал рассвет. Из одних санок раздалось: «Лебединцев, прыгай в сани на ходу, а то задние собьют». Это были наши

резервисты-офицеры, а кричал адъютант старший батальона Николенко. Все трое мы свалились горой на эти санки и выскочили из села на околицу, где справа и слева на склонах были установлены наши орудия на прямую наводку и артиллеристы готовились к открытию огня. Увидев их, мы несколько успокоились и перестали понукать лошадей, так как они были мокрыми от усталости. Проехав Баштечки и Бесидку, мы к полудню прибыли в райцентр Ставыще. На площади стоял регулировщик и указал Череднику и мне хату, в которой находился начальник штаба дивизии. Принял он нас без ругани и сказал мне, чтобы я собирал остатки полка и сосредотачивал их на южной окраине этого села. Одновременно разослал разведчиков и посыльных искать свои подразделения и писать мелом на стенах и заборах фамилию командира со стрелками-указателями к штабу. В заключение он сказал, что я назначаюсь временно командиром нашего полка и чтобы я одновременно подчинял себе военнослужащих 29-го полка.

Я понимал, что являюсь «факиром на час», но когда вспомнил, какую ответственность несет командование за потерю Боевого Знамени, то мне стало не по себе. Мы выбрали на окраине домик под штаб и к позднему вечеру там собрались несколько подразделений: транспортная рота, медико-санитарная рота, службы тыла, батарея 76-мм полковых пушек, рота связи, писари из команды ПНШ-4, хотя его самого (капитан Желтухин) и знаменосца старшего сержанта Тарасенко с Боевым Знаменем не было. Отсутствовал, и мы ничего не знали о командире батальона старшем лейтенанте Кошелеве, его заместителе по политической части капитане Воробьеве и небольшой команды с ними. Никаких вестей не было и о командире полка и начальнике штаба. Я посылал во все концы верховых из взвода конной разведки, но все было бесполезно.

Через пару дней собрались все, кто выходил из Босовки разными маршрутами. Несколько дней прожили мы в неведении, пока не прошел слух о том, что в окружении осталась почти вся соседняя дивизия под командованием генерал-майора Пузикова, она вышла в Медвинские леса и там, во взаимодействии с партизанами, оказывает сопротивление. В переданной шифровке уведомлялось и о том, что командование нашего полка, комбат Кошелев со своим заместителем по политической части и небольшая группа бойцов находятся в подчинении этой дивизии. Боевое Знамя полка с ними. Эта новость внесла некоторое успокоение, хотя полк об этом никто официально не информировал.

Ю. И. МУХИН. Хотел бы обратить внимание на пару

моментов. Во-первых, это быстрота развала управления и дезорганизации 38-й стрелковой дивизии под управлением кадрового офицерства. После первого же удара немцев у всех описанных Лебединцевым офицеров была одна мысль — бежать! Ни малейших попыток сохранить подразделение, отдать им команды, организовать сопротивление и оборону. Начштаба Ершов тут же стал смотреть на своего ПНШ-1 как на осла: способен ли будет низкорослый Лебединцев его вывезти на себе? Разбежались все кто куда. Сам Александр Захарович драпал в правильном направлении, что и предопределило кратковременное назначение его командиром полка, но и у него самого не возникло мысли организовать хоть какую-то оборону — хотя бы с уже разворачивающимися навстречу немцам артиллеристами.

Во-вторых. Характерно полное отсутствие интереса кадрового офицерства к своим солдатам — к тем, чьи жизни общество вручило этому офицерству. Солдаты подразделения в этот момент для офицерства просто не существовали, были мусором, о котором недостойно вспоминать в кругу офицерской элиты.

Читая этот эпизод боя у Босовки воспоминаний Лебединцева, можно себе представить, что было летом 1941 года, можно представить, как кадровое офицерство организовывало сопротивление немцам. Вообще-то и до Лебединцева были офицеры, которые хотели поставить об этом вопрос, но в СССР это было запрещено. Раз партия сказала, что во всем виноват только Сталин (особенно в том, что он перед войной уничтожил 30 тысяч (цифра взята у Геббельса) лучших кадровых офицеров), то во всех воспоминаниях винить нужно Сталина, а кадровое офицерство — хвалить!

Интересно, что с трогательным единством то же самое в это время писали и зарубежные антисоветчики, но у них не было цензуры отдела пропаганды ЦК КПСС. Ко мне в руки попала одна из их книг «Немецкий плен и советское освобождение» (Paris, 1987 г.), в которой два бывших советских военнопленных сержанта, сбежавших после Победы в американскую зону оккупации Германии и оставшись за рубежом, поливают помоями советскую власть, из-за которой якобы они и попали в плен. Оба яростно доказывают, что в том, что они сдались в плен, армия не виновата, а виноват только Сталин. Но, описывая обстоятельства сдачи в плен, оба, забыв про Сталина, вспоминают одно и то же. Ф. Черон, служивший в Белоруссии, пишет, что в день начала войны его полк в 4 часа утра подняли по тревоге и отвели в ближайший лес, чтобы спасти от авиационного, удара немцев. И это была последняя команда полку, поскольку «командного

состава не было видно. До сих пор не представляю, что с ними случилось, куда делись старшие командиры полка. Словно их метлой смело. Красноармейцы бродили бесцельно и не знали, что делать. Разные слухи поползли, были преувеличенные, искаженные и часто неверные. Никто этих слухов не опровергал. Все принималось за чистую монету.

Уже трудно было не поверить, что совершилось что-то страшное, с чем мы никогда не встречались. Война на самом деле? Куда же идут немцы? Куда нам идти иди бежать? Что же делают наши войска на границе? Что означает «немцы перешли границу»?

Создавшийся хаос в нашей части перешел в неорганизованное бегство. Не нашлось ни одного командира, чтоб установить какой-нибудь порядок. Получалось так, что они убежали, оставив на произвол судьбы своих красноармейцев».

В толпах этих абсолютно дезорганизованных солдат Черон и сдался в плен на третий день войны. А сержант И. Лугин сдался в плен в 1942 году во время окружения под Харьковом. Но и он пишет то же самое: «В окружении исчезли командиры особенно высоких рангов. Этим отчасти объясняется, что наши части не сопротивлялись. Только уже в последний день перед пленом появился какой-то бравый капитан и начал сколачивать группу прорыва. Собрал он около двух сотен бойцов». Но прорыв не удался, капитан исчез, и Лугин сдался немцам, зачищавшим местность.

Об этом же пытались писать и советские солдаты, но цензура ЦК КПСС была начеку. У маршала Рокоссовского из воспоминаний были убраны обширнейшие куски текста, не соответствовавшие «линии партии». В частности, маршал в этих кусках вспоминал о таких проявлениях лета 1941 года:

«А накануне в районе той же Клеваны мы собрали много горе-воинов, среди которых оказалось немало и офицеров. Большинство этих людей не имели оружия. К нашему стыду, все, они, в том числе и офицеры, спороли знаки различия.

В одной из таких групп мое внимание привлек сидящий под сосной пожилой человек, по своему виду и манере держаться никак не похожий на солдата. С ним рядом сидела молоденькая санитарка. Обратившись к сидящим, а было их не менее сотни человек, я приказал офицерам подойти ко мне. Никто не двинулся. Повысив голос, я повторил приказ во второй, третий раз. Снова в ответ молчание и неподвижность. Тогда, подойдя к пожилому «окруженцу», велел ему встать. Затем, назвав командиром, спросил, в каком он звании. Слово «полковник» он выдавил из себя настолько равнодушно и вместе с тем с таким наглым вызовом,

что его вид и тон буквально взорвали меня. Выхватив пистолет, я был готов пристрелить его тут же, на месте. Апатия и бравада вмиг схлынули с полковника. Поняв, чем это может кончиться, он упал на колени и стал просить пощады, клянясь в том, что искупит свой позор кровью. Конечно, сиена не из приятных, но так уж вышло».

А вот цитаты из документов НКВД и армейских особых отделов (ОО) осени 1941 года — разгара битвы за Москву.

«…1–2 ноября вышедшие из окружения красноармейцы заявили, что в окружении в районе г. Вязьмы они были предоставлены самим себе. Находившиеся с ними командиры буквально приказывали, ругаясь матом, оставить их, командиров, одних и с ними не идти, предлагая им пробираться самостоятельно…

… На Верейском участке фронта также противник имеет некоторое продвижение. Разведкой по состоянию на 11.30 20.X нами установлено, что в дер. Монаково и ее окрестностях оборону занимала 151 мотомехбригада, которая ночью 20.X снялась после незначительного обстрела со стороны противника, ив 11 часов 20.Xд. Монаково занята противником без боя. В этом же направлении действовала и 50 дивизия, последняя 20.X в 8–9 часов снялась и направлена на Можайск. Из беседы нашей разведки с зам. нач. ОО 151 бригады т. Климовым установлено, что г. Верея был оставлен без боев. В 151 бригаде среди комсостава наличествует паника и отсутствие централизованного руководства…

… Противник в течение дня 29-го октября стремился прорваться в Тулу. В 17 час. 30 мин. 7 танков идо взвода автоматчиков противника вышли на южную опушку леса села Ясная Поляна. Во второй половине дня 29 октября авиация противника в количестве 17 самолетов бомбила линию обороны, занимаемую 290 стрелковой дивизией (дивизия в составе 1800 человек занимала район обороны Рисуновский, Старая Колпна, Малая Кожуховка).

В результате действий авиации противника основной командный пункт дивизии был уничтожен, запасной командный пункт подготовлен не был. Управление дивизией было потеряно. Командир 290 стрелковой дивизии к

концу дня оставил дивизию и явился к командующему 50-й армией. Дивизия самовольно снялась с рубежа и открыла участок обороны…

…Командир батареи ПТОкапитан Шутов, чл. ВКП(б), получив приказ командира батальона Весинкова о занятии огневых позиций 2-й и 3-й рот для отражения возможной танковой атаки

противника, приказа не вьтолнил, батарею отвел в укрытие, тем самым обеспечил свободный проход танкам противника, а при появлении последних Шутов оставил батарею и бежал в неизвестном направлении. В этот же момент бежал с поля боя и политрук 2-й роты Барашников, который в роту возвратился только после танковой атаки. В отношении Шутова нами приняты меры розыска…»

Вообще складывается впечатление, что если советские офицеры продолжали командовать советскими солдатами, то они не бежали и в плен не сдавались.

Кадровое офицерство и в мирное время считается большими специалистами по организации пьянок. Судя по всему, оно и во время войны страшно боялось потерять в этом деле квалификацию.

«… Командир батальона 108 тд капитан Мосин вместо пресечения подобного рода пьянок сам лично 8–9 ноября организовал коллективную пьянку с участием посторонних женщин.

10. X1.1941 года командир 2-й роты 451 армейского саперного батальона Малкин напился пьяным, в присутствии бойцов учинил дебош. Когда на него пытались воздействовать, Малкин произвел выстрел из револьвера.

5. X1. 1941 года политрук саперной роты 260 сд Романов, будучи в нетрезвом состоянии, при встрече с красноармейцем Генераловым вынул пистолет и угрожал последнему расстрелом..

…За последние дни в частях армии вскрыто несколько случаев членовредительства. Секретарь партбюро мотострелкового батальона 24-й танковой бригады политрук Соловьев 3 ноября прострелил себе ногу. Красноармеец того же батальона Севостьянов 7 ноября ранил себя в плечо. В тот же день красноармеец этого батальона Чепчугов Илья Андреевич нанес себе ранение в руку.

Такое же саморанение произвел и лейтенант Куриленко. По вскрытым фактам членовредительства ведется следствие.

Следует, однако, отметить, что ни один из этих фактов не стал предметом обсуждения среди личною состава, полит-алпаратне мобилизует общественное мнение бойцов и командиров на борьбу с членовредительством. Следствием низкою уровня политико-воспитательной работы в частях и подразделениях являются и участившиеся в последнее время случаи пышки командною и рядовою состава.

В 64 артполку лейтенанты Моисенкин, Дмитриев, Стеоринов, зав. делопроизводством штаба полка Пономарев систематически пьянствуют, пользуясь попустительством комиссара полка

батальонною комиссара Венчико-ва. Начальник продофуражного снабжения Сальников, пьянствуя, разбазаривает продукты.

Систематически пьянствует и командир 103 саперного батальона ст. лейтенант Краснов. 3 ноября вместе со своими помощниками Сорокиным и Криковым он напился так, что пришлось отрезвлять его искусственным путем.

Сам комиссар полка Венчиков в самый разгар последней боевой операции уезжал на 7 суток в тыл якобы лечиться, привез оттуда с собой двух женщин, которых зачислил в штат полка в качестве санитарок.

Аналогичные факты имеются и в 836 противотанковом артполку. 5ноября нач. штаба полка капитан Поздняков напился пьяным и приказывал писарю Никифорову найти для него женщину.

Пьянствуя в боевой обстановке, некоторые командиры теряют всякое чувство ответственности за судьбу вверенного им личною состава. 29 октября в район обороны 475 стр. полка 53 стр. дивизии прибыл батальон 51 полка. Командир батальона майор Ищейкин был в то время пьян и распорядился выдать бойцам повышенную норму водки. В результате этого оборона была демаскирована. Противник обнаружил скопление нашей пехоты и открыл артиллерийский огонь, которым был уничтожен миномет и выведено из строя несколько бойцов.

Командир взвода 294-й автороты 53 дивизии мл. лейтенант Соболев, систематически пьянствуя, потерял среди бойцов авторитет, самоустранился от командования взводом…»

Надо сказать, что хотя подобные случаи являлись предметом расследования особых отделов, но свои донесения они начинали с описания героических примеров. Скажем:

«… Ст. сержант Киян Ф. Д. — пом. командира взвода, кандидате члены ВКЩ6), образцово организовал оборону своего взвода. 29 октября, когда связь была прервана и взвод оказался оторванным от командного пункта и других подразделений, т. Киян самостоятельно занял новый рубеж обороны, и взвод продолжал стойко отражать все атаки до тех пор, пока 30 вечером ему не был отдан приказ об отходе. Отходя от этого рубежа, тов. Киян вывел полностью (личный состав) и вынес всю материальную часть.

Мл. сержант Севастьянов М. И., член ВЛКСМ, в самый ответственный момент боя обеспечивал бесперебойную связь. Когда 30.10.41 г. б-н в течение 12 час. вел бой с танками противника, т. Севастьянов под ураганным огнем артиллерии, минометов и автоматчиков ползком по открытой местности протяжением до 2-х км своевременно обеспечивал связь между

подразделениями и КП. Кроме четкого выполнения обязанностей связного, участвовал в боях, в разведке и по сбору оружия. Им собрано с поля боя 4 ручных пулемета и несколько ящиков с патронами.

Командир отделения сержант Тришкин В. С, беспартийный, участвуя в боях с фашистами под г. Тула, проявил мужество и стойкость в борьбе за Родину. Он умело организовал огонь отделения, вооруженного противотанковыми, вывел из строя 4 танка противника из числа 11, чем заставил отойти врага на исходные позиции.

Командир разведывательною взвода мл. лейтенант Темпов А. Е., член ВЛКСМ, с первых дней обороны г. Тулы добровольно изъявил желание командовать разведывательным взводом. Выполняя боевые задания, быстро ориентируется в сложной оперативно-тактической обстановке и исключительно правильно принимает решения. Тов. Темпов каждую ночь с 21.00 до 6.00 возглавляет глубокую разведку по тылам противника на дистанцию от 5 до 7 км, добывая ценные сведения по сосредоточению танковых подразделений и групп противника… 2 ноября т. Темпов определил, что в селении Елькино сосредотачивается группа танков в составе до роты и готовит утреннее наступление на левый фланг полка. С 3-ю на 4-е ноября, забравшись в глубокий тыл, т. Темпов установил, что происходит крупное сосредоточение танков в р-не Судаковая, Харино, Прудное, и этим самым была предотвращена внезапность танковой атаки со стороны противника.

Наряду с вышеизложенными фактами имели место проявления трусости и паникерства со стороны отдельных бойцов и командиров. Например…»

Так что Москва устояла не божьим чудом, а мужеством и самоотверженностью ее защитников.

И Корсунь-Шевченковскую группировку немцев тоже уничтожили не трусостью. В журнале «Наш современник» (5, 2002) Я. Шипов воспроизвел беседу двух ветеранов, полковников, танкиста и минометчика, Героев Советского Союза, которые оба участвовали в бою по уничтожению прорыва немцев из котла, причем неожиданно для себя в одном и том же месте. Танкист был Героем до этого боя, а минометчик стал Героем именно за него. Воспоминания о попытке немцев прорваться из Корсунь-Шевченковского котла начал минометчик.

«Похоже, этот маневр немцев оказался для нашего командования полной неожиданностью. Говорилось о возможном перемещении небольших разрозненных ipynn противника — на этот случай и оставили кое-где у дорог артиллерийские и

минометные батареи, пулеметные гнезда. Окопались мы посреди степи на холмушке, живем день, два, три, ждем, когда вражеская группировка сложит оружие и можно будет догонять своих — отправляться на передовую. И вот как-то утром слышим с запада гул. Пригляделись в бинокль — немцы: впереди — бронетехника, а следом — пехота и пехота, до горизонта. У нас тягачи были — мы вполне могли уйти вместе с орудиями, и нас бы за это, наверное, даже не наказали — больно уж несоизмеримы силы: несколько человек против огромной армии. Но это я сейчас понимаю — задним числом, что называется, а тогда мысль такая никому в голову не могла прийти: только бой… Открываем огонь, они — из танков и самоходок пр нас. А миномет, он ведь для навесной стрельбы, можно и по закрытым целям, но никак не для артиллерийских дуэлей в чистом поле. Да еще и дивизионный — самый большой: его, если взрывной волной с места своротит, назад сразу не возвернешь. Зато уж мина: диаметром — с трехлитровую банку, убойная сила — страшенная. Ею хоть куда попади: по живой силе, по технике — жуть, что творит! А торопимся — мажем, мажем и все равно спешим: хочется побольше успеть, пока минометы не покорежило да нас не поубивало. И тут вдруг грохот с другой стороны — с востока. Глядим: танки, самоходки… наши! Мы сразу попадать стали… А танков — десятки, сотни… И наступил момент:

— Вот! — подхватил полковник-танкист. — В одном из них был и я. Нашу танковую армию перебрасывали тогда к линии фронта для подготовки стратегического наступления. Сначала шли рассредоточение, а в этом месте начинались овраги, и мы должны были пройти между ними по старому шляху: у каждого на карте он был отмечен особой стрелочкой. Выкатываемся к нему, а тут какая-то куча бронетехники и по ней миномет бьет. У нас приказ был: в боестолкновения не вступать да и вообще не задерживаться, но мы, конечно, по паре снарядов высадили… не задерживаясь… Ну и все: костер…

— Точно, — подтвердил минометчик. — Вся их техника враз полыхнула. И башня! Башня от какого-то танка летит над огнем, как картонка, и вращается… Жуть!..

— Да, помню, — кивнул танкист. — Самоходка слева от меня шла, после ее попадания башня и улетела Приходим в пункт назначения — небольшое село. Спим кое-как, кто где. Утром надо гнать дальше—нет горючего… Ждем. Самолет разбрасывает листовки. Мой заряжающий читает вслух: «Корсунь-Шевченковская группировка противника уничтожена, немцы потеряли пятьдесят пять тысяч убитыми». И позавидовал: «Везет же, — говорит, — соседям: награды получат, а то, может, и

отпуска». Я ему, мол, при таком сражении и у соседей, небось, потери немалые… А он: «Слышь, — говорит, — командир, тут написано, что главную роль в разгроме сыграли мы — наша танковая армия то есть». Решили, что политотдел, как обычно, напутал. К полудню подвозят горючее, заправляемся. Вызывают к начальству: двадцать машин — обратно. Цепляем бульдозерные ножи и начинаем утюжить шлях — тот самый, по которому вчера прошли сотни танков. Там—месиво: глина, трупы, стрелковое оружие… Похоже, думаю, листовка была правильной, и в политотделе на сей раз ничего не перепутали. Мы ведь на этом марш-броске не могли оценить происходившее: пехоты, конечно, было много, но она разбежалась, все попадали, паника Из-за распутицы мы старались идти не колонной, использовали всю ширину шляха. Получается, что ни у них вариантов не было, ни у нас… Такой марш-бросок получился… Ну, растолкали месиво по оврагам, возвратились в село.

На другой день прибывают англичане — военный атташе и еще несколько человек из посольства: заграница не верит сообщению о ликвидации вражеской группировки. Действительно: позавчера было огромадное войско, а вчера его уже нет — такие бывает. Начальство приказывает мне везти англичан. Дело в том, что я до войны еще окончил технический вуз и знал английский. А во время войны бывал в Америке: принимал «Шерманы», так что разговаривал свободно. «Шерман» — неинтересный танк, кстати… Ну да ладно: приказывают везти союзников. Атташе залезает вместо заряжающего, еще один англичанин — с фотоаппаратом—сверху, на броне. Приезжаем к битой бронетехнике. Фотограф в восторге — знай себе щелкает. А атташе высунулся из люка: «Где уничтоженный противник?» Веду к оврагу. Он подошел, глянул и сразу же — наизнанку. Отдышался, попил из фляжки крепкого чаю и: «Где линия обороны?.. Где позиции артиллерии?.. Где воронки от авиабомб?.. Предъявите мне след хотя бы одного автомобиля, конной повозки, хотя бы одного сапога!» Ну где же я ему все это найду? «Здесь, — показывает, — следы только от танков». «Так уж, — объясняю, — получилось». Он постоял и говорит: «Любит бог вас, русских». «Причем, — спрашиваю, — тут бог?» «А при том, — отвечает, — что кроме бога в разработке уничтожения никто не участвовал: вашему командованию вложил в голову мысль о переброске танковой армии по этой дороге на запад, немецкому командованию — о выходе из окружения по этой же дороге на восток, потом двинул вас навстречу друг другу — гениально… А Генштаб ваш, говорит, к разгрому никакого отношения не имеет: там и сейчас толком не знают о происшедшем».

А Манштейн, в группу армий которого входили войска, погибшие в котле Корсунь-Шевченковского окружения, пишет: «28 февраля мы узнали, что из котла вышли 30 000-32 000 человек. Поскольку в нем находилось шесть дивизий и одна бригада, при учете низкой численности войск это составляло большую часть активных штыков». Фельдмаршал он, может, и неплохой, но брехун ужасный. Брешет он и про Корсунь-Шевченковскую битву. Из кольца вырвались единицы, а не 32 000. Если бы это было так, то Манштейн, во-первых, написал бы точную цифру, а не разбег «30 000-32 000». И, во-вторых, эти силы пошли бы на усиление обескровленных дивизий его разваливающегося фронта. А он пишет: «Вырвавшиеся из котла дивизии пришлось временно отвести в тыл. (А это в связи с чем? Почему их личным составом не пополнены остальные, уже обескровленные дивизии? — Ю. М.) Вследствие этого шесть с половиной дивизий группы армий не участвовали в боях, что еще больше осложняло обстановку». То есть немецкие соединения из Корсунь-Шевченковского котла исчезли из немецкой армии навсегда. Немцы через 38-ю дивизию прорвались, но Красная Армия не только из таких дивизий состояла.

Но обо всем этом вы еще прочтете в воспоминаниях Александра Захаровича, а сейчас мы перейдем к очередной черте офицерской касты — к смелости.

Глава 7. О смелости и нерешительности
Об основах смелости

Ю. И. МУХИН. Как мне кажется, многие не видят особой разницы между понятиями «храбрость» и «смелость», между тем смысл их резко различен. Храбрость — это способность овладеть своим инстинктом самосохранения, зажать страх в кулак и действовать без паники в условиях, когда тебя ежесекундно могут убить.

Смелость — это способность принять рискованное решение, то есть решение, исполнение которого неизвестно чем закончится. Причем, если речь идет о начальнике, то принятие решения его жизни может и не угрожать и принимать он его может в спокойной обстановке. Однако исполнение его рискованного решения может закончиться не победой, а тяжелейшим провалом.

Нам, гражданским, в этом плане в сотни тысяч раз легче, чем офицерам. Наши решения, как правило, к смерти людей не ведут (не должны вести). Тем не менее они могут привести к материальным убыткам, и это тоже достаточно страшно. Поэтому и в мирной жизни полно «руководителей», которые по должности обязаны принимать решения и отдавать команды, но боятся это делать

и в любом сомнительном случае стараются поступить либо по инструкции, либо утвердить свое решение у начальника — снять с себя ответственность за последствия. Таких людей называют бюрократами, но неправильно, дело тут не в этом, а в отсутствии достаточной квалификации. Человек боится своего решения, когда не способен представить, что за ним последует. А такую способность дает хорошее знание своего Дела и, главным образом, опыт. Но опыт в принятии рискованных решений — это принятие и принятие таких решений, а для этого опять-таки нужна смелость. Не принимая решений, не наберешься опыта их принимать. Тут замкнутый круг, который разорвать можно только смелостью.

Решения офицеров на войне и в бою, как я уже сказал, неизмеримо более тяжелы и требуют от них неизмеримо больше смелости, чем от гражданских чиновников. Кроме того, гражданский чиновник (начальник, руководитель) в своей трудовой жизни все же набирается хоть какого-нибудь опыта на

реальных Делах, поскольку каким бы он ни был трусливым и нерешительным, но совсем никаких самостоятельных решений он не может не принимать. Если он любое решение будет узнавать у начальника, то тому, в конце концов, надоест работать за такого подчиненного, и подчиненный будет с работы снят. У офицеров в плане накопления боевого опыта большая проблема, так как в мирное время его негде набраться. Учения — это суррогат боя, и реиГения, принимаемые на учениях, требуют от офицера смелости еще меньше, чем от гражданского чиновника в его реальных делах.

Получается, что от офицерства в мирное время требуется огромное желание воевать и стремление представить себе все возможные перипетии будущих боев. Офицеру требуется образное мышление и фантазия, чтобы представить, как будущий реальный бой может происходить. Между прочим, исключительной фантазией обладал опытный солдат Первой мировой войны Адольф Гитлер. Это отмечают все немецкие генералы, скажем, тот же Манштейн или Кейтель. К примеру, задолго до войны Гитлер предопределил 88-мм зенитное орудие для борьбы с полевыми укреплениями. Немецкие генералы единодушно считали это глупостью, пока не началась война и не подтвердила правоту Гитлера.

А будут ли стремиться узнать о войне все возможное те, кто поступил в армию, чтобы иметь большую зарплату, а потом — большую пенсию?

О стремлении офицеров узнать как можно больше о реальном бое следует сказать несколько подробнее в плане выбора ими оружия для этого боя. Ведь как делается Дело у нас, гражданских. Сначала надо ясно представить, что за изделие требуется произвести. Для офицера — какого врага надо уничтожить, то есть как будет выглядеть этот враг, чем будет вооружен, будет находиться в укрытиях или в чистом поле, будет атаковать открыто или применит партизанскую тактику. Затем мы, гражданские, разрабатываем технологию (перечень операций) получения изделия. А у офицеров «технология» называется «тактикой», то есть они должны продумать действия своих солдат по уничтожению врага. Далее мы, гражданские, вооружаем своих рабочих не просто инструментами и станками, а таким инструментом и такими станками, чтобы им легко было осуществить выбранную нами технологию. А офицеры должны заказать у конструкторов оружие, и не какое попало, а под выбранную ими тактику.

Делалось ли это генералами и офицерами РККА до войны? После войны они стати утверждать, что, дескать, советский народ

вооружил их устаревшим оружием, почему, дескать, они и с немцами сначала не могли совладать. Но ведь это было именно то оружие, которое они же и заказали!

Истребитель И-16 дружно именуют устаревшим, а в связи с чем? Он продолжал сходить с конвейера в 1941 году и после начала войны. Как только что сошедшее с конвейера оружие может быть устаревшим? Дело не в этом, просто авиационное командование либо ни на грамм не представляло себе тактику будущих воздушных боев, либо были откровенными предателями и специально заказывали самолеты, которые по своим параметрам предстоящей тактике воздушных боев не соответствовали.

Такое же примерно положение и с заказом для Красной Армии артиллерии. Батальонная 45-мм пушка была слишком тяжела, громоздка и плохо маскировалась, чтобы решать задачи стрелкового батальона, то есть вести бой на дистанциях 500–700 м. Но она уже к 1941 г. не способна была эффективно бороться и с немецкими танками, то есть быть противотанковой. Заказывавший для Красной Армии артиллерию Тухачевский был либо откровенным врагом, либо откровенным идиотом. Те огромные усилия, которые страна по его заданию направила на создание газодинамических (безоткатных) орудий, окончилась ничем: в предстоящих боях такие орудия могли выполнять только узкие задачи и победу обеспечить не могли. Требования к конструкторам сделать дивизионную пушку универсальной тоже можно расценить как предательство. Пошедшая в войска 76-мм дивизионная пушка Ф-22 была очень мощной для ведения огня в условиях реального боя дивизии, когда стреляющие офицеры дивизионного артполка сидят на переднем крае и не могут видеть разрыва маленького 76-мм снаряда, если он разрывается за 3–5 км. А не видя разрывов, они не могут корректировать огонь дивизионных пушек. Зачем же от такой пушки требовать дальности стрельбы в 13 км? А как противотанковая, эта пушка была недостаточно мощной. Причем конструктор Грабин хотел сделать ее еще более мощной, то есть более противотанковой, для чего конструктивно предусмотрел при последующих модификациях расточить ей зарядную камору под более мощный (большего размера) патрон и установить дульный тормоз. До войны ему это сделать не дали, поскольку ставили основной целью использование запаса старых 76-мм патронов, оставшихся с Первой мировой войны и срок годности которых должен был истечь только в начале 40-х. Ну вдумайтесь, если бы те, кто заказывал пушку Ф-22, планировали сами вести бой и продумывали его тактику, стали бы они заказывать оружие не с

целью уничтожения врага, а с целью утилизировать патроны, у которых заканчивается срок годности? В результате, когда немцы захватили в 1941 году почти тысячу пушек Ф-22, то они, как и предлагал генералам Красной Армии Грабин, расточили оружейные каморы под гильзу большего размера, поставили дульный тормоз, срезали щит над стволом и использовали эту пушку как противотанковую.

Кстати об орудийных щитах. Наши генералы заказывали орудийные щиты, чтобы можно было за них спрятаться, стоя в папахе. Не будет же генерал на учениях на колени становиться! Но такую пушку невозможно было замаскировать на поле боя при стрельбе ею прямой наводкой, наши пушки из-за большого щита легко распознавали на местности немецкие танкисты и расстреливали. Поэтому наши артиллеристы, когда ставили 76-мм дивизионные орудия на противотанковых рубежах, снимали с них щиты полностью, поскольку обрезать их в полевых условиях не было возможности. Вообще эти высокие щиты на орудиях, которым полагалось действовать в виду противника, хороший пример того, что довоенные офицеры и генералы и близко не представляли себе, как будут выглядеть будущие бои, и тактику этих боев по-настоящему не разрабатывали.

Такое же положение и с танками. Задача танка — не дать противнику стрелять по своей наступающей пехоте. Для этого танк, въехав в опорный пункт противника, должен иметь возможность проехать над траншеей и прострелять ее, одновременно танк должен иметь возможность простреливать опорный пункт в глубину. Исходя из этой технологии (тактики), танк должен иметь возможность стрелять минимум в двух направлениях одновременно. Все немецкие основные танки, от Т-Ш до тяжелого «Тигра» (Т-VI), имели огневую точку в лобовой броне и вторую — в башне. Основная масса советских довоенных танков (Т-26 и БТ-7 со всеми их модификациями) имела только одну огневую точку и противопульную броню. Как представлял себе использование этих танков в бою тот, кто их заказал? И дело не только в Тухачевском, выбор оружия определяли сотни офицеров главных управлений наркомата обороны. Они о чем думали? О войне или о том, как угодить начальству?

У наших противников все было по-другому. Один из тех немецких офицеров, которые определили боевую мощь танковых войск Германии, тогда полковник Г. Гудериан, для разработки тактики танковых боев не имел ни одного танка. Он на трактора навесил «броню» из фанеры и стал этими тракторами атаковать «противника» на учениях. Сразу выяснилось, что из танка местность очень плохо видна. И Гудериан приложил огромные

усилия, чтобы оптическая промышленность Германии разработала для танковых войск прекрасные приборы наблюдения и стрельбы. У нас ни одного генерала или офицера это не волновало до начала войны. В результате были случаи, когда немецкий «Тигр» с его оптикой подбивал наш Т-34 с расстояния в 3 км. У нас тоже были пушки, которые могли бы на таком расстоянии проломить броню немецких танков, но не было прицелов, чтобы навести такую пушку в цель. Оптические приборы наших танков (повторю, чуть ли не в пять раз по численности превосходивших немецкие) у немецких танкистов вызывали недоуменный смех.

Атакуя «противника» своими фанерными танками, Гудериан быстро понял, что никакая связь между ними, кроме радиосвязи, невозможна. А без связи танки — не роты и батальоны, а скопище бронированных машин. И Гудериан настоял, чтобы немецкая радиопромышленность оснастила каждый немецкий танк удобной и надежной радиостанцией. У нас эти радиостанции и в войну ставили только на командирские машины. Такое вот положение и определяет, почему у немцев боевой техники формально было меньше, а эффективность немецких войск была неизмеримо выше.

С точки зрения тактики следует сказать и о тактике собственно пехоты. Немецкие офицеры начисто отказались от штыкового удара как завершения атаки. Они даже не учили свою пехоту штыковому бою. Концом атаки немецкого пехотинца был выход на рубеж, с которого он способен был поразить противника огнем имевшегося оружия. Наши генералы и офицеры до войны, да, по-моему, и по сей день венцом атаки видели удар штыком. Это к вопросу о том, почему наши войска, наступая во второй половине войны, потеряли убитыми больше, чем в период отступления.

С точки зрения темы этой книги причина столь тяжких потерь Армии СССР в Великой Отечественной войне в том, что немецкие офицеры до войны думали о том, как выиграть предстоящие бои, а наши офицеры в своей массе думали о том, как забраться на высокую должность, получать большой оклад, перебраться в Москву, получить дачу и персональную машину и т. д. и т. п. А это имело негативные последствия для советского офицерства, особенно это касается его смелости. Не имея опыта боев и не думая о них до войны, советские офицеры с началом сражений не способны были принимать собственных решений. И единственным способом для массы офицерства было либо упорное уклонение от принятия решений, либо тупое исполнение приказа вышестоящего командира. Маршал Рокоссовский

вспоминал, как в 1941 году один командир 20-й танковой дивизии, отчаявшийся принять собственное решение на предстоящий бой, застрелился, объяснив, что он боится не устоять в бою. Понять его можно: двадцать лет до войны он уверял общество, что способен его защитить, но вот началась война и он сам выяснил, что воевать не умеет и не способен.

Боясь принимать решения, кадровое офицерство подменяло свою роль как командиров простой передачей приказа вышестоящего начальника с бездумными требованиями его обязательного исполнения «любой ценой». В исключенных цензурой отрывков из воспоминаний Рокоссовского есть такие строки, написанные, скорее всего, и по поводу маршала Жукова: *«Не могу умолчать о том, что как в начале войны, так и в Московской битве вышестоящие инстанции не так уж редко не считались ни со временем, ни с силами, которым они отдавали распоряжения и приказы. Часто такие приказы и распоряжения не соответствовали сложившейся на фронте к моменту получения их войсками обстановке, нередко в них излагалось желание, не подкрепленное возможностями войск.*

Походило это на стремление обеспечить себя (кто отдавал такой приказ) от возможности неприятностей свыше. В случае чего обвинялись войска, не сумевшие якобы выполнить приказ, а «волевой» документ оставался для оправдательной справки у начальника или его штаба. Сколько горя приносили войскам эти «волевые» приказы, сколько неоправданных потерь было понесено!»

Об этом же, о тупом исполнении приказа вышестоящего начальства, о боязни предложить ему свое решение или решение подчиненного, пишет и генерал Горбатов: *«Особо непонятным для меня были настойчивые приказы ~ несмотря на неуспех, наступать повторно, притом из одного и того же исходного положения, в одном и том же направлении несколько дней подряд, наступать, не принимая в расчет, что противник уже усилил этот участок. Много, много раз в таких случаях обливалось мое сердце кровью А ведь это был целый этап войны, на котором многие наши командиры учились тому, как нельзя воевать и, следовательно, как надо воевать. Медленность, с которой усваивалась эта наука — как ни наглядны были кровавые примеры, — была результатом тех общих предвоенных условий, в которых сложилось мышление командиров».*

Положение, как видите, менялось, но оно менялось по мере накопления опыта в принятии рискованных решений, по мере замены командиров на более смелых.

В качестве примера принятия офицером смелого решения я выбрал эпизоды, в которых героем был сам Александр Захарович.

Это не совсем корректно, поскольку Лебединцев пишет о себе и, конечно, может и приукрасить события. Но, во-первых, он дает много подробностей, и они не противоречивы, а во-вторых, если Александр Захарович и позаимствовал эти эпизоды у кого-то, то, значит, все же был реальный человек, который принимал такие решения.

Примером нерешительности советского офицерства является то, что во всех воспоминаниях Лебединцева (напомню — штабного работника) нет ни единого случая, чтобы в полковом штабе пытались найти какое-то собственное решение. Надо понимать так, что полковой штаб и командир полка, как и писал Рокоссовский, просто переадресовывали приказ командира дивизии комбатам. В случае удачи командир полка герой, в случае неудачи — он действовал так, как комдив приказал.

Итак, два эпизода в качестве иллюстрации главы о смелости. Как вы должны помнить, Александра Захаровича в конце весны 1942 года откомандировали на курсы штабных работников, но немцы в это время окружили наши войска под Харьковом и рванулись под Сталинград и на Кавказ. В ходе отступления курсы штабных работников переместились за Кавказский хребет, и там Лебедин-цева назначают командиром взвода на курсах младших лейтенантов, а вскоре посылают эти курсы в бой на защиту Кавказа. Сейчас Александр Захарович расскажет об одном из эпизодов этих боев, который начинается с того, что его взвод послали в разведку.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Здесь, на вершинах Кавказского хребта, мои курсанты впервые проявили огромный интерес к топографической карте, увидев своими глазами панораму кубанских станиц и их отображение на бумаге. Возвращались мы быстрее, чем поднимались, и к исходу дня оказались в Пшаде, где я доложил о своих наблюдениях. На следующий день, после занятий и ужина была объявлена тревога и курсы построены к движению. Марш совершали ночью. Прошли Михайловский перевал и свернули вправо по дороге на село Адербиевка, где в лесном массиве и разместились непонятно зачем. Пасмурный день закончился мелким дождем. Мы заняли несколько пустующих колхозных хозяйственных построек и провели ночь под крышами зданий. После завтрака поступила команда оборудовать взводные землянки. Курсанты принялись за дело, раздобыв у местных жителей лопаты. Инженера на курсах не было, и каждый учебный взвод вел свое строительство по самостоятельному индивидуальному проекту. Поскольку размещаться должны были на пологом скате горы, то решено было врываться в откос тыльной стороной котлована, а с фасада

делать вход в стене с дверью и окном, выложенными дерном. Здесь должен быть установлен стояк с развилкой вверху, на который продольная балка должна опереться одним концом, а второй ее конец должен лежать на скате горы. От продольной балки до стен укладывались жерди с наклоном, а на них хворост и еловый лапник, чтобы для тепла и от дождя покрыть сверху скаты вынутым грунтом. Работали дружно, соревнуясь в выдумках и усовершенствованиях.

Как это ни покажется странным, но в военном училище на тактических занятиях мы очень много внимания уделяли отрывке окопов, даже соревновались в этом на скорость. Но ни разу нам не показали, как отрывать землянки и делать перекрытия, как усиливать их от прямого попадания снарядов и мин. Уже в первую зиму мы столкнулись с этим еще на Миус-фронте, где была безлесная местность, и мы иногда для перекрытия землянок разбирали полотно железной дороги, рвали рельсы на куски с помощью тола или гранат и усиливали ими перекрытие землянок. То же делали и немцы. Здесь, в горно-лесистой местности, древесины было вполне достаточно, но не было навыков, в которых мы крайне нуждались.

К вечеру начал накрапывать дождик, и мы поспешили закончить нашу работу, чтобы в тепле провести ночь. Наши соседи-пулеметчики смогли найти бочку из-под горючего и сделали из нее печь для обогрева землянки, затопили ее, и из трубы у них появился дымок. Я позавидовал расторопности моряков. После ужина все взводы были в своих фронтовых жилищах. Продолжался мелкий моросящий дождь. Мы подстелили на грунтовые нары еловый лапник и расположились на ночной покой. Наши соседи-моряки орали блатные песни вроде: «Зануда-Манька, что ты задаешься, подлец я буду, я тебя узнал…» — и далее всякая нецензурщина.

Чтобы «сменить пластинку», я попросил моего вестового и взводного запевалу Ваню из Краснодара спеть хорошую песню. Меня многие поддержали, и он запел популярную и новую в те годы песню о пограничниках: «Далеко-далеко, где кочуют туманы…» Всем пришлась по сердцу эта мелодия, и многие стали подпевать. И тут мы услышали вопли от соседей. Я почувствовал беду и скомандовал всем выходить. Нашему взору открылась страшная картина обрушившейся на ее обитателей крыши соседней землянки. Тут я понял, что это произошло от раскола рогатки стояка, который поддерживал продольную несущую балку, от тяжести постепенно намокавшего от дождя грунта перекрытия. Я поднял солдат других землянок, и мы принялись снимать мокрую землю. Под ней задыхались в дыму люди, моля о

скорейшей помощи. Сбросили мокрый грунт, под ним оказались не просто ветки, а плетни — пулеметчики решили превзойти в выдумке своих соседей. Поэтому потребовалось не менее часа, чтобы спасти людей, и, к сожалению, не всех. Три человека погибли. Одного курсанта, стоявшего у бочки, прижало горлом к раскаленной печке, и горло у него прогорело до позвоночника, второй был грудью прижат к печке, а в карманах его гимнастерки были патроны, которые взорвались и изрешетили грудь. Третий у топки задохнулся от дыма. Все остальные тоже задыхались от кашля, но отошли.

Мы все строили землянки по одному проекту — со стояками из рогаток, и я понял, что и нас ждет подобная участь. Мы остановились перед входом своей землянки, внутри которой оставалось вооружение, шинели и вещевые мешки. Посылать можно было только одного добровольца, чтобы он смог все из землянки выбросить. И тут я увидел наш запасной стояк, лежащий рядом, который вчера оказался короче, чем нужно. Я велел его развилкой опереть на грунт, а отпиленный конец подбить под балку. Только после этого разрешил Ване зайти вовнутрь и выбросить все содержимое нашего временного жилища. Затем мы спустились в поселок и разместились под крышами чердаков хозяйственных построек. И, странное дело, начальство курсов совершенно не отреагировало на такое происшествие.

Днем мы похоронили на сельском кладбище курсантов, погибших такой нелепой смертью. Ваня побывал на месте оставленных землянок и сообщил, что у всех остальных произошел такой же раскол стояков и все они рухнули, кроме нашей, так как ее балка теперь опиралась не на рогатку, а на ствол. Сделай так сразу — и не случилось бы беды, постигшей нас вчера. О занятиях не могло быть и речи, ибо все мы были в грязи. Днем появилось солнце, мы высушили наши шинели, обмундирование и затопили колхозную баню, наладив и «прожарку» обмундирования.

После завтрака из полевой кухни мы начали спуск на равнину. Выйдя из тумана, мы к полудню оказались у станицы Абинск, куда под праздник драпанули 2-я и 3-я роты 1137-го полка. Конечно, как могла удержать оборону дивизия, имевшая полосу обороны по фронту в 50 км? Нам сразу приказано было отрывать траншеи на южной окраине поселка. Но с наступлением темноты нас собрали в колонну, и мы двинулись по дороге на север в направлении станции Азовской. Ночь была непроглядной, и мы осторожно продвигались по полевой дороге. Возможно, впереди был проводник из местных жителей. Примерно через час

сделали привал, и начальство свернуло влево от дороги, где было строение животноводческой фермы. Оставив за себя своего помощника сержанта Дортголь-ца, я пошел за командованием. В помещении находились несколько доярок с детьми, которые, рассмотрев нас при свете каганца, удивились, ибо несколько минут назад у них были немецкие солдаты. Начальник курсов о чем-то посовещался с начальником учебной части и решил посылать роты дальше до встречи с противником. В разведку был выделен 2-й взвод нашей роты.

Когда я вернулся к своему взводу, то мои люди что-то грызли. Сержант дал мне кусок подсолнечного жмыха, а пулеметчик по фамилии Пшон — кусок сотового меда. Задавать вопрос и выяснять, где все это взяли, было смешно, так как жмых всегда бывал на фермах в качестве добавок к корму животных, а мед раздобыли в улье «на ощупь». Командира роты мы видели только у кухни, больше он не появлялся во взводах. Странно, идем в бой и совершенно ничего не знаем ни о противнике, ни о соседях, не имеем и собственных задач, как будто мы свалились с неба. Такого не бывало даже в самых захудалых частях, а здесь какие ни есть, но курсы с начальником, видимо, ранее командовавшим полком.

Мой коллега построил в походную колонну свой взвод и предупредил меня о своем выступлении. Через пару минут двинулся и мой взвод. Минут через десять прямо по нашей колонне была дана очередь из танкового пулемета. Только непроглядная ночь спасла нас от больших потерь. Большинство пуль прошли над нашими головами. Застонали раненые из второго взвода. Задело в руку и моего курсанта. Все мы, конечно, упали на землю, и я закричал: «Вправо в цепь» и «Залпом, по пулемету, пли!» Это были две совершенно новые команды из БУП-42, и я их впервые применил в боевой обстановке после нескольких тренировок на занятиях еще в Пшаде. Первый залп был всего из трех-четырех карабинов, второй больше, а в третьем и дальнейших участвовали и курсанты второго взвода. И представьте себе, что мы услышали, как был заведен двигатель и танк или бронетранспортер начал отходить к станице Азовской, изредка постреливая в нашу сторону. Отправили назад раненых, ко мне подбежал командир второго взвода и спросил, что будем делать дальше? Мы заметили, как на южной окраине Азовской началось освещение местности ракетами и открыла огонь минометная батарея, но мины пока рвались где-то позади нас в районе фермы. Развернув взводы в цепь, мы начали продвижение на Азовскую. Для лучшей видимости немцы подожгли скирду соломы. Продвинувшись с километр, мы обнаружили, что нет

нашего третьего взвода, второй и пулеметной рот, как нет и нашего ротного командира и командования курсов.

Посовещавшись, мы тоже решили не лезть на рожон. Ожидали рассвет. Он наступал медленно в тумане с мелким моросящим дождем. Немецкие минометы прекратили обстрел. Чуть стало светать, мы поняли, что позиции наши не имели секторов обстрела противника, и мы решили отвести взводы вправо на пригорок, имевший в тылу небольшую лощину, хорошо маскировавшую наше расположение и подступы к нему из нашего тыла. Огнем из ручных пулеметов и карабинов мы могли простреливать во фланг всякое передвижение противника на переднем крае и перед ним.

Нашими двумя взводами никто из командования не интересовался, связи никакой не поддерживал, видимо, и не задумывался над тем, где мы, что делаем и чем питаемся. Я решил послать связного Ваню с донесением. Через пару часов вместе с ним пришли два моряка из пулеметной роты и принесли ведро вареной пшеницы и вещевой мешок отваренной конины. Котелков у курсантов не было, поэтому пшеницу делили горстями в пилотки и выдали в руки по куску мяса. И опять ни малейших указаний на последующие действия. Создавалось впечатление, что командование курсов все безграмотное, так как хотя бы командира роты послали в качестве посыльного с приказанием, но и его не было. Скорее всего, командование не желало оставлять каких-либо документальных следов в случае проведения расследований. Только на третий день посыльный привел сюда наш третий взвод, а мой взвод выводился в резерв начальника курсов в район той фермы, откуда мы начали наступление.

По прибытии я доложил о состоянии взвода. Начальник курсов не задал мне ни одного вопроса, а только подтвердил свое распоряжение относительно нахождения в резерве и готовности по его распоряжению выступить на усиление направления возможной угрозы.

На следующий день мы устроили мытье в своей бане с парилкой и «прожаркой» белья и обмундирования. На третий день меня вызвал начальник курсов и потребовал вступить в контакт со 2-й стрелковой ротой, которая по карте находилась примерно в трех-четырех километрах правее. Я попросил отметить на карте их место, но он заявил: «Ты бывший разведчик, вот и ищи». На сей раз мы вышли после завтрака без всякого сухого пайка. У меня была карта стотысячного масштаба (в одном сантиметре — один километр на местности). Я очень уверенно по ней ориентировался и повел своих людей балками и лесными

массивами, чтобы мы могли наблюдать, а сами оставались невидимыми. Через пару часов мы были на месте, куда ткнул пальцем начальник, но там и признаков роты не было. Я решил выдвинуться севернее. Прошли еще три километра и вышли на опушку леса. Впереди была большая поляна, на которой копошились румынские солдаты. Оружие их было составлено в козлы, а они, примерно пятьдесят человек, выстроились у походной полевой кухни с котелками за мамалыгой. В стороне стояли две телеги, запряженные станичными волами, на которых, видимо, вывозили лесоматериалы местные девушки. Они тоже развязали свои узелки, чтобы перекусить домашней едой. Мы давно были наслышаны о слабой боеспособности этих немецких союзников и решили отбить походную кухню с провиантом, хотя и понимали, что без боя здесь не обойтись, но все же верили в удачу, надеясь на внезапность и дерзость. Мы с пулеметчиком выбрали такую позицию для пулемета, чтобы огнем из него не поразить молодых казачек и быков, а залповым огнем курсантов решил бить по очереди солдату самой кухни. Двоих выделил, чтобы они могли быстро выпрячь пару быков, а одному поручил угнать кухню, если лошадь останется невредимой. Наш огонь оказался таким ошеломляющим, что румыны, удирая в тыл, не только бросили котелки, но и про свои винтовки в козлах забыли. Девушки тоже бежали, оставив волов и бричку. Четырнадцать румын остались лежать у кухни, но легкораненых не было. По документам стало понятно, что это саперы, а значит, мы уже в тылу румын. Приходилось действовать очень быстро, пока они не оправились и не зажали нас. В качестве трофеев нам досталась кухня с мамалыгой и брынзой и пара волов. Бегом, знакомым, скрытым путем мы возвращались обратно и тут напоролись на вторую роту, которая была совершенно в другом месте, а не в том, которое указал командир курсов, и уже вторые сутки ожидала провиант. Мы раздали им все с кухни, и я попросил их не менять позиций, точно нанеся их на свою карту.

Ю. И. МУХИН. Сначала обратим внимание, что подразделение, о котором ведет речь Александр Захарович, нужно считать отборным. Во-первых, его солдаты уже отличились в боях, в связи с чем их и послали на курсы младших лейтенантов. Во-вторых, командование курсов тоже следует считать отборным, ведь ему полагалось обучать не просто солдат, а будущих офицеров. И что же получила Родина от тех, кого она перед войной 10–20 лет держала на своей шее?

Оказывается, что кадровое офицерство не представляет, как построить землянку. И не мудрено — до войны на учениях солдаты жили в палатках, и незнание инженерного дела на

продвижение по службе кадрового офицерства никак не влияло. Куда более важно было научить солдат печатать шаг при прохождении перед начальством.

И (если вы еще к этому не привыкли) обратите внимание на трусость и полную бестолковость кадрового офицерства даже в условиях, когда противник практически не атаковал курсы. Командир курсов, полковник, не только не заботится о том, чтобы его солдаты были накормлены, но и по трое суток не знает, где его роты, и не интересуется этим. И разумеется, даже не пытается нанести немцам хоть какое-то поражение. Глядя на командира, от малейшей опасности прячутся и командиры рот.

Теперь о смелости. Лебединцева послали на поиск 2-й роты и только. Приказа атаковать он не получал, да и первого задания еще не выполнил. Он вполне мог тихо отойти от румын, завысив их численность, послать связного с вопросом: «Что делать?» — запросить помощь, то есть делать то, что и делало кадровое офицерство курсов, показывая ему пример. Но, как следует из описания, положение взвода было исключительно выгодным и дело было за малым — решиться! Для этого нужно было проявить смелость, и она у Лебединцева нашлась. Возможно, потому, что он уже был обстрелян, но главным образом, видимо, потому, что он уже был в победных стычках над немцами, он, словами В. Высоцкого, уже «видел смерть врага еще при этой жизни». Такими действиями таких офицеров война и была выиграна.

Бой за Сумы

Теперь перейдем к эпизоду воспоминаний А. З. Лебединцева, который относится к лету 1943 года и боям за Украину. 20-летний старший лейтенант Лебединцев служил помощником начальника штаба по разведке (ПНШ-2) 48-го стрелкового полка 38-й стрелковой дивизии. Дивизия вышла к городу Сумы, а 48-й сп, опять силами единственного батальона, должен был взять пригородное село Васильевку. Александр Захарович так вспоминает эти события.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ В разгаре было лето. Долина, ведущая к селу, сильно поросла почти в рост человека бурьяном, по этому бурьяну и сближались наша пехота с противником, пока не попала под его ружейно-пулеметный огонь, тут она и залегла, приступив к отрывке окопов. На опушке леса я на карте увидел условный знак землянки (дома) лесника и прибыл туда с разведчиками. Я понял, что здесь можно удобно разместить штаб нашего полка и послал разведчика, чтобы встретить штаб и сопроводить его сюда, а сам начал изучать местность по карте и подходы к противнику.

Командир прибыл вместе со штабом, и я попросил разрешения выдвинуться вперед и вести наблюдение и разведку. Обстановка была крайне неясной, но было понятно, что главные силы противник отвел за реку Псел, а на нашем берегу решил держать предмостную полевую оборону по восточной окраине села Васильевка, правда, непонятно, с какой целью. Откуда-то из села вели огонь его пулеметы, и где-то с западной окраины стреляла по нашим подразделениям батарея 81-мм минометов. Село было маленьким — не более полсотни строений. Была одна улица с двумя порядками хат, и на западной окраине села был Т-образный переулок.

Северо-восточнее Васильевки в трех километрах было село Токари, а между ними простирался заболоченный участок местности, на которой велась разработка торфа. С юга от болота проходил обрыв метров десяти, а далее то плато, на которое вышли наши подразделения и залегли в зарослях высоких сорняков. К обеду мы вернулись в землянку лесника, где уже развернулся штаб и солдаты принимали пищу. На опушке я увидел группу бойцов, которых почти всех знал в лицо, ибо это были связисты, саперы, химики, писари и даже ординарцы и коноводы. Они тоже принимали пищу, но все были с личным оружием.

Сразу после обеда дежурный по штабу выстроил это войско в

две шеренги и доложил командиру полка, который заставил и меня стать в строй вместе со взводом пешей разведки. Взвод конной разведки уже был в пешем строю вместе с остальными. Командир полка приказал мне переписать всех пофамильно и указать, из каких они подразделений. После чего поставил боевую задачу, чтобы я с этим сводным отрядом, а точнее с группой солдат разных специальностей, завтра утром нанес удар по Васильевке со стороны болота, ворвался в село и очистил его от противника, так как фронтальные удары нашего батальона отражаются пулеметным огнем немцев. Кто подал командиру полка идею создания этой сводной группы, мне до сих пор неизвестно, а сам он до этого додуматься не мог, это я знаю точно. Скорее всего, командир дивизии. Странным было и то, что, имея в резерве двух свободных командиров батальонов с адъютантами старшими и хозвзводами, он приказал командовать группой мне. Так и сказал при всех: «Возьмешь Васильевку, получишь орден Красного Знамени». В последующем в боевом донесении численность этой группы была указана в 35 человек.

Я вывел людей на полянку и принялся уточнять задачу и разбивать их на два взвода. Командирами назначил командиров взводов пешей и конной разведок, усилив их поровну саперами, связистами, писарями и даже старшиной поваром-инструктором хозяйственной части. Почти все они были русскими солдатами, знали хорошо меня, и я многих знал в лицо.

После ужина я сосредоточился с людьми в селе Токари и разместил их во дворе крайнего дома на южной окраине, где была свежая солома. Установил часовых и дал людям рано уснуть, а на рассвете мы дружно поднялись и пошли берегом под обрывом плато к Васильевке. Брикеты нарезанного торфа были сложены для просушки в кучи. Над озером стоял туман. Метрах в двухстах от своего переднего края немцы обнаружили нас и дали длинную пулеметную очередь, но мы надежно укрылись за кучами торфа и пока не открывали ответного огня. Минут через пять раздались глухие выстрелы минометной батареи, и в торфяное болото шлепнулись четыре мины, но не взорвались. С повторным залпом произошло то же самое, и обстрел прекратился. До сих пор мне не ясна причина неразрыва тех мин. Возможно, немцы не снимали колпачков со взрывателей спросонья, а может, какая другая причина.

Я вызвал к себе командиров взводов. Из зарослей сорняка мы видели обрыв, по которому проходила вражеская траншея. На выступе на площадке окопа стоял пулемет, справа и слева были стрелковые ячейки. Метров триста левее вел огонь еще один пулемет, но по нашему батальону. После завтрака начался наш

артиллерийско-минометный налет по переднему краю противника, но он пришелся левее нас. По пулемету, что был против нас, разрывов не было. После окончания налета были слышны крики наших воинов «Ура-а-а!», но в атаку так никто и не поднялся.

Я решил с посыльным пройти по плато и установить «локтевую» связь с соседом слева, надеясь встретить там командира батальона Лихолая, которому передали остатки двух других батальонов. Но там оказался командир батальона совсем другой дивизии. Я подумал, что ночью сделана перегруппировка, о которой я не знал. Возможно, полк передвинут на другое направление. Я поставил в известность этого комбата о своей задаче и попросил сообщить об этом командиру правофланговой роты, что он и сделал по телефону в моем присутствии. Сосед предложил мне позавтракать с ним. Вскоре меня нашел повар-инструктор с сапером и вызвался доставить завтрак на всю нашу команду в термосе. Я написал донесение начальнику штаба с просьбой уточнить положение нашего батальона и мою задачу в связи с новым соседом. Через час доставили термос пшенной каши и хлеб. Старшина доложил о том, что мою записку он вручил начальнику штаба, но тот только выругался матом и ничего не сказал, так как, видимо, сам не знал, где же наш батальон.

Периодически велась перестрелка с обеих сторон, но без попыток атаковать. Телефонной связи со мной не было, и я решил ожидать новый артиллерийский налет, чтобы под его прикрытием атаковать обнаруженную пулеметную точку и продолжить наступление по захвату села с фланга. Только в 19 часов по восточной окраине села был нанесен массированный артиллерийско-минометный удар. Весь передний край заволокло дымом разрывов и пылью. Я дал сигнал атаки, и мои бойцы броском преодолели сто метров простреливаемого пространства. Пулемет открыл огонь, когда воины уже поднимались по скату и бросали гранаты в траншею противника. Немцы поспешно бежали, я кричал во весь голос: «Вперед и огонь!!». На редкость дружно солдаты выполняли команды и сами себя подбадривали выкриками и огнем из автоматов и карабинов по отходящим гитлеровцам.

Я с сержантом бежал слегка уступом между взводами прямо на пулеметную точку, метров восемь левее от нее. Сержант кричит: «Немец справа!» Я вижу пулемет на бруствере окопа и до пояса поднимающегося из окопа немца. Делаю выстрел из пистолета и замечаю, что немец «клюнул» носом в бруствер, так как пуля пришлась ему чуть ниже уха. Кричу сержанту: «Почему

сам не стрелял?» Вижу, что он растерялся, и я обругал его со злости. Срываю с мундира немца погон унтер-офицера и лезу во внутренний карман за документами. Вытаскиваю кожаный бумажник и прячу в свой карман, а сержант пытается вырвать из кисти его левой руки нашу лейтенантскую кожаную я по привычке беру трубку. В ней ругань по-немецки, и я швыряю ее.

Сюда собираются разгоряченные боем разведчики, саперы и связисты. У нас оказалось два вражеских пулемета «МГ-34» с пулеметными лентами. Разведчики докладывают, что на грузовике в кузове велосипеды, а во дворе напротив на огневых позициях четыре миномета с запасом неизрасходованных мин.

Я поднялся по лестнице на чердак дома и хорошо рассмотрел направление к реке Псел, куда отошла самокатная рота противника. По окраине проходила ветка железнодорожного полотна на Сумы с будкой для железнодорожника. От нее к руслу реки пролегла обычная лесозащитная полоса с полевой дорогой. Я понял, что брошенные в панике минометы, пулеметы и велосипеды противник попытается отбить обратно, если узнает нашу малочисленность, хотя немцами вопрос отвода войск в город, видимо, предрешен был уже окончательно.

На закате я увидел, как из приречной рощицы выехали два мотоцикла с пулеметами и, обстреляв окраину села, начали движение в нашу сторону вдоль лесополосы. Я приказал командиру взвода пешей разведки с одним из трофейных пулеметов поспешить к насыпи железной дороги, а сам развернул второй пулемет на чердаке в готовности к открытию огня. Мотоциклисты ехали не спеша, периодически давая очереди в нашу сторону. Когда они подъехали метров на двести, я дал длинную очередь по первому, а со второго пулемета открыл огонь командир взвода. Один из мотоциклов вспыхнул от зажигательной пули, а второй закружил на месте и заглох. Разведчики бросились туда и принесли третий пулемете коробками снаряженных лент.

Наступали сумерки. Мы потеряли убитыми одного сапера и четверо были ранены, но не тяжело. Сзади нас никого не было, правда, по нас не вели огонь ни артиллерия, ни минометы. Становилось жутко от такой неопределенности. С самого утра люди не ели. Местных жителей тоже не было видно, так как они весь день прятались от обстрелов в погребах. В нашем доме стояли два термоса с макаронами, сдобренными мясными консервами и овощами. Еда была еще теплой. Повар-инструктор опробовал пищу и предложил раздать на ужин, так как вряд ли немцы успели бы ее отравить, да и чем в такой короткий срок? Если отравления и бывали, то, скорее всего, от технического

спирта, а тут еда.

Один взвод я направил на рубеж насыпи вести наблюдение и оборону, а разведчиков послал прочесать ближайшие дома и карманы убитых немцев, которых оказалось 19 человек, с целью изъятия документов и вооружения. Вскоре они вернулись с солдатскими книжками и принесли содержимое из карманов, ранцев и вещмешков. Писари наладили и зажгли карбидную лампу для освещения и при ее ярком свете мы начали разбирать трофеи: трое часов, карманные ножи, портсигары, замечательные фляжки в фетровых чехлах со стаканчиками из твердого пластика, бумажники с документами, солдатскими сбережениями и фотографиями. У всех курящих были сигареты в солдатских портсигарах, которые в крышке имели устройство для свертывания самокруток при отсутствии сигарет, непременные зажигалки и в запасе у каждого бензин в плоском пластиковом флаконе и кремни, В ранцах вискозное белье, пакетики с дустом от вшей и презервативы. «Мелочь, а приятно», — как сказал бы великий комбинатор Остап Бендер. Конечно, у них не было проблем и с бумагой для писем, конвертами и цанговыми карандашами. И, что особо меня поражало, почти все ножи и карандаши имели чехольчики, чтобы все эти предметы не потерялись и сохраняли карманы владельцев целыми.

Я своей властью оделил взводных карманными часами, а себе оставил наручные, снятые сержантом с убитого мной старшего унтер-офицера с пулеметом. Заслуженным оказался он воином. В кожаной полевой сумке нашего производства немец хранил в фетровом мешочке железный солдатский и бронзовый с мечами кресты и медаль «За зимнюю кампанию на востоке 1941-42 годов», знак за два ранения и шнур в виде аксельбанта за отличную стрельбу. В конверте были фотографии близких, их письма и топокарта района боевых действий. Видимо, он был командиром пехотно-самокатного взвода.

Прибежал разведчик-наблюдатель и сообщил, что с тыла прослушиваются команды, но он не разобрал языка.

Я сразу выбежал на перекресток и, услышав русскую речь, дал обычную команду: «Стой, кто идет?» Вышел вперед офицер, и я узнал в нем того комбата, который утром кормил меня завтраком. Он уверил меня, что не наблюдал моей атаки и думал, что немцы обороняются. Но, когда обстрел прекратился, решили проверить, и они вошли в Васильевку. Я спросил, какую задачу имеет его батальон, и он ответил, что должен выйти на берег реки в селе Замостье, что левее и впереди. Он не знает, кто у него был соседом слева и где он сейчас. Чередуясь со взводными лейтенантами, я уснул на пару часов, а на рассвете решил все же

искать свой полк, понимая, что обо мне забыли.

Все мои солдаты, кто умел ездить на велосипедах, оседлали этот вид транспорта и поехали обратным маршрутом. Только двое раненых и не умевшие ездить на велосипедах, отправились пешком подкомандой командира взвода конной разведки лейтенанта Щербины. Выехав из села полевой дорогой, мы увидели слева группы солдат на поле, подходивших к полевой кухне с котелками. На нас никто не обратил особого внимания, но я догадался, что это и есть наш батальон под командованием пресловутого Лихолая. Дорога привела нас к штабу, все еще располагавшемуся в землянке лесника. Здесь тоже раздавали завтрак, и мое войско сразу же загремело котелками у комендантской кухни, с которой все они питались.

Я зашел в штаб. Командир полка Бунтин разговаривал по телефону с командиром единственного нашего батальона Лихолаем. Похоже, что последний докладывал ему обстановку: о том, что «противник не дает головы поднять» — это была его дежурная фраза. На это командир полка советовал действовать мелкими группами. Когда он закончил разговор, я тут же доложил по форме, что его приказание выполнено: вчера в 20 часов сводная группа овладела Васильевкой. «А ты же слышал, что Лихолай докладывал только что?» — спросил он. Я доложил о трофеях, показал документы убитых, награды унтера и часы. И тут он немедленно отреагировал: «Часы мои будут». Я снял их с руки и положил перед ним.

«Коновода!» — скомандовал он и вышел из землянки. Я вышел следом. «Садись на лошадь коновода!» — приказал он мне, и мы рысью поехали в батальон. Солдаты уже строились в ротные колонны. Лихолай на полусогнутых подбежал к командиру полка и приложил руку к фуражке. Бунтин плетью нанес удар по приложенной руке и заорал; «Что, противник не дает голову поднять? Под трибунал пойдешь, мерзавец!» Лихолай так и стоял с приложенной к голове рукой и повторял только два слова: «виноват» и «исправлюсь». Ротные командиры скомандовали; «Шагом марш», и повели подразделения в Васильевку, так как они с вечера видели, что со стороны противника огня уже нет, и хотели утром войти и доложить об овладении Васильевкой якобы в результате атаки. Так делалось во многих случаях, так как, к сожалению, их никто не контролировал. Бунтин в раздражении закурил. Я не стал напоминать об обещанном ордене, а напомнил только о фляге спирта, которую он посулил разведчикам в случае овладения селом. Спирт удалось захватить в Бездрике. Бунтин сказал, чтобы я написал записку на имя помощника по снабжению. Я сделал и дал ему на подпись. «Отдыхайте до обеда,

потом ко мне сюда» — такова была наша награда.

У землянки меня ожидали пешие разведчики. Я передал коня коноводу, и он поехал в село, а мы пошли в «тылы» полка. Капитан Короткое, прочитав приказ, отлил нам полкотелка спирта, остальное мы долили водой и хорошо размешали. Нам открыли банку американских консервов, в которой вертикально стояли сосиски, дали хлеба, и мы сделали по несколько глотков поочередно и закусили. От выпитого и от пережитого за сутки боя мы уснули под деревом как убитые. Проснулись от солнца, которое теперь жарило нас. Я поднял всех, пообедали с кухни и пошли в наше село. Вот и знакомый дом. В нем теперь разместился штаб полка, а на перекрестке в величавой позе стоял Бунтин. Перед ним в блокнот что-то записывал лейтенант, видимо, из нашей «дивизионки» или армейской газеты. Командир рассказывал, что полк вчера ворвался в Васильевку, овладел ею под его непосредственным командованием, а сейчас форсировал реку Псел и ведет бой в центре города. Лейтенант поблагодарил и убежал с материалами, полученными лично от командира полка с переднего края. «Отдохнули твои разведчики?» — спросил командир.

Я спросил его, кто доложил о том, что ведет бой в городе. «Лихолай, конечно», — ответил он. «Да разве в большом городе так ведут бой?» — сказал я. «Я уже и сам усомнился, — ответил он. — Валяй туда сейчас же с двумя разведчиками, проверь и доложи с места по телефону». Знакомой дорогой под прикрытием лесополосы мы быстро добрались до реки, по берегам которой росли деревья и было несколько заводей и луж. За одной из бань сидел Лихолай и не хотел брать телефонную трубку, так как нужно было отвечать о продвижении, а он только что разобрался, что роты ему соврали о том, что форсировали реку, хотя это была обычная лужа чуть выше колен.

«Теперь снимет, а может, и под трибунал отдаст», — грустно молвил он. Я взял трубку. На той стороне уже ждал моего доклада командир, и я сообщил о вранье и об истинном положении. Боя фактически не было. Наша батарея 76-мм полковых орудий вела пристрелку одним орудием целей в городе. Пехота укрывалась за сараями и банями и даже огня не открывала, чтобы противник их самих не обстреливал из минометов. Командир полка тоже добра не ожидал, ибо успел сообщить о победе командиру дивизии. Назревало неладное, а вместе с предыдущими прегрешениями в бесплодных боях с огромнейшими потерями могли наступить и организационные выводы. Наутро стало известно, что командир дивизии полковник Скляров и командир нашего 48-го полка майор Бунтин

отстранены от командования. Вместо Склярова был назначен подполковник Есипов Ф. С., а в командование нашим полком был допущен исполнять обязанности заместитель командира полка майор Кузминов М. Я. Приказом по дивизии отстранялся и командир батальона Лихолай.

Ю. И. МУХИН. Как видим, и бой за Сумы шел без какого-либо участия кадрового офицерства. Командир 48-го полка просидел в штабе, из которого не было видно не только противника, но и того, что делал единственный батальон полка. Еще дальше спрятался командир дивизии. Комбаты, видя страх вышестоящих начальников, нагло имитировали исполнение боевых задач, надеясь, что немцы сами отойдут, а они продвинутся и доложат о «взятии» немецких позиций «в ходе атаки» под их мудрым руководством. Артиллерия вела огонь без всякой связи с пехотой, без толку расходуя снаряды. В обычае пехоты было не стрелять по немцам, чтобы те в ответ не стреляли.

Дело решил какой-то командир батареи или дивизиона, который рассмотрел все же немецкие позиции и группу Лебединцева и помог ей достаточно точным артиллерийским огнем. И смелость Лебединцева, который мог бы, по примеру кадрового офицерства и дальше лежать за торфом, но все же решился воспользоваться теми десятками секунд, когда немцы не видели его группу и когда только и возможно было атаковать в этих условиях.

Заметим, что в 1943 году трусливая бездеятельность кадрового офицерства уже не оставалась без последствий. Командарм снял с должностей командиров дивизии и полка. А дальше, как увидите, командование не стеснялось и более крутых мер.

Глава 8. Об уме и тупости

«Как одену портупею…»

Ю. И. МУХИН. Вообще-то «интеллигенция» старательно вкладывает в головы обывателей мыслишку, что на военную службу поступают только умственно неполноценные люди. Мое общение на протяжении жизни с сотнями реальных офицеров не дает оснований прийти к такому выводу. Военные училища — это все же не институты кинематографии или театральные училища, выпускников которых мы сегодня каждый день видим на экранах телевизоров, непроходимая глупость и малограмотность которых уже даже не поражает, а удручает.

Однако определенная специфика армейской службы мирного времени все же не без оснований породила присказку: «Как одену портупею, так тупею и тупею». На мой взгляд, это объясняется определенной интеллектуальной легкостью армейской службы без войны: раз нет Дела, то над ним не надо и голову ломать — живи по уставам и приказам начальников и горя знать не будешь. Конечно, на учениях у офицеров как будто есть возможность проявить свой ум и изобретательность, но это имело бы смысл, если бы мероприятие было не учением, а настоящим боем. Тогда победа и поражение врага доказал бы твой ум. А на учениях доказательством твоего ума является не победа, а оценка командующих учениями генералов, то есть доказательством твоего ума будет то, понравился ты им или нет. Так что, как ни крути, а мирная армейская жизнь по уставам и указаниям начальников с точки зрения доходов в армии является наиболее «умной».

Должен сказать, что трудовая деятельность по уставам на умственное развитие человека на самом деле действует губительно. Я еще с 70-х годов с удивлением обратил внимание на то, что, вопреки детективам в литературе и кино, наиболее тупой прослойкой общества являются судьи, прокуроры, да и все контролирующие органы — те, кто действует сугубо «по законам». (Сегодня они и самая подлая часть нашего общества.) Причем речь идет не только о деловой части их жизни — той, где они и действуют «по законам», — но и о том, что они, казалось бы, обязаны знать досконально и в чем тренируются ежедневно. К примеру. При поступлении на юрфак самой точной наукой, по которой нужно сдать экзамен будущему судье или прокурору, является русский язык. Тем не менее безграмотность, с которой писали и пишут свои документы судьи и прокуроры (а мне

приходилось видеть их сотни), просто умиляет.

У гражданских офицеров в области ума обстоятельство значительно благоприятнее, поскольку у них есть Дело. Да, и у нас есть уйма своих инструкций, скажем, перед развалом СССР в его промышленности действовали около 10 тыс. нормативных актов. Но сделать Дело по инструкциям удается не всегда, а уж если говорить откровенно, то практически никогда не удается. Приходится над Делом думать, приходится отставлять в сторону то, что написано в наших гражданских БУСВ(боевой устав сухопутных войск), и искать свое эффективное решение. Проводя параллель с армией: в промышленности всегда война, всегда бой и нет учений.

Поэтому очень часто с позиции гражданского человека армия кажется застойным болотом. Так, английский авиаконструктор периода Второй мировой войны Де Хевилленд зло заявлял, что в армии в мирное время умных людей нет и они приходят туда только во время войны. История тут вкратце такова. Де Хевилленд уже до войны считался выдающимся авиаконструктором, создававшим скоростные трансатлантические пассажирские самолеты. Казалось бы, сам бог дал, чтобы он сконструировал для королевских ВВС и бомбардировщик. Но задание на него давали генералы, а они были люди умные и знали свое дело. И знали они то, что бомбардировщик должен бомбить, значит, он должен брать большой запас бомб, кроме этого, его будут пытаться сбить истребители противника, следовательно, бомбардировщик должен иметь как можно больше брони, пушек и пулеметов, чтобы от них отбиться. И генералы требовали от Хевилленда именно такой самолет. А тот, разместив на эскизе бомбы, пулеметные башни и самые мощные моторы, подсчитывал вес и убеждался, что самолет, исполненный по заданию генералов, будет летать медленно и низко, следовательно, будет фобом для своего экипажа. И Де Хевилленд отказывался браться за эту работу.

Но началась война, и Де Хевилленду в ВВС Британии наконец сказали то, что и должны были сказать: «Сделай нам самолет, чтобы мы могли бомбить Берлин с минимальными потерями!» И все. Де Хевилленд создал «москито» — самолет с очень легким деревянным корпусом, мощными моторами и без единого пулемета в бомбардировочном варианте. Но «москито» летал с такой скоростью, что его не могли догнать немецкие истребители, и летал на такой высоте, что зенитная артиллерия немцев была бесполезной. В результате, если немецкая ПВО сбивала британских «стерлингов», «галифаксов», «ланкастеров» и

«веллингтонов» (очень быстро перешедших только на ночные полеты) в каждом вылете по весу столько, сколько они везли бомб, то «москито» бомбили Германию днем и практически все возвращались на базу.

Но Де Хевилленд не совсем прав в том, что умные люди приходят в армию только во время войны. Да, по мобилизации в армию приходят миллионы людей с «гражданки», но не в те штабы, где заказывают для армии боевую технику и машины. Умные люди, появляющиеся в армии во время войны, находились в армии и в мирное время, но в мирное время армии они не требуются — вот в чем трагедия! При отсутствии Дела в мирное время на должности в своем округе командующий округом может рекомендовать родственников и знакомых, холуев и подхалимов: уставы они вызубрят, академии окончат, а их идиотизм без Дела распознать очень трудно. А во время войны «блатными» становятся не командные должности, а должности в'тылу. Это в мирное время командующий военным округом может рекомендовать назначить командиром дивизии идиота со связями. На парадах штаны с лампасами с него не спадают — и достаточно. А во время войны идиот погубит эту дивизию, а ее потеря погубит и фронт с его командующим. Тут уж становится не до блата, вот тут уж начинают искать умных, да и дураки умнеют, если успевают.

Беда, однако, в том, что распознать дурака в мирное время бывает очень не просто, а сам дурак может вполне серьезно считать себя полководцем (пример — маршал Жуков). Формальных оснований отказать дураку в командовании может и не оказаться, и тогда во время войны неизбежны потери.

Александр Захарович очень много пишет в своих воспоминаниях о тупости кадрового офицерства, хотя (по уже упомянутым причинам) редко акцентирует на ней внимание. Начнем с небольшого размышления Лебединцева о боях на Миусе в начале 1942 года. Напомню, что он в это время лейтенант, командир взвода пешей разведки 1135-го стрелкового полка.

Боевая учеба

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Каких только задач для разведподразделений не придумывали отцы-командиры. И все из-за незнания и неумения. Насколько я помню, в немецких пехотных полках вообще не было специальных разведывательных подразделений. Эту задачу должны были выполнять любой пехотный взвод, как о том трактовали и наши предвоенные уставы.

Чтобы хоть чем-то проявить себя в обороне, нашему командиру полка захотелось почему-то захватить железнодорожный мост через реку Миус. Он находился на нейтральной полосе и никакого тактического преимущества не давал ни нам, ни немцам. Иногда немцы выставляли там пост в железнодорожной будке. Одной из рот было приказано овладеть им, что рота выполнила без потерь, выбив двоих дозорных, и заняла там вражеские окопы. Ночью немцы выбили эту роту. Командир полка приказывает моему взводу и взводу, которым командовал Миша Лофицкий, атаковать и снова захватить мост, что мы и сделали в следующую ночь. Держали сутки, потом передали стрелковой роте, а к утру ее снова выбили, захватив с десяток наших пленных из числа нерусской национальности.

Ю. И. МУХИН. В данном случае не могу согласиться с Александром Захаровичем в одной детали. Я из его описания не могу себе представить, как именно выглядела та местность и роль моста через Миус на ней, но, судя по тому, что немцы хотели оставить этот мост в своих руках, надо думать, все же имел определенное тактическое значение для немцев и, следовательно, для нас.

Кроме того, я не стал бы попрекать командование и за то, что оно проявляло активность в обороне. Не имеет значения — в обороне ты или в наступлении. Война идет, противника надо уничтожать и надо искать для этого все Удобные способы везде и всегда. Ведь, по сути, значительная часть кадрового офицерства Красной Армии во время войны все время пыталась на своих участках фронта заключить некий сепаратный мир с немцами и этим обезопасить свои шкуры. В подтверждение этого приведу обширную цитату из воспоминаний генерал-лейтенанта Н.К. Попеля о подготовке прорыва танкового корпуса Катукова в ноябре 1942 года.

«Наступление началось десять дней назад. В канун его на наш командный пункт приехал командир стрелковой дивизии, в полосе которой предполагалось вводить корпус. Полковник был худ,

морщинист и угрюм. Плохо гнущейся желтой ладонью он оглаживал висячие сивые усы и жаловался:

— Не хватает боеприпасов, маловато артиллерии, не все бойцы получили валенки…

Командир корпуса генерал Катуков терпеливо слушал причитания полковника, но, когда тот признался, что не знает толком огневой системы противника, насторожился:

— Вы же здесь больше года торчите!

Первая истина, которую усвоил Катуков, еще командуя бригадой, гласила: без разведки воевать нельзя. В заслугу бригаде, получившей в ноябре сорок первого гвардейское звание, ставили прежде всего непрерывную разведку.

— Что ж, что больше года? — обиделся усатый полковник. — Дел, слава богу, хватало. Вон какую оборону отгрохали — это раз, не дали немцу продвинуться — два, летом подсобное хозяйство развели — три, картошкой себя обеспечили — тоже помощь государству, сено заготовили, стадо коров своих имеем — не пустяки.

О хозяйственных достижениях командир дивизии говорил охотно, со знанием дела, обращаясь прежде всего ко мне. Считал, как видно, что заместитель по политической части сумеет лучше оценить его старания.

— Небось сами летом огурчиков, морквы попросите. Катуков остолбенел:

— Вы и летом здесь стоять намерены?

— За кого вы меня принимаете, товарищ генерал? Так, по привычке.

— По привычке? — недобро покосился Катуков.

Нам было ясно, что командир стрелковой дивизии психологически не ютов к наступлению. Он свыкся с обороной, пустил корни. Какой уж тут наступательный порыв!

Воспоминания об огурцах и «моркве» оживили полковника:

— Вы бы, товарищ комкор, малость своих танкистов приструнили.

— Что стряслось?

— У нас на передовой такой порядок — противника понапрасну не дразнить. Наблюдать и охранять, как по уставу положено. Тем более немец здесь смирный, проученный, на рожон не прет. Провокаций пользы не приносят. Мы пять снарядов бросим, а он двадцать пять. Жертвы, разрушения.

— Не пойму, куда клоните? — насупился Катуков. — Нас не трогай, мы не тронем…

— Экий вы, право, товарищ генерал… Танкисты на передний край ходят? Хорошо. Обстановку, так сказать, изучают, к

противнику присматриваются. Хорошо. Но дня два назад явились новые экипажи. Наши их встретили, как положено встречать товарищей по оружию. Беседы о боевом содружестве провели. А один ваш лейтенант возьми и бухни: «Тут на войну не похоже, вроде перемирия». Попросил винтовку, выдвинулся вперед. И когда к немцам кухня подъехала, ударил. Те ответили. И пошла заваруха. Я даже того лейтенанта фамилию записал».

Как видите, командир данной дивизии, окопавшись осенью 1941 года, разведя огороды и стада, спокойно ожидает, когда другие дивизии разобьют немцев и обеспечат ему большую пенсию и уважение общества. Он ведь даже стрелять по немцам запретил. Это война? Какую академию надо закончить, чтобы так воевать, — Академию Генштаба, Академию имени М. В. Фрунзе или хватит сельскохозяйственного института?

Поэтому сама по себе боевая активность — это дело естественное, однако, проявляя ее, надо и понимать, что ты делаешь и чего хочешь добиться. На мой взгляд, одним из наиболее умных генералов той войны был А.В. Горбатов. Даже находясь в обороне, дивизия комбрига Горбатова искала слабые места у немцев, их отдельные опорные пункты и, создав из стрелков отряды значительно превосходящие немцев численностью, уничтожала противника, стремясь провести операцию так, чтобы немцы оставили нам пленных, трупы убитых и трофеи. *«Только убив или пленив немца, думали мы, или хотя бы захватив трофеи, наши бойцы поверят в свои силы»*, — писал Горбатов. То есть Горбатов из только пришедших из запаса солдат и не имеющих опыта офицеров осмысленно делал солдат, для которых немцы были не властелинами Европы, а обычным противником, которого не только нужно бить, но и можно бить каждому солдату. Это азы военного дела: твой солдат должен чувствовать превосходство над врагом, не бояться его, быть уверенным в том, что он врага убьет.

Уже не вспомню, у кого читал в юности описание одного из боев Крымской войны 1854 года. Русские полки в Крыму были атакованы войсками французов и англичан в их традиционной военной форме и наши под напором «цивилизованного» и широко разрекламированного противника начали пятиться. Увидев это, генералы союзников решили закрепить успех и ввели в бой отборную французскую пехоту — зуавов. Но зуавы формировались в Алжире и носили арабские костюмы. Увидав их русские, воспряли духом — турки! А турок бить для русских было уже привычным делом. И русские полки радостно бросились вперед и смяли самую сильную французскую пехоту, хотя только что отступали перед менее сильной.

Вот мы выше рассмотрели эпизод, в котором Лебединцев со своим взводом по собственной инициативе атаковал зазевавшихся румын. Там же я дал и объяснение: по моему мнению, Лебединцев решился на это потому, что уже видел убитых врагов и сам убивал. Но и это не все. Если вы обратили внимание, Александр Захарович написал: «Мы были наслышаны о слабой боеспособности этих немецких союзников». На самом деле это ложь, которую распространяла в то время боевая пропаганда Красной Армии среди наших войск, которую услышал Лебединцев и поверил в нее. И Манштейн, в группе армий которого воевали румыны, и немецкие офицеры, которым приходилось воевать вместе с румынами, скептически относились к профессионализму румынских офицеров, к вооружению румын, но о румынском солдате отзывались, как о выносливом и стойком в бою. А Лебединцев этого, слава богу, не знал, а то, может быть, и не рискнул бы румын атаковать.

Интересно, что генерал Горбатов на протяжении всей войны не упускал случая хотя бы показать своим солдатам убитых немцев. В 1944 году его армия окружила немецкую группировку под Бобруйском, немцы пытались прорваться. Горбатов пишет:

«На другой день я проезжал по железнодорожному мосту через Березину, приспособленному противником для автотранспорта, и был поражен увиденной картиной: все поле около моста усеяно телами гитлеровцев — не меньше трех тысяч. Здесь группа фашистов пыталась вырваться из окружения. Больше всего мертвых поблизости от моста, который прикрывали зенитчики майора Панченко. Противник много раз атаковал мост, но взять его не смог.

Я изменил маршрут двум дивизиям, которые шли на переправу севернее, и приказал им идти через этот мост. Я считал, что пройденные пехотинцами лишние пять километров сторицей окупятся моральным эффектом: пусть люди своими глазами увидят тысячи убитых врагов и сами оценят подвиг товарищей, дравшихся на этом направлении».

Не соглашаясь с Александром Захаровичем в некоторых деталях, я не могу не согласиться с тем, что на фоне умных и осмысленных действий генерала Горбатова действия командира и штаба 1135-го полка просто поражают своей тупостью.

Начали они как будто бы правильно: нашли слабый опорный пункт немцев и послали роту его взять. Но рота своей массой просто оттеснила немецкий пост от моста и, не видя поверженного противника, осталась в боевом отношении такой, как и была. Немцы выбили роту, она бежала, то есть стала еще более деморализованной, панически боящейся немцев. С этой

точки зрения имело смысл заставить именно ее снова взять мост, чтобы вселить в нее хоть какую-нибудь уверенность. Вместо этого в бой посылаются разведчики, которые и так имеют в полку максимальный боевой опыт. Следующая рота, севшая в оборону моста, по-прежнему панически боится немцев, что она и продемонстрировала при первой же их атаке. И дело здесь не в нерусских национальностях. В том же 1135-м полку образцом храбреца был замполитрука казах Таджимухан Телеков. Дело в страхе перед немцами, который командование полка у своих солдат и не пробовало нейтрализовать.

И несколько слов о применении спецподразделений Для решения задач пехоты. Сегодня в Чечне этот идиотизм применяется, судя по сведениям, очень широко: спецназ бросают на решение обычных пехотных задач. И дело не только в том, что расходуется спецназ, сколько в том, что пехота не видит смерти врага, не имеет чувства превосходства над противником, не набирается боевого опыта. Оказывается, такая дурость не являет собой ничего уникального, а является следствием беспомощности кадрового офицерства в боевых делах. Дурость эта, оказывается, была широко распространена уже и в той войне. Лебединцев вспоминает даже такой случай о тех же боях на Миусе.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Командиру дивизии пришла мысль укрепить неприступность обороны за счет спецподразделений, из которых создать подвижный резерв на случай прорыва противника и который мог бы контратаковать. Однажды, прибыв в штаб полка, он начал бить по подвешенному у штаба вагонному буферу, и на этот звон все штабные подразделения собрались во дворе. Полковник поставил задачу начальнику штаба полка, а последний нам, примерно, такого содержания: «Противниквнезапно вклинился в нашу оборону в районе Ротовка. Спецподразделениям полка нанести удар по противнику и выбить его из села. В центре боевого порядка наступают четыре взвода пешей разведки под командованием Лебединце-ва, справа от них наступает рота связи свободными от дежурства сменами, а слева взвод химзащиты, саперный взвод и комендантский взвод».

Стоял яркий февральский день с хорошей видимостью. Я понимал, что это учебная тревога, и решил выводить на окраину своих людей во взводных колоннах, чтобы за селом развернуть в цепь. Спецподразделения равнялись по мне. Только мы вышли из села, как послышался залп вражеской артбатареи 105-мм орудий. Разрывы пришлись с недолетом примерно в 200 метров, я немедленно выбросил людей на рубеж разрывов, и второй залп оказался сзади нас. Комдив понял, что противник захватывает цель в «вилку», начал нам махать своей папахой — сигнал

возвращения в исходное положение, — и был дан отбой зеленой ракетой. В моей команде разведчиков, благодаря моему маневрированию, потерь от немецкого обстрела тремя гаубичными залпами не было, а у химиков один был убит и один ранен. Хуже было в роте связи. По ним и огонь не велся, но их отход был беспорядочным. Один командир взвода получил кобуру, но пистолетов им не хватало, и вместо него он вложил в нее гранату «ф-1», кроме того, крючок-карабинчик предохранительного ремешка зацепил за кольцо чеки гранаты. Пробегая кустами терновника, он зацепился петлей ремешка за сук, чека выдернулась. Ему не следовало вытаскивать ее из кобуры, но он в страхе открыл кобуру, предохранительная скоба сработала, и граната взорвалась. Командир кабельного взвода погиб, один связист ранен. Хоронили всем штабом.

Ю. И. МУХИН. Дивизия держала оборону уже несколько месяцев, боевой опыт у нее был. Разве командир дивизии не знал, что для немецких артиллеристов целью являются группы в 3–5 человек? Чем он руководствовался, выводя немцам под обстрел на открытое место сотню солдат? О чем думал начальник штаба, ставя спецподразделениям полка такую идиотскую задачу?

Понятно, что пришедший из запаса связист мог раньше не видеть гранаты, не знать, как она устроена. Но куда смотрели начальники, кадровые офицеры, они что, не могли подсказать дураку, что он подготовил себе самоубийство? Даже для меня, штатского, это просто невероятно — в 1135-м полку что, за жизнь подчиненных никто не отвечал?

А теперь будет уместен рассказ Александра Захаровича о бое, в котором тупость уже не отлична от подлости, бое, в котором погиб очень близкий Лебединцеву боевой товарищ.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Пролетарский женский праздник был ознаменован самой жиденькой артподготовкой, и наш первый батальон перешел в наступление на бумажную фабрику. Наши соседи слева, 1133-й и 1137-й стрелковые полки, прорывали оборону противника из района Матвеев курган, нанося удар в северо-западном направлении с целью разгрома противника в районе мелких населенных пунктов Шапошников и Демидов. Предполагалось, что после прорыва фронта частями нашей дивизии в прорыв будет введена бригада из моряков, списанных на берег из Черноморского флота. Весь день боев не приможно поверить, но получается именно так. Если немцы отбили атаки двух батальонов, которые были численностью не менее 250 человек каждый, то зачем посылать в атаку еще 20 человек? Другого ответа я не вижу: чтобы полковник мог доложить в дивизию, что у него больше нет сил атаковать немцев, что он уже

свой последний резерв — роту истребителей танков — в атаку послал, но безуспешно. Иными словами, чтобы начальство от него отвязалось и не заставляло воевать, не заставляло его сидеть на командном пункте, куда ненароком может залететь немецкий снаряд. Посылая на смерть своих солдат, это кадровое офицерство спасало свои шкуры.

Ведь как иначе понять то, что командование дивизии не оказало никакой помощи морской пехоте? Тут ведь так: нужно было выдвинуть вперед на 3 км на занятую моряками высоту противотанковые орудия, а их без пехотного прикрытия не пошлешь. Значит, надо было посылать и свой третий батальон, а это уже выдвижение полка, то есть командиру полка, а может и дивизии, нужно было самим выдвигать вперед на 2–2,5 км на новый командный пункт, выходить из-за построенных укреплений в чистое поле, а там немцы, а ты тупой и воевать не умеешь, а полковником быть хочется, а если немцы в чистом поле тебя разобьют и пушки отберут, то тебя могут разжаловать и т. д. и т. п. Куда проще уничтожить с помощью немецких пулеметчиков и танков своих солдат и докладывать, что у тебя нет сил и поэтому сделать ты ничего не можешь.

На фоне этой подлой тупости приведу рассказ Александра Захаровича об осмысленности действий разведчиков во все тех же боях на Миусе. Напомню, что он вернулся из фронтового Дома отдыха, куда его направили за отличие в боях.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Разведчики встретили меня с большой радостью, их тронули и мои подарки, которые я все раздал своим людям. Только начальнику штаба дал пачку папирос и несколько мандаринов. Взвод без меня на поиски не посылали, а использовали в основном на патрулировании и наблюдении. Экипировав троих разведчиков во главе с Телековым белыми маскхалатами, я отправил их через лес в направлении высоты 73.1, чтобы они разведали подступы к высоте и возможности ее обхода справа и слева. Мои дозорные вернулись вечером и доложили о том, что подступы к реке с нашей стороны немцами заминированы минами «Шпринген», то есть «прыгающими». Это были коварные противопехотные мины большой убойной силы. Ставились они в грунт или зимой в снег. Взрывались, когда солдат наступал на взрыватель или задевал проволочные оттяжки. Цепляясь в темноте за проволоку, солдат инициировал взрыв пороха на дне металлического стакана мины, которым выбрасывался внутренний стакан вверх на пару метров, где взрывался и поражал все вокруг не только осколками самого стакана, но и множеством шариков, заложенных в нем. Дозорные принесли пару снятых и обезвреженных мин, мы их хорошо

изучили и отнесли полковому инженеру. Потом, до полного таяния снега, мы множество таких мин снимали без особых происшествий.

Вскоре начальник штаба поставил мне задачу сделать засаду на водяной мельнице, стоявшей на нейтральной полосе, так как пехота сообщала о посещении ее ночами немцами. Я в это не поверил, но решил проверить, устроив там ночную засаду. Примерно к полуночи послышался негромкий шорох у входной двери, мы приготовились к бою и захвату «языка», но показалась голова телка, который, видимо, не раз сюда заглядывал полакомиться отрубями и слизать мучную пыль со ступенек и досок пола. Не хотелось ему уходить от кормушки, но пришлось проследовать с нами прямо в штаб, где уже проснулось все начальство. Передали бесхозную животину на мясное довольствие в комендантский взвод, ибо местных жителей в селе не было.

Начальство требовало «языка» и почему-то именно от нашего взвода. Конечно, совершать с этой целью нападение на высоту 73.1 было безумием во всех отношениях. Мы решили изучить подступы южнее ее. Как оказалось, минных полей здесь не было с обеих сторон, проволочных заборов тоже. Только в отдельных местах была спираль «Бруно» внаброс. Вся эта ложбина простреливалась многослойным огнем с южных скатов высоты и с северной окраины села Надежда. Мы уже тогда понимали, что немцы не любят зимовать в землянках и только в крайних случаях

строят полевые сооружения долговременного типа. Можно было предполагать, что на высоте у них ротный или батальонный опорный пункт, усиленный минометами, противотанковой артиллерией и сильными инженерными заграждениями. Спустя несколько дней, после тщательных наблюдений, мы решили сделать пробную вылазку в намеченном направлении. Нам, конечно, нельзя было оставлять своих следов, и мы наметили проход по мерзлому грунту без снега. Как всегда, немцы не жалели осветительных ракет. Все мы были одеты в белые маскхалаты, передвигались исключительно осторожно — за час продвинулись километра на полтора в глубь вражеской территории и обнаружили у большого камня красный полевой кабель в полихлорвиниловой изоляции. У немцев уже была такая новинка в проводной связи, а у нас появилась только после победы пару десятилетий спустя.

Мы решили на следующую ночь перерезать этот кабель и ожидать связистов-линейщиков, устроив им здесь засаду. Но такой много раз использованный прием был известен и немцам, особенно обрыв кабеля с помощью кусачек. Поэтому мы решили просить артиллеристов днем сделать пристрелку одним орудием

по камню, а ровно в полночь снова сделать несколько артиллерийских выстрелов по этому месту. Мы должны были укрыться в лощинке в двухстах метрах и в этот момент нарушить связь в месте снарядных разрывов. Так и сделали. Примерно через час появились два связиста. Они опасливо осмотрели все вокруг и, не найдя ничего подозрительного, начали соединять кабель, предварительно включившись в сеть и предупредив об отрыве от обстрела. Очень трудно описать состояние разведчика, находящегося во вражеском тылу и наблюдающего перед собой противника, которого необходимо разоружить, затолкать ему в рот кляп, заломить руки назад и связать веревкой. И все это делать в считаные секунды, бесшумно, а потом нести его чаще всего на себе, при том, что враг брыкается ногами. Одного связиста пришлось в рукопашной уничтожить ударом ножа, а второго несли вчетвером за руки и ноги, падая на него, когда вспыхивали ракеты. Опомнились мы только тогда, когда оказались на восточном берегу реки. На нашу беду на пути не было ни рощицы, ни кустика, и только в траншее мы перевели дух. Как я рассказывал выше, мне всегда казалось, что сердце бьется не в груди, а в верхней части горла. Только молодость, натренированность и взаимная выручка спасали в подобных передрягах. Даже самые сильные духом, отважные и смышленые порой теряли самообладание, и им необходимо было время, чтобы войти в привычный ритм. «Язык» был доставлен в штаб. Еще в первой нашей траншее мы поняли, что противник обнаружил пропажу связистов, поскольку жестоко карал нашу сторону огнем артиллерии и минометов. Обстреливал сутки, не жалея ни снарядов, ни мин.

У пленного, кроме солдатской книжки, в кармане оказалась их фронтовая газета. В ней сверху было напечатано: «Солдаты фюрера, остерегайтесь налета русских разведчиков с полуночи до рассвета. Будьте бдительны!» На таком же месте наших газет было напечатано: «Смерть немецким оккупантам!» Раньше этот участок оборонял полк «Нордланд». За дальностью времени я не помню, какой части принадлежал этот связист и какую роль он сыграл для высшего командования — мне неизвестно.

Ю. И. МУХИН. Следующий рассказ я взял из воспоминаний Лебединцева за 1943 год. Он служит в штабе 48 сп 38 сд. После формирования и обучения их дивизия пешим порядком пошла к фронту, на котором в это время гремела решающая Курская битва.

Прохоровка

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Командир дивизии первоначально даже восхищался выносливостью на марше наших пехотинцев. Но одно дело марш и совсем иное бой, атака. С 8 по 11 июля мы прошли ночами 115 километров на запад. Путь наш пролегал на Валуйки, Новый Оскол, Коро-чу. Здесь впервые на нашу колонну были сброшены ночью две бомбы. Сброшены нашими дамами с ночных бомбардировщиков По-2, правда, бомбы не причинили нам вреда. 12 июля мы шли всю ночь и весь день и прошли 70 километров. Именно в этот день произошло самое знаменитое встречное танковое сражение Второй мировой войны под Прохоровкой. Теперь оно увековечено и стало мемориальным, прославив на века наши танковые войска.

А тогда до нас доносился только гул самолетов, взрывы бомб, разрывы снарядов и черный дым сгораемого горючего и масел. У меня есть выписки из журналов боевых действий нашего полка и штаба дивизии. Все записи и мое личное наблюдение несколько не вяжутся по времени с проходящими тогда событиями. Наша дивизия, входившая тогда в состав 47-й армии, выдвигалась, как резервное соединение для последующего ввода в сражение. Согласно записям за 28 июля указано, что прошли мы Стрельников, Шелоково, Шахово, Заячье Грязное. На протяжении марша видели следы упорных боев и кладбища нашей подбитой бронетанковой техники. Очень хорошо помню то утро, когда наша колонна прошла железнодорожный переезд. Справа было здание вокзала, на котором я прочитал название «Прохоровка». Потом мы спустились в населенный пункт и повернули налево на выезд. На подъеме открылось поле, усеянное танками, и это были наши знаменитые Т-34. По ходу марша я начал считать, и набралось их 180. Конечно, их было значительно больше, я брал в расчет те машины, что были в зоне видимости. Мы были уставшими, но несколько машин мне довелось осмотреть близко. Особенно мне запомнились две машины, выведенные из строя взрывом боеприпасов. На одном танке сорвало башню и, подбросив вверх, перевернуло и положило в перевернутом виде как ковш с рукояткой на старое место. Во второй машине от взрыва внутри боеприпасов оторвало лобовой верхний лист брони, вытолкнуло до половины механика-водителя и броневой лист лег на свое место, «прищемив» пополам танкиста. Голова его была снаружи, а ноги в танке. Других трупов танкистов мы не находили. Уже при выходе с этого поля сражения на перекрестке полевых дорог стояли два немецких «Тигра». Тогда мы сильно пожалели, что так

дорого нам обошлась та победа. Не помню, но кто-то заверил, что немецкие танки-. сты под страхом смерти обязаны были эвакуировать свою подбитую технику. Но тогда «Тигр» «Тигра» не в силах был отбуксировать с поля боя. Это немного нас утешило, но тут перед нами встала другая картина.

На обочине слева штабелем в пять рядов были уложены трупы пехотинцев. Лица многих из них выдавали их восточное происхождение. Длина этого штабеля была 15 — 20 метров. Хорошо помню, что они были одеты в летнее обмундирование, но обувь с ног уже была снята. После такого зрелища у наших пехотинцев не прибавилось оптимизма. Но на то она и война. Так и не придется мне выяснить обстоятельства дела и соотношение потерь в той битве, а также за счет чего были потери. Слышал, что большинство танков было уничтожено авиацией, а не единоборством танков и самоходных орудий. Да вряд ли теперь найдутся те данные, которые не дают мне покоя много лет. Все в прошлом, все покрыто мраком неизвестности.

Ю. И. МУХИН. Это в целом будничное описание марша задело меня как танкиста, поскольку танковое сражение под Прохоровкой — сражение, победное для нас, — вызывает все же недоумение в своей организации и виден очевидный налет какой-то безмозглости нашего командования. И поговорка о том, что победитель всегда прав, не успокаивает.

То, что Лебединцев на поле под Прохоровкой не увидел немецких танков, меня не смущает. Во-первых, немецкие танковые дивизии имели мощнейшие ремонтно-эвакуационные службы, во-вторых, в Курской битве танковые дивизии сопровождали подразделения инженерных войск с этими же целями. После победы под Прохоровкой наши войска не заняли поле боя, и немцы утащили свою подбитую технику. Александр Захарович ошибается, когда считает, что «Тигр» не мог тащить «Тигр», кроме того, на базе «Пантер» (T-V) у немцев была ремонтно-эвакуационная машина с мощнейшей лебедкой, которой можно было вытащить подбитый «Тигр» из-под обстрела даже боком.

Да, масса немецких генералов (Манштейн, к примеру) утверждают, что они под Курском чуть ли не победили, а потери, дескать, у них были незначительны. А вот нашим войскам они, дескать, нанесли сокрушительное поражение. При этом тот же Манштейн, объявив в мемуарах о том, какие огромные потери он нанес нашим войскам под Курском, не объясняет, почему после таких успехов его группа армий начала удирать, едва зацепившись за Днепр, Да и то ненадолго. Такой вот характерный момент этой шизофрении. Группа армий Манштейна наступала

на курский выступ с юга, а с севера его атаковала 9-я немецкая армия Моделя. И в том месте текста своих мемуаров, в котором Манштейн уже не хвастается своими победами, а ругает дурака Гитлера за то, что тот не слушал его умных советов, Манштейн написал: «Когда Модель увидел, что битва в курском поле проиграна, он покончил с собой». Интересно то, что Модель действительно застрелился, но только через два года — 21 апреля 1945 года. Однако, как видите, когда Манштейн писал мемуары, у него была глубокая уверенность, что Моделю полагалось застрелиться именно под Курском, то есть у самого Манштейна от этой битвы сохранилось впечатление как о величайшей трагедии в истории той войны, после которой и ему самому было бы не грех застрелиться. Описав в главе о Курской битве свою блестящую победу в ней, Манштейн в следующей главе сетует, что его группа армий, состоявшая из 42 дивизий, оказалась обессиленной, в частности, «к концу августа только наша группа потеряла семь командиров дивизий, тридцать восемь командиров полков и двести пятьдесят два командира батальонов!» Но Курская битва закончилась 23 августа, следовательно, в группе армий Манштейна в Курской битве погибли: каждый шестой командир дивизии, примерно каждый четвертый командир полка и минимум каждый второй командир батальона.

Гудериан в данном случае более откровенен. Будучи главнокомандующим танковыми войсками Германии, их состояние он безусловно знал. Написав в своих «Воспоминаниях солдата», что в мае 1943 года промышленность рейха довела выпуск танков до 1955 единиц в месяц, он через шесть страниц итожит: *«В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».*

Так что два компетентнейших немецких генерала (один косвенно, а другой прямо) свидетельствуют, что потери немцев под Курском были не просто огромными, а и определившими всю войну. Но оправдывает ли это наши потери под Курском и, в частности, огромные потери танкистов и танков под Прохоровкой?

Дело в том, что наши танкисты о том, что у немцев появился танк T-VI с мощной пушкой и толстенной броней, узнали еще в 1942 году и с того же времени имели его образец. Командование танковых войск и танковые командиры РККА не имели права не думать, как с этим танком бороться и как немцы его будут применять. Более того, даже если они и не думали об этом, то бой под Прохоровкой произошел через неделю после начала немецкого наступления, то есть через неделю после того, как наши войска непосредственно увидели немецкую тактику использования тяжелых танков.

Задачей «тигров» была не борьба с пехотой и ее оружием — «тигры» предназначались для уничтожения противотанковых средств на пути продвижения основных немецких танков — T-III и T-IV. А последние уничтожали пулеметы, минометы и стрелков в наших опорных пунктах, чтобы их без потерь захватила идущая за этими танками пехота. То есть «тигры» всегда были впереди немецкой атаки и они прикрывали танки T-III и T-IV. На «Тигре» стояла мощнейшая пушка калибра 88-мм с тяжелым снарядом, у «Тигра» хотя и был довольно внушительный боезапас (92 выстрела), но все же ведь и он был ограничен. Стрелять из этой пушки по мелкой группе наших солдат, по пулемету, по миномету было расточительно и неоправданно, цель «Тигра» — наши противотанковые и дивизионные пушки и гаубицы, но самая соблазнительная цель — наши танки. Они броню «Тигра», особенно лобовую, пробить не могли, а он своей пушкой их броню проламывал чуть ли не с любого расстояния.

Поэтому когда Ротмистров бросил навстречу немецкому танковому клину наши танковые бригады, то он сделал то, о чем немцы и мечтали, — он выдал «тиграм» ту цель, для которой они и создавались. И немцы намолотили наших танков как в страду. Не безнаказанно, конечно, но потери наши войска понесли огромные.

Может, я не прав из-за того, что что-то до сих пор не знаю, но мне непонятно, зачем нужен был встречный танковый бой, зачем надо было нашими T-34 атаковать в лоб атакующую немецкую армаду? Почему нельзя было ее пропустить на выставляемые перед ней противотанковые минные поля и артиллерийские позиции, а танковой армии Ротмистрова расступиться и наносить удар не в лоб, а во фланги и в тыл — туда, где находились немецкие танки T-Ш и T-IV? С первыми наши T-34 справлялись бы без больших проблем, а их у немцев, по уверениям Манштейна, было до половины от числа всех танков. Почему надо было делать то, что немцы и ожидали?

Правда, они не ожидали, что у нас тут окажется так много

танков, но это слабое утешение.

Между прочим, когда в «Дуэли» началась дискуссия по отдельным рассказам А. З. Лебединцева, он свои воспоминания о виденном под Прохоровкой дополнил следующими размышлениями.

«Я знал о том, что командующий 5-й гвардейской армией генерал Ротмистров П. А был отстранен от командования переставшей существовать армией и больше Верховный не назначал его командующим, но не знал о том, как на битву под Прохоровкой реагировал И. В. Сталин. На днях от военных историков узнал и это. Вот его слова, сказанные Ротмистрову: «Что же ты, му…к, танковую армию за пятнадцать минут спалил?» В последующем Ротмистров использовался в основном в помощниках танковых и общевойсковых начальников да на преподавательской работе, в чем гораздо больше преуспел, став и доктором, и профессором, возглавляя длительное время Академию БТВ. На этих должностях он преуспел и в воинских званиях вплоть до Главного танкового маршала. Но геройство получил только в 1965 году к 20-летию Победы, вместе с действительно достойными этого отличия Толбухиным и Ватутиным, когда уже 12 лет Сталин был в мире ином. Тогда как другие его коллеги — Рыбалко и Лелюшенко получили по две Золотые Звезды на поле брани. Я далек от мысли, что окажись и они впервые в той ситуации перед вражескими «Тиграми», могли бы изменить результат к лучшему. А все же, все же…»

Заканчивая обсуждения эпизода с Прохоровкой, оценим еще раз тупость командира 38-й дивизии. Горбатов заставлял свои дивизии проводить маршем мимо немецких трупов, а у этого хватило ума провести дивизию мимо наших сгоревших танков и тел убитых советских солдат.

Но вот 38-я стрелковая дивизия, в которой А. З. Ле-бединцев начал служить в 48-м стрелковом полку ПНШ, пройдя Прохоровку, подошла к фронту и начала прорывать немецкую оборону.

Прорыв немецкой обороны

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Послали разведку и, конечно, не смогли взять «языка». Командир 48 сп майор Бунтин тут же отстранил Гусева и назначил меня начальником разведки, не спросив согласия или моего мнения. Возражать в боевой обстановке было бестактно, и я смирился. Подготовка к наступлению шла неорганизованно, командир полка совершенно не знал своих обязанностей, орал на подчиненных. Прорыв обороны противника был назначен на 7 часов 30 минут после получасовой артиллерийской подготовки только одной штатной артиллерии и

минометами дивизии, что составляло только 30 орудий на километр фронта прорыва, а уже тогда практиковались 300 стволов на километр прорыва при артиллерийской подготовке не менее часа.

Я находился на наблюдательном пункте командира, когда последними «прорычали» «Катюши» не столько для плотности огня, а как сигнал атаки. И полезла наша пехота из своих глубоких траншей. Рядом шли взводные командиры и чуть сзади командиры рот. Бунтин на радостях начала атаки крикнул в землянку, которая располагалась на обратном скате: «Адъютант, чарочку за успех 2-го батальона», — и бросился этот успех «обмывать». Но в этот момент раздались залпы нескольких артиллерийских дивизионов противника по хорошо пристрелянным рубежам, на которые уже вышла наша пехота, а за ней и наши орудия сопровождения. Я успел крикнуть: «Уж заодно и за упокой этого батальона». Залп разрывов немецких снарядов и мин привел комполка в чувство, и он увидел своими глазами, что творится в овраге, который разделял наши и вражеские траншеи. А там, после разрывов первого залпа, все перемешалось: люди, лошади от упряжек сорокапяток, перевернутые орудия, брошенные минометы. Живые подхватывали раненых, здоровые принялись окапываться на линии разрывов. До этого мне всегда приходилось бывать только в цепи, а не наблюдать со стороны, а это совсем не одно и то же. Бунтин принялся по телефону бранить командиров батальонов отборным матом, так как больше ничего не мог сказать и посоветовать.

Немцы прекратили сплошной огонь и перешли на методический обстрел наших зарывающихся цепей. Атака, как и следовало ожидать, была сорвана. А тут комдив наседает по телефону с вопросами: «Насколько продвинулись? Почему не докладываете?» А командир полка и сказать ничего не может. Я подсказал, что наша артиллерия и минометы не подавили ни пулеметы, ни артиллерию противника на позициях, и Бунтин начал приводить эти аргументы комдиву, как школяр — с подсказки. Через некоторое время комдив Скляров сказал, что будет повторный артналет и нужно снова поднять людей в атаку. Но я редко встречал, чтобы пехотная цепь снова поднялась, если сам командир не пойдете ней вместе. Так получилось и в этот раз. На 16 часов была снова назначена атака с короткой артподготовкой. Начальник штаба, чтобы не быть в стороне отдел, порекомендовал в качестве «толкачей» меня и лейтенанта Ламко послать во 2-й батальон, чтобы мы заставили пойти в атаку ротных, комбата и сами приняли в ней участие. Начальник штаба в тактике разбирался не больше, чем сам командир, но

положение обязывало его «вносить предложения». «Словчить» мы не могли, ибо весь наш путь был на виду командно-наблюдательного пункта.

Мы спустились в траншею и по ней проследовали до КНП командира батальона старшего лейтенанта Лихолая. Он все еще находился в той траншее, откуда солдаты пошли в атаку. Мы передали ему приказ командира полка передвинуть свой КНП вперед, но он и не подумал это делать, заявив, что сменит его тогда, когда будет захвачена первая траншея противника. Мы тутже передали ответ комбата Бун-тину, и у них началась телефонная перебранка и угрозы. Начался артналет, и мы пошли вперед до мест расположения командиров рот, которые заявили, что им не поднять людей в атаку, так как немецкие пулеметы в ДЗОТах не подавлены и такая атака это верная гибель. Командир роты спасался от минометного огня в углубленной воронке, а мы лежали рядом. Вокруг рвались снаряды и мины, над головами взвизгивали пули. Один снаряд не взорвался, упав рядом с Тихоном Федоровичем Ламко. Это была болванка 105-мм немецкого орудия, использующаяся как бронебойный снаряд. Мой друг ухватил снаряд руками, чтобы отбросить, и тут же выронил, так как он оказался горячим. Все это происходило на глазах отца-командира.

Захватив зачем-то этот снаряд, мы ползком вернулись к обрыву, потом в полный рост прошли в траншею и предъявили командиру полка эту «визитную карточку» (снаряд). Он грубо заявил: «Сам все видел». Уже за этот первый день боев я понял, «кто есть кто»…

Между прочим, этот самый Лихолай окончил войну майором с орденами Красного Знамени, Отечественной войны и Александра Невского. Его многократно перебрасывали из полка в полк, чередуя награждения с отстранениями от командования. Командовал он, может быть, только третью часть своего пребывания в полках, а все остальное время находился в полковых резервах офицеров.

Всю наступившую ночь выносили убитых и раненых с поля боя и готовились к новым атакам, которые намечались с утра следующего дня. Артиллерии и минометам на позиции подвозились боеприпасы. В соседнем 343-м полку одной из рот, укомплектованной зэками, удалось захватить первую траншею противника. Но немцы закрепились во второй траншее и начали забрасывать наших воинов своими ручными гранатами, которые имели длинную деревянную рукоятку, а у наших ручных гранат РГД металлическая рукоятка была в три раза короче и летела на небольшое расстояние. У наших солдат всегда бывал недолет.

Бывшие «урки» стали наращивать рукоятки своих гранат палками и добрасывать их в немецкую траншею.

В 1985 году, будучи с 1981 года председателем совета ветеранов-однополчан дивизии, я организовал встречу «на колесах» ста ветеранов дивизии, которую начали именно с этого поля боя. Участники боев прошли пешком все места, связанные с теми бесплодными атаками, и нашли остатки наших и немецких окопов и наблюдательных пунктов. Мыс Тихоном Федоровичем прошли свой путь тогдашних «толкачей», находили гильзы, осколки снарядов и мин и шрамы окопов, сохранившиеся только на скатах, поскольку остальные были распаханы. Местные механизаторы рассказывали о том, как много они выпахивали солдатских костей в послевоенные годы, сколько тракторов подорвалось тогда на минах. Много раз поднимался вопрос об установке на постаменте станкового пулемета на этом месте, чтобы он стал памятью погибшей на этом поле пехоте и пулеметчикам. А погибло здесь много, очень много.

По далеко неполным данным из боевых донесений тех двух дней боев: 431 человек был убит и 1516 человек ранены. И это потери только из двух полков дивизии, так как 29-й полк был в резерве командарма, а наш 3-й батальон в резерве комкора. Только одних офицеров в те двое суток боев мы потеряли 285 человек убитыми и ранеными. Следующий день боев никаких успехов нам не принес. Да и кем было воевать?

Давайте произведем некоторые расчеты. У нас в дивизии на второй день боя осталось пять стрелковых батальонов и в каждом по три стрелковые роты по 82 человека, что составит 1230 человек; пять пулеметных рот по 48 человек — 240 человек; и по роте автоматчиков в двух полках численностью 70 человек, итого 140. Всего «активных штыков» мы имели 1540 человек, а потеряли за второй день 1929 человек. Но потери, кроме пехоты, несли артиллеристы, минометчики, противотанкисты, саперы, связисты, химики и даже транспортники и снабженцы. Следует оговориться, что их потери по сравнению с пехотой были во много раз меньше. К примеру, 48-й стрелковый полк только убитыми, с 8.08.1943 по 31.12.1944 года потерял 1657 человек, от численности по сокращенному штату в 1552 человека это 104 %. А артиллерийский полк за это же время потерял 133 человека убитыми от его штатной численности 923 человека, что составило только 15 %. Но учитывать надо не только это. В стрелковом полку имелись, кроме стрелков, пулеметчиков и автоматчиков: батарея 120-мм минометов; батарея 76-мм орудий ПА и 45-мм батарея ПТО; три взвода ПТО и три минроты в стрелковых батальонах; рота связи и саперный взвод, которые

тоже несли примерно такие же потери, как родственные им подразделения дивизии, то есть примерно по 15 %. С учетом этого потери самой пехоты и пулеметчиков окажутся несравнимо большими. Пехотинца хватало на одну-две атаки, и счастье было, если человек получал ранение, а то ведь немало погибали от пули или осколка в первой же атаке.

В связи с этим я много разговаривал с ветеранами, имевшими ранения многократно. Вот один пример — командир взвода конной разведки 29-го полка лейтенант Исаев Виктор Федорович 1913 г. р. За время войны был шесть раз ранен, хотя и служил в полку, которым командовал его родной брат. Когда я спросил его, как он выжил после шести ранений, то он ответил, что выжил благодаря этим же ранениям, так как в госпиталях он пролежал в общей сложности почти полтора года. А за это время сколько погибало людей на переднем крае? Второй пример — полковник Мягков Олег Николаевич, который возглавлял группу ветеранов 29-го полка. Начал он в этом полку старшим лейтенантом, командиром роты автоматчиков, потом был заместителем командира и командиром батальона, а закончил майором, заместителем командира полка. Он был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны, Красной Звезды и медалью «За отвагу». За время войны он имел восемь ранений, которые внесены в его послужной список: 22.07.41; 2.04.43; 8.08.43; 9.08.43; 29.08.43; 9.09.43; 1.01.44; 20.08.44 г. Только в августе 1943 года он трижды был ранен, но не покидал поле боя. Во всех армиях мира такое расценивалось как признак высочайшей доблести и такие герои награждались за это высшими знаками отличия. Но наши отцы-командиры об этом понятия не имели. Олег Николаевич сделал очень много для прославления своего полка в годы войны и для однополчан-одесситов в послевоенные годы.

После двухдневных безуспешных боев мы вернулись на свои позиции и вели обычную оборону до 17 августа. В ночь на 18 августа противник бесцельно забрасывал нас минами всю ночь. Мне это показалось странным, и я перед утром пошел с разведчиками вперед. Немецкие окопы оказались пустыми. В дальнейшем все разведчики, да и командиры стрелковых подразделений будут знать, что ночная артиллерийская и минометная стрельба со стороны немцев означает, что немцы расстреливают свои боеприпасы, выложенные на огневых позициях. У них не было принято перевозить боеприпасы при отходе, а чтобы они не попадали в наши руки, немцы выстреливали их в нашу сторону. В нашей армии это не практиковалось ввиду всегдашней недостачи боеприпасов, да и

планово отступать нам уже не приходилось.

Первым населенным пунктом, который оставили немцы, был Бездрик. В нем функционировал спиртовой завод, и наши тыловики раздобыли на нем спирта для «командирского стола». За разведчиками следовали подразделения полка. Выйдя из урочища в западном направлении, мы увидели город Сумы. Яркое утреннее солнце освещало купол собора в центре. Редкая стрельба слышалась справа и слева. Как после выяснилось, слева наносила удар наша крупная танковая группировка на Ахтырку, что и вынудило немцев отвести свои войска за реку Псел. Так зачем же мы наступали, заранее зная, что такими малыми силами и без танков и артиллерии нам не прорвать вражеской обороны?

Ответ на этот вопрос был заложен в принципе нашего командования. Заключался он в следующем: на направлении главного удара создаются ударные группы войск из гвардейских частей, укомплектованных в основном русскоязычными бойцами, имеющими боевые навыки, и опытными командирами, а поддерживают их артиллерийскими дивизиями прорыва РВГКА. На участках прорыва создавались плотности в 300 артиллерийских и минометных стволов на один километр фронта и с несколькими боекомплектами снарядов, чтобы час и более молотить по вражеской обороне до атаки, а после сопровождать арт-огнем пехоту до прорыва ее на глубину семь километров и более. Атаку пехоты обычно поддерживали танки НПП (непосредственной поддержки пехоты) и авиация бомбовыми и штурмовыми ударами по пехотным резервам, артиллерийским позициям и узлам управления немцев. После прорыва тактической зоны вводились подвижные соединения и объединения из танковых корпусов и армий и кавалерийские соединения. Это принципиальный оперативный прием прорыва.

Но чтобы противник не снимал тактические и оперативные резервы с неатакуемых направлений и не бросал их на главное, командование требовало наступать и на второстепенных направлениях. Вот так и поступили с нашей и другими дивизиями 8-го и 9-го августа. За два дня мы потеряли две тысячи человек не за понюшку табака.

Ю. И. МУХИН. Тоскливо читать о том, как кадровое офицерство тупо гоняло пехоту фактически на расстрел до тех пор, пока от стрелков никого не оставалось. В этом описании двухдневных боев у нашего командования начисто отсутствует хотя бы проблеск мысли.

Да, это разумно, когда при прорыве на одном участке фронта на остальных участках не дают противнику перебросить резервы к месту прорыва. Но для этого на второстепенных участках фронта

противнику необходимо нанести потери. Только для компенсации потерь ему нужны резервы в данном месте. А какая помощь своим войскам в месте прорыва может быть оказана посылкой своей пехоты на гибель от немецких пулеметов в других местах фронта? Какую помощь войскам, прорывающимся на Ахтырку, оказала 38-я стрелковая дивизия и 47-я армия? Для реальной помощи эта армия должна была прорвать фронт, войти в тыл к немцам с нанесением им таких потерь, которые бы они могли компенсировать только резервами. Но этого сделано не было.

Александр Захарович объясняет, что причина в отсутствии танков и артиллерии. Согласно тем шаблонам, по которым действовало данное советское командование, это так. Но в этом ли дело?

Вот, скажем, фельдмаршал Манштейн описывает, как он взял в 1941 году Крым через Перекоп и узкий Ишуньский перешеек.

«Численное превосходство было на стороне оборонявшихся русских, а не на стороне наступающих немцев. Шести дивизиям И армии уже очень скоро противостояли 8 советских стрелковых и 4 кавалерийские дивизии, так как 16 октября русские эвакуировали безуспешно осаждавшуюся 4 румынской армией крепость Одессу и перебросили защищавшую ее армию по морю в Крым. И хотя наша авиация сообщила, что потоплены советские суда общим тоннажем 32000 т, все же большинство транспортов из Одессы добралось до Севастополя и портов на западном берегу Крыма. Первые из дивизий этой армии вскоре после начала нашего наступления и появились на фронте.

Немецкая артиллерия имела превосходство перед артиллерией противника и эффективно поддерживала пехоту. Но со стороны противника на северо-западном побережье Крыма и на южном берегу Сиваша действовали бронированные батареи береговой артиллерии, неуязвимые пока что для немецкой артиллерии. В то время как Советы для контратак располагали многочисленными танками, 11 армия не имела ни одного.

Командование не имело к тому же никаких возможностей облегчить войскам тяжелую задачу наступления какими-либо тактическими мероприятиями. О внезапном нападении на противника в этой обстановке не могло быть и речи. Противник ожидал наступления на хорошо оборудованных оборонительных позициях. Как и под Перекопом, всякая возможность охвата или хотя бы ведения фланкирующего огня была исключена, так как фронт упирался с одной стороны в Сиваш, а с другой — в море. Наступление должно было вестись только фронтально, как бы по трем узким каналам, на которые перешеек был разделен расположенными здесь озерами.

Ширина этих полос допускала сначала введение в бой только трех дивизий (73, 46 и 22 пд) 54 ак, в то время как 30 ак мог вступить в бой только тогда, когда будет занято некоторое пространство южнее перешейков».

В целом Манштейн объективно описал трудности, стоявшие перед ним, но поскольку он все же большой брехун, то у меня вызывает некоторое сомнение в том, что у Манштейна в Крыму не было ни одного танка. Дело в том, что все немецкие генералы, когда пишут о танках, упоминают в своих" мемуарах только о немецких танковых дивизиях, как таковых, и молчат о танковых батальонах резерва главного командования. Эти батальоны были вооружены очень неплохими французскими трофейными танками, а этих танков немцы взяли у французов больше, чем к 1941 году построили своих. И немцы на французских танках участвовали в боях с 22 июня 1941 года, о чем есть упоминания наших артиллеристов.

Манштейн прорвался в Крым за счет артиллерии, и он пишет, что немецкая артиллерия имела превосходство над нашей. Но это было превосходство не в количестве стволов, а в том, как немецкие офицеры свою артиллерию использовали.

Вот А. З. Лебединцев пишет, что для прорыва требовалось 300 стволов на километр фронта, а у них было всего 30. Вообще-то даже в 1944 году для прорыва немецкой обороны (скажем, в Белоруссии) хватало и 80, в конечном итоге это зависело не только от наличия артиллерии, но и от того, в чьих она руках. Чтобы вы поняли, что хотел от артиллерии Александр Захарович, приведу цитату из воспоминаний А. В. Невского, который служил комбатом дивизионного батальона связи 2-й стрелковой дивизии, о прорыве фронта под Ленинградом 14.01.1944 г.: *«Только я успел доложить генералу о выполнении своей задачи, началась артиллерийская канонада, загремел «бог войны», такой музыки мы никогда не слыхали, длилась она 1 час 50 минут. За огневым валом пошла пехота, связисты потянули провода в условиях исключительно полного бездорожья, последнее обстоятельство произошло по «вине» артиллерии. Артиллерия, в полном смысле вспахала всю линию немецкой обороны, как по фронту, так и в глубину обороны на 6 километров.*

Никаких проволочных заграждений, ни ДОТов, ни ДЗОТов, ни окопов не оказалось, после чего вполне естественно было, что в этой зоне мы не видели ни одного немца».

Тут уместен вопрос, а были ли немцы в этой полосе до артподготовки? Дело в том, что немцы, почувствовав или узнав, что их ожидает, покидали свои укрепления и уходили в свой тыл на вторую линию обороны. И делали это с 1941 года. Во время

прорыва немецкой обороны под Ростовом осенью 1941 года опытный маршал Тимошенко заподозрил это, приказал артподготовку не проводить и послал разведку. Оказывается, немцы отошли на восемь километров. Тогда их догнали и провели артподготовку сразу по второй линии обороны.

Сами немцы никогда не считали количества своих орудийных стволов на километр фронта, никогда безумно не перепахивали землю в полосе нашей обороны. Ведь используемые нашими артиллеристами приемы — это реликты Первой мировой войны. Но тогда такая артподготовка была простительна — тогда были еще не развиты электроника, оптика, авиация — базы средств артиллерийской разведки. Однако ко Второй мировой войне ситуация резко изменилась, техника шагнула вперед, и немцы, кроме прекрасной оптики, применяли радиоразведку, звукометрическую разведку и особенно эффективно разведку целей и корректировку артиллерийского огня с помощью авиации.

Немецкий самолет «Фокке-Вульф-189», который наши войска за двухфюзеляжность называли «рамой», дружно ненавидят все оставшиеся в живых фронтовики, ненавидят вместе с самолетом «Хеншель-126», который за неубирающиеся шасси называли «костылем». Эти самолеты очень редко сами атаковали наши войска, но они были фронтовыми разведчиками и корректировщиками артиллерийского огня.

Что это значит, поясню парой эпизодов из воспоминаний А. В. Невского. Задачей батальона, в котором он служил, была связь командира дивизии с командирами входящих в дивизию полков, поэтому служба батальона, как правило, проходила в дивизионном тылу, да еще в лесистой местности, то есть в условиях, когда немецкие артиллерийские наблюдатели с переднего края немцев видеть батальон А. В. Невского никак не могли и, следовательно, не могли по нему и стрелять. Но вот как это было реально.

31 мая 1942 года их дивизия была перемещена вдоль фронта. Невского с группой связистов в 15 человек послали к новому месту расположения штаба дивизии коротким путем — через болото. Они сильно измазались и, выйдя к тыловой речке, сняли с себя всю одежду, постирали и развесили на кустах сушить. Далее произошло следующее: *«И вдруг в 250 м разрыв снаряда с черным дымом, через минуту второй, уже значительно ближе. Приказываю схватить оружие и технику (большинство успели прихватить и обувь) и голыми бежать в сторону, и сразу же по нашему белью был дан беглый огонь. Самолет-корректировщик точно засек наше расположение, и мы остались в чем мать родила.*

И вот в сапогах и при оружии, но голым, предстал я перед нач. штаба. Полковника Крицына обуял гомерический хохот, а ночью мои люди работали, голыми проводили связь, комары нещадно помогали и только к 24–00 была доставлена одежда».

А вот случай 3 марта 1944 года.

«На перекрестке дорог рос ельник, и я в этом месте решил организовать пункт сбора донесений (ПСД). Солдаты Потахов Андрей и Таксис Галина Александровна начали валить лес, чтобы сделать сруб в три ряда, а затем поставить палатку. Сам я пошел в штаб дивизии.

На обратном пути увидел, что почти напротив ПСД в 400 м западнее разорвался снаряд с черным дымом, бегу к ПСД, второй разрыв снаряда раздался в 200 метрах. Приказал своим людям немедленно бежать в сторону, поскольку увидел в воздухе самолет противника, который корректировал эту стрельбу.

Сам бросился в сторону, заметив в снегу какую-то выемку, в нее и упал. В этот миг на перекресток обрушился беглый огонь противника из нескольких орудий, снаряды разрывались тесным кольцом вокруг меня, комья мерзлой земли били меня, а я сам соображал, что если на меня упадет еще и елка, то сучья меня пронзят, но одна из глыб меня крепко ударила, и я потерял сознание».

А я же во всей мемуарной литературе и намека не встречал о том, что наши войска в ходе войны хоть когда-нибудь использовали авиацию для корректировки огня нашей артиллерии. И что обидно: по сравнению с тем огромным парком самолетов, которые построили немцы, самолеты-разведчики и корректировщики занимали очень скромное место: FW-189 немцы построили 846 машин, Hs-126 — 510, а помнят их наши ветераны всю войну и на всех фронтах.

В декабре 1940 года в Москве было проведено Совещание высшего руководящего состава РККА. Собралась, так сказать, элита Красной Армии, самые лучшие ее кадры. Обсуждалось, что нужно, чтобы выиграть современную войну. С докладами и с обсуждениями выступили 85 человек. И ни один не заикнулся о том, что артиллерия Красной Армии нуждается в средствах разведки и корректирования огня, даже о самолетах-корректировщиках никто не упомянул. В результате британский историк Лен Дейтон пишет: *«Артиллерия Красной Армии по своему уровню соответствовала той, что использовалась на Западном фронте в 1918 году, — это почти то же самое, что назвать ее очень плохой. В грядущих сражениях меньше 50 процентов потерь немецких войск, действовавших на Восточном фронте, приходилось на артиллерийский огонь, в то время как относительные потери*

от огня англо-американской артиллерии превышали 90 процентов».

Когда я впервые дал эту цитату, то некоторые историки возмутились, обвинив Дейтона в том, что он эти числа придумал, так как подобной статистики не велось. Это не так, эти числа легко получить, если проанализировать статистику немецких госпиталей на Западном и Восточном фронтах: сколько там лечилось от пулевых ранений, а сколько — от осколочных и контузий.

Но вернемся к воспоминаниям А. З. Лебединцева. Положим, что командование 47 А не имело средств, чтобы организовать артиллерийский огонь так, как его ведут немцы. Хотя толковые советские генералы умели в этом плане сделать достаточно много даже с теми средствами, что у них были. Горбатов, к примеру, описывает с десяток приемов, которыми они вели разведку целей для артиллерии и вели ее довольно успешно. Кроме того, в армии Горбатова при наступлении каждому стрелковому батальону придавался артдивизион или батарея, и их командиры в бою находились с пехотным комбатом. (А у немцев артиллерийский офицер и солдаты-топографы входили в штат пехотного батальона.) Но, повторю, предположим, что командование 47А способно было использовать артиллерию только по шаблону: стащить к месту прорыва тысячи стволов и десятки эшелонов с боеприпасами и перепахать у немцев всю местность на переднем крае.

Тогда почему командование 47 А погнало в атаку все дивизии сразу, почему не наметило одно армейское место прорыва и не сосредоточило на нем все артполки своих дивизий? Получили бы 100–150 стволов на километр фронта, ими бы и пропахали пехоте коридор для прорыва. Почему предпочло гнать пехоту на немецкие пулеметы? Вопрос? Вопрос! И на него не ответишь: «Сталин приказал!» Сталин этого не приказывал, он приказал не давать немцам снимать резервы с других участков фронта, а решать эту задачу должны были командующие армиями и дивизиями. Они, именно они тупо губили наших солдат, а не Сталин.

Давайте на фоне этой тупости дадим из воспоминаний Лебединцева и пример сообразительности. Александр Захарович продолжает свой рассказ.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. У окраины следующего села стояли три наших сгоревших танка, напоровшихся на засаду противотанковых орудий. К вечеру вышли на рубеж железнодорожного полотна. В бетонной трубе под насыпью оборудовали место под командный пункт, так как сразу за насыпью по рубежу высот с отметками 174.8, 171.9, 171.1

находился заранее оборудованный огневой рубеж немцев, который они не спеша заняли и подготовились к встрече нас огнем. Я только в 70 лет узнал из немецких источников о мощной инженерной организации, которая занималась заблаговременно подготовкой таких рубежей для вермахта на протяжении всей войны с привлечением местного населения.

Выходя к этому рубежу, наши подразделения были подвергнуты обстрелу артиллерией и минометами. Мы, естественно, начали развертывание боевых порядков пехоты и выдвижение на огневые позиции своей артиллерии. На расстоянии 500–600 метров до переднего края противника наша пехота залегла и ожидала, когда артиллерия и минометы начнут подавлять вражеские огневые точки, мешающие продвижению наших стрелков. Будь у нас танки, мы могли бы атаковать с ходу, но бронечасти были на других направлениях.

Штаб и подразделения боевого обеспечения нашего полка нашли защиту за железнодорожной насыпью, а матушка-пехота залегла перед высотками на мокром лугу, где невозможно было даже окопчики отрыть, так как они тут же заполнялись грунтовой водой. Будь на нашем месте немцы, они сразу бы отвели свою пехоту на более сухое место, но у нас это расценивалось бы как отход и нарушение приказа «Ни шагу назад».

Солнце клонилось к закату, и свет его лучей бил прямо в глаза немцам, поэтому они неохотно вели огонь по нашей пехоте, откладывая это на завтра. Почти как всегда, командир полка послал меня вперед — в единственный в полку батальон Ламко, чтобы я установил все на месте и нанес на карту положение подразделений. Мой друг располагался за небольшим кустиком ольхи и собирался ужинать из котелка, который принес ему ординарец. Тихон Федорович велел дать ложку мне и предложил разделить с ним трапезу.

Тихон Федорович Ламко не имел офицерского образования. Войну начинал сержантом, был избран комсоргом батальона, отличился в боях еще на Кавказе, за что был пожалован орденом и званием младшего лейтенанта. На переформировании его назначили ПНШ-1, а меня к этому времени начальником разведки полка (ПНШ-2). В штабе работа была не по Ламко, и он попросился в батальон. Командир полка удовлетворил его просьбу, а меня назначили на его место. Судьба нас разлучила в штабе, но друзьями мы остались. Офицеры и бойцы полка ценили комбата Ламко за бесстрашие в бою и заботу о подчиненных и поэтому когда в полку остался всего один батальон, то его комбатом назначали Тихона Федоровича.

Вскоре к комбату подошли все командиры рот, которых он

заслушивал поочередно. Они докладывали Ламко о численности, о наличии боеприпасов, лопат, о грунте, о количестве раненых и поведении противника. Их доклад он подытожил своими выводами:

1. Отрывать окопы бесполезно, поскольку они заполняются водой на мокром лугу.

2. С наступлением светлого времени немецкие снайперы нас здесь на открытой местности перещелкают. Не сделали они это вечером, так как им светило солнце в глаза.

3. Прорывать оборону будем ночью без всякой артподдержки, только после залпового броска гранат. Сближаться в гробовой тишине. Начало атаки ориентировочно в полночь по готовности.

4. Каждому пехотинцу и пулеметчику выдать не менее трех ручных гранат.

5. Готовность рот буду проверять в 22 часа.

И тут же отпустил командиров рот.

С точки зрения Боевого устава отданные им распоряжения не соответствовали принятым канонам, но соответствовали обстановке. Я спросил моего друга, почему он не доложил командиру полка о принятом решении. На это он, подумав, ответил: «Возьму ответственность на себя. Докладывать об этом по телефону опасно: может не разрешить, а у меня другого выхода нет. Или возьмем эту траншею сейчас, или завтра утром нас перед ней немцы перебьют. А хочешь помочь по старой дружбе, оставайся со мной. Я буду увереннее себя чувствовать».

Я тут же позвонил по телефону своему писарю, надиктовал и приказал оформить полуночное боевое донесение, дать его на подпись начальству и отправить. Сам, мол, задерживаюсь по неотложным делам.

В 22 часа мы начали проверку с левофланговой 3-й роты. Убедились, что гранаты у всех бойцов в противогазных сумках, запалы к ним в карманах, у автоматчиков по 2–3 снаряженных магазина, скатки шинелей и вещевые мешки с котелками сложены повзводно. Попрыгав, бойцы убедились, что ничего в их амуниции не гремит. Комбат вполголоса напомнил бойцам боевую задачу и сказал, что пойдет с ними в одной цепи, и только по его команде будет первый бросок гранат по вражеской траншее. Стрелки заверили, что все они умеют снаряжать и бросать гранаты РГД. Главное, бесшумно подняться на высоту, сблизиться ползком, одновременно всеми ротами бросить гранаты, а затем стремительно ворваться в траншеи. Также мы проверили остальные роты.

От исходных позиций до вражеского переднего края было менее километра с подъемом по скошенному пшеничному полю.

Снопы были сложены по стерне в крестцы. Шли полусогнувшись, осторожно делая каждый шаг. Нервы напряжены до предела. Каждому казалось, что сердце бьется не в груди, а где-то под кадыком. Вдруг остановка. Впереди тихая возня. Лейтенант ведет двоих с поднятыми руками. Один из них полушепотом-повторяет: «Я поляк, я поляк», — делая ударение на первом слоге, а второй: «Я хорват». Эти вояки были в дозоре и спокойно уснули на мягких снопах. Очнулись, когда лейтенант уже овладел их оружием. Комбат отвесил им по зуботычине и напомнил, что Тито и Роля Жемерский воюют нашими союзниками, а они предатели, и выругался по-польски: «Пся крев…»

Этот инцидент несколько успокоил нас. Если дозорные спят, то в траншеях боевая готовность тоже не лучше. Немцы за полночь иногда бывали беспечными. Они даже не пускали осветительные ракеты. Последние метры мы преодолевали ползком. Наконец остановка. Солдаты снаряжают гранаты запалами. Мы с комбатом во 2-й роте, он поднимается в рост и громко командует: «Гранатой!» Весь вражеский передний край осветился разрывами гранат. Одновременно раздалось громкое «Ура-а-а!», и снова разрывы. Мало кому из вражеской пехоты удалось бежать во вторую траншею. В полутьме пустили вход штыки и ножи. Пленных не оказалось. Убитых свыше полусотни выбросили из окопов. У нас один был убит и трое ранены.

Связисты подключили телефон, и тут же голос командира полка: «Что у вас там творится?» Отвечаю, что захватили первую траншею противника. «Каким образом, по чьему приказу?» Отвечаю: «По приказу комбата Ламко». Получаю команду: «Батальону подготовиться к отражению контратаки, а тебе бегом в штаб».

Захватив поляка и хорвата, мы с посыльным быстро умчались под гору. Вот и железнодорожная насыпь. Начальство полка все в сборе. Громко обсуждают случившееся и набрасываются с расспросами. Всех беспокоит рассвет и неминуемая контратака. Я успокаиваю: не следует сейчас отрывать Ламко «указивками», так как он сам знает, что ему делать. Нужно готовить артиллерию и минометы для заградительного огня.

Командир дивизии в тревоге и требует подробного доклада. Командир полка передает мне трубку, и я подробно докладываю комдиву, чему был сам свидетелем. Его тоже тревожит предстоящая контратака. Чем можно помочь батальону? Отвечаю: «Если контратака будет с танками, то нужно ближе выдвинуть противотанковый резерв дивизии и хорошо бы привлечь и наши танки, если мы начнем преследовать».

До рассвета комдив сообщил, что на случай контратаки

противника с нашей стороны нас может поддержать одна танковая рота из соседней танковой бригады. Для этого ее комбриг прибудет на наш КНП.

Это утро мы ожидали с обостренным напряжением. И действительно, с восходом солнца немецкое командование послало немецкие подразделения, проспавшие и потерявшие свои позиции, восстанавливать утраченное положение, усилив их двумя танками и плотным артиллерийским и минометным огнем по занятой нами высоте. Наша дивизионная артиллерия поставила заградительный огонь и подожгла один из танков, но немецкая пехота продвигалась вперед короткими перебежками. Командир танковой бригады решил по радио вызвать свою танковую роту для занятия исходного положения. Но в этой роте на ходу оказалось только два танка. Причем, когда один из них делал крутой разворот, у него соскочила гусеница и ему необходимо было время для постановки ее на место. Остался ротный с одним танком, а за неисправности до начала атаки танкистов отдавали под суд Военного трибунала, поэтому командир роты со слезами умолял своего комбрига, приехавшего на своем командирском танке, дать его танк, пока танкисты не поставят гусеницу на неисправный.

Плотным огнем батальона Ламко и нашей артиллерии прямой наводки с насыпи мы заставили немецкую пехоту залечь. Начальник артиллерии полка майор Бикетов И. В. не только лично руководил стрельбой, но и сам наводил противотанковое орудие на цели. Майор Кузминов вел огонь из трофейного пулемета. Я не помню другого такого случая, чтобы командование полка лично участвовало в бою. Это был единственный прецедент для меня за всю войну. Но немцы держались в своей второй траншее и вели огонь по нашему батальону. Вот и решил комбриг отдать свой танк, чтобы поддержать нашу пехоту. Командир танковой роты побежал к своему экипажу с улыбкой, радуясь уступке командирского танка и тому, что не будет судим. Да, бывало и такое.

Танки благополучно спустились в овраг, незаметно для противника поднялись к нашему батальону и с обоих флангов внезапно оказались у немецкой траншеи. Они на полной скорости утюжили ее и стреляли по немецкой пехоте, которая спасалась бегством в Верхнюю Будакивку. Второй немецкий танк тоже был подбит нашими танкистами, они же подбили бронетранспортер командира пехотного батальона. В нем я позже обнаружил на его мундире оставленные в бегстве ордена и документы. Наша пехота вылезла из окопов и стоя наблюдала за расправой с немцами наших героев-танкистов. Видимо, то же самое испытывали немцы

в первые месяцы войны, когда почти безнаказанно продвигались по нашей земле и чувствовали свое несомненное превосходство перед нами. Я позвонил комбату Ламко, поздравил с окончательной победой и попросил поднимать батальон и преследовать немцев, пока они деморализованы. Полк с ходу овладел Нижней Будакив-кой и погнал противника на запад, не давая ему закрепляться на последующих рубежах практически до самого Днепра. На соседних участках противник тоже оставлял рубежи, и началось общее преследование.

Ю. И. МУХИН. Вот пример осмысленности, смелости и личной храбрости офицера, которого офицером сделала война. Его не учили до войны в училищах, он не оканчивал академий, но он действует, как и должен действовать офицер.

Форсирование Днепра

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. В ночь с 21 на 22 сентября полк выступил по маршруту Ковтуновка, Золотоноша, Вергуны-Пологи, Цибли и во второй половине дня 22 сентября подразделения сосредоточились в селе Городище, от которого до берега Днепра было не более двух километров. Это для всех нас оказалось настолько неожиданно, что, получив очередной лист топокарты, на которой была обозначена голубая лента Днепра, я был потрясен случившимся. У нас не имелось клея для склеивания листов карт, информации свыше об обстановке тоже никакой. И вдруг рядом седой Славутич, воспетый великим Кобзарем и другими писателями и поэтами. По радио кодограммой в район южнее Переяслава-Хмельницкого были вызваны к командиру дивизии три человека: майор Кузминов М. Я., начальник штаба полка майор Ершов В. В. и полковой инженер лейтенант Чирва Федор.

С помощью бинокля я смотрел на крутой правый берег реки. Он заметно возвышался над пологим левым. На противоположной стороне гнездились на пригорках украинские хаты-мазанки в окружении фруктовых деревьев. Это была Григоровка Каневского района. В ее северо-западной части поднималась высота с отметкой 244.5, от которой прямо к Днепру пролегал глубокий овраг, расширяясь и углубляясь к берегу реки. Южнее Григоровки и до села Бучак на том берегу простирались рощи. От села Городище до Днепра пролегала равнина, покрытая мелким кустарником и старицами после весенних паводков. Я быстро изучал местность по карте, так как имел обостренную память, как это и требовалось от разведчиков и штабных офицеров.

Вскоре вернулись все трое в полк. Я заметил резкую перемену в настроении и в суетливой деятельности командира и начальника штаба полка, спросил о боевом приказе дивизии, но начальник штаба сказал, что он отдан в устном порядке, поэтому и мне полковой приказ писать было не с чего. Только лейтенант Чирва не проявил никакой растерянности. Он (до войны бывший художник-оформитель из Краснодара) был склонен к выпивке, но в тот день был совсем «сухой». В его саперном взводе на тот день были только повозочный и один сержант. Конечно, при такой укомплектованности саперами чуда на переправе не совершить и он с сержантом пошел из дома в дом, разыскивая владельцев рыбацких лодок и мобилизуя хозяина и посудину на нужды армии. Очень много украинцев при отходе разбежались по домам, а тех, кто попал в лагеря военнопленных, охотно выпускали

полицаи за кувшин самогона и кусок сала от его жены и свидетельницы-соседки. Хозяевами изъятых лодок были преимущественно люди из пехоты, хорошо знавшие, что из себя представляет матушка-пехота и каков шанс пехотинца выжить, а тут лейтенант предлагал службу в саперном взводе. Они охотно «находили» свои лодки, спрятанные в камышах в затопленном состоянии.

Федя быстро укомплектовал взвод до полного штата, построил будущих бойцов и дал каждому прочитать в строю текст Военной присяги, скрепив ее подписью присягнувшего в своем блокноте. После чего на трех повозках транспортной роты ночью перевезли лодки к берегу и спрятали там в заводях, оставив часового. В ту первую ночь не было на берегу никого из дивизионных инженеров и саперов, некому было указывать пункты переправ для наших и других полков, не было и дивизионного начальства.

Мы с Ламко вывели его батальон к берегу и определили места ротам под кустами, чтобы скрыть их днем от воздушного наблюдения, так как в эту первую ночь не представлялось возможным начать десантирование.

Только за полночь одним рейсом на двух лодках нам удалось переправить Зайцева с его разведвзводом на тот берег. Гребцы доложили, что разведчики высадились без боя и ушли оврагом вверх. Весь день до наступления темноты я наблюдал в селе множество разрывов снарядов и мелких бомб, которые сбрасывали наши истребители. В небе постоянно сходились в атаках наши и вражеские летчики, стрельбы было много, но задымил только один наш истребитель. Были разговоры, что партизаны якобы захватили у немцев паром и что на плацдарме есть уже передовые группы 3-й гвардейской танковой армии, а село Зарубинцы занято подразделениями 161-й дивизии нашей 40-й армии, которой командовал генерал Москаленко К. С.

К утру я вернулся в Городище и доложил обо всем майору Кузминову, который решил следовать к Днепру вместе со своим заместителем по политической части майором Гордатием. Там они и провели весь день, наблюдая за противником. Я смог после завтрака немного уснуть, потом отвечал на звонки из штаба дивизии, а с наступлением темноты пришел с майором Ершовым на берег к переправе, хотя это слишком громко сказано. Мы просто стащили на берег все имевшиеся лодки и из семи шесть спустили на воду, а одну сохранили в резерве полкового инженера. Привязывали лодки веревкой за кусты и усаживали до десятка бойцов, в зависимости от емкости лодок. Некоторых солдат приходилось «приглашать» на посадку приличными

толчками в спину, так как они в Средней Азии не видели рек, кроме арыков, да еще и шириной до одного километра и глубиной до восьми метров, каким был в том месте Днепр.

Всей работой руководили командир батальона Ламко и его ротные командиры, а гребцами и загрузкой командовал Чирва. И тут появились три представителя штаба дивизии: дивизионный инженер майор Эшенбах, начальник связи майор Вайнтрауб Д. С. и заместитель начальника политотдела, тоже майор, фамилию которого мне не удалось установить. Последний начал давать всяческие указания по проведению политмассовой работы на плацдарме и задерживал отход лодок. Ламко посоветовал ему это сделать на том берегу, майор перешел на приказной тон, тогда Ламко приказал ему немедленно удалиться, что и сыграло роковую роль для комбата, получившего вместо полагавшегося ему звания Героя только орден Красного Знамени. Начальник связи дивизии наказывал привязывать кирпичи в качестве грузила к трофейной километровой бухте провода без единого сростка и в необычной красной полихлорвиниловой изоляции. Младший лейтенантОленич И. И., бывший начальником направления проводной связи от штаба дивизии в наш полк, повторял: «Есть-есть», а делал все по-своему, то есть просто разматывал катушку и опускал провод в воду. Он получил звание Героя не только за эту свою бесперебойно работавшую линию, но и за настоящую отвагу, проявленную при обороне КНП командира полка.

Дивизионный инженер не вмешивался в действия полкового инженера, так как ничего не выделил ему из своих средств. Он не чинил препятствий против представления Чирвы на Героя, но этот отважный человек, свершивший чудо переправы личного состава, артиллерии и всех грузов, не только не получил Героя, но и ордена Красной Звезды. Ибо его представление не было отправлено в штаб дивизии по вине начальника штаба полка Ершова, с которым они в сексуальном плане не поделили стряпуху Петровну. Чирва прямо на реке получил огромное осколочное ранение груди с удалением двух ребер. При, перевязке в полковом медпункте он шутливо спросил у нашего врача 48-го стрелкового полка: «Людочка, а как скоро я теперь смогу «перепихнин» принимать?» — и потерял сознание от огромной потери крови. Пролежал он в госпитале с октября 1943 до апреля 1944 года и догнал дивизию уже в Румынии. Командование полка никаких указаний не давало и очень хорошо поступало в том конкретном случае. Батальон был таким малочисленным, что за два рейса все были на том берегу вместе с командиром батальона Ламко и связью. Во время переправы в воздухе летали на запад и обратно самолеты с непривычным для

нашего уха гулом моторов. Их силуэты мы не могли наблюдать с земли, так как над рекой стоял туман. Старший связной сержант Митрюшкин отлучился по нужде в кусты, где обнаружил парашют и прибежал ко мне в панике, что немцы выбросили десант в наш тыл. Я побежал туда вместе с ним, чтобы выяснить обстоятельства, и услышал русскую речь. Вышел человек в десантном костюме и, узнав своих, рассказал, что только что приземлился с одного из тех самолетов, что проходят над нами в воздухе, так как идет выброска воздушно-десантной бригады в немецкий тыл. Видимо, их группу выбросили раньше расчетного времени и он оказался на нашей территории. Я повел его к нашему начальству, и он повторил свой рассказ.

Командование, естественно, обрадовалось, что нам в помощь выбрасывается даже воздушный десант. Тогда нам многое представлялось в розовом цвете, хотя многие факты говорили как раз о противоположном. Выброска того десанта в военной истории считается малоподготовленной и неудачной, ибо большинство десантников были уничтожены и пленены немцами, и десант не сыграл никакой роли. А собранные парашюты немцы использовали для обивки шелковой тканью потолков и стен своих блиндажей от просыпания грунта при бомбежке и обстрелах. После мы находили парашюты в их блиндажах, и солдаты делали из них портянки, а наши девицы умудрялись шить нижнее белье.

Ю. И. МУХИН. Хотел бы в этом эпизоде обратить внимание читателей на полкового инженера Чирву. Это, конечно, загадка, как художник-оформитель стал инженером полка. Но, как бы то ни было, он со своими обязанностями справлялся лучше, чем кадровое офицерство, причем как в техническом, так и организационном плане. Обратите внимание, как «элегантно» Чирва раздобыл полку крайне дефицитные лодки в бедной лесами Украине: отставив в сторону увещевания, он внятно намекнул, что если владельцы лодок вместе с ними не поступят сегодня на более безопасную службу в саперы, то завтра будут в пехоте.

О том, что могло бы быть с 48 сп, если бы не ум Чирвы, рассказал полковник запаса М. Я. Жеребцов, которому пришлось форсировать Днепр где-то рядом с 38 сд.

«В то время я был заместителем командира полка. А командиром приехал подполковник Путахин. И с ходу распорядился: «Немедленно форсировать Днепр». Я возмутился: река шириной в восемьсот метров с течением метр в секунду! А он мне: «Идите в тыл и там управляйте войсками. Я академию окончил». Пустили в воду первый батальон в полном составе. Кто умел плавать, кто не умел… Словом, из семисот человек ост&тось только

тринадцать, — а «горячею» подполковника Путахина в тот же день арестовали «особисты», и больше я о нем ничего не слышал».

Вот и сравните умственные способности выпускника военной академии и художника-оформителя из Краснодара.

Глава 9. О добросовестности и паразитизме
Бой за Кучерово

Ю. И. МУХИН. Ни для кого не секрет, что люди по отношению к поручаемому им делу делятся на добросовестных, живущих своим трудом, и паразитов, старающихся существовать за чужой счет. Уверен, что каждый читатель встречал в жизни и тех, и других, хотя тех и других в чистом виде относительно немного — основную массу людей составляет толпа, которая может быть и добросовестной, и паразитической в зависимости от того, какие настроения в ней преобладают. А настроения в массах создают начальники, по меньшей мере от них в этом деле очень многое зависит. И если начальник добросовестен сам, то есть безропотно тянет всю возлагаемую на него работу, то и его люди в основном будут добросовестными, а паразиты в такой организации будут выживаться из коллектива и презираться. Но если сам начальник — паразит, если он сам все время пытается взвалить свои обязанности на других, то паразиты в таком коллективе быстро возьмут верх, толпа будет равняться на них, а добросовестным придется плохо.

Это универсальные человеческие качества, они присущи людям и в мирное время. Но в мирной жизни организации, в которых начальник позволяет себе быть паразитом, агонизируют очень медленно, практически до тех пор, пока добросовестные еще не плюнули и не ушли. А на войне, как вы уже видели и раньше, части и подразделения с паразитами во главе достаточно быстро гибнут, но еще быстрее в них гибнут добросовестные.

Причина тут проста: начальнику Дело надо сделать, и ему, в принципе, все равно, кому его поручить, но если его поручить паразитам, то они уклонятся, и Дело не сделают, за что накажут начальника, поэтому приходится все новые и новые дела поручать только добросовестным. Кто везет, на том и ездят. Но на войне новые и новые Дела — это новые и новые бои, а в боях люди гибнут. И при паразитах-начальниках, уклоняющихся от своей обязанности заставить воевать всех, гибнут в основном добросовестные

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. В Архиве МО сохранился *«Частный боевой приказ 1 — й оперативной группы командирам 295-й и 339-й стрелковым дивизиям от 17.01.1942 года на 16.20. Штаб — Лысогорка. Карта 100.000. Противник обороняется на прежнем*

рубеже, создавая Ворошилов-градскую и Куйбышевскую группировки. «Командиру 339-й стрелковой дивизии усиленным стрелковым батальоном (не менее 700 человек) при поддержке всей своей артиллерии и большей части минометов и пулеметов решительной атакой овладеть высотой 73.1 и прочно закрепить ее за собой. Атаку начать ровно в 5.00 18.01.42 г. без артподготовки. Ответственность возлагаю на командира дивизии. Командующий опергруппой генерал-майор Козлов. Комиссар, полковой комиссар Александров». Как видно из вышеизложенного приказа, тут многое непонятно. В это время 339-я дивизия переходила из 9-й армии в 56-ю. Объединяла ли эта опергруппа обе эти армии или была составной частью одной из них? Во-вторых, на подготовку отводилось ровно 12 часов, а где было за это время взять батальон численностью в 700 человек?

Боевого приказа в общепринятом смысле в письменном виде в дивизии не отдавалось. В фонде 339-й диви-зии(1656, опись 1, дело № 11) приводится боевой приказ на проведение этого боя с одновременным описанием хода боевых действий и организационными выводами по наказанию виновников невыполнения этого приказа. Я выписал из Архива МО его полностью, но при проверке сделанных мной записей научный сотрудник архива ровно половину текста замазала черной мастикой и сделала это по существовавшему тогда приказу МО, в котором категорически запрещено делать выписки из документов ревтрибуналов и из приказов, в которых отрицательно характеризуются действия наших офицеров*. (Интересный приказ, не правда ли? 40 лет историкам и можно, и нужно было характеризовать Сталина только отрицательно, а офицеров — упаси господь хоть одного! (Прим. Ю. Мухина.))Так что она поступила вполне обоснованно. Были изъятия и в других моих тетрадях по этой же причине, но уже путем вырывания одной страницы полностью и одной наполовину. Так что при полном моем желании я не могу привести текст полностью и восстановлю его из того, что у меня сохранилось.

«Боевой приказ 339-й стрелковой дивизии от 17.01.1942 года. 1135-й стрелковый полк с дивизионом 756 ап, 3/1137 сп, двумя ротами отдельного батальона противотанковых ружей, мотострелковой ротой дивизии, дивизионной школой младшего начсостава, разведротой дивизии, 1/1137 сп, минбатр 1137 сп (восемь минометов 82-мм), при поддержке 3,4, 6 батарей 900 ап. (574 отд. тяжелый артдивизион к началу операции не прибыл ввиду непроходимости дорог и отсутствия горючего). Полк имел задачу овладеть высотой 73. 1. У противника здесь было 10–12 стрелковых и пулеметных окопов, артиллерия на прямой наводке.

Восточные скаты имели большую крутизну и были обледенелы. В связи с этим было принято решение наступление на высоту 73.1 вести со стороны Кучерово, то есть предварительно овладеть этим маленьким селом. На восточной окраине этого населенного пункта имелось 5–6 пулеметных гнезд и отдельные стрелковые ячейки. Вся территория от Большой Кирсановки до Кучерово простреливалась несколькослойным огнем, фланкирующим с выс. 73.01. В 5.40 18.01.42 г. 1135 сп начал атаку Кучерово. До 18.20 полк дважды атаковывал Кучерово. Противник, оставив часть окопов восточнее Кучерово, отошел западнее, но шквальным огнем отбил обе наши атаки. В результате боя полк потерял убитыми 4человека и ранеными 19. Два миномета и два орудия выведены противником из строя. С наступлением сумерек полк отошел в исходное положение. Противник оказывает упорное сопротивление в районе Кучерово и выс. 73.1. Огонь минометов из Шапошниково и бумфабрики. В 8.55 обстрелял северо-западную окраину Матвеев курган. Температура минус 18гр.

19 января в 5.00 дивизия возобновила частную операцию 1135 сп по захвату выс. 73.1 ударом групп из 1 и 2 стрелковых рот и мотострелковой роты дивизии. 2-я ср имела задачу атаковать Кучерово с восточной стороны с фронта, 1-ясрс севера и мер в обход с юго-запада. Резерв командира полка — рота истребителей танков и дивизионная школа МНС (младшего начсостава). Атаки стрелковых рот были встречены сильным пулеметным и минометным огнем. Роты залегли, а мер начала отход в исходное положение. С наступлением темноты все подразделения отошли на занимаемые позиции. Убиты 3, ранены 7 чел. Приказ дивизии от 24.01.42 г. (далее полстраницы в моей рабочей тетради замазано мастикой)..20.1 истребительная рота ворвалась в Кучерово, в течение 1,5 часа вела гранатный уличный бой, уничтожила около 100 человек и минбатарею противника из 6-ти минометов. В самый ответственный момент, когда 1135-йсп вел бой, выполняя боевую операцию в течение шести часов (с 3-х до 9) — был порыв проволочной связи. Отсутствовала связь командного и наблюдательного пунктов. Начальник связи лейтенант Василевский не принял мер к ее налаживанию. В этом бою отличился своими храбрыми и умелыми действиями командир роты лейтенант Чернявский. Командир взвода роты истребителей танков лейтенантИщенко в уличном бою уничтожил восемь фашистов. Политрук роты Замоздря вел себя крайне пассивно, командир взвода лейтенант Доценко ушел с поля боя в Большую Кирсановку. Для обеспечения частной боевой операции 1135 сп командиру 1137 сп майору Серову был отдан приказ к2.00 19.01.42 г. сменить 1-йсб 1135сп. Майор Серов батальон сменил в

4.00 19.1.42 г., тем самым сорвал реальность участвующих сил в боевой операции 1135 сп. (В приказной части приказа пункты: а, б, в, и г с наказаниями виновных заштрихованы полностью. — А.Л.): Командиру 1135 сп командира роты истребителей танков лейтенанта Чернявского и командира взвода старшего лейтенанта Ищенко немедленно представить к правительственной награде. Всем командирам и комиссарам частей после каждой проведенной операции делать подробный разбор, извлекая опыт. Всех проявивших в бою храбрость и умелое руководство боем бойцов, командиров и политработников немедленно представлять к соответствующим боевым наградам. Трусов, не выполнивших боевой приказ, арестовывать и предавать суду Военного трибунала. Еще раз изучить всем командным составом директиву Ставки ВГКв отношении использования артиллерии и указания Главкома Юго-Западного направления Маршала Советского Союза Тимошенко об организации и ведении наступательных действий в зимних условиях. Настоящий приказ довести до сведения до командира взвода включительно. Общие потери за трое суток боев составили: убиты 11 человек, ранены 55 человек, обморожены 17 человек. Приказ подписали: Командир 339-й стр. дивизии полковник Морозов, комиссар дивизии полковой комиссар Григорьев и начальник штаба дивизии полковник Рыбин». (Пункты приказа приведены с соблюдением всех условных сокращений, приведенных в Наставлении по полевой службе штабов и с сохранением стилистики.)

Если я буду снова допущен в Подольский архив МО, то попытаюсь рассекретить вымаранные страницы того приказа, в котором были приведены факты трусости, нераспорядительности и неумения организовать в полковых звеньях бой, о чем я постараюсь рассказать ниже.

Как видно из текста приказа, задача четырем полковым разведывательным группам в приказе не определялась, да и роте истребителей танков она не ставилась, так как ее задача была вести борьбу с танками. Рота была определена состоять в резерве командира полка вместе с дивизионной школой младших командиров. Почему же ее и разведгруппы послали вместо пехоты наступать на Кучерово? Ответ может быть только один: «Кто везет, того и погоняют». Чернявский слыл в полку как храбрый и волевой командир, его заместитель Ищенко был под стать своему начальнику. Это решало иногда успех этой роты.

Но в данном случае, если судить по содержанию и лексике боевого приказа дивизии, боевые задачи 1135 сп комдивом были поставлены неграмотно и с точки зрения тактики, и с точки зрения полевой службы штабов. Более того, ни один человек из

командования дивизии не удосужился лично проверить готовность нашего полка к ведению наступления и проконтролировать ход боевых действий. А командование полка за трое суток боев ни разу не вышло из штаба полка, «руководя по телефону», при порванной телефонной линии.

Вышеприведенный приказ фактически не был боевым приказом в общепринятом понимании Боевого и Полевого уставов. Его фразы, скорее всего, были переписаны из боевого донесения, написанного начальником штаба нашего полка капитаном Веревкиным с моего рассказа.

Ю. И. МУХИН. Прерву Александра Захаровича для некоторых расчетов. На высоте 73.1 оборонялась, скорее всего, немецкая пехотная рота, один взвод которой был выдвинут в Кучерово. Атаковал эту роту полк, в составе которого только стрелковых рот девять. Правда, они даже в штатной численности вдвое малочисленнее немецких, но и в этом случае перевес раза в три. Кроме этого, из дивизии было придано еще минимум 5 рот, так что общий перевес в пехоте вряд ли был меньше, чем в пять раз.

Исходя из того, что имел на вооружении немецкий пехотный полк, можно предполагать, что на высоте 73.1 могли быть не более двух-трех минометов калибра 81-мм, позиции пары 37-мм противотанковых пушек и одно-два пехотных орудия калибра 75-мм.

Что из штатной артиллерии сохранилось в 1135 сп, Лебединцев не пишет, но, наверное, в полку сохранилось до десятка 45-мм противотанковых пушек, пара десятков минометов калибра 82—120 мм и штуки четыре полковых 76-мм пушек. Кроме этого, атакующим придавались восемь 82-мм миномета и около 12 орудий калибра не менее 76 мм. То есть и по артиллерии на этом участке перевес был за нашими войсками. А каков результат?

Дивизионное начальство спряталось в глубоком тылу. полковые командиры тоже в тылу заложили окна в хате саманом и из прокопченной комнаты к месту боя не выходили. А батальонные и ротные командиры — они что, дураки? По сигналу атаки они из окопов вышли и при первых немецких выстрелах залегли. И лежали весь световой день. Но поскольку немцы их и лежащих доставали минометами, то были и потери. Если хотите, то паразиты лежали и ждали, когда же начальство найдет добросовестных, чтобы те сделали их работу.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Первые двое суток мы, разведчики, слышали перестрелку и слухи о наступлении мелких подразделений на Кучерово и на высоту 73.1. Эти оба объекта были нам хорошо знакомы.

На высоту почти ежедневно делали налеты наши самолеты с ростовских аэродромов. Это были знаменитые на Халхин-Голе «чаечки» или «И-153», считавшиеся истребителями. Они далеко уступали в скорости немецким истребителям «Мессершмит-109» и «Фокке-Вульфам» — «раме», как его все именовали на фронте. Был знаком еще один вражеский самолет — «Хеншель-126», или «костыль», как его называли наши воины. Это был самолет-разведчик, и он одновременно использовался артиллеристами для корректировки с него огня наземной артиллерии. Там, где он появлялся, всегда можно было ожидать массированный налет артиллерии по тыловым целям. Скорость его была невысокой, и к лету 1942 года он был окончательно заменен «рамой». В ясные дни наши «ястребки», как правило, делали вылет на бомбежку этой пресловутой высоты 73.1. В чем ее было стратегическое или оперативное значение, сейчас никто не назовет. Возможно, что и не было вовсе. Гораздо важнее было бы подавлять артиллерию и танки в глубине вражеской обороны и расположение резервов. Но летчики боялись глубоких вылетов, где в случае выброски с парашютом можно было оказаться в плену у немцев. Пехота и мы, разведчики, всегда с интересом наблюдали, как эти «чаечки» сбрасывали по две бомбы на эту высоту и, выстроившись в круг, строчили из своих пулеметов по окопам противника, потом улетали на свой аэродром, покачивая нам своими крылышками.

Но не всегда эти полеты заканчивались благополучно. Однажды пулеметным огнем немецкой пехоты была подбита одна наша крылатая машина. Загорелась нижняя плоскость, и летчик вывел машину из круга и повел на посадку почему-то не на нашей территории, а в тыл противника, где и приземлился. Летчик вылез из кабины и принялся гасить свою одежду, барахтаясь в снегу. Немцы бросились из окопов для захвата пилота. Но друзья не оставили в беде своего товарища, и весь пулеметный огонь перенесли на пехоту, а один из пилотов совершил посадку рядом и помог другу, втащив его в одноместную кабину, и взлетел. На следующий день во время полета наших самолетов к этой высоте в небе внезапно объявился «Фокке-Вульф» и двумя очередями сумел сбить две наши «чайки». Высота полета была малой, и оба летчика погибли. Пять наших «чаек» били со всех своих пулеметов по одной этой «раме», но не смогли сбить. Немец так и ушел на бреющем полете в свою сторону, оставляя дымовой след, видимо, от форсажа двигателя.

Высота 73.1 в это время года была заснеженной, и атака ее с восточной стороны становилась практически невозможной из-за обледенения, тогда как немцы могли обороняться с этой стороны со своих глубоких окопов одними гранатами. Не знаю, кому

принадлежала идея привлечь на третий день боев роту истребителей танков и взводы разведки полка. Мы и так не сидели без дела эти два дня, но 19 января нас, всех четырех командиров взводов, собрал в нашей хате капитан Татаринцев, объявив, что во второй половине ночи мы должны атаковать Кучерово и разгромить немецкое боевое охранение.

Помню, что в этот день мои разведчики принесли с мельницы муки, раздобыли квашеной капусты и картошки в покинутых домах. Хозяйка дома согласилась приготовить вареники из этих припасов, и разведчики весь день помогали ей в этой затее. Вечером за большим артельным столом мы ужинали и впервые решили выпить на ночь положенные «наркомовские» сто граммов. Присутствовали все четыре взводных командира и сам начальник разведки капитан Татаринцев. Как непосредственный начальник, он ничего не сказал о предстоящей боевой задаче, кроме того, что все группы будут атаковать Кучерово с фронта (я со своим взводом на самом левом фланге, потом все остальные в порядке своих номеров). Выпитые им более чем сто граммов раззадорили его, и он заявил, что «погибать» будет вместе с нами и даже назначил разведчиков, кто его будет выносить из боя раненым или погибшим. Этот наказ я особенно хорошо запомнил.

Мы еще имели время уснуть до полуночи. Проснулись без напоминаний. Я приказал всем вынуть противогазные коробки и маски и заполнить сумки ручными гранатами. Запалы к ним все вложили за передний клапан шапки-ушанки, на манер газырей на черкеске. Половина разведчиков имела белые маскхалаты, которые мы надели на ватные штаны и телогрейки. Как мне тогда хотелось иметь автомат! Но их в войсках еще не было. А на трофейный «Шмайсер» закончились патроны. Я вооружился запасной самозарядкой с двумя снаряженными магазинами «на ремень, за спину». Примерно в два часа ночи собрались все четыре взвода у переправы по льду через реку Миус. Лед был усилен положенными на него досками. Наш бравый капитан безучастно толкался среди других подразделений полка. Появилась рота истребителей танков под командованием лейтенанта Чернявского, и я решил держаться рядом с этим волевым командиром. (Татаринцев так ничего мне не сказал о том, как держать с ним связь.) За речкой была рощица — очень редкое в этой безлесной стороне явление природы. Ни одного человека из числа командования, штаба или политработников не было — пять подразделений шли в бой отдельно. Мела поземка с севера, и мы вышли на восточную опушку. Где-то в полукилометре должен был находиться хутор Кучерово, в котором располагалось вражеское боевое охранение силой до

одного пехотного взвода, усиленного пулеметами. Нейтральная полоса в этом районе была более одного километра, а хутор располагался примерно посредине этой полосы. Двое суток боев должны были насторожить вражеское охранение немцев, а возможно, привело и к благодушию, так как один пехотный взвод выдержал и сумел отбить несколько наших атак более превосходящих сил. Правда, тогда-то я так не рассуждал с вершины моих девятнадцати лет. Одним словом, стрельбы с их стороны не было. При выходе на опушку на меня нарвался Чернявский и увидел, как я настраиваю азимут моего компаса в восточном направлении. Это ему понравилось, и он похвалил меня за находчивость. Тут же предложил наступать вместе. Других разведвзводов я рядом не видел и охотно согласился действовать вместе, полагаясь на его больший опыт и находчивость.

В его роте было не более двадцати пяти человек. С ним был его заместитель лейтенант Ищенко. Он вполголоса подавал команды, выстраивая в цепь своих людей. Я выделил трех разведчиков и послал их вперед. У одного из них тоже был компас. Расчет мой был прост: вывести людей не на вражеские пулеметы с фронта, а прикрываясь снегопадом и темнотой, обойти хутор и ударить с тыла без шума, внезапно. Шли мы тихо и не спеша. Дозорные доложили, что мы уже прошли западную окраину хутора. Вскоре мой взвод и рота противотанкистов подошли к восточной окраине. Здесь мы разделились, так как хутор имел всего одну улицу с двумя порядками домов и Т-образный перекресток в районе переднего края. Рота прочесывала северный порядок домов, а я со взводом — южный. Все дома были пустыми. Я это знал из прежних наблюдений за хутором, как знал и то, что все немецкое охранение располагается в подвалах и погребах последнего переулка. К переулку мы вышли одновременно. Люди залегли за каменной изгородью. Все понимали, что впереди враг, нас разделяло 50 метров переулка. Недалеко от нас колодец с журавлем. Из одной хаты напротив выходит солдат с пустым ведром и направляется к колодцу. Чувствую, что сердце стучит не в груди, а где-то у гортани. Справа от меня Телеков Таджимукан показывает мне нож и кивком головы показывает на солдата. Я даю понять, что согласен. Но в этот момент слева поднимается во весь рост лейтенант Ищенко Ефим Парфенович и говорит:

— Фриц, ком, ком.

Немец в свою очередь спрашивает:

— Пароле?

— Какое там пароле, иди сдавайся в плен, — отвечает

Ищенко и бросается на солдата, сбивает его с ног и пытается заткнуть ему рот своей солдатской варежкой. Немец кусает ему руку, вскакивает и, делая два шага, получает выстрел из ракетного пистолета в самый затылок. Тут настигает его Таджимукан и наносит удар ножом. Все это длилось не более пяти-семи секунд. Вскакивает Чернявский и сбрасывает с ушанки немецкую каску, которая задребезжала как пустое ведро по мерзлому грунту, и во весь голос кричит: «За Родину! За Сталина! Ура!» Поразительно, но факт, что на его призыв откликнулся только я один, пропев своим фальцетом: «Ура-а-а!»

Меня никто не поддержал. Все вскочили, а наш разведчик Кочуровский выдал многоэтажный мат и закричал: «Бей гадов!» Эти слова больше вдохновили бойцов и все стали кричать «бей!», открывая огонь из оружия. В один миг перебежали переулок и стали бросать в окна хат гранаты. От ракеты запылала соломенная крыша. Из дальних строений послышались команды на немецком языке и автоматные очереди. Солдаты сразу сообразили, что немцы будут выскакивать через двери и стреляли в дверные проемы. Рота действовала влево, а мы вправо, и минут за десять все было кончено. По сути дела, велся гранатный бой с обеих сторон, но инициатива была за нами и внезапность на нашей стороне.

В первом дворе я бросил гранату в окно хаты и сразу упал от взрыва немецкой гранаты, в голове появился звон. Но я мигом вынул запал и трясущимися пальцами стал запихивать его в гранату, на это ушло несколько секунд. Когда я поднялся в рост, то увидел, что разведчики уже во втором дворе орут и бросают гранаты. Я снова вошел во двор, где только что бросил в окно хаты гранату, и увидел четырех солдат, стоявших безмолвно. Очередная вспышка ракеты — и я понял по светлым пуговицам на шинелях, что это немцы. Почему они не стреляли по мне, до сих пор не могу понять. Видимо, приняли меня за своего, так как у них зимой некоторые офицеры ходили в белых маскхалатах. Занемевшей рукой я бросаю гранату им под ноги и падаю сам. Граната взорвалась, но я не уверен в ее мощности и срываю с поясного ремня гранату Ф-1, прыгаю через каменную изгородь и бросаю туда же вторую. Сильный взрыв и стоны там прекращаются. Подбегаю к лежащим немцам, у крайнего срываю погон и трясущимися руками на ощупь, срывая пуговицы, лезу в карман и достаю бумажник, полагая, что в нем есть документы. В этих своих самостоятельных действиях я позабыл о взводе, о своих людях. Слышал голоса Кочуровского, Телекова и сержанта Босова.

Весь передний край немцев осветился сплошными

всполохами ракет. Противник поставил плотный заградительный артиллерийский и минометный огонь перед передним краем своего боевого охранения. Две значительных резервных группы противника двигались с его переднего края в нашем направлении, нагло освещая свой путь ракетами, а у нас ни одного пулемета и ни одного автомата. Да и гранаты использовали все в дело. Понимало ли это наше начальство или нет? Слышало и видело ли оно то, что происходило здесь? Этого теперь никто не скажет. Было сказано, если возьмете «языка», то сигналом на выход будет зеленая ракета. Такая ракета последовала, и мы через лавину заградительного артиллерийского и минометного огня противника начали прорываться к реке. Разрывом снаряда меня сбило с ног, и я лежал в канаве, хватал ртом лед и снег, так как все мои члены от контузии и страха близких разрывов отказались служить. Мне трудно было дышать от дыма рвущихся рядом снарядов и мин. И когда огонь был перенесен на другой рубеж, я смог подняться и медленно пошел в рощу, которая тоже обстреливалась минами. Они взрывались от первого соприкосновения с любой веточкой и, разрываясь в воздухе, поражали все кругом. Здесь я увидел двоих своих разведчиков, которые искали меня. Они что-то спрашивали, но я ничего не слышал, оглушенный близкими разрывами. Мы перешли через помост на льду, и я увидел начальника разведки. Он тоже спрашивал меня о чем-то, но я не мог его понять. Я расстегнул клапаны ушанки, и стал лучше слышать. Здесь еще подошли несколько моих разведчиков. Все они изнемогали от усталости, одному перевязывали голень ноги.

Татаринцев дал команду идти в свою хату и собираться там. Меня тошнило. Разведчики были в забытьи и в изнеможении бесцельно перекладывали оружие и боеприпасы, искали гранаты. Через некоторое время пришли Кочуровский и Телеков. Первый матерился, кого-то обвиняя в плохой поддержке артиллерией и минометами. Особенно возмущались тем, что, кроме нашего взвода и роты истребителей танков, больше никто не пошел в это наступление. Видимо, все отсиживались в роще, так как ни один человек не руководил боем ни по линии командования, ни по линии штаба. Не появился ни один из политработников. Видимо, никто не верил в какой-либо успех жалкой кучки солдат после трех суток бесплодных боев, которые тоже прошли без всякого руководства со стороны дивизии и командира полка, который даже не имел оборудованного командно-наблюдательного пункта.

Но вернемся в нашу хату, в которой собирались после боя разведчики. Последними, как я сказал, явились Телеков и еще один наш разведчик. Халат замполитрука был весь в крови. Я

подумал, что он ранен и предложил раздеться и сделать перевязку. Но разведчик сказал, что это на нем кровь немцев, которых он заколол ножом, когда они выскакивали из хат. Сам Таджимукан молча осматривался вокруг и не говорил ни слова. Взгляд его был безумным и отрешенным. Потом у него началась икота и сильная рвота, видимо, от запаха крови. Разведчики, как могли, оказывали ему помощь, так как все уважали его за отвагу, дерзость в бою и за теплую дружбу со всеми нами. После той первой нашей вылазки под Рождество он так и не вернулся в роту автоматчиков. Была у меня длительная тяжба с его командиром роты, но Миша нашел защиту у комиссара полка и остался в нашем разведвзводе со своим ППД.

Самым печальным сообщением пришедших было то, что на их глазах очередью в упор был убит помкомвзвода сержант Босов. Это известие меня потрясло окончательно. Я упал на горку зерна пшеницы в углу комнаты и дал волю слезам, так как это для меня была первая потеря в бою очень близкого человека. Хозяйка дома вполголоса причитала и молила всевышнего за нас, а остальные разведчики почему-то начали чистить оружие. Я находился в забытьи, когда посыльный потряс меня за плечо. Оказалось, что меня вызывают в штаб полка.

Я был готов ко всяким неожиданностям. Шел, почти не пригибаясь, хотя пули визжали рядом. Наступавший день был пасмурным. Немцы непрерывно обстреливали село по площадям. Двор штаба сильно простреливался пулеметным огнем, но я сумел прошмыгнуть в дверь.

В штабе дымили коптилки. Начальник штаба капитан Веревкин что-то писал и кивком головы дал мне понять, чтобы я прошел во вторую комнату. Войдя без стука, я увидел, что здесь совсем нет дневного освещения. За столом сидели командир полка и комиссар. Перед ними стояли командир роты истребителей танков лейтенант Чернявский и его заместитель старший лейтенант Ищенко. Кисть правой руки Ищенко была перевязана бинтом, а ватные брюки ротного все изрешечены гранатными осколками и в дырах белела вата. На столе стояла пустая бутылка, к которой, видимо, мои собратья приложились. В комнате было невероятно душно от копоти и непроветривания, так как окна были заложены саманом для противопульной безопасности. Говорил Чернявский о том, как мы ворвались, как вели бой и как нас не поддержали все другие подразделения. Речь его была сбивчива и чередовалась вопросами: почему? кто виноват? Я доложил о прибытии. Комиссар спросил, обращаясь ко мне: «Какое оружие имеешь?» Я указал на пистолет, гранату за поясом и противогаз. Он ответил: «Все придется сдать». Я сразу

спросил: «На каком основании?» И тут он усмехнулся и, обращаясь к Чернявскому, сказал: «Аты говорил, что Лебединцев боевой командир, а он струхнул, когда я приказал сдать оружие». Какими были плоскими шутки у нашего начальства!

Далее он пояснил, что из политотдела дивизии позвонили, чтобы двоих отличившихся в сегодняшнем бою направили в Дом отдыха 56-й армии в Ростове-на-Дону. Вот выбор и пал на Ищенко и на меня. Я сразу заметил, что в первую очередь этого достоин Чернявский, но он сказал, что его не примут с осколками в заднице. Это пояснение комиссара прервало, видимо, очень неприятный разговор, который состоялся до меня у Чернявского с командиром полка. Комиссар предложил отдыхать до вечера, а по темноте нас довезут на его персональных санках до политотдела дивизии, где нам вручат направление.

Я подошел к начальнику штаба и, доложив о решении командира полка, просил его согласия оставить временно за меня Телекова Таджимукана. Он согласился и приказал мне подробнее рассказать о том, как проходил наш ночной бой. Я без прикрас все изложил по порядку. По-видимому, первоисточником вышеприведенного боевого приказа и послужило боевое донесение капитана Веревкина в штаб дивизии, в котором он изложил то, что услышал от меня, несколько приукрасив события и сильно завысив потери противника. Должен сказать, что после нашего ухода контратакующая группа немцев сожгла оставшиеся строения и больше там не держала боевое охранение, так как эффект его был исчерпан. Невыгодно было и нам держать там свое охранение.

Ю. И. МУХИН. В описании этого боя у Александра Захаровича есть неувязки, которых в других случаях нет. Он пишет, что они оставили Кучерово, поскольку у них не было пулеметов. Но пулеметы были — трофейные. И они все умели ими пользоваться. Так что дело не в этом. Думаю, что, захватив Кучерово, они ждали остальные подразделения полка, но те трусливо отсиживались, надеясь, что добросовестные сделают за них всю работу. И добросовестным надоело таскать каштаны из огня за паразитов, в связи с чем Чернявский и дал команду на отход.

А теперь еще один рассказ о добросовестных и паразитах.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. 31 декабря 48-й полк, сменив 42-й полк, сбил сопротивление немцев и развил наступление на Вильшанскую Новоселицу, которой сутра 31 — го декабря овладел. Здесь мы встречали наступление Нового, 1944 года. Третьего Нового года в моей жизни на войне. Полк — опять громко сказано, так как снова все остатки двух батальонов

сведены в один батальон, которым теперь командовал Кошелев. Накануне этот комбат повел свой батальон балкой и внезапно с тыла атаковал населенный пункт Петривка, в котором располагались тыловые обозы противника. Немецкие ездовые хотели встречать здесь наступление Нового года, поэтому почти в каждой крестьянской хате была установлена елочка, украшенная маленькими флакончиками с выпивкой; шоколадками и другими подарками из фатерланда. Все это досталось нашему батальону в качестве трофеев. Было кое-что и в обозе, поэтому Кошелев пригласил прислать моего писаря на санках, чтобы поделиться с офицерами штаба трофейными деликатесами. Когда писарь Евдокимов вернулся, мы обнаружили в коробках пять бутылок шнапса, плавленые сырки, рыбные консервы, тушенку, даже яблоки и по одному апельсину на каждого. Хозяйка отварила нам рассыпчатого картофеля в мундире и принесла из погреба миску, почти как таз, с солеными огурцами и квашеной капустой. Ровно в полночь немцы «поздравили» нас несколькими залпами из 105-мм орудий. Через час наша артиллерия сделала ответный залп. Орудия находились невдалеке от штаба, и их позиции немцы засекли довольно точно. Мы не успели выпить и по одной рюмке, как с той стороны полетели снаряды по огневым позициям нашей артиллерии и разрывы оказались совсем рядом, а один снаряд попал в крышу нашего дома и взорвался на чердаке над русской печкой, на которой спал командир химвзвода. От взрыва снаряда сильным ударом бревна прямо в лоб был убит совсем молоденький лейтенант. Конечно же, праздник был испорчен.

Утром 1 января я после завтрака выехал на санках в Петривку, а там уже находился командир полка, но не в силу необходимости быть ближе к своим подразделениям, а только потому, что в батальоне запахло трофеями, тем более со шнапсом. Чтобы найти командира или штаб во фронтовой полосе, не нужно спрашивать солдат о местах их нахождения, а смотреть, куда ведут провода полевого кабеля. В одной из хат, в чисто прибранной комнате сидела телефонистка Дуся Лурга с телефонной трубкой, подвешенной петлей из тесемки на голове у уха. Она сделала мне знак пальцем у губ, чтобы я без нужды громко не разговаривал, и кивком головы показала, что «сам, ноль перший» находится на русской печке.

В это время зазуммерил телефон, и она вполголоса попросила: «Товарищ ноль перший, визьмить трубку». Оказывается, на печи тоже стоял телефон, и она присоединила перемычку провода к его клемме. Бунтин вальяжно взял трубку, назвал себя по позывному и коду должности. Дуся знала, что в таких случаях штабные офицеры всегда подслушивают разговоры

и доклады старших начальников, чтобы быть в курсе полученных и отданных распоряжений, и дала мне отводную трубку. Говорил по телефону начальник штаба дивизии подполковник Хамов П. Ф. — «ноль другий «Бокала», которому было известно о захвате нами Петривки, он тревожился за ее удержание и просил принять меры к ее обороне на случай контратаки немцев. Бунтин заверил, что все необходимые меры он принял… Внезапно в линию вклинился новый незнакомый голос, который сказал примерно следующее: «Петр Филиппович, если вы хотите, чтобы было все выполнено, о чем вы сказали, то попросите телефониста переключить вас на командира батальона Кошелева и передайте все это ему лично. Тогда будет все сделано непременно. Ведь Бунтин все вам врет, вероятно, с какой-либо печки, ничего лично не наблюдая». Я подумал: не ясновидец ли комдив? Или он понял всю психологию нашего Бунтина, или, имея немалый опыт командования полком, сам поступал не раз подобным образом? Наш отец-командир не вымолвил ни слова, но я подумал, что мне нужно смываться тихо, чтобы он не увидел меня из-за «грубы». Это была моя первая негласная встреча с «новой метлой», то есть новым командиром дивизии.

Ю. И. МУХИН. В этом эпизоде особо нечего комментировать: все в нем по принципу — кто везет, на том и ездят. Комбат Кошелев, добросовестный офицер, фактически командовал 48-м полком, ему комдив и указания дает через голову паразита — официального командира полка.

В плане темы о добросовестности хочу привести эпизод из уже упомянутых мной воспоминаний А. В. Невского. К началу войны Александр Васильевич Невский был уже солидным человеком — ему было почти 39 лет. Работал главбухом, а перед войной управляющим конторы, снабжающей лесом наркомат нефтяной промышленности. Во 2-й стрелковой дивизии он, лейтенант запаса, довольно быстро стал командиром батальона связи. Батальон почти весь состоял из запасников, более того, в неудачном бою погибла часть командиров рот, поэтому на офицерских должностях служили сержанты. В батальоне писалась история, которой А. В. Невский пользовался при написании своих воспоминаний, поэтому они у него при всей их литературной корявости достаточно точны по датам, фамилиям и фактам. А. В. Невский рассказал такой случай, когда он был еще адъютантом старшим (начальником штаба) батальона.

«В июле 1942 года, прибыли два офицера, кавказцы, для прохождения службы: Дзыба Абдулах Кайматович, коммунист, национальность — абазинец (всего один аул), исключительно трудолюбивый, отлично знающий свое дело, впоследствии был нач.

штаба 192 ОБС.

Второй — лейтенант, коммунист Гутиев Хазби Темболатович, был учителем, национальность осетин, тоже отличный специалист.

18 августа 1942 г. отмечался День авиации, поэтому случаю из ДОЛ (Дивизионный обменный пункт — склады дивизии) предупредили, что будет выдано по 100 грамм водки. Чем руководствовались нач. связи дивизии майор Малафеев С. А. и командир 43 отд. батальона связи капитан Бабаев Г. П.? Они верхом на лошадях поехали на ДОП, встретили подводу батальона связи, на которой везлась водка, остановили, сначала выпили немного, а потом вообще водка до нас не дошла.

Офицерский состав решил смыть с себя этот позор. Были собраны деньги, и лейтенант Цыганов, сам из города Боро-вичи, направился на полуторке за водкой, купил ее, и все были удовлетворены, но комиссар Скворцов Н. М. раздул дело, в результате чего Малафеев С. А. и Бабаев Г. П. были отстранены и переведены в другие дивизии.

10 сентября 1942 г. прибыл вновь назначенный начальник связи 2-й стр. дивизии, кадровый офицер, майор Куликов М. С, он так и остался майором до конца войны. Авторитетом, как в штабе дивизии, так в полках у связистов и в батальоне связи не пользовался, прозвище — «гнусавый».

Завистлив, жаден, подозрителен и труслив. Как-то раз зашел в продуктовый склад, взял у кладовщика Никитина (из Ладоги) банку консервов. Когда Никитин мне доложил, я пошел, чтобы отобрать ее у него, но он уже пожирал, мне пришлось без всяких обиняков его предупредить, что, если я его еще раз застану на складе — пристрелю. Через некоторое время он направил своего заместителя капитана Левченко, тут я вытащил наган и выпроводил гостя. Вот таким языком мне приходилось разговаривать со своим начальством.

Куликов полагал, что повар для меня готовит разносолы, и поэтому питался с кухни батальона связи. Я всю войну питался с общей солдатской кухни. Были дни, когда из продуктов была только соевая мука (американская). Приходит повар Шеметенко В. Н. и говорит, что его солдаты будут ругать — обед никудышный. Иду к кухне снимать пробу, Шеметенко наливает, стоит очередь за обедом, я ем обед с видимым удовольствием со словами «наелся хорошо», солдаты хохочут, да делать нечего, таков выдался денек с обедом.

Майор Куликов однажды собрал нач. связи 13, 200 и 261 сп, 164 ал и меня и объявил нам, что, пока он не получит звания подполковника, никто из нас не будет майором, а также не будет

и награждения орденами. Он тормозил с награждениями всем и во всем. После войны его, кадрового офицера, демобилизовали, видимо, и в глазах начальства был «хорош».

Обратите внимание на добросовестность этих бывших бухгалтеров и учителей. Когда паразиты кадровые офицеры сожрали водку всего батальона (около 180 человек), эти офицеры военного времени купили ее за свой счет, чтобы не опозорить перед солдатами высокое звание офицера.

Глава 10. О честности и подлости Без чего нет офицера

Ю. И. МУХИН. В XX веке у нас в стране с понятием «честь» происходили интересные вещи. До революции честь была словом понятным для всех и его не стеснялись: объясняли во всех словарях его значение и требовали следовать дорогой чести.

С приходом большевиков к власти идеологию очень долго возглавлял, словами Ленина, «любимец партии» Н. Бухарин. Первая «Большая советская энциклопедия» так тогда неофициально и называлась — бухаринской. Наверное, нетрудно понять, чем не угодило слово «честь» Бухарину, по жизни исключительному подонку, сумевшему предать все и всех. Поэтому нет ничего странного, что на слово «честь» в те годы началось гонение — его убирали из всех словарей и оно не попало даже в энциклопедию. А нет слова — нет и понятия.

В ходе войны, однако, выяснилось, что честь — это вещь весьма необходимая. И при Сталине это слово вновь было включено во все словари, однако после Сталина полезность чести началась вновь пересматриваться, и с началом перестройки это слово вновь убирается из словарей полностью, а в «Большом энциклопедическом словаре» 1997 года оно упоминается только в качестве повода для возмещения убытков по суду.

Поэтому начать нужно с напоминания о том, что же такое честь, а то у нас сегодня многие брякают: «Честь имею!» — без малейшего понятия о том, кем же нужно быть, чтобы иметь право так говорить. Словарь Даля поясняет, что такое честь. Это «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть». Как видите, для сохранности чести нужно иметь очень много качеств, без каждого из которых чести нет.

Качество, противоположное чести, — подлость. Даль, между прочим, в этом смысле подлость поясняет именно так — «бесчестность». Интересно, что в старину слово «подлый» означало «простой». В польском языке оно до сих пор означает это, к примеру, «подлая бумага» — простая бумага, дешевая, невысокого качества. И в старых русских текстах слова «подлый люд» имели в виду не каких-то нехороших людей, а простых людей — не дворян.

Отсюда следовало, что человек с честью дворянином мог и не быть, но дворянина без чести быть не могло. А поскольку дворяне в России до Петра III обязательно были военными или

гражданскими офицерами, а первый офицерский чин давал дворянство и простому солдату, то само собой следует, что без чести не может быть и офицера. В широком смысле слова — без чести нельзя служить в армии. Требование чести у офицерства взялось не на ровном месте, чести от офицеров требовала война. Ведь очевидно, что бесчестный офицер будет в мирное время обжирать царя, а во время войны сбежит или сдастся в плен. Тогда на кой черт этот подлец нужен и в армии, и в дворянстве?

Даль в статье «Честь» снова возвращается к этому понятию и подробно объясняет, кто такой честный человек. Это тот, «в ком есть честь, достоинство, благородство и правда». Честный человек — это человек «прямой, правдивый, неуклонный по совести своей и долгу: надежный в слове, кому во всем можно доверять».

Вот мы уже рассмотрели достаточно много эпизодов с делами сослуживцев А. З. Лебединцева. И много ли нам встретилось среди них людей «неуклонных по совести и долгу»"? Многим ли из них «можно доверять»? Поэтому эту главу можно было бы проиллюстрировать любым рассказом Александра Захаровича, но я выбрал его рассказ о разгроме немцами 38 сд у Босовки. Я уже дал из этого рассказа эпизод о панике и о том, как 38-я разбегалась. А теперь о том, что предшествовало этому и что было после.

Накануне разгрома дивизии

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. 10 января мы выступили на райцентры Ракитно и Тараща Киевской области. Далее держим направление на Звенигородку. 12 января по приказу командира 47-го стрелкового корпуса совершаем марш по маршруту Затонское-Виноград-Шубены-Ставы-Толстые Роги и к исходу дня сосредотачиваемся: наш полк в Софиевке, а 29-й и 343-й сп в Ризно. Артиллерия и автотранспорт дальше двигаться не могли из-за отсутствия горючего. Противник обнаружен в райцентре Ласянке — до 15 танков и до пехотного батальона. В Погибляке так же пехота и танки. В селах отмечались окопные работы немцев.

13 января наш штаб дивизии написал в своем боевом донесении, что к 20 часам части заняли исходное положение для наступления на рубеже северо-восточнее Босовки. 48-му полку предстояло вести разведку на Франкивку, 29 сп и 343 сп — наступать на Каменный Брод. Дивизии приходилось воевать с фронтом не на запад и юг, как воевали до этого, а наступать в восточном направлении.

Как читатель уже знает, минувший 1943 год для дивизии завершился серьезными потерями и снятием нас с плацдарма на доукомплектование с передачей остатков пехоты в другие части, остававшиеся на плацдарме. Вместо отправки в тыл нас снова бросают в оборону на прикрытие левого фланга 27-й армии совершенно без стрелков. Полки дивизии мобилизуют военнообязанных в окрестных селах и сажают их в оборону. В результате немецкой танковой контратаки на 29-й полк в Жуковцах противник пленил около ста человек, в том числе весь штаб полка во главе с начальником штаба и роту связи. Отстраняется от командования командир дивизии полковник Богданов и назначается командиром полка в другой дивизии. Вступивший в командование нашей дивизией в самый канун Нового года полковник Коротков 27 и 28 декабря послал полки в наступление на совершенно неразведанную оборону противника. Боевые потери были огромными из-за бездарности вышестоящего командования, самого комдива и бестолковых и безынициативных командиров полков. Дальнейшие бои по прорыву промежуточных рубежей противника кое-чему научили только комбатов, но не командиров полков.

На протяжении двух недель наши командиры не знали, сколько у них людей в наличии, не читали донесений. Вступали в оставляемые противником села, именуя это «захватом и

овладением с боем». Это притупило чувство ответственности и контроля за выполнение приказов и привело к тому, что дивизия вышла в Лысянский район совершенно обескровленной. Только 343-й полк имел 457 человек списочного состава, 48-й около 300, а 29-й — 263 человека из положенных по сокращенному штату 1582 человек. Лишь артиллерийский полк из положенных 600 имел 529 человек. Поясню, что при численности триста человек в стрелковом полку можно было не иметь ни одного стрелка, автоматчика и пулеметчика, так как эти триста человек могли быть артиллеристами, минометчиками, связистами, саперами, хозяйственниками, медиками, писарями, поварами и т. д. Кстати, об этом забывали командиры всех рангов, кроме комбатов и командиров рот.

Итак, во второй половине дня 13 января 1944 года полк сосредоточился в селе Босовка Лысянского района, тогда Киевской, а ныне Черкасской области. После обеда последовала команда прибыть в штаб дивизии за получением боевого приказа лично командиру полка или начальнику штаба. Так как оба они «приняли» за обедом, то не осмелились ехать в таком виде и послали меня. Я понимал, что получу за это взбучку от начальника штаба дивизии. Так и получилось. Начальник штаба дивизии подполковник Хамов Петр Филиппович отругал меня за то, что я сослался на «простуду» командира и начальника. Но тем не менее под свою роспись я получил боевой приказ на наступление. Прочитав его, я сообщил, что в полку только одна рота из девяти, да и та численностью со стрелковый взвод- не более тридцати человек. Начальник штаба ответил, что и в других полках не больше, а приказ выполнять нужно. «Когда вернешься в полк, непременно сообщи по телефону о прибытии» — приказал он. Это подтверждение доставки приказа в полк всегда требовалось на всякий случай «для прокурора»

Возвращаясь, в селе Босовка я увидел в одном из дворов Кошелева. Дымила кухня с ужином, и я зашел, чтобы предупредить его о полученном приказе и о том, что завтра с утра полку предстоит наступать. Весь его «батальон» с минометной ротой, противотанковым взводом, хозвзводом и связистами вместились в одной хате и летней кухне. «Можешь по котелкам пересчитать всю мою численность», — сказал комбат. Я очень хорошо знал Алексея Варламовича, который мог в шутку разыграть Бунтина, Ершова, чтобы они поволновались, но меня он никогда не обманывал, тем более в трудные часы боя. Он пригласил поужинать вместе, но я спешил в штаб, разместившийся на юго-восточной окраине села. Здесь я застал уже спящими командира и начальника штаба и приложил немало

усилий, чтобы растолкать их и рассказать о содержании боевого приказа. Оба понимали важность приказа, так как только в редких случаях они сами вызывались в штаб за его получением. По приказу требовалось в течение ночи вести разведку и делать засечку целей. Я хорошо понимал, как измучены солдаты батальона в предшествующих боях и на марше, и предложил направить на исходный рубеж роту автоматчиков, которая являлась последним штатным резервом командира полка. Ею командовал старший лейтенант Ораз Дурды Бердиев, туркмен по национальности, исполнительный и храбрый офицер. Автоматчики тоже не меньше устали, но могли днем отдохнуть. У них тоже из сорока положенных было не более двадцати человек.

Бердиев понимал всю сложность возлагаемой на него задачи. У него не имелось даже пулеметов в роте, и я не мог ничего дать ему для усиления, так как это заняло бы время до утра. Я подчинил ему только двух телефонистов, чтобы они навели ему проводную связь. Вот как я отмечал эти действия в итоговом боевом донесении за тот день накануне Нового года по старому стилю: «В течение ночи в границах полка действовала рота автоматчиков. Выдвинувшись к 20.0013 января к восточной окраине Франкивка, рота «напоролась» на вражеское боевое охранение, которое, не приняв боя, отошло в населенный пункт. Вскоре гитлеровцы контратаковали роту и оттеснили на пятьсот метров. В течение ночи в этом населенном пункте отмечались пожары, пускались осветительные ракеты. На протяжении всей ночи был слышен гул работающих танковых двигателей, лай собак.

В 6.00 14 января подразделения полка выступили на смену 258-го стрелкового полка 136-й дивизии для занятия исходного рубежа. КП полка — юго-восточная окраина Босовка. Тылы полка — Шубены Ставы».

В боевом донесении не был отражен один факт, имевший место в ту ночь. Неожиданно появился бравый капитан, который представился командиром роты штрафников, которая поступала в распоряжение полка. Я очень обрадовался такому неожиданному подкреплению, но капитан попросил не строить особых иллюзий, так как это была рота из «эсэсовцев». Так особисты и юристы называли самострелов-членовредителей, сокращенно «СО, простреливавших себе обычно руку, чтобы попасть в госпиталь. В минувшие годы их иногда расстреливали по приказам командиров свои же товарищи без суда и следствия перед строем. А с 1943 года это делалось решением Военного трибунала дивизии, который определял им расстрел заменой на штрафную роту, в которой они могли искупить свое преступление

получением в бою ранения или боевой награды за отличие. А если погибали, то с них судимость снималась посмертно. Командир роты так и сказал, что завтра половина из них будет расстреляна в бою: или за отказ подняться в атаку или при самовольном отходе — за бегство. Очень неприятно было выслушивать такую откровенную браваду командира роты, которому за один год командования таким подразделением засчитывалось шесть лет выслуги, а нам только три года. Он пытался представиться командиру полка, но тот так и не проснулся, поэтому задачу ему ставил я сам. О ее действиях ни я, ни комбат Кошелев ничего потом так и не узнали.

На рассвете я смог разбудить Бунтина и Ершова. Командир ушел на свой КНП, который выбрал ему начальник разведки капитан Гетманцев примерно в одном километре от штаба прямо на скирде соломы, так как в округе больше не имелось ни одной высотки. По логике вещей мне, не спавшему пару ночей, полагалось бы уснуть. Но я предчувствовал неминуемую беду хотя бы потому, что у противника появились танки и штурмовые орудия, что всегда предвещало вражеское наступление.

Как оказалось позднее, на той же скирде разместился и командир дивизии полковник Короткое с начальником артиллерии, оператором, разведчиком и начальником связи. Наступал туманный рассвет. Земля была покрыта глубоким снегом, мороз не более десяти градусов. Завтракали с наступлением рассвета. Как только стали видны окрестности, сначала доносился только шум танковых двигателей, а затем появились и сами танки. Они медленно выползали из многочисленных здесь населенных пунктов и занимали исходное положение для атаки. Сейчас уже невозможно установить, сколько их было развернуто на этом участке. Помню хорошо, что за цепью танков по снегу пробиралась пехотная цепь автоматчиков, а за ними самоходные орудия поддержки танков. Они с места начали бить по нашим полевым орудиям, не окопавшимся за ночь и стоявшим на прямой наводке. Некоторые гаубицы подвозились даже на крестьянских волах, так как не было бензина для тягачей. На орудие имели по пять снарядов. Как можно было ставить задачу на наступление с таким количеством боеприпасов и отсутствием пехоты в частях?

О чем думало командование фронта и армии, ведь и они ничего не знали о готовящемся наступлении противника. Вот как об этих боях пишет в своих воспоминаниях маршал Советского Союза К. С. Москаленко, командовавший в то время 38-й армией: «Всего 14 января в атаках противника принимали участие до десяти пехотных дивизий и свыше 500 вражеских танков». Далее

он отмечает, что в этот день 40-я армия севернее Умани отражала удар двух пехотных дивизий и 75 танков. Почти такие же силы (две пехотные дивизии с 50 танками) атаковали 27-ю армию. Наша дивизия чуть не еженедельно переподчинялась этим двум объединениям. Только из этого открытого источника можно узнать о событиях тех трагических дней. Кстати, этот огромный труд создавался на протяжении четырех лету меня на глазах, так как с «летописцем» маршала полковником Фостом И. Д. я размещался в одном кабинете, когда занимал должность старшего инспектора Главной инспекции МО, которую возглавлял Москаленко. Так что количество танков можно считать от 50 до 75 машин и не менее двух свежих укомплектован-ныхдивизий против наших двух обескровленных. К тому времени в нашей дивизии противотанковый дивизион сдал 45-мм противотанковые пушки на склад, а 57-мм орудия еще не поступили. На полковые 45-мм пушки был текущий комплект снарядов, который они быстро израсходовали.

Много лет спустя после войны бывший майор Петров Василий Иванович, во время боя находившийся при командире дивизии в качестве начальника оперативного отделения штаба дивизии, атеперь ставший Главнокомандующим Сухопутными войсками в звании маршала Советского Союза, рассказал мне такие подробности того злополучного дня.

На скирду они поднялись с наступлением рассвета и увидели картину развертывания вражеских танков и пехоты. Конечно, о наступлении не могло быть и речи. Но у нас нечем было и отражать атаки танков и самоходных орудий. Комдив по телефону попросил командира корпуса генерал-майора Меркулова С. П. о переподчинении корпусного противотанкового резерва нашей дивизии для отражения танкового удара, но тот ответил: «Еще не начался бой, а ты уже резервы просишь», — и не стал больше говорить.

Командир дивизии понял, что Меркулов может позднее отказаться от своих слов, поэтому приказал Петрову немедленно написать официальную просьбу шифровкой и передать не медля по радио. Подписав эти несколько слов, он тут же отрядил с этой шифровкой начальника разведки майора Передника в штаб, чтобы он лично присутствовал при передаче ее по радио, и ждал получения «квитанции» о приеме ее корпусным радистом.

Ю. И. МУХИН. Как происходил разгром дивизии, Александр Захарович описал в шестой главе. Я же хочу сказать несколько слов о том, как кадровое офицерство готовило дивизию к этому разгрому.

Думаю, что Александр Захарович тут не вполне искренен,

поскольку хочет вызвать у нас жалость ко всей дивизии, дескать, уж очень она была слаба. Ее силы он даст позже, а пока мои недоуменные вопросы.

Дивизия готовилась к наступлению, для чего должна была провести если не артиллерийскую подготовку, то хотя бы налет. А у гаубиц было по пять снарядов. Это как понять? Боекомплект 122-мм гаубиц — 96 выстрелов, из которых 25 % (24 выстрела) — неприкосновенный запас. Почему даже его не было при гаубицах? Или он был, но, бросив гаубицы немцам, начальству «честно» сообщили, что в дивизии, дескать, не было снарядов?

Теперь по поводу жалоб, что в 38 сд в полках было по 30 человек. Это какое-то упорное мнение кадрового офицерства, что в дивизии должны воевать только стрелковые роты, а остальные должны только трофеи делить. А между тем эти остальные тоже считались солдатами и были вооружены до зубов, в чем вы убедитесь, когда Александр Захарович даст цифры численности и вооружения дивизии.

Как же наша армия могла не терпеть поражения от немцев, у которых все было иначе? В их дивизиях не воевать имел право только пастор. Врачи при случае уничтожали даже наши танки. Расчет 37-мм противотанковой пушки имел в своем составе пулемет и обязан был быть готовым наступать в атакующей цепи (вместе с пушкой, естественно). Дивизионный саперный батальон был ударной атакующей силой, если приходилось взламывать оборону противника, усиленную каменными и бетонными сооружениями. У нас, как вы уже читали, из тыловиков собирали команды под управлением случайных офицеров. А у немцев любой офицер и унтер-офицер обязан был повести в бой свое подразделение. У Гудериана в описании боев по окружению наших войск под Киевом есть строчка, хорошо показывающая, как немцы напрягались в наступлении: «3 сентября я проехал мимо тыловых подразделений и 10-й мотодивизии и участвовавшей в бою хлебопекарной роты к мотоциклетным подразделениям дивизии СС «Рейх», находившимся в районе Авдеевка».

Как видите, командир немецкой хлебопекарной роты вел в бой своих пекарей как командир пехотной роты. А у нас кадровое офицерство могло нажраться водки и сообщить командованию, что у него нет «активных штыков» и поэтому воевать должен кто-то другой.

И уж если мы вновь коснулись водки, то я приведу еще один эпизод из воспоминаний командира батальона связи 2 сд А. В. Невского. (Хочу только заметить, что фамилию начштаба Невский безусловно помнил, но не назвал, думаю, потому, что хотел сберечь чувства его родственников.)

«03.09.1943 г. дивизия отдохнула и приступила к занятию участка обороны 65 стр. дивизии правее дороги Селищи — Спасская Полнеть. Селищенские казармы были построены во времена Екатерины II, раньше в них размещались кавалерийские части.

Во время смены дивизий противник внезапно ворвался на наш передний край обороны, заняв 16ДОТ-ов. Положение создалось крайне напряженное, поскольку противник теснил нас к реке Волхов.

К месту сражения прибыл командующий 59-й армией Коровников И. Т. и два полка артиллерии РГК (резерва главного командования), на марше находились еще две резервные стрелковые дивизии, но они были далеко, За 40 км. Артиллерия помочь нам не могла, так как бой шел в окопах, где перемешались и наши и немцы. В бой были брошены все наличные силы 2-й стр. дивизии и 65-й стр. дивизии: повара, кладовщики и писари, но противник проявлял все нарастающую активность. В резерве стояла снайперская резервная рота в 99 человек, но у командира дивизии она в памяти почему-то тогда не уложилась и была забыта.

В любом бою мозгами должен являться начальник штаба части или соединения, но тут получилось наоборот.

Бывший начальник штаба полковник Крицын выбыл в Академию Генерального штаба 15.08.1943 г., вновь назначенный полковник, фамилии которого не помню, оказался человеком «с чином», но не подходящим для роли начштаба дивизии (10.04.1944 г. снят с должности за трусость). А командир дивизии генерал-майор Лукьянов покрывал его, о чем я не знал. Как только на передовой началось сражение, Лукьянов вызывает меня и ставит задачу, не соответствующую моей должности и званию: «Здесь ты на КП дивизии остаешься старшим, должен все предусмотреть». Я заявил, что здесь имеется начштаба и мною майоров, а я капитан, но он сказал: «Выполняй!» Кроме того, Лукьянов сказал, что «твои люди и без тебя хорошо знают свое дело», и ушел на передовую.

Прежде всего я проверил боевую связь — все оказалось на месте и связь работала отлично. Затем проверил и оперативную сторону дела, раз оставлен за «старшего»: переговорил с командирами и начальниками штабов полков, с ДОП-ом, медсанбатом. Враг теснил нас, и я вызвал обоз штаба дивизии для погрузки штабных документов, приказал подготовить верховых лошадей для командования, прошел по штабным землянкам и приказал уложить все бумаги в сундуки и быть готовыми к эвакуации за р. Волхов, но самовольно никто не должен покидать

штаб.

Неожиданно вызывает меня начштаба дивизии, я бегу и думаю, наверное, прибыл откуда-то из полков, а возможно, был в штабе армии. Захожу и не верю своим глазам: этот мерзавец сидит голый, в чем мать родила, пьяный до последнего предела и требует с меня выдать ему аттестат, так как он-де получил 5литров водки на ДОПе и ему нужно отчитаться. (И не подумал, что я за разбазаривание водки пойду под суд Военного трибунала!) О сражении у него и в голове ничего не было. Его ординарец заявил мне, что теперь он свободен, берет винтовку и идет в бой. И ушел… Жаль, что забыл его фамилию.

Так вот причина, почему комдив оставил меня за старшею!

Командир дивизии и оперативный отдел наконец-то вспомнили о снайперской женской роте. Она состояла из 99 человек, по возрасту командир роты, политруки старшина были женщины, остальные все девушки. Снайперская рота представляла из себя отлично сколоченную боевую единицу. Девушки обладали исключительной выдержкой, хладнокровием, мужеством, великолепно владели оружием, были прекрасно натренированы физически и хорошо обучены снайперскому делу. Эту роту выдвинули на участок, за который командование дивизии больше всего боялось, поскольку с этою направления могли вклиниться в наш тыл фашисты, и для нас этот участок также имел огромное значение, поскольку был весьма удобным для развития успеха.

Только успели маленькие фигурки девушек занять в складках местности свой участок, фашисты, не заметив этой роты, бросилив атаку батальон своих головорезов. На наших маленьких женщин неслась лавина фашистов, ведя плотный огонь. Как впоследствии юворили очевидцы, было страшно смотреть в ожидании, что всех наших женщин сметет этот смерч. Враг был подпущен на 50—100 метров, и началось уничтожение зарвавшихся фашистов, девушки расстреливали их почти в упор, не выпуская зря ни одной пули. Фашистский батальон сначала был парализован, большинство немцев были сразу же уничтожены, оставшиеся побежали обратно, и девушки бросились в контратаку. Уничтожая на бегу минометчиков и пулеметчиков, ворвались на плечах фашистов в их окопы.

Этот подвиг дал возможность нашим бойцам резко изменить обстановку — враг дрогнул, боясь окружения, начал повсеместно очищать наши позиции и даже сдал часть своей обороны. Захвачено было много пленных и оружия.

Женская снайперская рота в этом бою убитыми не потеряла ни одною человека, легкораненых было четыре.

Командующий армией генерал-лейтенант Коровников И. Т. наградил всех 99 человек орденами «Красная Звезда».

Да, кто только не отличался в боях за нашу Родину, даже те, от кого этого и ожидать было вроде нельзя, а те, от кого мы обязаны были ожидать это, жрали водку.

Как видите, у 2 сд положение было не лучше, чем у 38 сд под Босовкой, но генерал Лукьянов не удирать бросился, а в полки. Кроме этого, А. В. Невский в своих воспоминаниях несколько раз подчеркивает, что командиры 13-й, 200-й и 261-й стрелковых полков, входивших во 2-ю дивизию, были людьми исключительно храбрыми. Думаю, что именно поэтому и результат был другой.

После разгрома

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. На следующий день (15 января 1944 г.) стало известно, что наш командир дивизии арестован прямо в траншее 29-го полка, а начальник штаба в расположении командного пункта и оба взяты под стражу органами контрразведки «Смерш». В командование дивизией с 18 января был допущен полковник Крымов М. Г. -штатный заместитель комдива. Должность начальника штаба дивизии временно исполнял майор Петров В. И. - начальник оперативного отделения. Началось следствие, как оно проходило и на чем строилось обвинение — никому не известно. Совершенно случайно, видимо в 1970 году, я рассказал Ивану Дмитриевичу Фосту о той нашей трагедии, так как он работал с архивными материалами именно того периода по 38-й, 27-й и 40-й армий и Воронежского, а после 1 — го Украинского фронта, готовя рукопись маршала Москаленко. В порядке исключения некоторые оперативные документы фронта и армий были у него в сейфе. После прочтения приказов и донесений тех лет он иногда уточнял у меня погоду тех дней, проходимость дорог, делился воспоминаниями маршала о встречах с командующим войсками фронта Ватутиным и представителем Ставки ВПК маршалом Жуковым. В частности, он передал такие детали о маршале Жукове, со слов маршала Москаленко, в то время генерал-полковника, командовавшего 40-й, а после 38-й армией.

На командном пункте армии часто бывали вместе Жуков и Ватутин. Нередко Сталин звонил по правительственной закрытой связи и требовал Жукова или Ватутина к телефону. Заслушивал их о положении дел и планах на будущее. Когда положение на фронте бывало успешным, то Жуков во время доклада говорил примерно так: «Вот мы туте Николаем Федоровичем (Ватутиным) посоветовались и решили сделать так…», всегда подчеркивая коллегиальность принимаемых действий. Но стоило, например, оставить Житомир войсками фронта, как он же в отсутствие Ватутина докладывал Верховному совсем в другом тоне, примерно так: «Я же вам много раз докладывал, что Ватутин со своими двумя академическими дипломами всегда мнит себя маленьким Наполеончиком и не прислушивается к моим советам, когда я приказываю ему после овладения крупными городами или узлами дорог непременно закреплять завоеванное, а он только вперед и вперед…»

В этот пересказ вполне можно поверить, так как Жуков сам писал о похожем, но уже по адресу маршала Конева И. С.:

«Начиная с Курской дуги, когда враг уже не мог противостоять ударам наших войск, Конев, как никто из командующих, усердно лебезил перед Сталиным, хвастаясь перед ним своими «героическими» делами при проведении операций, одновременно компрометируя действия своих соседей… Зная мою щепетильность, Сталин при проведении и последующих операций пытался неоднократно натравить меня на Конева, Рокоссовского и других, а их в свою очередь на меня. А. М. Василевскому он наговаривал на меня, а меня на Василевского, но Василевский, весьма порядочный человек, не шел на провокации Сталина. Зачем это нужно было Сталину? Сейчас я думаю, что все это делалось умышленно, с целью разобщения дружного коллектива высшего командования Вооруженных Сил, которого без всяких оснований и только лишь по клеветническим наговорам Берия и Абакумова он стал бояться». Если читатель сравнит последний довод, опубликованный в газете «Правда» в номере за 20 января 1989 года, с вышеприведенными словами маршала Москаленко в отношении самого Жукова (при его жизни не опубликованными, по известным причинам), то получается, что вполне можно поверить словам Москаленко, тем более что и Москаленко академий не заканчивал. Скорее всего, Жуков сам боялся стремительного взлета на посту командующего фронтом генштабиста Ватутина, войска которого часто отмечались в приказах Верховного главнокомандующего, а о Жукове, как координаторе нескольких фронтов, не упоминалось. Честолюбив был маршал Жуков.

Так вот, зная из моих рассказов о нашей трагедии 14 января, Иван Дмитриевич однажды перебросил мне через сдвинутые столы расшифрованную телеграмму, подписанную и написанную собственноручно самим Жуковым в адрес Верховного главнокомандующего. В ней шла речь о нанесении противником контрудара на нашем направлении и об оставлении в тот день ряда населенных пунктов. Всю вину за тот отход он возложил на командира нашей дивизии и сообщал, что по делу Короткова ведется следствие и он будет отдан под суд Военного трибунала. Читатель должен знать, что снятие копий с шифровок категорически запрещается, и я не смог переписать этот текст даже в свою рабочую тетрадь с грифом «совершенно секретно». Но эта шифровка есть, хранится в Архиве МО и ее всегда можно там найти.

Теперь я хотел бы привести рассказ о том злополучном дне маршала Советского Союза Петрова Василия Ивановича, когда он уже был Главнокомандующим Сухопутными войсками. После перехода его на службу в центральный аппарат у меня было

несколько встреч с ним по случаю вручения ему приветственных адресов от однополчан — в связи с его 60- и 70-летием — а также в связи с празднованием 30,40 и 50-летия Победы. Иные встречи затягивались на пару часов, так как вспомнить нам обоим было о чем. Прежде всего, я спросил его: почему ни в одной из его биографий, опубликованных в исторических справочниках и энциклопедиях, не указано, что он является участником Корсунь-Шевченковской битвы? Улыбнувшись, он ответил, что даже во время учебы в Академии имени М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба он не афишировал свое участие в этой операции. Я деликатно не задал вопрос: «Почему?» — так как сам догадывался, что это связано с разгромом дивизии под Босовкой, карой комдива и серьезным приговором в отношении начальника штаба. Он почувствовал мои сомнения и сказал: «А ведь и мне самому первоначально «пахла вышка».

Я спросил: «За что же вам?» — и он так пояснил то, о чем уже частично сказано выше.

Василий Иванович на следствии показал, что по приказанию комдива он написал шифровку командиру корпуса с просьбой переподчинить и выдвинуть корпусной противотанковый резерв в полосу 38-й дивизии, а командир корпуса генерал-майор Меркулов отрицал факт получения такой шифровки. Но когда наличие шифровки подтвердилось показаниями Передника, радистов и «квитанцией», то корпусной шифровальщик вынужден был в «Смерше» признаться в том, что по приказанию командира корпуса он ее сжег без акта. «После его признания обвинения в мой адрес были сняты». «Вышка» для начальника штаба дивизии была замена на 10 лет лишения свободы с заменой штрафным батальоном, в котором он, в звании ефрейтора, командовал стрелковым отделением, ходил не раз в атаку, имел контузию и за боевое отличие получил медаль «За отвагу». В связи с этим с него была снята судимость, он был восстановлен в воинском звании и получил новое назначение в штаб 104-го стрелкового корпуса на должность старшего помощника начальника оперативного отдела. Командир корпуса Меркулов к этому времени получил звание Героя Советского Союза за форсирование Днепра и отделался только понижением в должности до командира дивизии.

14 января 1944 года Петров отходил из Босовки вместе с комдивом. Потом уже в темноте на машине «Виллис» они оказались в районе огневых позиций именно того противотанкового резерва командира корпуса, который не принял участия в отражении танкового удара по нашей дивизии. Полковнику Короткову указали закрытый автотягач, в котором

находился командир, и он зашел в него. В автобусе командир ПТ резерва угостил комдива ужином и дал выпить спиртного. Вышел комдив, покачиваясь на ступеньках, и крикнул: «Почему не цепляете орудия к тягачам?» Подошел капитан, командир батареи и спросил: «Кто вы такой?», так как на кожаном пальто у Короткова погон не было. Короткое вынул пистолет из кобуры и в упор застрелил капитана. Все произошло мгновенно, и предотвратить несчастье было невозможно.

В этот момент подошла группа разведчиков из дивизионной разведывательной роты. Вот как описывает тот эпизод бывший командир 70-й отдельной разведыватель-

ной роты тогда лейтенант, а ныне генерал-полковник в отставке Зайцев Алексей Николаевич на стр. 117 в своей книге «На острие красных стрел»: «Сделав очередной шаг, оступился, и сразу же острая боль прострелила мое тело. Поплыли перед глазами разноцветные круги. Вот-вот потеряю сознание. Оттуда, где стояла группа наших офицеров, донеслись выстрелы, крики, ругань… Неужели снова немцы? Я сделал еще несколько шагов вперед и, когда в моих глазах, наконец, прояснилось, увидел перед собой чье-то перекошенное злобой лицо. Прямо на меня, в упор, зловеще смотрел черный зрачок дула пистолета. «Вот и все, Алешка… А говорил, что такие, как ты, не умирают… В тот миг, когда грянул выстрел и, казалось, прямо в лицо полыхнуло горячее пламя, я инстинктивно отбросил голову назад так, что шапка слетела. Но не это спасло меня. Майор Петров успел выбить пистолет из руки врага..» Автор не называет имени врага, так как это был выстрел Короткова. Василий Иванович сказал, что приказал адъютанту связать руки комдиву, но тот сказал, что не следует этого делать. Пистолет забрал адъютант.

Почти все мы, участники этого боя, расцениваем его как разгром дивизии. Да, мы в тот день потеряли почти всю артиллерию (ее материальную часть), ибо не было горючего для тягачей. На первое число каждого месяца в штабе дивизии представлялись сведения о боевом и численном составе. Посмотрим, как это выглядело в числах (первое число дается на 1 — е января, а в скобках — на 1 — е февраля). Разница между ними дает потери, преимущественно за тот трагический день.

Офицеров — 628 (499), сержантов — 906 (528), рядовых -3338 (1988), всего — 4892 (3015). Лошадей — 956 (757). Винтовок — 3027 (1080), станковых пулеметов — 72 (22), ручных пулеметов-284 (52), ППШ-902 (374), 120-мм минометов-18 (4), 82-мм минометов — 51 (16), 122-мм гаубиц -12 (7), 76-мм орудий — 28 (4), 45-мм ПТ орудий — 19 (5), автомашин — 55 (34). Потери в личном составе могли бы быть еще более значительными, но даже

к началу боя стрелковые полки имели стрелков и автоматчиков не более как по 50 человек так называемых «активных штыков». Вот как выглядела численность 29-го стрелкового полка на 14 января 1944 года (первое число — наличие, а в скобках — по сокращенному фрон-

товому штату): офицеров — 44 (159), сержантов — 99 (470), рядовых — 292 (923), всего — 526 (1582). Реально имелся только один 2-й батальон, а в нем одна 4-я стрелковая рота (из девяти по штату полка), численностью34человека вместо 82-х по штату, минометная рота — 30 (42), пулеметная рота — 9 (48). На 17 января в полку значилось: 58 + 50 + 155 = 263 человека, вт.ч. 2-й сб: 9 + 9 + 33 = 51 человек. 4-я ср: 0 + 4 + 13 = 17. 20января передано 343-му полку7офицеров, 38 сержантов, 142 рядовых, всего 187 ч. Лошадей — 32, винтовок — 136, ППШ — 28, РП — 3, СП — 1, 120-мм минометов — 6, 82-мм минометов — 5,76-мм орудий — 2 и в отдельную разведроту переданы 6 человек. Только 10 февраля полки получили пополнения по тысяче человек, и численность 29-го полка на 13 февраля стала 105 + 612 + 780 = 1497 человек, хотя имели укомплектованными только по два батальона.

Но вернемся в наш родной 48-й стрелковый полк. Вот что я на 18.00 18 января доносил в штаб дивизии из села Скибин: «Сосредоточилось в полк292 человека, в том числе офицеров 55, сержантов 82, рядовых 155. Винтовок — 30, ППШ — 22, 76-мм орудий — /, 82-мм минометов — 1, лошадей — 95, саней — 34. В 3.30 19.1 полк выступил из села Скибин и к 9.00 сосредоточился в районе села Багва, где одной ротой приступил к оборудованию ротного опорного пункта. Но был получен новый приказ: начать передачу личного состава в 343-й стрелковый полк. Всего передано: офицеров — 1, сержантов — 32, рядовых- 70, всего 103 человека. Винтовок- 18, ППШ- 14, РПД-2,82-мм минометов — 1, 76-мм пушек- 1. Боеприпасов: 76-мм снарядов — 24, 82-мм мин -130, винтпатронов-бящиков, патронов ППШ-Зящика. После боев в селе Босовка в расположение полка не вернулись командир полка Бунтин, начальник штаба полка Ершов, ПНШ-4 капитанЖелтухин с Боевым Знаменем». Донесение подписали врио командира полка капитан Коридзе (командир батальона из резерва) и врио начальника штаба старший лейтенант Лебединцев. Я без восторга стал командиром полка и без сожаления покинул эту должность. Через пару дней нам снова приказано было передать в штаб дивизии шесть сержантов и 24 рядовых, после чего в полку остались 67 офицеров, 40 сержантов и 74 солдата. Почти все они были ездовыми. 25 января мы снова совершаем марш по маршруту на Городище, Жашков и сосредотачиваемся в Житники.

В этотдень в полк прибыл на должность начальника штаба полка майор Свергуненко, но уже на следующий день он был переназначен на 343-й полк, который продолжал вести боевые действия.

18 января на полк был допущен заместитель командира 29-го полка майор Егоров. Вместе с ним приехали: адъютант в капитанском звании, хотя положен был лейтенант, и две девуш — ки Татьяна Барабаш и Палочка Дуся. Обе они были из Переяслава-Хмельницкого. Одновременно был назначен новый заместитель командира полка по политической части капитан Мищенко. Они сразу нашли между собой контакт, в основном застольный, привлекая старшего оперуполномоченного «Смерш» старшего лейтенанта Буняка и меня. Все они были старше меня и от безделья вечером, после ужина с самогоном, играли в карты. Адъютант был большой специалист по производству самогона и умению его пить. Мнезапомнилосьдосихпор, как он открывал застолье и пил по-цыгански: опрокидывал в рот полный стакан, а последним глотком сначала промывал зубы, потом закидывал голову и полоскал горло, после чего проглатывал остатки. Каждый раз это вызывало восхищение у сотрапезников. Я мало пил и всегда оставался объектом постоянных насмешек из-за чрезмерной занятости. Кроме того, Мищенко подавал повод временному командиру к ревности, поскольку обе девицы почему-то прижились при штабе. Дуся была весьма трудолюбивой и постоянно находила работу — стирала белье, приготовляла пищу, а Таня помогала писарю, так как имела незаконченное педагогическое образование. Мы снова каждый день бесцельно переезжаем из одного населенного пункта в другой и наконец прибыли в село Россишки.

День 22 января 1944 года оказался для всего личного состава полка знаменательным. В 16 часов телефонистка Дуся Лурга в окно первой увидела небольшую процессию.

Впереди шли Бунтин и Ершов, за ними Кошелев и знаменщик старший сержант Тарасенко Евдоким Пантелеевич. Тарасенко под мышкой нес в чехле Боевое Знамя полка. Наконечник был заткнут у него за голенище валенка, а шнур обернут вокруг талии. За ними шла группа солдат в 14 человек. Первой выбежала встречать рыжая Инка. Она беззастенчиво повисла на Ершове, который даже не знал, как ему быть от проявления такого восторга возлюбленной. Милашка командира полка выразила свои чувства скромнее. Всей гурьбой они вошли в хату, где размещался штаб. Исполнявший обязанности командира полка не вышел на встречу. У них с Бунтиным позднее произошло выяснение отношений по такому поводу. Начальник вещевого снабжения полка у полкового

портного шил для прежнего командира китель из английского бостона, а он вполне подошел новому по размеру. Конечно, последний им завладел, и теперь пришлось снимать и возвращать первоначальному владельцу.

Я сразу же вынул полотнище Боевого Знамени и стал осматривать его до мелочей, ибо это входило в круг моих обязанностей. Ничего я там не нашел, кроме большого количества вшей, которые переселились с нижнего белья знаменщика при спасении им знамени на своем теле во время пребывания в окружении. Завшивевшее белье и гимнастерки мы «прожаривали» паром в бучилах, но полотнище могло полинять или потерять цвет. Другого выхода не было, и связистки раздули угли в паровом утюге, которым принялись выглаживать полотнище и одновременно убивать вшей и гнид.

Начальник штаба Ершов вскоре вернулся в штаб и вел себя довольно лояльно. Стемнело, когда в штаб зашел уже в нетрезвом виде «отец-командир». У двери на лавке сидели начальник связи старший лейтенант Осипов, рядом с ним командир роты связи старший лейтенант Перевезинцев, потом телефонистки с телефонными трубками. Офицеры встали. Первым представился Осипов, и Бунтин отвесил ему пощечину. Тот только смог спросить: «За что?» Вторым представился командир роты, и Бунтин бьет его по щеке, приговаривая: «Не ему, а тебе это причиталось. Сам знаешь, за что», — вспомнив что-то, видимо, еще из Босовки.

Потом посмотрел в мою и остальных ПНШ сторону и произнес одно слово: «Самозванцы!» — видимо, имея в виду, что я в его отсутствие несколько дней командовал полком и сделал шаг вперед, машинально подергивая рукой у кобуры. Я тоже расстегнул кобуру. Бунтин мигом повернулся и выбежал из комнаты. Все произошло неожиданно и быстро. После он в штаб не заходил, а донесения на подпись ему теперь носил сам начальник штаба, который переменил ко мне отношение в лучшую сторону.

Ю. И. МУХИН. Этот эпизод очень ценен тем, что Александр Захарович приводит числа, а числа безапелляционны: можно бесконечно глотку драть о том, что больше — это или то, но достаточно «это» и «то» представить в числах — и спорить становится не о чем. И, как видим, числами можно описать даже моральные категории, в данном случае такую категорию, как офицерская доблесть, без которой нет чести.

Сведем в табличку результаты боя 38 сд под Босовкой.

	Было	Осталось	Потеряно	%
Офицеров	628	499	129	20
Сержантов	906	528	378	42
Рядовых	3338	1988	1350	40
Винтовок	3027	1080	1947	64
Пулеметов	356	74	282	79
Автоматов	902	374	528	58
Минометов	69	20	49	71
122-мм гаубиц	12	7	5	42
76-мм пушек	28	4	24	86
45-мм пушек	19	5	14	74

Александр Захарович уверен что дивизия была разгромлена потому, что у нее в стрелковых подразделениях не было солдат, то есть из-за того, что ее от немцев охраняли не 2000 солдат с винтовками, а всего 200. Вот из-за того, что дивизию охраняли всего 200 солдат с винтовками, дивизия бросила немцам 1947 винтовок, 282 пулемета, 528 автоматов, 92 ствола артиллерии и убежала.

Причем офицеры, сержанты и солдаты бежали с разной скоростью, поскольку, как видите, минимальные потери понесли офицеры дивизии. Спаслись. Профессионалы!

А теперь офицерская доблесть в числах. Перед боем у Босовки в 29 сп было 44 офицера и 391 рядовой и сержант. Через три дня после боя остались 205 рядовых и сержантов, то есть 52 %, а офицеров стало 58 человек, то есть 132 %. Вопрос: куда перед боем спряталась треть офицерского состава, в каких госпиталях она окапывалась, чтобы вернуться в полк только после того, как он был выведен в тыл на переформирование?

Благоприятное влияние отвода полка в тыл на численность офицерского состава хорошо видно и по 48 сп.

По состоянию на 18 января в полку были 55 офицеров. Одного офицера передали в 343 сп, а на 21 января численность

офицеров в полку составила 67 человек. «Откуда дровишки?» Интересно и боевое построение офицеров. На 17 января в 29 сп: в полковых тылах — 49 офицеров, в батальоне — 9 и в единственной стрелковой роте — ни одного! Ну как тут не процитировать Некрасова: «Семья-то большая, да два человека всего мужиков-то» А ведь то же самое Лебединцев уже описывал и в других критических ситуациях: вспомните, к примеру, как после авианалета при отступлении со станции Лихой гаубичным полком большой мощности командовала женщина-воентехник, примерно в звании старшего лейтенанта, а ни одного офицера этого полка и близко не было видно. Профессионалы! Умеют прятаться. Прекрасный образец людей, «неуклонных по совести и долгу».

Интересно взаимоотношение и между высшим офицерством — генералитетом. Комдив Короткое, если не пропьянствовал, то пробездельничал весь день 13 января вместо того, чтобы организовать бой. Но тоже профессионал: как только увидел, что его абсолютно не подготовленную к бою дивизию атакуют немцы, вместо организации боя стал придумывать, какой бы бумажкой свой зад прикрыть. Посудите сами. Во-первых, в резервном дивизионе 12 орудий, а у него у самого в дивизии противотанковых пушек и орудий, способных бить танки, было 59 единиц. Их почему не расставлял на противотанковых рубежах? Во-вторых, противотанковый дивизион уместно было просить у командира корпуса накануне, когда услышали гул танковых моторов у немцев. А что толку было от этого, находящегося где-то на другом участке дивизиона, если немцы уже пошли в атаку? Тут и авиация не успела бы.

С другой стороны, подлец Коротков на такого же подлеца и нарвался: комкор Меркулов сжег шифровку из 38-й дивизии и объяснял прокурорам, что он-де был «не в курсе дела». Ничего не скажешь — один другого стоит. И что, это те люди, которым, словами Даля, «можно доверять»!

А уж то, как Коротков, нажравшись водки, с пьяных глаз убил артиллериста и чуть не застрелил своего же командира роты разведки, комментировать, видимо, не стоит. Как и эпизод возвращения в полк «отцов-командиров».

К этой главе, как я полагаю, будут уместны и эпизоды о воровстве в офицерской среде, в среде, так сказать, людей чести.

Воры в погонах

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Так вот, «вернемся снова к нашим баранам», как говорит британская поговорка, то бишь — к первому вручению орденов и медали «За боевые заслуги» в далеком ноябре 1944 года, приуроченный тогда к очередной годовщине Октября. К нам на курсы «Выстрел» пожаловал не кто иной, как генерал-полковник Голиков Ф. И., бывший тогда заместителем наркома обороны по кадрам. Он же являлся и начальником Главного управления кадров (ГУК НКО). Он был последним предвоенным начальником Главного разведывательного управления, в войну Голиков командовал армейскими и фронтовыми объединениями, правда, не всегда успешно. Он был единственным генералом армии, который, возглавляя с 1958 по 1962 год Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, в 1959 году получил на этой должности маршальское звание. И один из маршалов Советского Союза, прошедший войну и не получивший ни в войну, ни после нее звания Героя Советского Союза. Тухачевский и Егоров тут не в счет.

Церемония вручения наград проходила в клубе. Начальник курсов генерал-лейтенант Смирнов предложил генерал-полковнику раздеться в кабинете начальника клуба. После вручения вернулись в кабинет. Шинели были на месте, а каракулевая генеральская папаха исчезла бесследно. Тщательные поиски результата не дали, пришлось заместителю наркома надеть запасную фуражку начальника курсов и возвращаться в Москву в утепленной машине. На курсы был наложен жесткий карантин. Поиски злополучной папахи начались немедленно. Построили и наш курс. Полковник Титов объявляет: «Носком сапога разбивать под ногами снежный покров и искать головной убор генерала. Пока не отыщем, никаких увольнений». Искали тщательно, всю территорию обшарили, но так и не нашли папаху с красным верхом, хотя в щелях соседнего недостроенного помещения наковыряли кем-то ранее украденные часы, ордена с медалями и денежные купюры.

Воровство процветало вовсю. Крали даже сапоги и обмундирование. Поэтому на ночь поднимали ножки кроватей и под них подставляли хромовые сапоги, а обмундирование на ночь прятали под подушку. Мой сосед Павел Назаров оставил во время умывания гимнастерку на постели, а после умывания не обнаружил на ней ордена Красной Звезды. Так и сказал: «Где тонко, там и рвется»… Это была его единственная награда, а он

знал, что ордена не восстанавливаются. Выручил я его из беды. У одного из последних военнопленных на Днестре был обнаружен наш орден Красной Звезды, который был снят с нашего погибшего на поле боя солдата. Я не успел его переправить кадровым органам, и он сохранился у меня в трофейном портфеле. Временная справка на награду у Павла осталась, но номер знака, конечно, не сходился. Но кто их когда-либо сличал? Единственный раз — после сдачи временных удостоверений и обмена их на орденские книжки. Но Павел для верности счистил прежний номер оселком, а новый номер, соответствующий записи в удостоверении, выгравировал ему мастер по ремонту орденских знаков при «Военторге». Этот мастер и эмаль заливал на знаки при повреждениях.

…Уезжали мы с Павлом вдвоем с Киевского вокзала до украинской столицы. Потом были пересадки в Стрые и Самборе. Приходилось ехать даже товарным вагоном. Я перемерз в Карпатах, и у меня впервые за всю войну возвратилась малярия с приступами температуры. Хорошую заботу проявлял Паша обо мне в пути. Мы пересекли Карпаты и оказались в городе Мишкольц, откуда нас направили в Будапешт. Комендант направил нас в гостиницу такого же названия. В ней не было постельного белья и даже ковровая обивка с пружинных матрацев была сорвана. Спали мы на обивке из мешковины. Павел рыскал в поисках продпункта, чтобы накормить меня. В столовой кормили хорошо. Здесь в гостинице мне впервые в жизни удалось видеть столичную проститутку, которая провела ночь с нашим капитаном. Он не оплатил ее услуги, и она плакала навзрыд. Видимо этот клиент еще не имел оккупационных банкнот и ему нечем было расплатиться по таксе. Впрочем, на выпивку он нашел. А может, он мерил нашими мерками и считал, что это она должна была ему за это поставить «магарыч»? Пришлось ему объяснять свои мотивы в городской комендатуре.

Через день нас направили в Братиславу, где комендант мог назвать место отдела кадров 2-го Украинского фронта-небольшой сельский населенный пункт, расположенный восточнее города Братиславы. Туда мы прибыли после одной ночевки примерно в такой же гостинице, как «Будапешт».

В отделе кадров фронта нам выдали два ордера на места в гостинице, но Павел уже нашел собутыльников из таких же резервистов и повел меня к ним в одну из деревенских хат. Жителей в таких случаях эвакуировали в другие места, и, зайдя в дом, мы застали несколько лейтенантов за низким круглым столиком, посредине которого стояла огромная сковородка с большими котлетами. Стоял кувшин с виноградным вином и

нарезан хлеб. Были и вилки. Для знакомства мне налили ковш вина примерно с пол-литра. У меня только что прошел приступ малярии. От огромной температуры у меня была жажда. Я за один раз выпил весь ковш полностью, сам себе удивляясь, и приступил к котлете. Павел был уже навеселе и затеял спор со старшим лейтенантом относительно первенства за столом — тогда мы слова «тамада» не знали. Мой друг встал с намерением уйти, но я еще был голоден. Закончив обед, я почувствовал утомление и сонливость. Павел завел меня в другую комнату и уложил в постель прямо в шинели. Дальнейшего я уже не помнил, так как быстро захмелел.

Проснулся я глубокой ночью. Электрического освещения в доме не было, а на улице было совершенно темно. Рядом спал мой напарник. Я перелез через него, чтобы выйти из дома во двор по нужде, но почему-то не мог найти дверь. Окно чуть-чуть мерцало в темноте. И я открыл створки и вышел, так как строение было таким, что грунт оказался на уровне окна. В темноте я совершил свои дела и, возвращаясь, споткнулся и упал. Подо мной оказался сноп камыша, и я улегся на него досыпать на свежем воздухе. Видимо, на рассвете я проснулся от «шмона», который мне устроил старший лейтенант, вполголоса приговаривавший: «Напился до бесчувствия, как свинья…» Он шарил по моим карманам, а я радовался, что есть такие заботливые люди среди нашего брата-офицера. Я снова уснул, но вскоре проснулся от утренней прохлады, на рассвете нашел дверь и вернулся на свое место.

Окончательно проснулся, когда взошло солнце. Павел спал в своей шинели цвета хаки из английского сукна и весь был в пуху. Он проснулся тоже и захохотал, так как я тоже был весь в пуху. В темноте мы разорвали наволочку пуховика, и пух теперь летал везде, как снег в сильную пургу. Мы встали и сняли шинели, чтобы отряхивать их от пуха. С моего плеча упал наплечный ремень полевой сумки, которой не оказалось. Более того, карманы моей гимнастерки были вывернуты, и не было ни партийного билета, ни удостоверения личности, как не оказалось и медали «За оборону Кавказа». Оба ордена Отечественной войны были на гимнастерке. Я бегу во двор и нахожу там партбилет, удостоверение личности и предписание у снопа камыша. Вхожу в комнату, где мы ужинали, — там никого нет, кроме спящего на лавке младшего лейтенанта, который был не из той компании. Мой маленький еще с 1937 года чемодан стоит раскрытым, в нем осталась небольшая папка с моими театральными программками. Нет ни писем, ни фотографий, которые собирал в войну, ни облигаций Государственного займа. А самое главное — нет

полевой кожаной сумки с десятком немецких, мадьярских, румынских и австрийских орденов и медалей, которые я коллекционировал всю войну. Павел не находит своего огромного чемодана из фанеры, выкрашенного в голубую краску. У Павла в нем лежала булка давно забытого хлеба и пара грязного белья. (Чемодан был закрыт на висячий замочек, ключ от которого он потерял.) Вот так окончилась для нас попойка с совершенно случайными людьми. Смешно и грустно. Видимо, это были тыловые прощелыги, ожидавшие окончания войны во фронтовом тылу после ранения или без должностей, каких в ту пору было немало. Жаль было фотографий и иностранных трофейных орденов, а займы за годы войны все равно сдавали в фонд обороны или восстановления народного хозяйства. Советские кредитки я истратил еще в Москве на театральные билеты.

Глава 11. О дисциплине и разгильдяйстве
Наши боги

Ю. И. МУХИН. Эпизоды воспоминаний А. З. Лебединцева по этой теме мне близки и понятны. Дело в том, что русские (в широком смысле этого понятия, то есть включая татар, башкир и другие народы) ошибочно считаются христианами, мусульманами и т. д. На самом деле все они язычники и молятся своему самому почитаемому богу по имени Авось. А этот бог нас зачастую сильно подводит, и результаты оказываются трагическими.

Мне как-то приходилось разговаривать на эту тему со старым инспектором Госгортехнадзора — организации, которая в СССР следила за исполнением работниками всех предприятий правил техники безопасности. И этот инспектор рассказал историю о том, как после войны на шахтах Донбасса работали пленные немцы, шахтеры по своей мирной специальности. Им отводились шахты, на которых работали только они, а рядом были шахты, на которых работали только советские шахтеры. На последних был установлен жесткий контроль за исполнением рабочими правил техники безопасности, а на «немецкие» шахты никто не обращал внимания. Тем не менее на наших шахтах регулярно происходили чрезвычайные происшествия и травмы шахтеров из-за нарушений элементарных правил техники безопасности, а на «немецких» шахтах — ни единого случая. Может быть, это анекдот или басня, но тогда это такая басня, в которую нетрудно поверить.

Анализ травматизма на том заводе, на котором я раньше работал, показывает, что 9 из 10 травм, полученных рабочими, они нанесли себе сами, нагло нарушая правила ТБ, которые они, кстати, знали назубок. Порой исполнение этих правил и труда не составляло, а выжившие не могли объяснить причину, почему же они их нарушили. Проклятый бог Авось.

Первый случай разгильдяйства, который я выбрал из воспоминаний Александра Захаровича, на мой взгляд, не нуждается в комментариях, а о привычке А. З. Лебединцева жаловаться на отсутствие пехотинцев я уже писал.

Типичное разгильдяйство

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Утро 10 марта 1942 года было солнечным. После завтрака разведчики принялись чистить оружие. Я тоже протер канал ствола пистолета и смазал его ружейной смазкой. Командир второй группы разведчиков лейтенант Маркелов ежедневно чистил свой пистолет пулей, то есть выстрелом, преимущественно вверх. Мы вышли на крылечко, он вынул пистолет и вместо выстрела в небеса вдруг прицелился по стоявшей в отдалении деревянной уборной, сделал по ней выстрел и… выронил пистолет из рук, так как из дверного проема упал вниз лицом наш политрук на все четыре взвода по фамилии Гора Иван Дмитриевич. Во рту у него была самокрутка под названием «козья ножка», а штаны, как положено, были спущенными. Маркелов сам доложил о происшедшем комиссару полка. Произведено было дознание, но мы все подтвердили неумышленность случившегося. Маркелов был переведен в другой полк, и ему задержали присвоение очередного звания.

Преступное разгильдяйство

В ноябре 1943 года мы держали активную оборону. Почти каждую ночь с нашей стороны действовала разведка. Вот что докладывалось мной в штаб дивизии в боевых донесениях. «В 11 часов 14 ноября до взвода пехоты противника при поддержке трех танков Т-1\/из Жуковцы атаковали в направлении Щербанивки. Два танка нами подбиты, нанесли урон пехоте. Противник оставил Жуковцы и отошел на Леоновку. Пленные 10-й танковой дивизии». А в 29 сп все было иначе.

Штаб 29-го стрелкового полка с ротой связи выдвигался в сторону Черняхова и в пургу напоролся на части этой 10-й дивизии. Пехоты в полку совсем не было, и противнику удалось пленить 93 человека. В том числе: начальника штаба полка майора Ростовцева, ПНШ-4 лейтенанта Рупенко, парторга лейтенанта Авраменко, начальника химической службы старшего лейтенанта Бон-дина, начальника финансового довольствия лейтенанта Попова, заведующего делопроизводством хозчасти Ла-заренко, командира взвода пешей разведки младшего лейтенанта Жеребьятьева, командира роты связи старшего лейтенанта Галычина, командиров взводов связи лейтенанта Езуса, младших лейтенантов Ведехина, Крюкова и ветеринарного врача Сергеева.

Тогда об этом нас даже не информировали, и я узнал об этом случае только из архива, где обнаружил вышеприведенный список и общее количество плененных. Из всего списка на 93 человека после войны отозвались только двое: лейтенант Езус, выживший в плену, и телефонистка Ярцева Маша, бежавшая из плена. Всех плененных немцы отправили в Жашковский район, ныне Черкасской области, где содержали на территории сахарного завода под охраной местных полицейских. Под Новый год администрация разрешила жителям принести пленным новогодние подарки. Местные девушки, сняв с себя по одной одежонке, переодели Машу в гражданскую одежду и вывели ее из лагеря.

Потом она встретилась с воинами нашего 343-го полка, державшими в январе в этих местах оборону, и вернулась в свой родной 29-й полк, в котором и воевала телефонисткой до Победы. В своем письме и устно она рассказала мне о пленении и побеге из плена. Этот случай, происшедший при занятии дивизией обороны без пехотных подразделений, вышестоящим начальством был расценен как должностное преступление командира дивизии полковника Богданова, который был отстранен от занимаемой

должности и позже понижен в должности до командира полка. А что же командование и штаб 27-й армии? Ведь они должны были знать о боеспособности нашей дивизии и поставленной ей боевой задаче. Этот вопрос до сих пор остается открытым…

Ю. И. МУХИН. Я хотел бы к этому отрывку сделать комментарий не по теме. Все эти Солженицыны и прочие клеветники СССР настойчиво брешут, что в СССР, дескать, всех наших пленных без разбора объявили шпионами и предателями и отправляли в ГУЛАГ. А Александр Захарович мимоходом рассказывает, как действительно обстояло дело с теми, кто попадал к немцам в плен. М. Ярцеву не только не объявили шпионкой и предательницей, не только не отправили в ГУЛАГ, но и оставили служить связисткой. А к надежности связистов предъявляли очень высокие требования. Чтобы вы поняли, о каких требованиях идет речь, приведу эпизод из воспоминаний А В. Невского.

«В 81 стр. корпусе было принято решение перегруппировать дивизии, то есть заменить одну дивизию другой, для этого нашей 2-й стр. дивизии пришлось совершить марш 40–50 км.

Впереди колонны двигался один из полков, за ним шел мой батальон связи. Так как вся дивизия была на конной тяге, то движение ее было крайне медленным, двигались со скоростью 2–2,5 км в час: то одна лошадка остановится в обозе, то другая.

Такое движение крайне утомляло моих связистов — народ отборный, молодой, здоровый, привыкший бегать, неся на себе, кроме оружия, еще и катушку с кабелем, т. е. с грузом, превышающим в 2–3 раза вес снаряжения пехотинца. Топографические карты имелись у каждого командира взвода, исключительное большинство солдат и сержантов имело среднее и высшее образование, картой и компасом мог владеть любой солдат.

Люди рвались вперед. Какая была обстановка, нам примерно было известно. Кроме того, мне было известно, где должен был разместиться штаб дивизии и полки. До места назначения оставалось примерно 25 км. Принимаю решение обоз оставить в походной колонне, а самому с группой связистов в 50 человек проскочить вперед. Шли мы со скоростью 7 км в час, «как олени», нас никто не подгонял, но было общее желание как следует отдохнуть на месте. Примерно через 15 км показался населенный пункт, были приняты меры предосторожности, и мной выслана разведка, сами мы тоже скрытно продвигались вперед. Через некоторое время разведка донесла, что впереди немцы грузят на три автомашины груз, охрана не замечена. Решаю атаковать деревню с трех сторон, до последнею момента входили в поселок не

замеченными противником, автомашины достались нам, убитых немецких офицеров были 2 человека и 10 пленных, небольшая часть все же удрала.

Мы торжествовали — это первая, настоящая, активная, боевая задача, выполненная самими связистами. Пленных повели в тыл навстречу дивизии четыре человека, остальные двинулись к намеченной цели. В пути я соображал, кому и какие следует дать награды.

Пришли на место, выставили охрану, рекогносцировали место каждого отдела штаба 2-й стр. дивизии. Приступили к наводке линии связи, а после окончания работы расположились на отдых. Внезапно на автомашинах нагрянуло наше дивизионное начальство, мечет гром и молнии, зело было взбешено, негодовало. Мне было объявлено в присутствии моих людей, что буду отдан под суд Военного трибунала за самоуправство, за превышение власти, за самовольство и т. д. Приказано было срочно представить строевую записку и список личного состава. Когда комиссия убедилась, что мои люди все налицо и оружие в сохранности, начальство успокоилось.

Причина гнева была вполне понятна: если бы недоставало хотя бы одного связиста, дивизию вновь пришлось бы перебрасывать в другое место. Дело в том, что связисты батальона связи отлично знали дислокацию дивизии, корпуса и частично армии, а, к примеру, командир батальона стрелкового полка в этом отношении имел ограниченные сведения — не больше, как только за свой полк, поэтому, попадись в плен связист батальона связи, он был бы для противника самой ценной находкой.

Мои подчиненные были крайне удручены. Под суд меня не отдали, но в награждениях было отказано».

Но вернемся к теме. Как явствует из эпизода со снятием с должности командира дивизии, начальство с разгильдяйством пыталось бороться, но безуспешно. Об этом вы узнаете из следующего рассказа Александра Захаровича.

Управленческое разгильдяйство

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. 20 ноября 3-я стрелковая рота старшего лейтенанта Ахполова вела разведку боем и захватила двух пленных, которые принадлежали 10-й танковой дивизии немцев. 19 декабря полковой разведывательный взвод под командованием старшины Логинова захватил пленного и вернулся в полк без потерь. 22 декабря наша 2-я рота и 1 — й батальон 343-го полка вели упорный бой за хутор Макаровский и понесли, большие потери. Убиты 78 и ранены 112 человек. 26 декабря части дивизии произвели сдачу и прием новых оборонительных участков.

На следующий день нам пришлось нагонять противника, который отошел на несколько переходов, и я со связистками ехал на одних санях. На обочине стоял «студебекер» с имуществом штаба дивизии. Сверху восседал бывший наш писарь сержант Родичев. Он окликнул нас, и мне удалось у него выяснить, как «котируются» наши боевые донесения на дивизионном уровне. Он ответил, что несомненно лучше, чем в других полках. Они достовернее, с конкретными примерами и фактами, да и отпечатаны на машинке. Но, к сожалению, их никто не читает, кроме капитана Борисова, который ведет Журнал боевых действий дивизии. Это меня немало удивило, хотя я знал, что редкие донесения из наших батальонов в нашем полку тоже никто, кроме меня, не читает. Через несколько дней это сыграло роковую роль для нашего командира дивизии полковника Короткова и всей дивизии в целом, разгромленной у Босовки.

Как помнит читатель, командир полка Бунтин, начальник штаба Ершов, комбат Кошелев и 14 солдат 22 января вышли из окружения и именно в эти дни пришел приказ о присвоении Бунтину звания «подполковник». На радостях он немедленно представил к этому званию и начальника штаба Ершова. Этот мой начальник заметно изменил свое отношение ко мне в лучшую сторону. Он стал больше поручений давать другим ПНШ, оставив мне только самые серьезные дела. Главное, что он стал интересоваться, есть ли у меня время на сон. Стояли мы в селе Дзвыняче, и весь офицерский состав был задействован на привлечении местного населения для проведения окопных работ. Я, как всегда в обороне, использовался на рекогносцировке местности, определял место траншей и опорных пунктов в районе обороны полка.

После разгрома в Босовке 14 января 9 февраля дивизия получила 2392 человека пополнения. Недополучено было до

штата 1244 человека. Одновременно получаем вооружение и боеприпасы. В отличие от прежнего местного пополнения, на сей раз получили много из России и преимущественно не обстрелянных еще курсантов, прошедших только первоначальное обучение. Видимо, уже сокращалась общая численность курсантов в училищах.

Даже получив пополнение, мы смогли укомплектовать только по два стрелковых батальона. Вооружив новичков, мы начали совершать марш вдоль реки Гнилой Тикич. Проходим на марше райцентры Тетиев и Ставыще, Журавлиху, Затонское и к 22.00 15 февраля сосредотачиваемся на западной окраине села Веселый Кут. На следующий день начали оборудование оборонительного рубежа с привлечением местного населения. В этот же день дивизия была передана в 104-й стрелковый корпус, входивший в состав 40-й армии. Нашему 48-му стрелковому полку было приказано занять рубеж Репки, Погибляк, сменив 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. 18 февраля в 15.30 полк сосредоточился в Репки. Вот как я отмечал это в боевом донесении к 18 часам: «48-й стрелковый полк, согласно распоряжению штаба дивизии, выступил из Репки в Погибляк. К 14.00 1 и 2 батальоны заняли исходное положение для наступления на рубеже высоты 238.9 и перешли в наступление на Толстые Роги. Обеспеченность

боеприпасами 0,8 боекомплекта. Горячей пищей полк накормлен только один раз и то без хлеба. Проводная связь в полку отсутствует. Доношу, что начальник штаба полка майор Ершов выехал в одиночку из Репки в Погибляк, куда не прибыл. Пропал в неизвестном направлении. Подписи: Командир полка подполковник Бунтин, за начальника штаба старший лейтенант Лебединцев».

Вот что произошло. Ночью оба батальона были смещены влево, а командный пункт находился в Репках. Приказано было немедленно переместиться в Погибляк. Я поднял после завтрака все подразделения и выстроил их в походную колонну для следования на Погибляк и доложил Ершову о готовности к движению. Сам он находился у своих «персональных» саней, на которых укутывал рыжую Инку его ординарец Елизаркин. Подвели верхового коня Ершову, и он сел на него, одновременно наставляя меня, чтобы я ехал в голове колонны, а он выедет раньше в Погибляк, чтобы к нашему прибытию высвободить хоть одну хату для размещения штаба и собственной персоны.

Я предупредил его, чтобы он взял кого-либо из конных разведчиков, но он не пожелал, сославшись на то, что всего-то расстояние в 3–4 км. Я настаивал, но он только махнул рукой и

поехал. При нашем выезде из села подул сильный боковой ветер слева и началась метель. Справа должны были находиться наши оба батальона, в которых мне еще не удалось побывать. Вскоре показались хаты села Погибляк. Нас никто не встречал на окраине, как это всегда делал я, выезжая заранее квартирьером. Развернув командный пункт, я принялся разыскивать начальника штаба, так как подумал о том, что он уже где-то с командиром попивают самогон. Но найти никого не удалось до самого вечера, пока нас самих не разыскал к вечеру Бунтин. Я сообщил ему о пропаже начальника штаба, тем более что Ершов всегда в своем планшете имел последние сведения о боевом и численном составе, последний письменный боевой приказ командира дивизии, наш полковой боевой приказ, топографическую карту и гербовую полковую печать по истинному наименованию. «Никуда он не денется. Полмесяца находился в окружении и не пропал. Придет». Однако вечером я включил пункт о пропаже начштаба в боевом донесении, но Бунтин не стал его подписывать, и я отправил это донесение только со своей подписью. Прошла ночь, Ершова по-прежнему не было.

19 февраля полк перешел в наступление на Толстые Роги, но был встречен огнем из Винограда, Толстых Рогов и Босовки и понес большие потери. Именно в эту ночь имелись обмороженные и даже замерзшие насмерть, ибо днем шел мокрый снег, а к ночи морозы крепли, и солдатские шинели превращались в панцири. Разрешили на ночь пользоваться для обогрева скирдами соломы в открытом поле, так как не было даже лопат для самоокапывания.

Кажется, на второй день в штаб полка нагрянуло командование дивизии: командир дивизии полковник Крымов, начальник политотдела, начальник особого отдела дивизии. Последовал вопрос к Бунтину: «Где начальник штаба полка? Почему сразу не доложил?» Ответ: «Виноват, не подумал!» Потом спросили: «Кто заместитель начальника штаба?» Я представился. Ко мне тот же вопрос. Я показываю копию боевого донесения. «Почему не подписано командиром полка?» Бунтин снова: «Виноват, исправлюсь». Комдив по телефону спрашивает в штабе дивизии: «Почему не доложили мне боевое донесение полка?» Ответ не был мной расслышан. Комдив отстраняет Бунтина от командования полком и вызывает из 343-го полка заместителя командира полка капитана Склямина, чтобы тот вступил во временное командование.

21 февраля полк снова в селе Репки, поддерживает наступление всеми видами огня 3-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, но безуспешно. Впереди слышны непрерывные раскаты орудийных разрывов, ведь 17 и 18 февраля

окруженные под Корсунь-Шевченковским вражеские дивизии делают последние, отчаянные попытки пробиться из окружения. К началу ввода полка в бой мы не были полностью вооружены, а артиллерии и минометов не было вообще. Вотчтомыимелина21 февраля: винтовок-507, ППШ — 234, станковых пулеметов — 2, ПТР — 3.

Наконец 27 февраля мы вступили в Виноград. Сразу же я со старшим оперуполномоченным «Смерш» занялся поиском дома, в котором был расквартирован штаб противника. Нам его указали местные жители, а хозяйка подтвердила, что немцы приводили майора в «черном кожухе» (только у него одного был черный полушубок), обыскали, сняли орден, смотрели бумаги, потом отправили на Умань в лагерь военнопленных. В Винограде пришлось мне расстаться вторично и навсегда с бездарнейшим нашим командиром Бунтиным. Что с ним было дальше, никто из однополчан не знает. На прощание его адъютант старшина Борисенко организовал прощальный обед в полку. Хозяйка отварила Бунтину вареники с картофельным пюре и с квашеной капустой. Он пил самогон, закусывая нехитрой закуской, и призвал меня разделить с ним прощальный обед, но я отказался. Он сетовал, что отстранен дважды и не имеет еще ни одной награды (поглаживая на груди знак «Гвардия», который вручался каждому гвардейцу, а он как-никак три месяца слонялся в качестве заместителя командира гвардейского полка).

Я снова, который уже день, тяну лямку в двух лицах при новом временном командире. И он каждый вечер вызывает к себе писаря Валю «для внесения в книгу его учетных данных», но она всякий раз отбивалась от его домогательств, так как была сильной дивчиной и могла за себя постоять. Добавлю, что, когда Ершов находился в плену, прибыл приказ о присвоении ему звания подполковника и о награждении его орденом Красного Знамени по представлению еще за Днепр. Он с майора до подполковника проходил только полгода, а я, полтора года непосредственно пребывая на фронте, никак не представлялся им к званию «капитан», хотя моя должность уже была майорской. Это тоже было…

Ю. И. МУХИН. Даже Лебединцев недоумевает по поводу того, что в 38 сд никто из командиров не читал боевых донесений, а мне остается только руками развести: как они вообще могли воевать, если не знали, что происходит в частях и подразделениях?

Наш завод вполне можно было считать дивизией: четыре плавильных цеха, дававших конечную продукцию, — стрелковыми полками находящиеся в этих цехах 26 плавильных

печей — стрелковыми ротами; еще семь вспомогательных цехов — артиллерийскими, инженерными и пр. полками; остальные цеха — отдельными батальонами. Текущее управление заводом осуществлялось так. Три раза в сутки (по окончании смен) сведения о работе всех цехов (боевые донесения) подавались диспетчеру завода. Он их оформлял в сводное по заводу донесение за прошедшие сутки и прошедшую смену. Те образцы донесений, которые готовил Александр Захарович и за которые его хвалили в штабе дивизии, на мой взгляд, вообще не донесения из-за мизерности дающейся в ней информации. У нас работа каждой печи освещалась каждые 8 часов не менее чем 20 параметрами: выплавка, брак, напряжение на печи, анализы металла и т. д. и т. п. Плюс общие показатели работы плавильных цехов, плюс основные показатели работы вспомогательных цехов, плюс работа снабжения и сбыта. Кроме того, диспетчеру передавалось все, что цеха считали своим долгом доложить. Для оперативной информации не существовало никаких специальных людей, сбор информации и ее обработку вели штатные инженеры — мастера и начальники смен.

Управление заводом велось так. С 8 утра в диспетчерскую заходил главный инженер и начинал просмотр всех донесений за прошедшие сутки и ночную смену. Одновременно сходились и главные специалисты (штаб завода), каждый из которых просматривал донесение и оценивал, как параметры, за которые он отвечает, повлияли на конечные результаты работы завода. Главный энергетик смотрел давление воды на заводе и в городе, температуру воды на отопление, параметры сжатого воздуха и пара и т. д. и т. п., главный электрик — частоту тока, напряжение на подстанциях и т. д., главный механик — наличие аварий, их тяжесть и быстроту устранения, главный технолог — удельный расход электроэнергии, начальник снабжения смотрел остатки материалов и сырья на складах. Другими словами: каждый смотрел то, за что директор будет «снимать с него стружку», поскольку загоралась лампочка, и диспетчер нес журналы директору. В это время всем руководителям цехов и заводоуправления полагалось быть на рабочих местах, поскольку директор, просматривая донесения, мог у каждого запросить по телефону дополнительную информацию. К примеру, мог позвонить в Отдел рабочего снабжения и спросить, почему во второй столовой в ночную смену на второе уже четыре дня подают только куриное мясо. В 9 утра к директору сходился штаб — все руководители отделов — и в течение 10–20 минут директор озадачивал специалистов, что они обязаны сделать, чтобы в текущие сутки завод работал бесперебойно. В ходе дня и

директор, и заводоуправление занимались и текущими, и перспективными вопросами, но в 18 часов директор, получив донесение о работе цехов за день, снова созывал штаб и снова возвращался к текущим вопросам. Я думаю, что вот эта системная работа по текущему управлению вряд ли занимала у директора больше часа в день, но как без нее управлять? Как управлять чем-то, если ты понятия не имеешь о том, что происходит в организации, которой ты управляешь?

К примеру, ни в одном из цитированных боевых донесений, написанных Лебединцевым, не указана текущая численность боевых подразделений и редко указаны текущее наличие оружия и боеприпасов. А как поставить им боевую задачу без знания этих параметров? И что удивительно — очень часто то какая-нибудь комиссия, приехавшая на завод, то какой-нибудь обкомовский или цэковский умник ставили нам в пример управление в армии! Но, читая Лебединцева, ужасаешься: боже мой, какой же там был тупой бардак!!!

Командир дивизии три дня не знал, что пропал начальник штаба полка с его комдива, боевым приказом и боевым приказом полка! Три дня гнал полки на подготовленный немецкий огонь. Ну что тут скажешь?

Глава 12. О наградах и наказаниях Вкратце об орденах и медалях

Ю. И. МУХИН. Вопрос о наградах для солдата достаточно больной, ведь их наличие подтверждает, что данного военнослужащего общество не напрасно кормило и содержало. Но я не могу вспомнить ни страну, ни армию, в которых бы награды более-менее длительный срок давались не лицам, приближенным к начальству, а тем, кто их заслужил. Казалось бы, в немецкой армии, в которой вопрос с наградами был тщательно продуман и тщательно контролировался, несправедливости в награждениях не должно было бы быть, но именно немецкий генерал-фельдмаршал П. Гинденбург сказал фразу, которая могла бы стать девизом наградной политики всех государств: «Ордена получают не там, где их заслуживают, а там, где их дают».

А. З. Л ЕБЕДИНЦЕВ. Медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» награждение солдат и сержантов производилось приказом по полку. Медалями и орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени награждал командир дивизии всех, до командира роты включительно. Командир корпуса те же категории военнослужащих имел право награждать дополнительно и орденами Отечественной войны обеих степеней. Командующий армией уже мог своей властью награждать до командира полка включительно в объеме прав командира корпуса и дополнительно орденами Красного Знамени, Славы 2-й степени и Александра Невского, а командующий войсками фронта — до командира дивизии включительно в объеме прав командарма и дополнительно орденами Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого 3-й степени. Награждение полководческими орденами второй и первой степени, орденом Ленина и орденом Славы 1 — й степени, а также присвоение звания Героя Советского Союза оставались за Президиумом Верховного Совета СССР. Эти права были предоставлены командирам и командующим 10 ноября 1942 года. В последующем такие же права были предоставлены командующим ВВС, ПВО территории страны, флотов, командующим артиллерией и командующим бронетанковыми и механизированными войсками.

Хотя прошел год после того Указа, но в массовом порядке он начал исполняться только после начала форсирования Днепра, о чем свидетельствуют наградные материалы в Архиве МО. В подразделениях началось соревнование на как можно большее количество представленных и, конечно, выдумывались критерии

мужества и отваги, которые командиру полка просто не представлялось возможным проверить. Очень многие представлялись к ордену Красного Знамени, так как его статут не был четко определен еще со времен Гражданской войны. В статутах последних орденов была сделана попытка в поспешном порядке определить конкретные боевые отличия, но они оказались чисто формальными. Это касалось прежде всего орденов Отечественной войны, орденов Славы и полководческих орденов. Но ошибки в статутах были, прямо скажем, абсурдны, к примеру, совершенно не были включены матросы и партизаны в статут ордена Славы, в связи с чем вынуждены были после учредить для них военно-морские медали Нахимова и Ушакова и «Партизану Отечественной войны», которые ни в какое сравнение не шли с орденом Славы по почетности награды.

Статут ордена Отечественной войны разрабатывался для рядового, сержантского состава, командиров подразделений и частей, но в нем совершенно не упоминались офицеры штабов и такие службы, как медицинская, тыловая и боевого обеспечения. Из огромного перечня статей статута этого ордена первое место отведено почему-то ВВС, артиллерии, танковым войскам, инженерным войскам, войскам связи, кавалерии, ВМС. Стрелковым войскам в статуте была отведена всего одна статья по захвату артиллерийской батареи и по действиям разведки, тогда как для ВВС-22, ВМС-8, артиллерии-4, танкистов-3. Правда, для авиаторов дали статью «Кто организовал четкую и планомерную работу штаба», послужившую лазейкой для офицеров штабов всех видов Вооруженных сил и родов войск. В результате поспешности составления тыловыми штабами перечней отличий для награждения орденом он выглядит ныне просто смешным и даже безграмотным с точки зрения военной терминологии. Так, одна из статей предусматривала награждение орденом Отечественной войны 2-й степени «За уничтожение танка противника взрывпакетами». Взрывпакетами именуются начиненные дымным охотничьим порохом учебные пакетики для обозначения взрывов на учебных занятиях. Они не причиняют вреда даже человеку, стоящему рядом с его взрывом, а в танке его взрыв даже не услышат.

Да, этот орден был популярен, так как его можно было получить только на войне, а не за выслугу лет, за собственные и государственные юбилеи или победу в соцсоревновании, за что впоследствии вручали ордена Красной Звезды, Красного Знамени и даже орден Ленина. Все ордена по старому законодательству после смерти награжденного подлежали сдаче в Отдел наград Президиума Верховного Совета, а ордена Отечественной войны

сразу же оставлялись в семье как память и высылались в войну близким тех, кто им награжден посмертно. Награждение этим орденом могло быть повторяемо и за новые подвиги. Но, конечно, не в таком количестве, как это имело место в ту, пусть даже и в самую продолжительную войну.

Мой сослуживец в конце 60-х полковник Мамонов Иван Иванович, 1921 года рождения, в воинских званиях от лейтенанта до капитана сумел стать награжденным: 29.07.43 г. в должности командира батареи орденом Красной Звезды за бои под Белгородом; на Букринском плацдарме получил орден Отечественной войны 1-й степени 23.11.43 г. в должности начальника штаба дивизиона минометного полка танкового корпуса; в 1944 году он не был на фронте, а за четыре месяца 1945 года в должности помощника начальника штаба артиллерии танкового корпуса получил 13.02.45 г. орден Отечественной войны 2-й степени, 10.05.45 г. — 1-й степени; и 31.05.45 г. снова второй степени. Пятый получил к 40-летию Победы. Несколько представлений он писал себе сам своей рукой красивым мелким почерком. Но на этом не окончились его наградные преуспевания. В 1956 году он 18 и 30 декабря получает два ордена Красной Звезды: один за выслугу 15 лет в ВС, второй — за события в Венгрии, и в 1968 году получил четвертый — за вторжение в Чехословакию. Общий итог к концу службы: пять орденов Отечественной войны, четыре ордена Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги» (за первые десять лет выслуги). Не многим пехотинцам выпадала такая наградная удача, как этому артиллерийскому офицеру, который получил столько орденов за несколько месяцев боев, да и то — в располагавшемся в трех-пяти километрах от переднего края штабе танкового корпуса на должности помощника начальника штаба артиллерии.

Теперь я снова хотел бы вернуться к ордену Славы. Он, как известно, состоит из трех степеней, и награждение им производится строго по старшинству от младшей третьей степени до второй и первой степеней. Третьей степенью могли награждать командиры дивизии и корпуса, второй — командарм и командующий войсками фронта, а первой только Президиум Верховного Совета. По многим льготам в военное и послевоенное время полные кавалеры ордена Славы приравнивались к Героям Советского Союза. Мы же, слепо переняв степени в царской России, не учли того, что тогда солдаты и унтер-офицеры не имели права на получение никаких других орденов, кроме четырех Георгиевских крестов и четырех одноименных медалей. А у нас с 1918 по 1943 год были учреждены ордена Красного Знамени, орден Ленина, орден Красной Звезды, орден Трудового

Красного Знамени, орден «Знак Почета» и ордена Отечественной войны двух степеней, которыми в равной степени могли награждаться генералы, офицеры, солдаты, сержанты, старшины и матросы.

В нашем наградном законодательстве было больше исключений из правил, чем исполнения правил. Характерными в этом вопросе являются так называемые «полководческие» ордена: Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова и Нахимова. Начнем хотя бы с того, что в их статутах определено, что ими «награждаются в боях за Родину в Отечественной войне». А между тем, маршал Соколовский В. Д. свой третий по счету орден Кутузова 1 — й степени получил 18.12.1956 года, одиннадцать лет спустя после Отечественной войны как начальник Генерального штаба, осуществлявший руководство нашими войсками во время венгерских событий. К тому времени он уже был единственным генералом армии, получившим три ордена Суворова 1 — й степени и два ордена Кутузова 1 — й степени. Он так и остался единственным трехкратным кавалером обеих этих высших военных наград. И не только он один получил за те дела полководческие ордена. Маршал Огарков Н. В., будучи начальником Генерального штаба, «не знал», что орденом Суворова награждали только в Отечественную войну, и получил этот орден 1 — й степени 4.11.1981 года «за оказание братской помощи в Афганистане». Отечественную войну он закончил в скромной должности дивизионного инженера, которому даже третья степень этого ордена не была положена. Точно так же получил этот орден и бывший первый заместитель министра обороны маршал Соколов С. Л. (6.05.1982 г.). За тот же Афганистан, но оказывая «братскую помощь» в Москве.

Статуты полководческих орденов предполагали награждение ими (например, орден Суворова) за успешно Разработанные и проведенные наступательные, а Кутузова — за оборонительные операции. Первыми степенями могли награждаться командующие фронтами и армиями, их заместители, начальники штабов, начальники оперативных отделов и начальники родов войск (артиллерии, военно-воздушных сил, бронетанковых и минометных) фронтов и армий. И снова несуразица, так как минометные части входили в подчинение артиллерийских начальников. Эти начальники могли быть награждены первой степенью этих орденов. Но слишком велик должностной диапазон — от Верховного главнокомандующего до начальника оперативного отдела армии в полковничьем звании. Конечно же, ни один из полковников не получил эту платиновую награду, да и

начальники штабов армий их получали редко. И наоборот, командирам корпусов полагались эти ордена второй степени, но при наличии у некоторых из них двух орденов второй степени при третьем представлении оно исправлялось на первую степень. Было несколько таких случаев.

С учреждением первых трех полководческих орденов совершенно были обойдены руководители партизанского движения в нашей стране, адмиралы и офицеры военно-морских сил, генералы, адмиралы и офицеры партийно-политического аппарата и тыла. Поэтому с учреждением ордена Богдана Хмельницкого эти категории были включены в его статут, хотя я не помню случая, чтобы моряки имели этот орден. Более того, многие руководители партизанского движения получили ордена Суворова и, естественно, Богдана Хмельницкого. Кроме того, третьей степенью ордена Богдана Хмельницкого, в порядке исключения, разрешено было награждать рядовой и сержантский состав армии и даже партизан, о чем все позабыли, а я встречал только одного сержанта, награжденного этим орденом.

В1944 году и моряки захотели иметь свои ордена Ушакова и Нахимова, а также одноименные медали для матросов и старшин флота. Свои ордена они учредили в двух степенях и решили не указывать должностные категории, подлежащие награждению по степеням. И тут была допущена промашка, так как они совершенно забыли про свою морскую авиацию и не упомянули о ней ни слова в статутах, правда, генерал-полковник авиации Самохин М. И. и генерал-лейтенант авиации Ермаченков В. В. дважды были удостоены ордена Ушакова 1-й степени.

В статутах полководческих орденов не говорилось о повторном награждении одной и той же степенью, но большое количество маршалов и генералов получили даже по три ордена одной и той же первой степени. Статуты этих орденов не предусматривали награждение ими воинских соединений и частей, а на практике это имело самое широкое распространение, с той только разницей, что повторного награждения не было. Корпуса, дивизии и бригады награждались вторыми, а полки — третьими степенями. Отдельные батальоны и дивизионы, как правило, награждались орденом Александра Невского, как и полки. Первыми степенями ордена Суворова 1-й степени, насколько мне известно, награждены Академия имени М. В. Фрунзе и Академия Генерального штаба.

За Днепр

Странные дела происходили с нами в те годы. Победы, подвиг, личная инициатива, трофеи и пленные были налицо… и никакой реакции в плане наград со стороны начальства, как будто это происходило повседневно. Но это же не так! Читатель уже видел десятки примеров неумелых действий, трусости командиров, огромнейшие потери, и какже при этом не оценить геройский поступок комбата, ротных командиров, наконец, отличившихся солдат и сержантов? Вот она, наша русская черствость, а часто и нежелание, чтобы у комбата оказалось больше наград, чем у самого комполка. Запуганы мы тогда были смертельно. Высшего начальства мы боялись порой больше, чем противника.

После Днепровской эпопеи я должен рассказать о ее прославлении, так как именно с той поры пошли наградные нормы, аэто не одно ито же, что обычные награждения. Я уже выше рассказывал, как не дали мне орден Красного Знамени за Васильевку, да не только мне, не наградили и всех остальных участников этого боя. Как совершенно забыли о награждении за ночную атаку под Будакивкой, даже не наградив наиболее отличившихся бойцов и сержантов хотя бы медалями «За отвагу», что можно было сделать приказами по полку. А ведь даже по самому малому счету Ламко за идею и личное руководство прорывом немецкой обороны полагался орден Красного Знамени или Александра Невского.

Но как мог Бунтин подписать представление на орден Красного Знамени на меня, если сам не имел даже медали? Было чуть ли не правилом, чтобы подчиненный «не переплюнул» командира количеством орденов и медалей. Так и лежали представления до той поры, пока сам командир не получит четвертый или пятый орден. В этой связи я спросил Алексея Зайцева, как ему удалось получить шесть орденов, если командир 29-го полка подполковник Исаев Иван Федорович имел всего четыре ордена (два Красного Знамени, Кутузова 3-й степени и орден Отечественной войны) и медаль «За отвагу». Зайцев ответил, что ни командир полка, ни он сам не знали о награждении его вторым орденом Красного Знамени за Днепр вместо представления на Героя, и последнего третьего вместо представления в Венгрии на орден Ленина. Так и проскочило. Узнал о двух орденах при смене временных удостоверений на орденскую книжку после войны.

А на Днепре через пару дней после форсирования поступили

устные указания о представлении всех офицеров — участников форсирования — к орденам, а солдат и сержантов — к орденам и медалям. Батальон Ламко, артминбатареи и подразделения боевого обеспечения принялись за описание подвигов.

Оформлением занимались писари и делопроизводители у ПНШ по учету, которые обычно вели списки живых и убитых, совершенно не владея ни военными терминами, ни лексикой, поэтому писали, что на ум взбредет. В саперном батальоне были представлены четыре человека — командир роты и три сапера — к званию Героя Советского Союза. Фантазия писаря дошла только до того, что он сумел, не повторяясь, записать в качестве подвига затыкание пробоин в лодках: у одного- портянками; у другого — бельем; а у третьего — обмундированием, и приписал всем фантастическое количество перевезенного через Днепр личного состава, вооружения, боеприпасов и воинских грузов. Дальше фантазия писарей не пошла, а командирам, подписывавшим эти представления, не было времени уточнять и тем более корректировать или исправлять их, так как некоторые командиры не могли сами написать донесения или расписки, а то и письма близким, поручая это писарям. С мая 1943 года и по февраль 1944 года я нашел в архивах только одну записку из трех строк, написанную собственноручно начальником штаба полка майором Ершовым, и ни слова, написанного всеми командирами нашего полка. Даже нет исправлений их рукой. В минуты затишья на переднем крае Кузминов обычно брал папку с представлениями, читал фамилию, смотрел, на какой орден воин представлялся, держал совет с начальником артиллерии, решал: «Дадим!» — и ставил свою подпись после согласия майора Бикетова. Однажды, когда нас вывели на сутки для получения пополнения, Кузминов оказался в штабе дивизии, а там был получен приказ о том, что на дивизию выделена наградная норма на Героев Советского Союза в количестве 50 человек. Комдив решил в стрелковых полках сделать по десять героев, а остальные 20 отдать саперам, артиллеристам, связистам, противо-танкистам и другим службам. Во время одной из послевоенных встреч однополчан в Григоровке бывший командир штабного взвода связи Бережной рассказал мне, что когда Кузминов и Бикетов вернулись после двухсуточной отлучки из полка во время наступления немцев на плацдарм, их вызвал командир дивизии полковник Богданов на свой КНП на берегу реки и спросил, где они были? Кузминов сказал, что искали связь с соседом. Тогда комдив нанес ему пощечину, сказав при этом: «А как же с вызовом огня на себя? Искупить кровью!» Вот вскоре после этого и поступила команда от командира дивизии тому же Кузминову готовить в полку представления на

десять человек к высшей степени боевого отличия — званию Героя Советского Союза.

Принялись делить награды на «военном совете» полка, состоявшем из командира, замполита, начальника штаба и начальника артиллерии. Присутствовал и я во время этого разговора. Сидят командиры и смотрят друг на друга. В это время никто из офицеров штаба еще не был представлен даже к обычным орденам. Молчание затягивалось, и я сказал: «Что тут гадать, представлять надо Ламко, Чирву, Зайцева, командира роты лейтенанта Мехеева М. В. и представленных из батальона: младшего лейтенанта Жуйкова Ф. И., вступившего в командование батальоном адъютанта старшего Николенко В. А.; командира пулеметного расчета старшину Телефанова; пулеметчика Карпенко; командира батареи 76-мм орудий старшего лейтенанта Косенкова и командира орудия старшину Осина». Все сразу согласились, хотя Николенко написал представление сам на себя и у него в нем ничего не соответствовало статуту ГСС. После этого я позвонил в штаб дивизии и просил начальника связи дивизии оформить представление на Героя нашему начальнику направления телефонной связи младшему лейтенанту Оленичу И. И. Он обещал сделать.

На следующий день снова был бой. Потом наступило затишье, и начальник финансового довольствия лейтенант Лебанидзе Н. С, исполнявший обязанности ПНШ-4, доложил на подпись на КНП Кузминову наградные листы. Командир полка и начальник артиллерии находились в надежном укрытии, которое было отрыто в скате оврага под корнями груши-дички способом выемки грунта через узкую горловину. Там, в полутьме «берлоги», при свете «каганца» он не разобрался, на что именно представляют меня. Лебанидзе сказал, что на звание «капитан». «Давно нужно было сделать. А почему ни на него, ни на других офицеров штаба нет наградных листов до сих пор?» — спросил он. «Начальник штаба такого приказания не отдавал. Возможно, он ждет, пока вы назовете, на какой орден его самого представить». «Напиши на него — на орден Красного Знамени, а на помощников пусть он сам предлагает», — ответил командир.

Возвращались мы вместе, так как командир одновременно подписал и боевое донесение. На командном пункте начфин вполголоса передал начальнику штаба распоряжение Кузминова и спросил: «На какие ордена оформлять помощников?» Ершов ответил: «Пиши всем на «Звездочку». Может быть, впервые за всю войну мне стало ужасно обидно за такого начальника. Ведь он же знал, что даже все комсорги, пропагандист и посыльные

представлялись к орденам Красного Знамени, Отечественной войны, а он оценил наши дела ниже, чем я оценил дела посыльных.

Примерно через неделю, я докладывал по телефону обстановку на переднем крае начальнику оперативного отделения штаба дивизии майору Петрову В. И., моему непосредственному «патрону» в вышестоящем штабе. В конце он поздравил меня с орденом Отечественной войны 2-й степени, которым был награжден и он сам, и некоторые наши офицеры, тоже представлявшиеся на Красную Звезду. В этом же приказе вместо Героя получали такой же орден Николенко и Осин. А Жуйков, Зайцев, Карпенко, Косенков и Ламко награждались орденами Красного Знамени. Во всей дивизии вместо разнарядки в 50 человек геройство получили только 16, а все остальные получили ордена Красного Знамени или даже ордена Отечественной войны 2-й степени. А произошло вот что.

Первоначально 22 и 23 сентября форсировали Днепр в его большой излучине соединения 40-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армий. Это был первый на этой реке плацдарм, названный, как и два населенных пункта — Большой и Малый Букрин — «Букринс-ким». В 40-й армии две дивизии форсировали Днепр в районе Ходоров (253 и 337 сд), 161-я в районе Зару-бинцы и наша, 38-я, в районе Григоровки. Мотострелковые части 3-й гвардейской армии высаживались только в двух последних населенных пунктах, и произошло невольное перемешивание боевых порядков. После первого, самого значительного контрудара противника 29 сентября на плацдарм был введен второй эшелон Воронежского фронта — 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта Трофименко. Ее соединения в самом форсировании участия не принимали, а переправлялись по наплавному мосту и на паромах уже без воздействия огня противника. Поэтому в первоначальную разнарядку на геройские звания они не вошли. Эта армия вводилась в центре оперативного построения и отрезала 38-ю дивизию на самом левом фланге плацдарма от главных сил 40-й армии. В связи с этим наша дивизия была переподчинена 27-й армии. Такое происходило часто.

Оформили представления на 50 человек к званию Героя по распоряжению командующего 40-й армией генерал-полковника Москаленко К.С., а представлять их в Верховный Совет пришлось уже через командующего и штаб 27-й армии, на которую разнарядка на Героев, естественно, не выделялась, а соблазн был велик. Вот и решил командарм Трофименко за счет нашего лимита прославить и своих людей, тем более что и у него многие

отличились, но уже не за форсирование, а за бои по расширению плацдарма. Сейчас очень трудно подсчитать, сколько получено героев в 27-й армии, но они безусловно есть, в том числе и за счет Героев нашей дивизии.

В 1943 году оформление на геройство и ордена производилось по такой схеме. Описание подвига делалось очевидцами, то есть самими командирами рот (батарей) и батальонов. В полках их оформляли на бланках и за подписью командира полка, потом пересылали в дивизию. В отделении кадров дивизии представления рассматривались, и происходило награждение в объеме прав, предоставленных командиру дивизии, то есть он награждал до командира роты и ему равных до ордена Красной Звезды и ордена Славы 3-й степени. Комдив имел право снизить уровень награды, например, с представленных на орден Красного Знамени или на орден Отечественной войны и своей властью наградить офицера орденом Красной Звезды или даже медалью «За отвагу», ибо командир полка мог награждать медалями только рядовых и сержантов. Приказом командира дивизии награждались медалями также рядовые и сержанты саперного батальона, противотанкового дивизиона, батальона связи и разведроты, командирам которых такое право не предоставлялось. На все вышестоящие ордена и Геройство командир дивизии должен был давать либо свое согласие, либо изменить орден или степень ордена и отправить выше по команде. В армии и на фронте рассматривались все представления и делались заключения двумя лицами — командующим и Членом Военного совета. Они или давали свое согласие или понижали, а иной раз даже повышали статут награды, как в случае со мной, капитаном Лукьяновым и старшим лейтенантом Кошелевым, представленными к орденам Красной Звезды в полку, а командарм дал нам орден Отечественной войны 2-й степени. Я встречал одно представление, когда командир 12-го гвардейского танкового корпуса представил командира 66-й танковой бригады полковника Павлушко А. Т. к ордену Красного Знамени, командующий 2-й танковой армией согласился, а командующий БТ и МВ 1 — го БФ генерал-лейтенант танковых войск Орел принял решение о присвоении ему звания Героя Советского Союза, и Верховный Совет согласился с последней инстанцией. Встречал еще и такой случай, касающийся моего земляка и троюродного дяди по линии матери Пан-ченко Дмитрия Ивановича, который командуя взводом автоматчиков в звании старшины, форсировал Днепр, затем трижды отличился в бою, захватив в плен 17 немцев, и был представлен к ордену Ленина,

но во фронте повышен в статуте награды и посмертно получил звание Героя. Однако чаще всего награды понижались, как выше показано на примере нашего 48-го полка. Только командир полка майор Кузминов М. Я., начальник артиллерии майор Бикетов И. В. и командир роты лейтенант Михеев М. В. получили высшую степень отличия. Шесть человек были награждены командармом орденами Красного Знамени, а два — орденами Отечественной войны 2-й степени. Об остальных полках данных я не искал, так как в архивах нет сопроводительных документов, где бы указывались хотя бы фамилии представленных или фамилии награжденных. В дивизии и полки возвращались только выписки из приказов на награжденных тем или иным орденом или медалью в алфавитном порядке по каждой награде, с указанием воинского звания и должности награжденного.

Как помните, в списке представленных к Герою был полковой инженер лейтенант Чирва Ф. Т., но его не оказалось ни в списке Героев, ни в списке награжденных орденами, хотя представление на него я писал сам лично, и оно было подписано Кузминовым. Именно он и комбат Ламко Т. Ф. были первыми названы кандидатами на звание Героя Советского Союза от полка. Но последний получил хотя бы орден Красного Знамени вместо Героя, а про Федю Чирву мне позднее стало известно, что майор Ершов В. В. вообще его представление не отправил, тайно уничтожив его по той причине, что они с Чирвой не могли «поделить» стряпуху Петровну из комендантского взвода. Ершов это сумел сделать, так как при отправлении наградных листов препроводительные документы не писались.

Для характеристики подвигов геройства и мужества в представлениях перечислялись отличия на поле боя, которые далеко не всегда предусматривались статутами, особенно если количество награждаемых назначалось по разнарядке, да еще и с указаниями, как и сколько подбирать награждаемых по национальностям, по служебным категориям, по военным профессиям, по партийности и т. д. и т. п… Так, например, на дивизию планировался один командир полка, и им стал майор Кузминов М.Я., поскольку благодаря Чирве наш полк первым форсировал Днепр. Но во время контрудара немцев 29 сентября он, как я уже рассказывал, вместе с начальником артиллерии майором Бикетовым вызвали огонь на себя, а сами ушли в тыл к соседям и двое суток о себе не давали знать. Повторю, что после того, как они все же вернулись, командир дивизии наградил Кузминова пощечиной и сказал: «А как же с вызовом артогня на себя? Смыть кровью!» Так что от штрафного батальона до звания Героя был один шаг. А так как наш полк и сам командир

переправились на сутки раньше других частей на правый берег, то Кузминов только один и подходил в кандидаты на Героя.

Из 16 Героев Советского Союза, получивших эту высшую степень отличия в дивизии, 11 человек получили ее как первичную боевую награду и только потому, что дали нам ее по разнарядке. Это у летчиков, прежде чем получить звезду Героя за каждые десятки сбитых самолетов или вылетов на бомбежку или разведку, получают поочередно ордена различной значимости, а потом уже дотягивают до Геройства, если, конечно, остаются живыми. А в пехоте совсем по-другому. Только Кузминов и Бикетов еще в 1942 году получили ордена Красного Знамени, Медин и Шмаровоз до форсирования имели по ордену Красной Звезды, а Оленич медаль «За отвагу»

Но этот рассказ был бы неполным, если бы я не назвал другую деталь. Ведь разнарядка на Героев пришла неделю спустя после того, как все участники форсирования были представлены к орденам и медалям в общем порядке. Меня это заинтересовало. Я выяснил по учетным документам, что командир роты Михеев был представлен и получил позднее орден Красного Знамени от 3.11.43 г.; саперы Куницын, Журба и артиллерист Калугин представлялись и были награждены орденами Красной Звезды от 7 и 18.10.43 г., связист Гаврилов и стрелок Соколов в октябре были награждены медалями «За отвагу», а автоматчик Обуховский даже медалью «За боевые заслуги». Конечно, подвиг можно повторить даже в один и тот же день, но в данном случае представление происходило именно за один и тот же подвиг. Большинство из них в первый же день были ранены, но до наступления темноты не могли быть эвакуированы в тыловые госпитали, поскольку от авиабомб, снарядов и мин кипела вода в Днепре, и они вынужденно ожидали ночь, чтобы переправиться на левый берег. А им записали в представлении: «Получив ранение, не покинул поле боя». Эта фраза и явилась решающей для получения Геройства. Вот так и получили они одновременно Звезду Героя и солдатскую медаль за одно и то же.

Теперь представьте себе, читатель, разницу между Звездой Героя, с орденом Ленина почему-то в придачу, и медаль «За боевые заслуги», которые в данном случае оценивались одинаково. Наш рассказ о героях был бы неполным, если бы я не рассказал о дальнейшей их судьбе.

До конца войны в дивизии остались только три героя: Михеев из 48-го полка, награжденный за Днепр еще и орденом Красного Знамени, а также двумя орденами Отечественной войны 1 — й и 2-й степеней уже после, в 1944 году. В мирное время он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом

Октябрьской Революции. Наводчик орудия из артполка был награжден орденом Славы 3-й степени, а Зыков орденом Отечественной войны. Все остальные герои после госпиталей не вернулись в наш полк и даже не делали попыток его разыскать или вести переписку.

Фронтовые церемонии вручения наград

Я знал, что ПНШ-4 получил несколько знаков ордена Отечественной войны и посоветовал Кошелеву поехать и получить знак ордена в штабе полка, а я останусь на «хозяйстве» в батальоне как дублер. Он уехал и вернулся через несколько часов. Повар и хозяйка хаты сотворили на обед закуску в виде вареного картофеля, квашеной капусты и сала. Разлили в кружки разведенный спирт, опустили в кружку Кошелева знак и заставили его выпить, после чего он привернул орден к гимнастерке.

Таким был негласный фронтовой церемониал посвящения «в рыцари» при получении всех получаемых орденских знаков и медалей. Комбат сказал, что меня ждут в штабе, так как такой же знак предназначался и мне. Я не ожидал, что мое появление в штабе для получения награды вызовет единодушную радость связисток и посыльных штаба, не говоря уже о моем писаре Евдокимове. Мой начальник Ершов ожидал от меня доклада, но я не стал его делать, и разговаривал с писарем. Тогда он сам позвал меня к себе. Я зашел молча и встал у раскрытой двери. Найдя мое временное удостоверение, отпечатанное на оберточной бумаге, он вместе со знаком в коробочке сунул его мне в руку и вместо поздравления проворчал что-то о долге и выдержанности. Я сказал, что такое при вручении боевых наград не говорят, так как это не партийное собрание, и вышел. Знаки этого ордена впервые вручались в полку, и всем интересно было подержать их в руках. За ужином комендант штаба поднес мне не самогонку, а стакан разведенного спирта, и со мной проделали то же, что с Кошелевым во время обеда.

В других странах вручение боевых орденов производится обычно по такому ритуалу. Награжденный становится на одно колено перед начальником, который поочередно прикасается клинком шпаги к одному и другому плечу кавалера. Потом он поднимается, и ему крепится знак в зависимости от степени: кавалерский — на грудь с помощью шпильки, командорский на нашейной ленте — на середину груди, а высшей степени — на широкой ленте через плечо, с креплением на грудь звезды сего ордена, тоже на шпильке. Только в нашей стране да у монголов было введено крепление с помощью винта и гайки. Это, конечно надежнее, но портит ткань кителя.

«За выслугу летов»

В канун октябрьских праздников 1944 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении офицеров и сверхсрочнослужащих армии и флота орденами и медалями. За 10 календарных лет выслуги полагалась медаль «За боевые заслуги», за 15 — орден Красной Звезды, за 20 — орден Красного Знамени, за 25 — орден Ленина и за 30 и более лет — повторно орден Красного Знамени. Мотивировка этого нововведения не объяснялась, но среди фронтовиков появилось недовольство, так как некоторые фронтовики были по несколько раз ранены, но в связи с эвакуацией в госпитали и перемещениями в разные части так и не награждены. Ненагражденными оказались и оперативные работники органов контрразведки «Смерш», так как командиру полка они не подчинялись, а начальники отделов «Смерш» не имели полномочий представлять их к наградам, так же, как и штатных командиров штрафных рот и батальонов. Много тогда вскрывалось несуразиц в нашем наградном деле. В данном случае награждением за выслугу лет решили как бы расплатиться с престарелыми преподавателями военно-учебных заведений «за долголетнюю и безупречную службу». Вскоре эти привилегии схлопотали себе в равной мере и внутренние войска и, само собой разумеется, Министерство государственной безопасности.

Начали получать ордена Красного Знамени и орден Ленина и регулировщик, простоявший с жезлом на перекрестке, и пожарные, наблюдавшие на вышках, и паспортисты. Короче, все, кто носил звездочку или кокарду на форменной фуражке. А за ними сразу после войны — все правоведы, учителя, врачи. Да и не только они. За ними выхлопотали себе ордена за выслугу работники угольной и сланцевой промышленности, буровые и горные мастера, работники черной и цветной металлургии, химической промышленности, геодезии и картографии, министерства заготовок, рыбной промышленности, железнодорожного транспорта, судостроительной промышленности, и завершился этот беспредел работниками Госзнака. Как же, они сами ковали ордена и медали, печатали орденские книжки, а не получали их за выслугу лет. Замыкали эту кампанию работники сельского хозяйства, включая все его отрасли, причем не только полеводство и животноводство, но и такие редчайшие, как выведение эвкалипта, джута, канатника, кенафа, кендыря, тутового шелкопряда, и заканчивался список коневодством. Все эти указы были приняты в 1948 и 1949 годах.

Награждение военнослужащих всех видов ВС за выслугу лет было отменено Указом ПВС от 14 сентября 1957 года, а всех остальных тружеников предприятий и полей — 11 февраля 1958 года. Последние получали ордена «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени, соответственно вместо Красной Звезды и Красного Знамени и потом орден Ленина, но с выслугой в 30 лет.

Все, кто имели на груди юбилейную медаль 20 лет РККА, получали после 3.11.1944 года ордена Красного Знамени, через четыре месяца — после 23.02.1945 года — ордена Ленина, после 24.07.1948 года повторно ордена Красного Знамени за 30 лет выслуги и более. Получали не только маршалы, генералы, но и сверхсрочники старшины и сержанты. Сейчас об этом огульном награждении почти не упоминают в печати.

Читатель вправе спросить, откуда берет начало эта «мода» награждения за выслугу лет? В русской армии в одно время существовал порядок награждения знаками беспорочной службы в виде венка из дубовых листьев и внутри него с латинскими цифрами, означавшими выслугу 15, 20, 40, 50 и 60 лет. Эти знаки накладывались военным на георгиевскую, а гражданским чиновникам на ленту ордена Св. Владимира. Крепилась она на груди. Кроме того, в разное время все офицеры награждались орденом Св. Владимира 4-й степени при выслуге 25-летнего срока, а гражданские чины — 35-летней службы на должностях. Потом и военным чинам подняли выслугу до 35 лет. Эти знаки ордена Св. Владимира отличались от обычных знаков тем, что на горизонтальных углах креста были цифры «25 лет» и «35 лет» и «18 кам.» и «20 кам.» (кампаний) для моряков. Кроме того, устанавливались наградные ежегодные нормы: один офицер от 10 — для строевых и один от 15 — для нестроевых офицеров, которые показали похвальные результаты на трех итоговых проверках. Но огульного награждения никогда не устанавливалось. Это наша советская выдумка. Недаром была в моде такая фраза: «И на груди его широкой сияет орден одиноко, и тот за выслугу летов…»

Указ о награждении за безупречную службу, помню, был от 4 июня 1944 года, а я получил выписку из приказа о присвоении мне воинского звания «капитан» от 10 мая 1944 года и от 29 мая — о награждении меня орденом Отечественной войны 1-й степени. В отделе кадров курсов «Выстрел», на которых я в то время учился, мне объявили, что нужно сдать временное удостоверение в отдел кадров Московского военного округа, где мне выдадут знак ордена. Меня отпустили в рабочий день, и я отвез свое временное удостоверение.

Там же назвали день получения ордена, и я прибыл в

назначенные часы. Собралось нас человек двадцать. Все, кроме меня, получали награды «за выслугу летов». Каждому из них генерал-майор Член Военного совета вручал орден в красной коробочке, в которой, кроме самого знака ордена, была Орденская книжка и талоны на получение ежемесячного вознаграждения (по 15 или 20 рублей), а также требования на бесплатный проезд в мягком вагоне в оба конца по железной дороге один раз в год. Я хорошо запомнил, что ни один из кавалеров не имел фронтовых наград, и они радовались первому полученному ордену. Когда дошла очередь до меня, то генерал повертел в руках маленькую, как спичечный коробок, коробочку и потертое временное удостоверение с фронта, что-то шепнул распорядителю, тот шепотом ему что-то ответил, и генерал вручил мне с поздравлением золотой знак ордена первой степени.

Вместо положенного в таких случаях «Служу Советскому Союзу» я ответил вопросом: «А что, товарищ генерал, ваши кадровики испугались, что мне снова на фронт, а там ни коробка, ни билеты, ни купоны на орденскую выплату не потребуются — ведь могут убить, и все пропадет?..» Генерал не сделал мне замечания за грубую выходку, а только сказал, что виновные за это понесут суровое наказание. «Вы их просто пошлите на фронт и не в отделы кадров, а в пехоту- Они быстро поумнеют», — посоветовал я. Как я на это отважился, трудно сказать. Но я высказал это, хотя и чувствовал опасность. Таких удач у меня было не больше, чем пальцев на одной руке за всю мою 81 — летнюю жизнь.

Иностранные награды

С ними дело выглядело так. Кроме командармов и командиров корпусов, обмен визитами с американцами был разрешен и командирам дивизий. Наш комдив полковник Дерзиян на первой из встреч с американским командиром дивизии наградил того орденом Красной Звезды, а тот его и командиров полков — орденами «Легион Почета» кавалерской (офицерской) степени. Попойка была большой и длительной на спор: кто кого перепьет, которую выиграл командир нашего полка Макаль, поспорив на автомобиль. Американцы всегда держали свое слово и передали автомобиль «Бьюик» победителю в соревновании. (Потом Макаль по пьянке выменял за свой гвардейский знак еще и «Джип», который у него все же изъяли за то, что не положен по штату.) А комдив Дерзиян, сняв полученную награду, поехал еще к одному американскому комдиву и с ним снова совершил обмен орденскими знаками.

Поехал и в третий раз, но теперь он не снял орден «Легион Почета», и для разнообразия его пожаловали орденом «Бронзовая Звезда». Мне кажется, что советских орденов у него было меньше, чем американских, хотя у американцев нет моды повторно награждать одним орденом одной и той же степени. «Но нам, армянам, закон не писан…» После того я имел с ним несколько встреч, так как он получил назначение в 1 — ю гвардейскую дивизию в Тбилиси на должность командира 3-го гвардейского полка, а я работал в штабе этой дивизии в оперативном отделении в 1948 году. На праздники он надевал свой мундир и поражал всех своим иностранным бантом из трех знаков, но никому не рассказывал, как они были ему пожалованы.

Так что нет ничего удивительного, что любовница Г. К. Жукова, сопровождавшая его в поездках на фронт в качестве военфельдшера и не перевязавшая за всю войну ни одного раненого, Л. Захарова, помимо орденов Красного Знамени, Красной Звезды и пяти советских медалей имела и три иностранные награды. Судя по этому, Жуков менял советские ордена не только для себя, но и для любовницы.

Забытый смысл

Ю. И. МУХИН. Нет, видимо, смысла комментировать рассказ Александра Захаровича о том, как представлялись к орденам герои, как оценивался их подвиг и как он обесценивался массовой выдачей наград «за выслугу летов» и боевых наград штабным приспособленцам. На мой взгляд, это частично объясняется и тем, что правительство СССР к середине войны окончательно запуталось в самом смысле наград.

Первоначально наградой воину была военная добыча, затем функции награждающего перешли к военным вождям, но награды по-прежнему имели материальный вид: награждали землями, оружием, деньгами или, скажем, шубой. Материальную награду трудно связать с военным подвигом, поэтому, к примеру, русские воины полученные от царя наградные рубли часто носили на груди, чтобы показать, что этот рубль не результат коммерческого предприятия, а награда за бой. Потребность в военных наградах росла, и их стали учреждать специально. И тут надо понимать принципиальную особенность наград.

Военные награды можно разделить на две категории: не меняющие статус награждаемого и меняющие его.

К наградам, не меняющим статус награжденного, относятся все награды, имеющие смысл медалей. Медаль на груди солдата означает, что он либо был в определенном бою либо совершил в бою определенный подвиг. Вид самой медали не имеет никакого значения. Немецкий Крест во всех его степенях — это медаль. Все американские награды — медали. Кстати, высшая американская военная награда так и называется «Медаль Конгресса». Все советские ордена по своей сути — медали, поскольку ни одна из этих наград не меняет социального статуса награжденного.

Следующая категория наград меняет социальный статус награжденного, поскольку вводит его в круг избранных людей и, мало того, людей, посвящающих свою жизнь служению. Сообщество таких людей называется орденом. Коренным отличием ордена является та цель, которую члены ордена хотят достичь. Эта цель обычно кратко формулируется в виде девиза. Реальные монашеские ордена состояли из пехоты (кнехтов) и кавалерии — рыцарей. Рыцари, как и полагается военной организации, имели офицеров всех степеней и главнокомандующего — гроссмейстера ордена. То есть рыцари различались по своему положению внутри ордена. Уже кнехты ордена резко отличались по своему социальному статусу от простых людей, но если кнехт отличался в бою, то и внутри

ордена происходило повышение его статуса — его сажали на лошадь (он становился кавалером — кавалеристом) и он становился рыцарем ордена. При дальнейшем совершении подвигов рыцарь повышался в степени — становился офицером, генералом ордена и т. д.

Таким образом, у члена ордена никакие побрякушки на груди не имеют ни малейшего значения — это как звездочки на погонах офицера и только. В ордене важен сам статус кавалера (рыцаря) ордена в первую очередь, и степень внутри ордена — во вторую. Были и есть монархические ордена, внутри которых степеней нет. В этих орденах сам монарх — гроссмейстер (орденмейстер), а все остальные кавалеры равны между собой. Таким был высший орден царской России — Андрея Первозванного (хотя в нем были высшие отличия в виде бриллиантов на звезду). Таким является высший орден Британской империи — орден Бани. Это несколько смешное на первый взгляд название означает высшую степень доверия короля к рыцарям — кавалеры ордена Бани имеют право мыться с королем в одной бане.

Наиболее последовательными в этом плане являются французы. У них один орден (если я не ошибаюсь), и это действительно Орден. Орденмейстером Ордена Почетного легиона Франции (рыцарем Большого Креста) всегда является действующий президент Франции. В Ордене Почетного легиона пять степеней, но они там так не называются. Вновь принятый в орден называется рыцарем — шевалье. Следующие степени: офицер, командор, генерал и кавалер Большого Креста. Интересно, что как-то мне приходилось читать сообщение какого-то нашего корреспондента из Франции о том, что французы, дескать, большие жлобы, поскольку когда награждают Орденом Почетного легиона, то знак ордена награждаемый должен сам купить. Но ведь нет же ничего странного в том, что и у нас в военторгах продаются офицерские погоны и звездочки к ним? Повторю: при награждении орденом дело не в бляшке, а в статусе награжденного.

Точно с таким смыслом начинал наградное дело и Петр I, который учредил ордена Андрея Первозванного, Александра Невского и Св. Екатерины (девизы: «За веру и верность», «За труды и Отечество», «За любовь и Отечество»), да и остальные монархи действовали осмысленно. Они были орденмейстерами всех российских орденов, но лично, как правило, принимали решение при награждении 1-й и 2-й степенями орденов, а во всех остальных случаях решение принимали орденские думы, состоящие из кавалеров высших степеней. В старину, между прочим, и говорили правильнее: не «наградили орденом», а

«наградили кавалерией», то есть из пехотинца сделали кавалером, всадником — рыцарем ордена.

Поскольку рыцарь являлся дворянином по определению, то награждали степенями ордена только дворян, в армии — только офицеров. (Кстати, исключая кавалеров ордена Св. Георгия, все остальные кавалеры были обязаны не только купить орденские знаки, но и заплатить орденской думе орденский взнос, и довольно большой. Скажем, кавалеры ордена Св. Владимира 1-й степени должны были заплатить 450 руб., 2-й — 225, 3-й — 45 и 4-й — 40 рублей.)

Поскольку кавалеры орденов это дворяне (офицеры) особого статуса (имеющие степень в ордене), то солдаты и унтер-офицеры кавалерами ордена стать не могли. Им необходимо было сначала стать дворянами — офицерами. Для солдат были учреждены знаки Отличия орденов, то есть знаки, которые подтверждают, что этот кнехт совершил подвиг, достойный кавалера, рыцаря. Награждались солдаты знаками Отличия орденов Св. Анны и Св. Георгия. Знак Отличия ордена Св. Анны имел одну степень и вид медали с анненским крестом («анненская медаль»), знаки Отличия ордена Св. Георгия состояли из четырех степеней крестов и четырех степеней медалей. Награждение Знаком Отличия ордена Св. Георгия (Георгиевским крестом) солдат или унтер-офицеров автоматически повышало их в чине (кнехт приближался к дворянскому — рыцарскому званию). Если Георгиевский крест получал фельдфебель, то он получал следующий чин прапорщика, становясь офицером и дворянином и в последующем его уже не награждали высшими степенями Знака Отличия ордена Св. Георгия, теперь его награждали рыцарскими наградами — степенями в российских орденах. Русскими орденами можно было награждать высшей степенью, минуя низшие (скажем, из 25 кавалеров 1-й степени ордена Св. Георгия за всю его историю только четверо получали последовательно все четыре степени этого ордена). Но это было скорее исключение, так как правило требовало поочередного награждения степенями ордена. Таким образом, степень ордена часто означала не величину подвига, а их количество.

Надо сказать, что в царской России ордена, как воинские награды, стояли в списке ценности военных наград на третьем месте. В «Справочной книжке офицера» за 1913 год в главе «Награды на службе» читаем: «Награды суть: Высочайшие благодарность и благоволение, чины, ордена, аренды, земли, подарки, единовременные денежные выдачи, перевод в гвардию, золотое оружие». Между прочим, какие бы заслуги ни имел русский офицер перед иностранным государством, но получить

иностранный орден мог только с разрешения царя, поскольку орден означал, что данный офицер становится членом иностранной организации.

Когда большевикам потребовалось награждать отличившихся, то они в области наград имели очень скудные возможности: они не могли наградить ни землями, которые обобществили; ни деньгами, которые и собирались, и пробовали упразднить; ни чинами, которые уже упразднили. А «красных революционных шароваров» и почетного оружия для славы уже не хватало. Но совершенно непонятно, почему они не пошли по американскому пути и не стали учреждать медали, а учредили орден, который рассматривали как медаль. Провозгласив равенство, большевики технически не могли иметь ордена — сообщества людей с отличным от других статусом. Не могло быть в большевистской России ни кнехтов, ни рыцарей — все равны! В результате и советские, и нынешние ордена — это жертвы интеллектуального аборта. Кавалеры наших орденов не составляют сообщества, у них нет орденмейстера, у них нет капитула или думы, оценивающих кандидата в кавалеры. У них нет цели и, соответственно, нет девиза. У них нет внятных статутов с четким определением подвигов, по которым сам кандидат, минуя свое начальство, мог бы испрашивать у капитула ордена кавалерство за совершенный подвиг. Наши ордена — это подачка от начальства и, в своем лучшем смысле, это медаль, которая просто удостоверяет то, что человек совершил какой-то подвиг. Это не знак Ордена — не удостоверение человека особого статуса.

Кроме этого, наши награды очень плохо продуманы. К примеру, наличие звания просто «Героя России» означает, в частности, что обладатель медали «За отвагу» Героем России не является вовсе. А почему? Если быть точным, то звание «Героя России» следует переименовать в звание «Героя России первого сорта или первой степени». Тогда остальные награжденные будут героями 2-й и 10-й степеней. Глупо, конечно, но хоть что-то.

Так что проблема в наградах есть, и трагизм положения в том, что награды перестали быть стимулом к подвигу, поскольку стали стимулом услужить начальству.

А теперь я приведу пару рассказов А. З. Лебединцева о наказаниях на фронте. Первый рассказ очень короткий, и я, может быть, его и не выделил бы, если бы не отношение к этому наказанию самого Александра Захаровича.

Снятие с должности

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Командир нашей дивизии полковник Богданов А. В. как-то незаметно был отстранен от командования. Никто не называл причин. Уже будучи на пенсии, я задал этот вопрос бывшему начальнику оперативного отделения штаба дивизии, в то время майору Петрову В. И., ставшему Главнокомандующим СВ и маршалом Советского Союза. Он снятие Богданова объяснил так: «Почти все командиры дивизий, принимавшие участие в форсировании, получили звание Героя Советского Союза, а нашему комдиву и начальнику штаба подполковнику Хамову не дали даже обязательных для всех офицеров боевых орденов. Богданов высказал это в резкой форме командующему 27-й армией генерал-лейтенанту Трофименко, возможно, сказал и об урезывании нашей «геройской» разнарядки. Но после того, как я узнал о пленении штаба и роты связи 29-го полка, думаю, что, видимо, и этот грех свалили на него, чтобы не привлекать к ответственности тех, кто посадил небоеспособную дивизию в оборону».

Назначен Богданов был на нашу дивизию приказом командующего Воронежским фронтом 28 сентября, а отстранен 21 ноября 1943 года. После кратковременного состояния в резерве, 6 февраля он был назначен с понижением командиром 995-го полка 309-й стрелковой дивизии и был убит в бою 20 апреля 1944 года.

Ю. И. МУХИН. Какой-то странный подход к ответственности командира дивизии и у маршала В. И. Петрова. Получается, что комдив Богданов совершенно не виноват в том, что рота немцев мимоходом пленила штаб 29 сп. Вот если бы перед этим штабом находились 200 человек, неделю назад набранных в окрестных селах, вооруженных винтовками, пулеметами и автоматами и называемых стрелковым батальоном, то тогда Богданов может и был бы виноват. А так — что могли сделать против немцев 200 вооруженных винтовками, пулеметами и автоматами кадровых офицеров штаба полка и связисты? Только сдаться. Так что Богданов ни в чем не виноват, и все это происки начальства.

Следующего комдива, героя боев под Босовкой, Александр Захарович жалеет еще больше.

Казнь командира дивизии

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Офицеры вернулись в штаб только к вечеру, и настроение у всех было подавленным. Я спросил Забугу, что произошло, зачем собирали? И он ответил, что перед строем всех офицеров дивизии был приведен в исполнение приговор Военного трибунала в отношении комдива Короткова. После войны я расспрашивал присутствовавших там участников этого зрелища или церемонии. Рассказы о расстреле пополнялись, уточнялись, привирались, однако картина выглядела примерно так.

У села Голодьки Тетиевского района Киевской области в роще на поляне заранее была отрыта яма и недалеко поставлен раскладной походный столик, накрытый красным «революционным» материалом. Прибывавшие офицерские колонны выстраивались в каре. Не освободили от этой церемонии даже женщин-медичек, если они имели на погонах хотя бы одну крохотную звездочку. Сначала прибыли члены Военного трибунала со «свадебным» генералом, видимо, членом Военного совета армии. Потом подъехала крытая машина с охраной и через заднюю дверь вывели осужденного бывшего командира дивизии Короткова, который, видимо, уже знал о приговоре, вынесенном ему Военным трибуналом, так как руки его были связаны за спиной, а рот был завязан, чтобы он не смог разговаривать. Одет он был в коричневое кожаное пальто, на ногах были ярко-белые фетровые бурки, снизу обшитые коричневой кожей. (Эта спецодежда шоферов поставлялась вместе с машинами «студебекер» для рядовых водителей(* Одна из многих фронтовых легенд — американцы ничего подобного со своей автомобильной техникой и даже с танками не поставляли. (Прим. Ю. Мухина).), но по нашей бедности в ней щеголяли наши отцы-командиры — от командиров бригад и до командующих фронтами. Ношение ее могло расцениваться как нарушение установленной формы армейской одежды, но и телогрейки с ватными брюками не предусматривались формой. Тем более что в окопах и землянках такое пальто было практично в любой сезон и в любую погоду. Если найдутся сомневающиеся в правдивости моих слов, то прошу обратиться к фотографиям той фронтовой поры, и вы увидите на снимках многих генералов и маршалов в этом одеянии и обуви. Маршал Рокоссовский даже в послевоенные годы на учениях носил это пальто.) Полковничьей папахи на голове Короткова не было, так как этому мешала повязка на голове.

Поставлен он был перед столом. Председатель Военного трибунала 1 — го Украинского фронта объявил приговор от 29-го января 1944 года и закончил словами: «Коменданту трибунала привести приговор в исполнение!» Комендант подтолкнул приговоренного к яме. Короткое все время пытался что-то сказать, но повязка закрывала рот. Комендант подал команду: «Лейтенант, командуйте людьми». Командир роты саперного батальона Зыков Н. Н. вызвал трех саперов, заранее предупрежденных о том, что им доверяется приведение приговора в исполнение, и поставил их в готовности открыть огонь по изменнику Родины. Командир роты Зыков, только недавно узнавший о присвоении ему 10 января звания Героя Советского Союза, отнесся к поручению с должным пониманием, как к форсированию Днепра, и скомандовал: «Огонь!», сделав первым выстрел из пистолета по своему бывшему командиру дивизии. Тремя очередями из автоматов обреченный был весь изрешечен пулями и упал в приготовленную ему саперами яму. Но и на этом не закончилась церемония. К яме подошел комендант капитан Рыкалов и сделал три контрольных выстрела в конвульсирующее тело. После этого генерал-майор подытожил: «Собаке — собачья смерть!» По рядам строя прокатился негромкий ропот, и генерал скомандовал: «Командирам частей развести офицеров по местам расположения!»

Из тех троих, приводивших приговор в исполнение, один остался жив, это сержант Сергиенко Дмитрий Иванович, бывший тогда комсоргом саперного батальона. Он честно и добросовестно воевал до конца войны, заслужил ордена Славы и Красной Звезды, а также медаль «За отвагу». После войны вернулся в свое родное село Лазорьки Полтавской области, где своим неутомимым трудом на посту председателя колхоза был отмечен орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть». Он с горечью рассказывал мне о том, как их всех после исполнения приговора предупредил генерал: «Вы ничего не видели, ничего не знаете и забудьте это место». Яма с трупом была выровнена с поверхностью земли, засыпана листьями, оцепление вокруг леса снято.

В восьмидесятые годы в одном из своих писем бывший шофер нового комдива полковника Крымова М. Г. сержант Бегер Петр Васильевич, родом из города Гайсин, написал о том, что ему тоже пришлось невольно, по необходимости, присутствовать на этой поляне. Он добавил такую деталь: кроме офицеров нашей дивизии (за исключением 343-го полка, стоявшего в обороне за селом Охматовым), в строй была поставлена и группа офицеров чехословацкой бригады, а сам комбриг полковник Свобода

находился рядом с командиром дивизии Крымовым. За несколько минут до казни чехов увели, носам Свобода оставался до конца. Эта бригада в то самое время, по воле случая, соседствовала в обороне с нашим 343-м полком на реке Горный Тикич.

Нашелся еще один свидетель. Об этом мне рассказал генерал-полковник Зайцев, который после производства его в генералы, получил назначение в город Ровно первым заместителем командующего армией. Ею командовал генерал-лейтенант Рыкалов, тот самый бывший комендант Военного трибунала, который приводил приговор в исполнение. Когда Зайцев однажды рассказал ему этот эпизод, то он признался в своей причастности. Да, и из комендантов военных трибуналов в послевоенные годы выходили командармы.

Я так подробно остановился на описании этого эпизода вовсе не потому, чтобы привести эти печальные факты из биографии нашего соединения. Я хочу заставить читателей, чтобы они задумались над тем, например, если бы мы так же детально умели организовать бой или сражение, организовывая все детали взаимодействия родов войск, обеспечивая всем необходимым для боя, как был подготовлен и проведен расстрел, то мы бы не имели тех двадцати шести с половиной миллионов безвозвратных потерь в ту беспощадную кровавую войну. А ведь тот же Член Военного совета мог бы хоть раз спросить у начальника политотдела дивизии: «Сколько в вашей дивизии Героев Советского Союза и где они сейчас находятся?». Хотя бы даже это, если он ничего не смыслил в организации боя, хоть и носил теперь общевойсковой чин полковника, а не просто полкового комиссара.

Теперь уже никто не сможет узнать, о чем думал с 29-го января по 3 февраля приговоренный к высшей мере Короткое, коль приговор заканчивался словами: «Приговор утвержден Верховным главнокомандующим и обжалованию не подлежит». Не спасли его от высшей кары ни 25-летняя служба в армии, ни такой же партийный стаж, ни фронтовые заслуги, ни ордена Красного Знамени, Александра Невского и орден Ленина, ни крестьянское происхождение, ни трехклассное общее образование и не отсутствие военного образования, кроме краткосрочных курсов политруков. А возможно, он думал о том своем выстреле в упор по командиру батареи, который он сделал в минуту высочайшего отчаяния, страха перед ответственностью и под угаром выпитого зелья? Скорее всего, он предчувствовал кару, так как приказ Верховного № 227 все еще действовал и витал над головами каждого из нас, и за все содеянное надо было платить. Никто из нас не знает, на чем основывалось обвинение.

Рассматривался ли вопрос укомплектования дивизии на тот злополучный день? Скорее всего, нет. Никто из нас не присутствовал ни на следствии, ни на судебных заседаниях.

12 апреля 1999 года я говорил по телефону с бывшим начальником штаба артиллерийского дивизиона нашего артполка подполковником Дубровским. В послевоенное время он закончил Военно-юридическую академию и до выхода на пенсию проходил службу в Главной военной прокуратуре. Он видел документы судебного разбирательства командира дивизии полковника Короткова и сообщил мне о том, что в обвинительном заключении нет ни одного слова о его самочинном расстреле командира противотанковой батареи. Все обвинения основывались только на отходе дивизии без приказа вышестоящего командования. Для меня это явилось большой неожиданностью.

Так все бы и кануло в Лету, если бы не активная деятельность бывшего начальника разведки противотанкового дивизиона Ростова Романа Михайловича. После войны он окончил Военно-юридическую академию и, будучи непосредственным свидетелем боя и расстрела комдива, он в 1956 году написал Главному военному прокурору генерал-майору юстиции Барскому Е. И. заявление следующего содержания: «Ряд событий последних лет побудил меня к необходимости написать это письмо. Суть его заключается в следующем. В период подготовки Корсунь-Шевченковской операции советских войск 14 января 1944 года в районе Виноград Киевской области 38-я стрелковая дивизия, в которой я служил временно исполняющим обязанности командира батареи 134-го ОИПТД, потерпела поражение. В этот день мне пришлось оказывать помощь командиру дивизии полковнику Короткову, которому грозила опасность попасть в плен к немцам. Насколько я ему помог, мне судить трудно, однако ему удалось вырваться из окружения противника.

Неожиданно для всех нас командир дивизии полковник Короткое был обвинен в измене Родине и в феврале 1944 года перед строем офицеров расстрелян.

Я не знаю, на каких фактах было основано его обвинение, но лично я убежден, что он не был изменником Родины в полном смысле этого слова.

Кроме того, 14 января 1944 года во время боя я был вместе с командиром дивизии, вместе с ним отстреливался от немецких автоматчиков и т. п., однако при расследовании его дела (а это, видимо, было) со мной никто не побеседовал, а поэтому обстоятельства могли оказаться невыясненными.

Прошу принять к сведению мое заявление, в связи с чем я

готов дать подробные объяснения по существу дела. Капитан М. Р. Ростов

20-го августа 1956 года».

Через год и три месяца Роман Михайлович получил из Главной военной прокуратуры короткий ответ следующего содержания:

«19 ноября 1956 года № 6Г-53375-44. Гр. Р. М. Ростову, г. Ульяновск, ул. Сызранская, 17, кв. 7.

Сообщаю, что поступившая от вас жалоба от 20.08.56 г. Главной военной прокуратурой рассмотрена и дело А. Д. Короткова направлено для рассмотрения в Военную коллегию Верховного суда СССР, откуда вам будут сообщены результаты.

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции Ю. Ярчевский».

Жалоба Р. М. Ростова была рассмотрена, и спустя четыре месяца он получил следующее извещение:

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, 24 марта 1958 года, № 2П-013029/57.

Справка

Дело по обвинению Андрея Денисовича Короткова пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 8 марта 1958 года.

Приговор Военного трибунала 1 — го Украинского фронта от28-го января 1944 года в отношении А. Д. Короткова изменен: его действия переквалифицированы со ст. ст. 16 и 58-1 «б» УК РСФСР на ст. 197-17, п. «б» УК РСФСР.

Конфискация имущества из приговора исключена. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Председательствующий судебного состава Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-майор юстиции Костромин».

Я дважды посещал приемную Главной военной прокуратуры, имел длительные встречи с дежурными прокурорами, которым приносилось дело Короткова. Они с ним знакомились, но мне разрешили прочитать только Приказ командующего войсками 1-го Украинского фронта, генерала армии Ватутина, имевший гриф «Совершенно секретно», в котором объявлялся приговор по делу Короткова А. Д. Приказ должен был доводиться до всех офицеров, но нам его тогда не объявляли. Возможно, потому, что многие слышали сам приговор перед расстрелом. Впрочем, приказы и другие документы с грифом «Совершенно секретно» в полки вообще не доводились. Как и приказ № 227 Народного комиссара СССР, хотя в устной и письменной пропагандистской практике мы

слышали о нем много раз. Прокуроры мне пояснили, что трактовка приговора изменена, но высшая мера ему не снята. Предложили писать новое ходатайство о повторном пересмотре дела и посоветовали заручиться подписью нашего маршала. Но я им заявил, что, зная мнение маршала Петрова по этому вопросу, я сам обращаться к нему с этой просьбой не стану.

По-своему решила администрация села Голодьки Тетиевского района Киевской области. Вот что сообщил мне в своем письме житель Колесник Иван Сергеевич: «27 мая 1994 года останки комдива А. Д. Короткова перенесли из Черного леса, где он был расстрелян 3 февраля 1944 года, и захоронили со всеми почестями у памятника-мемориала павших воинов под Турсунским лесом». Несмотря на глубокую секретность происходившего в этом лесу, многие жители знали о расстреле и решили по-своему эту мрачную страницу истории тех грозных лет.

Всех участников тех памятных боев как магнитом тянуло в Лысянский район, чтобы не пригибаясь и не из окопа осмотреть места сражений, побеседовать с жителями и возложить цветы на могилы наших павших побратимов. Конечно, в этих местах сражалась не одна наша дивизия, но и потери дивизии были значительными. Только убитыми, по далеко не полным учетным данным, дивизия потеряла 355 человек, а всего в двух братских могилах села Босовка похоронены 874 человека, в Винограде 369. Только в Л ысянском районе в 40 населенных пунктах покоится прах 5.196 человек. А по данным Музея истории Корсунь-Шевченковской битвы, только в Звенигородском, Лысянском, Шполянском, Городищенском, Смелянском и Корсунь-Шевченковском районах похоронены в братских могилах 18 049 человек.

Были и у немцев здесь потери, и не малые. Один местный житель рассказывал мне в 1983 году о том, что при выходе из «котла» в февральских боях много немцев погибло в Лысянском районе. Их трупы долго не убирали, пока не похоронили всех погибших наших воинов. Все эти заботы по погребению в братские могилы были возложены на местных жителей — женщин, стариков и детей. После последовало приказание хоронить и немецкие трупы. На отрывку им братских могил уже не хватало сил, да и наступали теплые дни. Поэтому решили сбрасывать трупы в глубокую промоину. Потом обрушили стенки промоины и засыпали трупы. Через пару лет были сильные весенние паводки. Вешние воды размыли грунт и обнажили останки немцев. «Мы, пацаны, — рассказывал мне теперь уже взрослый мужчина, — из любопытства копались в останках в

надежде найти оружие, ножи, фляги, зажигалки и т. д. и стали обнаруживать белые и желтые зубы в черепах, выбивали их, чтобы играть ими в «стукалочку». За этим занятием нас однажды застал местный киномеханик и предложил пропускать нас без билета за эти «желтые» зубы, на что мы охотно согласились. «Белые» он не брал.

Теперь я хотел бы коснуться вопроса применения оружия в боевой обстановке по своим нарушителям приказов. Мне, хотя и немного, довелось учиться по довоенным уставам. Помню утверждение командиров и преподавателей о том, что «последний патрон беречь для себя». За это определенно ратовали и политруки. Знали мы и о том, что по паникерам и трусам разрешено было применять оружие, чтобы навести порядок, как это было показано в кинофильме «Чапаев». «Паникеры и трусы должны истребляться на месте», — гласил приказ № 227. И далее: «Командирыроты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо, как с предателями Родины…» Но если бы все, кто оказался в плену у немцев, пускали бы себе пулю в лоб, то насколько бы у нас увеличилось количество безвозвратных потерь, которых и без того более десятка приходится за каждого убитого немца? Ведь даже сын Верховного, командир батареи, не смог это сделать. Даже генералы далеко не все так поступали, попадая в плен, не говоря уже о раненых, потерявших сознание, изувеченных…

Теперь о применении оружия самим Коротковым. Я не знаю, как отнесся к этому Военный трибунал и рассматривался ли этот вопрос в ходе судебного разбирательства. К применению оружия по своим в ходе боя поначалу относились одобрительно. Позднее стали вникать, разбираться и требовать, чтобы подобные дела разбирал Военный трибунал и только он определял меру наказания. Мне известны несколько случаев, когда за необоснованное самоуправство командиры расплачивались штрафным батальоном, но иным это сходило с рук. Сразу после войны мне довелось год командовать 1 — й мотострелковой ротой 1-го гвардейского механизированного полка 1-й гвардейской механизированной дивизии. Это была именно та родоначальница советской гвардии, которая под командованием генерала Русиянова И. Н. из 100-й стрелковой дивизии в армии стала первой в гвардии. Потом она была развернута в 1 — й гвардейский механизированный корпус. Это редкость, но командовал дивизией и корпусом до конца войны один человек — генерал-лейтенант Русиянов. В то время еще было много

ветеранов, которые помнили о том, что и этот генерал пользовался своим правом расстрела на месте. Может, по этой причине он был и обойден Геройством в ходе войны, однако в связи с каким-то юбилеем ему все же пожаловали эту высшую степень отличия 21.08.1972 года. Причиной такой длительной задержки могли оказаться и вышеназванные обстоятельства, тем более что и от командования он был отстранен сразу же после войны, направлен в академию, а окончив ее в 1949 году, проработал в аппарате МО только четыре года и в 53 году был отправлен в отставку. Хотя прожил он еще 31 год до своей кончины в 1984 году. У людей, лично применявших оружие в бою против своих военнослужащих, потом оказывались психические отклонения. Это далеко не то, что стрелять по противнику в разгар боя. Мне самому приходилось иногда приводить солдат в повиновение предупредительными выстрелами, но над их головой, и это давало положительные результаты Если рассматривать ответственность Короткова за отход полков, то читатель уже знает, с чем мы вступили в тот бой и какой исход его можно было ожидать. Ведь не расстреляли же командира соседней дивизии, которая оказалась в окружении, а даже якобы наградили за бои в окружении и выход из него.

Когда вся наша страна отмечала 50-летие Победы, я очень внимательно следил за многосерийным кинофильмом, созданным на основе нашей и немецкой кинохроники. Именно в той серии, которая была посвящена итогам Корсунь-Шевченковского сражения, были показаны кадры, как Гитлер вручает Рыцарские Железные кресты своим трем генералам за то, что они вывели 30 тысяч солдат из того котла, оставив все вооружение и боевую технику. Их Верховный награждает за поражение в этом сражении, а мы расстреливаем своего комдива в конечном счете за выигранную операцию в целом. Ведь и у немцев тоже был строгий приказ Гитлера «ни шагу назад» за отход от стен Москвы, тоже вводились заградительные отряды. Приоритет в этом на их стороне, мы только повторили этот опыт год спустя под Сталинградом.

И последнее. Начальнику штаба подполковнику Хамову П. Ф. первоначально вменялась в вину потеря управления в бою и намечалась «вышка». Но после признания вины комкора степень наказания была снижена. После штрафной роты он был восстановлен в воинском звании, сражался до конца войны, проходил службу в послевоенное время, окончил Академию Генерального штаба, произведен в генералы, преподавал в академии стратегию, защитил диссертацию, длительно работал в Генеральном штабе. Но на протяжении всех послевоенных лет его

угнетало сознание того кошмара в предъявленном первичном обвинении — измене Родине — с вытекающими из этого последствиями.

Ю. И. МУХИН. Как штатского человека, как человека, за зарплату которого содержится армия и ее кадровое офицерство, меня бы больше устроило, если бы П. Ф. Хамова всю жизнь мучил не страх, что его могли расстрелять, а совесть, что из-за его, начальника штаба дивизии, вины, дивизия потеряла почти две тысячи человек, доверенных обществом ему под команду. Но Лебединцев об этих переживаниях Хамова не вспоминает. Что поделать — это кадровые офицеры, им главное свои жизни спасти, а что касается солдат, то «бабы новых нарожают».

Александр Захарович сетует, что вот Сталин их, офицеров, не обучил и были они безграмотными, а Член Военного совета накануне боя к ним в дивизию не приехал и взамен пьяных кадровых офицеров оборону не организовал. И в связи с этим мне вспоминается следующее.

В конце 70-х годов наш завод попал в тяжелейшее положение по вине директора завода. Будучи хамом с подчиненными, он, как водится, был угодлив к начальству и боялся ему перечить. А завод строился ускоренными темпами, печи вводились в строй, а строительство цехов, которые должны были бы обеспечивать их работу, откладывалось «на потом». Директору надо было бы пойти к министру, стукнуть кулаком по столу и отказаться строить завод таким образом. Но, повторю, он был слаб духом и начальству не возражал. Если сравнить ситуацию с войной, то директор, не имея артиллерии, гнал пехоту на неподавленные пулеметы. Завод попал на несколько лет в тяжелейший кризис — с большим количеством печей выплавлял металла меньше, чем когда у него печей было меньше.

Начались разборки, приняли решение снять директора, а за ним и начальника Главка. Но это всего полдела — надо же и заменить их. Как там было в Москве — не знаю, но, думаю, что желающих на должность начальника Главка было полно. А вот с директором дело обстояло так. Управление кадров министерства всегда имеет резерв кадров — список людей, которые могут занять должность директора завода данной отрасли, но пока работают в этой же отрасли начальниками цехов, главными специалистами и т. д. Вот весь этот резерв, если я не ошибаюсь, четыре человека, приезжали на завод, смотрели, а потом честно заявляли министру, что они с заводом не справятся, и просят их не назначать. Согласился один романтик, главный инженер родственного завода, но через год честно попросил министра освободить его от должности директора. Наконец совершенно в

другой отрасли нашли человека, который завод поставил на ноги и прославил его. Подчеркну: достаточно быстро был найден настоящий Директор только потому, что целый ряд кандидатов честно отказались от этой соблазнительной должности и не стали по несколько лет уродовать завод, чтобы доказать свою несостоятельность.

Такое же положение было и внутри завода. Неоднократно мы наталкивались на ситуацию, при которой формальные кандидаты на должность начальника цеха просили не назначать их. Был случай, когда через партком «упросили» уже ушедшего на пенсию начальника цеха вновь занять свою должность на пару лет, чтобы подготовить ему подходящую замену.

Из 600 ИТР завода до четверти были практики без технического образования, а на рабочих должностях работали (помимо молодых специалистов) человек двести с дипломами инженеров. И они отказывались занимать инженерные вакансии, причем дело было не только в деньгах, а чаще всего в ответственности — в нежелании или страхе возлагать ее на себя.

Так вот, прочитав горы литературы об армии, я не помню случая, чтобы кадровый офицер отказался занять вышестоящую должность. Все они прут на должности, нимало не сомневаясь в своей грамотности и способностях. А вот когда надо воевать, то тут и вспоминают, что Сталин-де не захотел их в академиях обучить. Вот Александр Захарович пытается нас убедить, что Короткое не виноват, так как при стаже армейской службы в 25 лет он имел всего трехклассное образование и окончил курсы политруков. Проклятый Сталин не обучил его, поэтому в разгроме 38 сд виноват не Короткое, а Сталин. А у меня два вопроса. Первый: а что 25 лет этот Короткое делал в период, когда вся страна училась? Чего ему не хватало, чтобы учиться? Служба была тяжела или водку пить он и без академии умел? Второй вопрос: если он был дурак, то почему согласился на назначение его командиром дивизии? Ведь в 38 сд все штабные должности были забиты офицерами, а даже единственной ротой в полках командовали сержанты. Почему Коротков не попросил его назначить командиром роты? На нее у него образования хватило бы.

Скажем прямо: из-за того, что эти коротковы из шкуры вылазили, чтобы занять должность повыше, эти должности не могли занять те, кому они принадлежали по праву: буденные, чапаевы, фрунзе и те сотни тысяч совестливых офицеров, которые могли бы командовать дивизиями со славой, но погибли на передовой от команд уродов, набившихся на командные должности.

Правильно расстреляли комдива Короткова… Но этого мало. Вот Александр Захарович сетует, что расстрелы-де мы организовывать умели, а организовать бой — нет, почему, дескать, и потеряли 26,5 миллиона. Не согласен. Потеряли потому, что мало расстреливали этих коротковых. Если бы расстреливали с начала войны всех их, то остальные мигом бы научились и бой организовывать и взаимодействие родов войск. Сократили бы время на пьянку и траханье стряпух и телефонисток и научились бы.

Глава 13. О любви и сексе на фронте Естественное в неестественном

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Цель человека — жить; чтобы жить вечно, нужно любить. Цель войны неестественная для жизни — убить. Неестественна бывает и любовь на войне.

«Четыре года мать без сына, бери шинель, пошли домой», — хорошо сказано, но, во-первых, это дезертирство с вытекающими последствиями (минимум штрафная рота). Во-вторых, а как быть, когда четыре года муж без жены, а жена без мужа? Или эта фраза не рифмуется с точки зрения поэзии, поэтому и не занимает умы человечества? Кто объяснит, чем заменяла Родина «это» своим воинам, жизнь которых повседневно висела на волоске между смертью или увечьем? Были защитники в возрасте, познавшие любовь и секс в семейной жизни и свободной довоенной любви, а как быть с теми, кто был призван на защиту Родины со школьной парты, так и не поцеловав свою классную зазнобу, не испытав близости и не познав этой стороны жизни?

Правда, кроме смерти (мгновенной или долгой и мучительной), были еще и ранения. «Если раны — небольшой», — снова слова из популярной тогда песни. Вот и получалось, что ранение — это если и не благо на войне, то просто везение и довольно существенное. В госпитале можно было «покрутить» в тылу с женским полом, вымыться за год-два в бане, избавиться на время от вшей, отоспаться без разрывов снарядов и бомб и т. д. Повторю, мой однополчанин полковник Олег Мягков, вспоминая годы войны, выразился так: «Я остался жив только потому, что на протяжении ее был 8 раз ранен и пролежал в госпиталях и медсанбатах почти полтора года, а сколько за это время погибло в атаках, при артминналетах и бомбежках?» Начинал он войну в 41 — м взводным командиром, а закончил майором, заместителем командира полка. Кому как повезет. С «раной небольшой» иногда убывали в госпиталь даже с песней.

У пленного или убитого немца с первого дня войны можно было найти в кармане или ранце пачку презервативов. А у нас только в конце войны иногда начали выдавать презервативы, когда служивые уже сумели «подхватить» себе «венеру». До «дембеля» многие полевые госпитали в оккупированных нами странах были перепрофилированы и заполнены «венбольными», чтобы не завезти это добро в свое Отечество.

Прошу простить за невольные сальности и жаргон тех лет, но я хотел бы к этому вопросу кое-что добавить из своего пехотного

опыта.

Это только в мирные годы неудачники, обманутые и разуверившиеся в своей горькой доле, добровольно сводят счеты с жизнью. В бою каждый борется за жизнь до последней минуты. Пожилые еще и потому, что дома «куча» детей, а молодые, чтобы познать прелести бытия и продолжения рода под мирным небом. Поскольку дожить до победы было проблемой, то и на войне при малейшей возможности влюблялись, целовались, сближались, «трахались», бывало, и рожали в палатке медсанроты.

17 августа 1943 года в конце битвы на Курской дуге наша 38-я дивизия вводилась в сражение под Сумами. В полку развернулся перевязочный пункт в палатке. Я пробегал мимо и услышал из нее вопль младенца. Вышла с окровавленными руками полковой врач, капитан медслужбы Людмила Ивановна Безродная и с улыбкой сообщила, что приняла роды у писаря заместителя командира полка по политической части майора Гордатия. Скрывая долго свою беременность, она так затягивала ремнем талию, что родила семимесячного. А тут уже на перевязочный пункт начали поступать и раненые с поля боя. На следующий день праведник-идеолог полка, следивший за моралью других, отправил разрешившуюся сожительницу на повозке до ближайшей железнодорожной станции, чтобы ординарец увез ее в эвакуацию до места проживания ее мамаши. Долго потом вспоминался этот случай. А ведь у «комиссара» была своя довоенная семья.

Командир полка майор М.Я. Кузминов, ставший на Днепре Героем, в послевоенные годы, поддерживая с однополчанином-замполитом связь, не раскрывал грех своего заместителя его довоенной семье. Но однажды, уже на пенсии, проезжал на машине со своей супругой приморский южный городок, где его однополчанин жил на пенсии. Оставив машину за углом, он увидел друга, опирающегося на палочку, на лавочке у своего дома. Решил разыграть. Михаил Яковлевич вкратце пересказал тот фронтовой эпизод своей жене и послал ее вперед, предложив выдать себя за ту «зазнобу». Подойдя к нему, она произнесла: «Здравствуйте товарищ Гордатий. Вы, кажется, не узнаете меня? Да, когда-то была милашкой, любимой и дорогой, а теперь чужая. А ведь дочь хочет увидеть отца». Старик испугался не на шутку и залепетал, что все «списала война» и он не намерен обсуждать этот вопрос спустя 30 лет. Понаблюдав из-за угла за завязавшейся перебранкой, подошел бывший командир и обнял однополчанина. Все стало на свои места, и страхи разоблачения греха военных лет благополучно улетучились.

Как я уже рассказывал в начале книги в декабре 1941 года, я

молодым и «скороспелым» лейтенантом прибыл на передний край на реку Миус в райцентр Матвеев курган. После записи моих данных в книгу учета начальник штаба полка сказал: «Пойдешь командовать взводом пешей разведки. Твой предшественник вчера был ранен при проведении разведки боем». За ужином в хате, в которой размещался взвод, бойцы представлялись кто откуда. Землячество на войне — важное явление. Только один самый пожилой сорокалетний боец Павел Платонович Стаценко с сожалением сообщил о том, что у него земляков нет во всей дивизии, а не то что в полку. В заключение представился и я своим разведчикам. Сообщил, откуда родом. И тут выяснилось, что мы с ним не только земляки. Он знал моего отца, так как оба были «одной присяги», то есть ровесники века -1900 года рождения. На радостях он даже «пустил слезу». Об этом событии на следующий день мы сообщили в письмах: я — своей родительнице, а он — жене и другим близким.

До марта 1942 года мы каждую ночь делали попытки выкрасть «языка», но чаще приносили своих погибших или раненых, хотя были и успешные поиски. В марте я получил в командование стрелковую роту, а его по возрасту перевели в роту ПТР. Неожиданно встретились в штабе полка и очень обрадовались. Поинтересовались новостями с родины. Потом вспомнили свой разведвзвод, который сильно обновился, хату, в которой прожили зиму. И тут он поинтересовался, помню ли я хозяйку. Ей было в ту пору примерно под 60, дочери под 40 и внучке 18 лет.

Вчера он вернулся с курсов наводчиков ПТР и решил навестить наше зимнее местопребывание. Встретила его старуха радушно. Дочь и внучка были на окопных работах. Хозяйка решила угостить служивого горячими щами. А потом, порывшись в куче зерна, извлекла и спрятанную бутылку самогона из сахарной свеклы. Чокнулись, выпили, закусили. Баба предложила служивому отдохнуть на чердаке, где хранилось сено. Он согласился. Южное апрельское солнце уже хорошо прогревало, и он мигом уснул. Но вскоре услышал шорох. Это поднималась баба Ефросинья, предлагая вместе с подушкой и себя «под бочок». Рассказывая, он сильно смущался.

Я спросил: «И вы, конечно, не растерялись и «отстрелялись»?» «Выполнил все упражнения, кроме как «с колена» — не получилось. Первым вопросом к ней было: «Где ты этому ремеслу так научилась? Ведь я прожил со своей половиной более 20-ти лет и не предполагал о таких способах?» «Что там могла знать твоя Матрена в станице. А я еще в германскую войну в «заведении» в Ростове-на-Дону служила, господ офицеров

ублажала… вот она откуда моя школа». Выжил в войну мой казак-земляк, окончив ее коноводом у генерала. После войны довелось пару раз встретиться на родине, и как не вспомнить тот случай?

С места переформирования бригады в дивизию в Воронежской области в нашем полку, кроме десятка медичек, были две радистки, одна стряпуха и писарь по учету безвозвратных потерь Валя, да вышеназванная «разрешившаяся», фельдшеры батальонов и санитарные инструкторы скрытно сожительствовали со своими командирами, разделяя с ними ложе в командирских землянках. Это было неизбежным явлением. 14 ноября 1943 года неожиданно в наш полк, находившийся в обороне, привезли на двух санках 14 девиц, призванных в городе Ромны Сумской области. Они пережили немецкую оккупацию родного города. Некоторые даже знали немецкий язык и напевали на трех языках (украинском, русском и немецком) «Лили Марлен» и «Розамунду». Двое из них пошли поварихой и подавальщицей на кухню комендантского взвода, а остальные — телефонистками в роту связи. Командир полка, его заместители, начальник артиллерии, начальник штаба полка принялись отбирать их себе не только по внешности, но и по доступности.

Начальник штаба даже сделал мне выговор, что при наличии трофейной пишущей машинки на ней «давит клопов» писарь штаба сержант Сашка Родичев. И тут же стал выяснять: нет ли среди девиц машинистки. Одна из них по имени Маруся (Маша) сказала, что печатала при немцах в местной управе «тильки на украиньской мови». Я вручил ей машинку, дал весьма дефицитной бумаги, и она под копирку начала печатать на украинском языке «Звищення», то есть повестки для выхода на окопные работы всех трудоспособных жительниц, которые уклонялись от этой повинности во фронтовой полосе.

Начальник штаба полка размещался отдельно от штаба на противоположной стороне улицы в хате Акима Стрельца, которого после призыва определил ездовым штабной повозки. После полуночи начальник штаба прислал своего ординарца, который доложил мне о том, что начальник прислал его за машинисткой, которую тот должен проверить на предмет ее допуска к секретной работе. Это была забота полковых контрразведчиков, но я понимал, о какой проверке будет идти речь. Утром, как я увидел при докладе ему боевого донесения, он был зол. На следующее утро остался таким же. Теперь уже ординарец тихо доложил мне, что Мария оказалась «кремнем».

А между тем мой писарь сержант Родичев после полуночи и смены с дежурства предложил проводить в хату роты связи телефонистку Инну с ярко-рыжими волосами и веснушками на

щеках. Она «уважила» ухаживания молодого парня, о чем он по неопытности рассказал ординарцу нашего начальника. Тут Ершову «и сам бог повелел» вернуть несговорчивую Марию в роту связи, а Инну взять на ее место. Сначала Сашка обрадовался и принялся обучать ее машинописи, но когда вечером поступило требование начштаба доставить Инну «на переговоры», то понял всю оплошность своего откровения с ординарцем.

Трое суток шла днем и ночью «проверка» рыжей Инки. А в это время полковой портной ушивал в талии солдатскую шинель Инки, перешивал ее солдатский треух в шапку-«кубанку», а огромные валенки обменяли у жителей на маленькие «чесанки» по ее ноге. Вечером она не вошла, а «вплыла» в штаб. Три телефонистки с трубками на тесемочках у уха были шокированы увиденной подружкой. Ее близкая подруга Дуся Лурга произнесла: «Ой, Инночка, да яка жты гарнэсынька!» Дива проследовала к столу и ткнула пальцем по клавише машинки. Этого триумфа Сашка стерпеть не смог. Он заорал: «К машинке не подходить, «постельная принадлежность!» От такой неожиданности Инна отпрянула к углу у печки, но наступила на кочергу, которая рукоятью нанесла ей удар по голове, и ее шапочка оказалась на земляном полу, а сама она бросилась к покровителю с жалобой. Рано утром последовал его приказ по телефону: «Всему штабу перебраться в землянки, накануне отрытые за бугром».

Теперь у начштаба была отдельная землянка, а у меня своя с писарем и посыльными. Слышу, что меня зовет начштаба и являюсь пред его очи. Не стесняясь в выборе слов, он принялся меня ругать за поведение моего писаря. Я набрался смелости и заявил: «По этому личному вопросу разбирайтесь с ним сами».

Тогда он вызывает Родичева и ругает его за сквернословие и нападки на Инку и в заключение обещает завтра же отправить его командиром пулеметного отделения в батальон. Как писарь и чертежник, Саша Родичев был хорошо подготовлен, и вечером его по моей рекомендации взяли в штаб дивизии. А ко мне прибыл писарь из батальона. Инна теперь могла беспрепятственно посещать штаб, в котором она крутилась без всяких обязанностей, кроме одной — «ночного дежурства» под «кожухом», служившим и в землянке одеялом.

Чуть больше месяца длилась любовь моего начальника чтобы окончиться, как я уже писал, трагедией. В феврале во время Корсунь-Шевченковской битвы, штаб полка передвигался из одного населенного пункта в другой вдоль переднего края. Наш начальник штаба, не заметив передний край, проехал в село Виноград, занятое противником. Немцам достался очень ценный

«язык» со множеством боевых документов и рабочей картой, а нам осталась только Инна «с икрой», которая уже в Румынии «разрешилась» дочерью и убыла к своей бабушке в родной город Ромны. После войны она вышла замуж за военного политработника, родила ему еще сына и дочь. Эта дочь Ершова закончила ВУЗ, защитилась, вышла замуж тоже за военного.

Ершову, уже после пленения, пришли приказы на звание подполковника и на орден Красного Знамени за форсирование Днепра. Все считали, что он погиб, но в Карпатах он бежал из плена и после войны вернулся к своей первой семье. Видимо, по этой причине он не приезжал на встречи однополчан, и только за год до своей кончины узнал о судьбе Инны, его и ее дочери Светланы. Инна тоже скончалась через год после того, как узнала о существовании совета ветеранов и о судьбе своего фронтового возлюбленного. Перед смертью ей хотелось увидеть фронтовых подружек, но не удалось — довольствовалась только моими снимками встреч однополчан.

Полк встал в оборону в Обуховском районе на Киевщине, не имея ни одного стрелка и пулеметчика, так как мы передали их в другие части, убывая с Букинского плацдарма на доукомплектование. Но 7 ноября освободили Киев, и нас «посадили» в оборону совсем без пехоты. Офицеры рот, подстелив соломку на снег, установили пулеметы и тем самым «обозначили» свою оборону. На следующий день получили приказ: «Офицерам полка приступить к мобилизации военнообязанного контингента из числа местных жителей», отсиживавшихся по домам с лета 1941 года, когда наши войска отходили и они попадали в окружение. Призывали их в своей одежде с лопатами. Вручали им Ружие, и они исполняли обязанности стрелков, автоматчиков и пулеметчиков. Только в небольшом селе Долина Обуховского района под Киевом полк призвал под наше Боевое Знамя более 70 человек. Через пару дней мы укомплектовали пехотой и пулеметчиками 1 — й и 2-й батальоны полностью. Служивые отрывали первую траншею, а 2-ю и 3-ю — их жены копали в ночное время.

Нас, офицеров штаба, почти каждую ночь направляли на передний край для рекогносцировки оборонительных сооружений и проверки бдительности несения боевой службы. Полковой инженер со своими саперами руководили отрывкой траншей и ходов сообщения женщинами села. Колхозницы были привычными к земляным работам и с нормой отрывки (7 погонных метров траншеи) справлялись за первую половину ночи. Потом по ходам сообщения с домашними гостинцами пробирались в первую траншею, где суженые ожидали их

посещения в своих землянках. Гостинцы были домашними: «шматок» сала, кувшин самогонки из «цукровых бурякив» да кисет с нарубленным «тютюном-самосадом». Самогонка, закуска и табак были для всей землянки, а «десерт» только для своего «чоловика», по-фронтовому — на грунтовых нарах. Тех солдаток, чьи мужья воевали на других фронтах, иногда ублажали кумовья, как это хорошо показано в кинофильме «А зори здесь тихие». Помните фразу хозяйки старшины Васкова, которая произнесла такие слова: «Может, и моего суженого какая-либо приголубит на чужбине».

Я обычно выходил на контроль в полночь — после отправки боевого донесения. Перестрелка в эти часы затихала. Заходил в землянку комбата Алексея Кошелева, в которой, кроме него, размещался начальник штаба батальона Василий Николенко, младший лейтенант — начальник связи, дежурный телефонист и фельдшер батальона Лена П. Комбат обычно был уже в готовности сопровождать меня по траншее. Мы с ним были земляками и давними друзьями. Однажды я застал такой разговор командира батальона с молодым младшим лейтенантом.

— Тебе сколько лет?

— Восемнадцать, — ответил связист.

— Давно на фронте?

— Уже целую неделю. Вчера даже побывал под сильным минометным обстрелом и не задело.

— А ты хоть раз имел «дело» с женщиной или девицей?

— Откуда же, меня взяли прямо из класса — и на курсы связистов. Ничего я еще не успел.

— А вдруг прилетит гаубичный снаряд большого калибра, рванет и — прощай, молодость?

Потом обратился к фельдшеру: Лена, тебе ведь тоже престижно из юноши сделать настоящего мужика, поделись с ним опытом. Обучи. Потом добавил: «Это мой командирский приказ. Доложишь о выполнении».

Обход траншей — дело неблагодарное, особенно в дождливую погоду. От траншеи в тыл делаются ходы сообщения — длинные отводы ко второй траншее, и короткие — во взводные землянки-блиндажи. Во второй половине ночи у землянок на корточках раскуривали самокрутки служивые, чтобы огоньком не привлекать вражеских пулеметчиков и снайперов. Это был именно тот момент, когда законный муж в землянке получал свой «десерт». Нас обычно останавливали перед входом в землянку, предупреждая, что там «до чоловика жинка прийшла». И хоть эту фразу приходилось выслушивать каждую ночь, все равно комбат

высказывал упрек примерно такого содержания:

— Что, зачесалось у нее за неделю? А как же те в России, которые с сорок первого бедствуют, но терпят? Все равно в карман не напасутся до конца войны.

— Це вы правду кажэтэ, товарыш комбат, — соглашались солдаты и сержанты, но жены продолжали приходить.

По возвращении перед рассветом мы застали обитателей землянки комбата спящими. Печь погасла. Комбат ругался. Потом вспомнил о приказании и спросил, почему не доложили о выполнении приказания. Лена усмехнулась и сказала, что приказание было выполнено с помехами, так как стажеру-связисту приходилось одновременно отвечать по телефону при проверках исправности линии. Конечно, опыта у него никакого, но теперь распечатался.

В ноябре 1973 года меня пригласили в это село местные власти по случаю открытия школьного музея боевой славы, посвященного 30-летию освобождения их села и почти двухмесячной обороны нашего полка на их земле. Я привез в качестве подарка музею фотомонтажи всех учтенных ветеранов полка, схемы боев, списки с адресами ветеранов и множество фотографий. С каким трепетом в душе я прошел вдоль всех траншей, от которых остались «шрамы» на скатах и выемки в местах землянок и огневых позиций орудий. Сохранилась и та хата, в которой размещался штаб. Старик со старухой уже давно ушли в мир иной. Директор восьмилетки и «голова сельрады» решили перекрыть ее заново соломой и содержать в прежнем виде, даже поставили полевой телефон и керосиновую коптилку из гильзы снаряда. Хата стала филиалом школьного музея боевой славы.

На митинге, устроенном по сему случаю, у трибуны стояли из 70-ти человек, призванных в ноябре 43-го, только восемь бывших воинов. Я был немало удивлен не только тому, что мне надели ленту и выдали диплом Почетного гражданина этого села, но и тому, что почти все они меня узнали влицо, хотя видеться приходилось в основном ночью на окопных работах и в траншеях. Более того, они решили назвать новую улицу для молодоженов улицей 48-го стрелкового Краснознаменного Трансильванского полка. Такого же звания был удостоен и коман-дир батальона подполковник Алексей Кошелев, проживавший в Кисловодске со своей женой, медсестрой-фронтовичкой Фатьмой. Его супруга Фатьма (крымская татарка) была фельдшером в батальоне, потом начальником аптеки медса-бата, и еще с боев под Туапсе в 1942 году они связали себя семейными узами. Сам Алексей Варламович, как я писал, начинал войну сержантом с медалью

«За отвагу» еще с финской. В тяжелых боях на туапсинских перевалах за боевые отличия он получил орден Красного Знамени и звание младшего лейтенанта, пройдя затем в стрелках и пулеметчиках взвод, роту и батальон, закончил войну майором с двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны и Александра Невского. Представлялся даже на Героя за форсирование Тиссы. А вот еще одна любовь. Шура Маслова (Переварова) лейтенант, комсорг стрелкового полка. Она не раз поднимала роты в атаку, когда взводный лейтенант не мог сам оторвать от земли зеленых новобранцев. А перед ней они пасовали. Да, и она жила с полковым особистом Переваровым. Приезжала в подмосковные Химки рожать к матери, оставляла бабушке внука-младенца и свой денежный аттестат фронтового содержания на прокорм по карточкам, а сама снова возвращалась в строй.

Но вернемся в штаб — в хату бабы Улиты. Задень всех девиц переодели по-зимнему, выдав солдатские кальсоны и бязевые нижние мужские рубахи, ватные брюки, телогрейки, гимнастерки и юбки, на ноги валенки на пять размеров больше, чем положено, и шапки-ушанки из смушки да солдатские брезентовые поясные ремни. Таковы и были наряды наших «примадонн» в ту зимнюю пору. Определить, где у них талия или бюст, было невозможно, тем более найти шов на чулках, так как вместо них были байковые портянки. Даже в нетопленой хате штаба или в землянке в таком одеянии было тепло. Хуже было, когда появлялись вши — неизбежное зло пехоты, с которым бороться было нечем, так как не имелось дуста. Считалось большой удачей, если его брали как трофей у убитых немцев или у военнопленных.

Чего только не увидишь ныне на экранах телевизоров в игровых кинофильмах и на страницах красочных журналов, газет и просто репродукций и иллюстраций: девицы взывают страстно: «Бери меня, я вся твоя». Их стройные нижние конечности произрастают из-под мышек. Талию можно охватить пальцами рук, а взгляд их настолько же томный, доступный, как и расчетливый одновременно. На фронте тоже стремились к этим стандартам, но не всегда получалось.

Примерно такими же были женщины только в штабах, нои в1941,и в1945 годах в летнюю пору, когда восседали с радиостанциями или пишущими машинками на заднем сиденье «виллисов» у большого начальства, начиная с командиров корпусов и выше. Но если спуститься до полковых и батальонных штабов, медицинских рот и рот связи, да еще в зимне-весеннее время, да на дорогах, разбитых гусеницами целой танковой

армии, то вид наших женщин без содрогания не вспомнить даже теперь, 57 лет спустя после Победы.

Многие невзгоды забыли ветераны, но тот наш переход в феврале 1944 года от Умани до Ботошанн в Румынии запомнился всем и навсегда, так как длился он 25 суток на дистанции 450 км боевого пути. Тогда мы забывали не только дни недели, но и где и когда ели в последний раз, ибо все кухни тогда отстали из-за взорванных мостов. Кормили нас по «бабушкину аттестату» местные сердобольные хозяйки картофелем в мундире да квашеной капустой, «бо хлиб герман забрав».

Слабому полу, несмотря на то, что даже офицеры и кавалеристы иногда носили ботинки с обмотками, выписали «чоботы». Но их на складах в конце февраля не оказалось. И пошли они, присягой подстегиваемые, через Черкасскую, Винницкую, Хмельницкую области Украины, Молдову и Румынию в валенках по грязи до колен. Мы не различали, когда кончается день и начинается ночь. Радовались, что все 25 суток ни разу не проглянуло солнце, а значит, не появлялась авиация. Иначе, как спасаться в таком распутье от разрывов бомб? Протяженность нашего марша выверена после войны точно по показаниям спидометров «икарусов», на которых мы проехали в юбилейном, 1985 году в майские дни весь этот боевой путь. Он составлял более 500 км.

Спали большей частью на ходу. Заверяю, что это вполне возможно. Нужду справляли мужчины «по-малому «также на ходу. А каково связисткам и медичкам в общей колонне на равнинной безлесной местности? Расскажу, как это сохранилось в моей памяти. Этими строками я выполняю наказ отца-командира полка, подполковника Жлудько, который говорил: «Смотри, начальник штаба, и все запоминай. Ты моложе меня на 15 лет, и расскажи потомкам о мучениях их бабушек и прабабушек на этой беспощадной войне».

Связистки и медички выходили из строя парами на несколько шагов на обочину. Одна из них раздвигала в стороны полы шинели, как бы «маскируя» подружку. А другая снимала ремень и надевала его на шею, иначе он утонул бы в грязи, расстегивала шинель, потом телогрейку, за нею ватные брюки, кальсоны и старалась не попасть в раструбы голенищ валенок. Потом, в обратной последовательности все застегивалось, и они менялись местами.

Первоначально глуповатые мужчины подавали голос воздушной опасности: «Воздух!» или «Рама!» — означавшие известный самолет-разведчик, но через день отбросили эти плоские шутки. А ведь, кроме того, у женщин были и свои, чисто

женские заботы, а марш продолжался месяц. Вряд ли кто в колоннах вспомнил за этот марш, к какому он принадлежит полу, а не то что подумал о сексе и каким способом его лучше провести.

Эту историю из серии «хоть плачь, хоть смейся» рассказал однажды в 1969 году в узком кругу мой сослуживец в день его рождения за праздничным застольем. Речь зашла о любви и сексе на войне. В 1943 году во время форсирования Днепра он был ранен в предплечье. Был он в должности командира отделения во взводе пешей разведки в звании сержанта, когда отправили его во фронтовой госпиталь. Здесь ему сделали «самолет» — приспособление, посредством которого взятый в гипс перелом кости предплечья должен находиться на уровне плеча с опорой на подреберье. Подобное сооружение затрудняло движения раненого до полного сращивания кости и снятия гипса. С таким «крылом» невозможно и мечтать о сексе, но очень уж хотелось, да и предварительная договоренность с молодой санитаркой уже была.

Встретились в бельевой каптерке за полночь, целовались, обнимались, а когда дошло до самого главного, то в ее трусиках оказалась не резинка, весьма дефицитная в войну, а обычная тесьма, завязанная прочным узлом. Партнерша сама не предпринимала действий к устранению преграды, а у него правая рука была занята удержанием возлюбленной за талию, чтобы не убежала. Вот и решил наш сержант для снятия трусов у не имевшей еще опыта молодушки вместо больной левой руки использовать одну из своих нижних конечностей. Зацепив злополучную тесьму большим пальцем правой ступни, он сделал рывок вниз, позабыв, что уже с год не стриг ногти на ногах, которые загнулись вниз, как когти у льва, и он распорол ей кожу на животе от пупка и до «хохолка». Увидев кровь, пострадавшая вскрикнула. На помощь ей явился здоровенный санитар. Увидев кровь, он избил беззащитного страдальца, который не мог ни обороняться, ни тем более нападать. О происшествии утром знал весь госпиталь. Начальник пообещал виновнику в лучшем случае штрафбат за нарушение режима и насилие. Разведчику роль штрафника показалась даже милостью, поскольку насмешки и позор он переносил с большим страданием, чем рану, и не показывался из палаты.

Через сутки в госпитале появился Член Военного совета армии, что вызвало переполоху начальства. Генерал-майор поинтересовался состоянием здоровья виновника этого происшествия и проследовал к нему в палату. Зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР и прикрепил к его

байковому халату звезду Героя и орден Ленина. Жестом остановил его, готового «рявкнуть» ответное слово, и зачитал еще приказ командира полка о награждении по первичному представлению в полку медалью «За отвагу». Таков был, как я писал, диапазон наград за одно и то же отличие. Позднее сержант был пожалован приказом по армии и орденом Красного Знамени. Начальник и замполит госпиталя стояли по стойке «смирно». Зазноба тоже пришла поздравить, и после снятия гипса была у них бурная, счастливая ночь в той же бельевой с воспоминанием пережитых неудач и благополучным завершением той истории. Кстати, этот однополчанин и мой коллега по службе гордился не самим высшим его боевым отличием, а тем, что он один Герой на 1 миллион 200 тысяч молдаван, и хотя его фамилия заканчивалась на «ко», но мать все же была молдаванкой. Его спокойная супруга на этот рассказ реагировала с усмешкой и без ревности, а он сам, видя такое ее безразличие, в сердцах добавил, что если бы она «этим» зарабатывала себе на жизнь, то давно бы умерла от голода.

О последствиях фронтовой любви лучше всех знала младший врач полкового медпункта Людмила Ивановна Безродная. Она в меру возможностей «помогала» избавляться однополчанкам от последствий советами и прямым вмешательством. Она была на семь-восемь лет старше девчат и прекрасно владела своей профессией. Кроме того, она по интеллекту превосходила даже врачей медицинского санитарного батальона, прекрасно знала поэзию и вообще литературу, хотя это для медика было и не самым главным на фронте. На протяжении года службы в этом полку мне ни разу даже не пришлось побывать в этом учреждении, поскольку старший врач полка капитан Петр Иванович Шлома почти всегда находился в штабе, организуя эвакуацию раненых и больных с поля боя, транспортировку их до медсанбата и полевых госпиталей. Медсанроту я чаще всего мог видеть только в походной колонне, так как всегда занимался построениями полка для марша. Да и они знали меня только по должности. Связистки у меня всегда были на виду, но только по своим обязанностям. По возможности я всегда оказывал им внимание во время длительных маршей, иногда подсаживая на время на повозки, старался удобнее их разместить в землянках в ненастную погоду.

Только 20 лет спустя после Победы, когда впервые собрались однополчане 48-го полка на свою первую встречу в Краснодаре, мы с Людмилой Ивановной выяснили, что являемся земляками (она родилась в городе Черкесске, а я в одной из станиц этой автономии), и о незнании этого здорово пожалели. Потом

откликнулись большинство ветеранов полка, с которыми и началась поддерживаться переписка. Они стали приезжать на встречи. Никто из нас ничего не знал о судьбе последнего начальника штаба полка капитана Сергея Макаревича. В Архиве МО мне удалось узнать о месте его рождения на Украине, и я написал туда «Красным следопытам» в местную школу. Вскоре получил два письма: одно от школьников, а второе от самого Макаревича.

Он очень обрадовался тому, что его пригласили на встречу в Краснодар родные его однополчане. Об этом я сообщил Антонине Денисовне, в доме которой и проходили наши встречи. Наша милейшая Тося впервые разразилась упреками в мой адрес, и оказалось, что я не знал о том, что у Людмилы Ивановны есть взрослая дочь от Макаревича и даже внучка, студентка ВУЗа. Я оказался в неудобном положении со своей инициативой. Написал об этом с извинениями в Кривой Рог Безродной, но она в своем письме успокоила меня такими словами из стихотворения Роберта Рождественского: «Встретились два одиночества, развели у дороги костер, но костру разгораться не хочется, вот и весь разговор…»

Их встреча через 30 лет состоялась 9 мая за праздничным столом. Она была светлой и радостной, без взаимных упреков. Она показала ему фотографию дочери и внучки, а он — своих близких в Киеве. Таких встреч в практике нашего ветеранства бывало немало.'Правда, именно по этой причине небольшая часть ветеранов не посещала наши сборы, вполне осознанно лишив себя радости общения с самыми близкими друзьями молодости и грозных дней войны в матушке-пехоте. Нет уже в живых ни ее, ни его. Ушли в мир иной все 15 жителей кубанской столицы, служившие в нашем полку. Вечная память им!

Выше я рассказал о том, что войну мне довелось завершить под Веной в непривычной для меня после окончания курсов обстановке — офицером оперативного отдела штаба 46-й армии. В полевом управлении армии оказалось гораздо больше женского пола, чем во всей дивизии. Видимо, уже за рубежом всех их перевели из разряда военнообязанных в штат вольнонаемных, благо одеваться им уже было во что. Наряды они меняли по два раза за день, макияж наводили самый яркий и безвкусный. Комплименты капитанам и майорам отпускали самые недвусмысленные, так как их бывшие покровители в более высоких чинах вдруг вспомнили, что у них есть где-то свои семьи. Теперь у всех покинутых оставался единственный аргумент: заманить в мужья трофеями. Они таинственно перечисляли, сколько увозят домой костюмов, платьев, пальто, ковров,

аккордеонов, радиоприемников, часов, шуб и посуды. Но в то время и это мало прельщало молодых капитанов.

Интересно вспомнить и о том, как жила в войну Москва. Здесь тоже ощущался большой дефицит мужчин. Москвички, как я уже писал, заранее закупали билеты в театры и ожидали с ними недалеко от входа, предлагая один «лишний» билетик именно военным — предпочтительнее всего майору или капитану. Знакомились уже в зрительном зале, а еще ближе на квартирах. Для офицеров-резервистов самыми предпочтительными бывали доноры крови, которые снабжались самым калорийным пайком. За ними шли продавщицы продовольственных магазинов, повара, официантки. Кроме питания, резервисты и обогревались под бочком у своих случайных возлюбленных, так как в наших общежитиях температура в морозные дни не превышала двух-трех градусов выше нуля. Питание резервистов в тылу было примерно таким же, как и в Бухенвальде для военнопленных.

Во фронтовой полосе, когда служивому удавалось свести знакомство с молодушкой, те тоже ожидали уверений в «любви до гроба» или хотя бы уверений, что еще неженатый. Так, одна из украинок долго выпытывала этот секрету майора, который уверял ее, что он еще холостяк, и она решила поверить. Когда провела с ним бурную ночь, то сразу усомнилась, выразив это такими словами: «Ох, дядько-дядько, як вы гарно цэ дило робытэ, мабудь вы всэж-таки женати».

Напрасно держали в тайне

Ю. И. МУХИН. Этот рассказ Александра Захаровича был опубликован в газете «Дуэль» и реакция на него была неоднозначной. Фронтовик, разведчик 11-й гвардейской стрелковой дивизии, ныне писатель Н.К. Дружинин написал злое письмо, в котором, приведя примеры из своего фронтового быта, назвал Лебединцева «чавкающим быдлом», которое из-за нездорового интереса к сексу компрометирует как наше офицерство, так и женщин. Целомудренность, которой Николай Константинович Дружинин придерживался и на фронте, и в мирной жизни, вызывает уважение, но в своей оценке этой части воспоминаний Александра Захаровича он все же не прав. Одно дело иметь свою позицию, но навязывать ее другим? Кроме того, какую бы ты лично позицию ни занимал, но если ты начальник, то обязан знать все, что может помешать работе твоего коллектива либо вызвать раздоры в нем. Тогда я ответил Николаю Константиновичу примерно следующим образом.

У Лебединцева, Николай Константинович, не было таких прекрасных командиров, как у вас. Вас неделями готовили к поиску, а его, выпускника пехотного училища, еще ни разу не бывшего на фронте, в ночь прибытия послали за «языком», даже не сориентировав на местности. И мне, к примеру, очень важно, что Лебединцев, в отличие от писателей, не малюет с офицеров лубочных картинок, а описывает их такими, какими они были на самом деле. Со всеми их качествами. Вы, писатели, обманывали советский народ, а Лебединцев предупреждает. А предупрежден — значит вооружен.

Вы убеждены, что наши офицеры честны и доблестны, что жизнь положат за Родину, а о том, что у многих офицеров в голове только бабы и бабки, шептали между собой так, чтобы народ не слышал. В результате через 40 лет в армии первых выдавили вторые и на Всеармейском совещании в январе 1992 года несколько честных майоров не смогли призвать к исполнению присяги толпу трусливых и подлых погононосителей.

Вы, писатели, требовали от «чавкающего» быдла высокой нравственности, а какие жизненные вопросы этого быдла вы решили своими требованиями? Вот вы абсолютно справедливо пишете, что война велась за будущее наших детей. Каких? На фронте гибли в основном молодые мужчины, и миллионы молодых женщин остались не только без пары, но и без детей. Вас, писателей, это когда-нибудь трогало? Так, повторю, за каких детей гибли солдаты — за тех, которые не могли родиться из-за

отсутствия у женщины пары? Среди моих сверстников уже не было военных сирот, но было много (я помню троих) таких, у которых матери вообще никогда не имели мужей. Помню, после гибели моей матери я вечерами дожидался отца у соседей, в том числе и у одной такой женщины с сыном. Как я понимаю, она была не очень красива, но если бы не война, то ведь наверняка бы вышла замуж. Кстати, она была на фронте санитаркой, и однажды в бою, перевязывая нашего солдата, убила наткнувшегося на них немца. Она с ужасом вспоминала, как это страшно — убить человека, А я не понимал ее, ведь в кино немцев убивали так легко.

Так вот, как я понимаю, для вас эта женщина — развратница, раз у нее сын без мужа, а тот, кто сделал ей ребенка, — негодяй. Между тем я не помню, чтобы у нас в районе кто-нибудь хоть слово плохое сказал этим женщинам или их детям, я и слов «незаконнорожденный» или «байстрюк», которые встречал в книгах, долго не понимал. Люди — не писатели, они как-то чувствовали, что мирная жизнь и война — это разные жизни с разными законами и моралью. То, что недопустимо в мирной жизни, практически не имеет альтернативы во время войны. Но какого советского писателя трогала эта тема? Фи, какой разврат! А наши родители через школьный родительский комитет сбрасывались деньгами в помощь этим «развратницам» и их детям. И ведь никто из них не дал бы и копейки в пользу бездельной суки Анны Карениной, о судьбе которой на уроках литературы по предписаниям моралистов и «инженеров человеческих душ» нам, школьникам, предлагалось грустить. А как же: Анна Каренина и Вронский — это жертвы царского строя, а те, о ком осмелился написать Лебединцев, — это «чавкающее» быдло, развратники!

Простите, Николай Константинович, но вы, писатели, наше нравственное воспитание довели до идиотизма. К нам на завод пришел новый директор, и когда он решил аварийные вопросы, то принялся за заводские туалеты и, в частности, потребовал установить во всех женских туалетах биде. Я, будучи уже начальником цеха с наверное более чем 70 % женщин, не знал толком, что это такое и зачем оно. Мой опыт ограничивался студенческой пьянкой в гостинице «Интурист», где я единственный раз видел эту штуку и принял ее за унитаз для малых нужд и еще удивлялся, как глупо там устроен смыв. Но когда тебя в ряду других начальников еженедельно дерет директор за срыв установленных им сроков установки биде, это не очень приятно, и я тогда своим подчиненным начальницам высказал мысль, что директор добивается дешевой популярности.

На что старшая из них отрезала: «Это очень удобно», — и я предпочел со своим мнением заткнуться и побыстрее приказ директора выполнить. Когда ты отвечаешь за подчиненных тебе женщин, то обязан знать обо всем, что им мешает жить, и устранять это. Вам, писателям, эти вопросы «западло», но почему вы Лебединцеву не даете о них сказать? Или у нас в армии женщин уже никогда не будет?

Чего мы добиваемся, когда глухо молчим о естественных делах, которые моралисты считают «неприличными»? Вот, к примеру, известный советский диверсант Второй мировой войны И. Г. Старинов пишет, казалось бы, на абсолютно профессиональную тему: «Теперь задача состояла в том, чтобы предохранить терочные воспламенители и самодельный аммонал от отсыревания на время следования группы в тыл врага. Но выход и тут был найден, хотя наше новое требование повергло провизора рославльской аптеки в замешательство. Впрочем, провизор не подвел и на этот раз». И все. Вы поняли, чем Старинов предохранил аммонал от отсыревания? Почему он прямо не написал, что расфасовал его в презервативы? Да потому, что сразу же бы нашлись писатели, которые бы вспомнили, что мужик перед смертью обязательно чавкнет. И Старинову хотелось выглядеть «культурным».

Во время войны, Николай Константинович, в СССР шинели надевали 34 млн человек. Откуда было взять 34 млн таких, как вы? И если бы не моралисты-писатели, то можно было бы еще до войны подумать и о том, как защитить этих людей, шедших защищать Родину не только он вражеских пуль, но и от болезней. Вот ваш коллега Ст. Куняев записывает воспоминания своей матери: «2 января 1944 года я начала работать хирургом в эвакогоспитале «14–19». Уходила в 8 утра, а возвращалась в 12 ночи. Ты рос как в поле трава, и потому однажды случилась с тобой беда. Мне позвонили и сказали, что Стасик попал под машину. Оказывается, ты катался на коньках по улице, держась за бампер автомобиля, а когда тот подпрыгнул, тебе бампером раздробило переносицу, и хорошо рядом был венерический госпиталь для военных — тебя сразу оттащили туда, остановили кровотечение, но несколько дней ты был без сознания. Мы боялись, что у тебя перелом основания черепа, но обошлось».

А ведь если бы с начала войны плюнули на записных моралистов и выдали каждому солдату комплект презервативов, то ими можно было бы не только предохранять документы от сырости, как это делали американцы во Вьетнаме, но и защитить тех фронтовых товарищей, которым уж очень было невмочь. Да, они слабы, но они твои боевые товарищи, и это главное. А

тогдашние моралисты предпочли иметь госпиталя для венбольных, так, видите ли, нравственней.

У меня в цехе работал один парень уже таких лет, что пора жениться, но он с женщинами не встречался, и было видно, что он их боится. Надо думать, что при первом опыте какая-то дура сильно его унизила и он стал психическим импотентом. Товарищи по работе его сначала подначивали, но он воспринимал все очень болезненно и стал всех сторониться. Тогда они решили ему помочь, но делали это слишком явно: подговаривали подходящих женщин ему помочь, но он это видел и его паника только возрастала — он даже во всяких совместных сабантуйчиках перестал участвовать. Ходил по вечерам в кино, читал, слава богу, не пил. И парень был здоровенный, штангист, а мы уже видели судьбу закоренелых холостяков — жалкое, надо сказать, зрелище.

И вот мы с парторгом, доморощенные сексопатологи, стали разрабатывать план операции. Решили, что нужно найти женщину (девушки уж явно не подходили) не только незамужнюю, но и умную, тактичную и совершенно постороннюю, чтобы он ни о чем не догадался. Свести их якобы случайно и не на гульке. Ее проинструктировать, чтобы она время от времени просила его помочь в какой-нибудь мужской работе и таким образом встречаться, а когда он начнет предпринимать попытки, то ни в коем случае сразу не соглашаться, говорить, что ей это не нужно, что ей и так хорошо, короче, успокоить его и разжечь. Парторг занялся осуществлением этого плана и добился успеха. За давностью лет я уже не помню, на ком женился объект нашего развратного плана — на той же женщине или на другой, но женился. И вот помню, спустя уже много лет, собираемся на демонстрацию. И идет он: слева жена с ребенком за руку, на его правой руке второй, сам он смотрит всем в глаза, шутит, никого не боится — совсем другое дело!

А ведь я, Николай Константинович, занимался в этой истории тем же, чем и комбат из рассказа Лебединцева, ~ сводничеством. Правда, у него была другая цель, но ведь была война. Да, любовь — это очень хорошо, но ведь от того, что этот лейтенант был бы убит девственником, лучше стало бы только моралистам. Почему-то. И у меня, к примеру, нет ни малейшего презрения ни к единой женщине в рассказе Лебединцева.

Даже к «рыжей Инке». Да, ее подруга, отвергшая домогательства начштаба, заслуживает искреннего уважения, но ведь не Инка виновата, а этот негодяй. И его пыл надо было охладить в штрафном батальоне. Ведь это же был не единичный случай и даже не вопиющий.

Хочу процитировать полностью докладную записку начальника Особого отдела НКВД Волховского фронта майора госбезопасности Мельникова от 10 марта 1942 года на имя члена ГКО т. Маленкова «О морально-бытовом разложении комполсостава частей и соединений 59-й армии»: «За последнее время в частях 59-й армии со стороны отдельных военнослужащих участились случаи морально-бытового разложения. Зачастую, используя свое служебное положение, командиры склоняют женский персонал к половому разврату, здесь же, в присутствии посторонних, решают боевые задачи.

Отдельные командиры и комиссары частей, увлекаясь женщинами, систематически пьянствуют. В ходе боевых операций вместо руководства боем отлеживаются в блиндажах. Так, заместитель начальника инженерного отдела штаба 59-й армии — Герой Советского Союза майор Коровин и работник Политотдела армии старший батальонный комиссар Никулин 26 февраля в нетрезвом состоянии зашли в столовую «Военторга». КОРОВИН без всякого основания, обнажив револьвер, потребовал от начальника «Военторга» колбасы, варенья и других продуктов. Получив варенье, он бросил стакан с этим вареньем на пол, ругаясь площадной бранью, отдал распоряжение своему адъютанту расставить по углам столовой мины.

КОРОВИН открыто, на глазах у бойцов, сожительствует с машинисткой штаба армии ПРИ СОВА ТЬЕВОЙ Галиной и вместе с ней ходит в баню. Все это стало достоянием подчиненных.

28 февраля старший батальонный комиссар НИКУЛИН у КОРОВИНА напился пьяным, придя в Политотдел армии, разбросал на полу партийные документы. Начальник штаба артиллерийского управления 59-й армии полковник САМОЙЛОВ увлекся машинисткой артуправления ТУГА РИНОВОЙ Капитолиной, чем скомпрометировал себя в лице сотрудников артуправления. В любовной записке на имя ТУГАРИНОВОЙ САМОЙЛОВ пишет: «Капочка! Если ты не хочешь нарушать нашей дружбы, откажись, что ты сказала сегодня — больше кушать со мной не будешь. Я сильно этим огорчен, ты меня обижаешь незаслуженно. Делаю я все для тебя из дружеских и благих намерений. Ты мне нравишься, я к тебе привык, если не сказать большего. Фима». Эта записка стала достоянием сотрудников артуправления.

Комиссар 430 гаубичного артполка Резерва Главного Командования батальонный комиссар ФРИДРИК держит у себя в полку в качестве санинструктора днепропетровскую артистку БУЛДАКОВУ, хотя она никакого медицинского образования не имеет. БУЛДАКОВА проживает в одной машине с ФРИДРИК.

Бойцы, командиры и политработники называют БУЛДАКОВУ «личным адъютантом комиссара полка».

Командир отдельной кабелъно-шестовойроты связи лейтенант ПЛЮСИН сожительствует с военфельдшером Соней. Военком 129 отдельной телеграфно-эксплуатационной роты связи АВТУХОВ, сожительствуя с военфельдшером роты САКИСИНОЙ Полиной, не отпускает ее в роту для обслуживания бойцов, работающих на линии, вызывая этим смешки и возмущение со стороны личного состава.

Начальник обозно-вещевой службы 1249 стрелкового полка 377 стрелковой дивизии ЕФИМОВ Александр Егорович сожительствует с гражданкой д. Кипрово МИХАЙЛОВОЙ Е. Н. Последняя, по имеющимся данным, во время пребывания немцев в Кипрово сожительствовала с немецкими офицерами.

Комиссар 1240 стрелкового полка 372 стрелковой дивизии батальонный комиссар САМОЙЛОВ имеет интимную связь с комсомолкой военфельдшером ПЕТУХОВОЙ. Используя свое служебное положение, САМОЙЛОВ взял ПЕТУХОВУ к себе на командный пункт из ПМП в качестве медработника, где и сожительствует с ней. Во избежание наказания за свои действия САМОЙЛОВ объявил перед общественностью полка о том, что ПЕТУХОВА является его женой, в то время как у него имеются жена и трое детей. После того как САМОЙЛОВ связался с ПЕТУХОВОЙ, в полку значительно ослабла политработа и снизилась дисциплина личного состава.

Комиссар санитарного батальона 372 стрелковой дивизии Чернышев сожительствует с подчиненной ему медсестрой ОКОРЯДЧЕНКО, которую без всякого основания пытался представить к правительственной награде. В результате бездеятельности начальника санитарной службы 372 стрелковой дивизии ГОЛЫШ ЕВА дисциплина среди военнослужащих санчасти ослабла. Работники пьянствуют и в половом отношении развратничают.

Аналогичное положение и в батальоне связи 372 стрелковой дивизии, где телефонистки ведут себя распущенно. В результате командиры СМИРНОВ, НОРОНОВ и командир ЛАРИН сожительствуют с ними без стеснения. Начальник связи штаба 372 стрелковой дивизии подполковник ТИМОШЕНОК, исключенный из ВКП(б), 25 февраля в нетрезвом состоянии, склоняя к сожительству телефонистку МАНЦЕВУв присутствии бойцов приказывал ей лечь с ним спать. 26 февраля ТИМОШЕНОК, будучи пьян, отказывался подписать секретный документ, адресованный в штаб 59-й армии, о состоянии связи в дивизии, приказал его подписать своему адъютанту.

28 февраля с. г. начальник 6 отдела армии капитан ЯНОВСКИЙ, будучи пьян, поднял бесцельную стрельбу из пистолета. В присутствии военнослужащих высказывал настроение о самоубийстве.

Перечисленные факты распущенности, пьянства и морального разложения в 372 стрелковой дивизии известны командиру дивизии подполковнику ХОРОШ ЕВУ и комиссару ЗАЙЦЕВУ, которые не только не принимают мер борьбы с этим явлением, а наоборот, сами стали на путь сожительства и разложения. 23 февраля ХОРОШЕВ и ЗАЙЦЕВ под предлогом проявления «заботы» пригласили к себе девушек-радисток. Радистка АНУРОВА, с которой спал ХОРОШЕВ, должна была с 2-х часов идти на дежурство, однако ХОРОШЕВ не отпустил ее, заявив: «Не ходи на дежурство, пусть назначат другого человека, об этом я сам скажу вашему начальству».

1 марта ХОРОШЕВ и ЗАЙЦЕВ провели всю ночь в машине радиоузла с девушкйми-радистками.

Командир 658 отдельного саперного батальона старший лейтенант Сергеев 24 февраля вызвал к себе в землянку помощника командира батальона младшего лейтенанта КОЧЕТКОВА, начальника снабжения БАЛОМОШИНА, старшего адъютанта НЕВЕРОВИЧ, начальника артснаб-жения АКУЛИНИНА и начальника артиллерийских мастерских МАКАРОВА, приказал принести водку для групповой попойки, которая продолжалась двое суток.

27 и 28 февраля с. г. в районе деревни Моски СЕРГЕЕВ снова организовал пьянку, в которой принимали участие ВЕРЕТЕННИКОВ, КОЧЕТКОВ, БАЛОМОШИН и военфелъдшер ТОРОПОВ. Кроме того, СЕРГЕЕВ сожительствуетс военфельдшером ТЕРЕХОВОЙ. Характерно отметить, что все эти факты бытового разложения происходят на глазах у подчиненных. Комиссар батальона ДУРНОВЦЕВ, зная об этом, никаких мер к устранению безобразий не принимает.

Начальник санслужбы 942 артиллерийского полка 374 стрелковой дивизии военврач 3-горанга БЕЛОГЛАЗОВ, в нетрезвом состоянии зашел в операционную палатку, вызвал к себе санинструктора УЛАНОВУ, где и пытался ее использовать. Когда УЛАНОВА оттолкнула его от себя, последний с возмущением выхватил пистолет и произвел несколько выстрелов в землю. Здесь же БЕЛОГЛАЗОВ был ранен в ногу (очевидно, одна из выпущенных военврачом пуль дала неудачный рикошет) и направлен в госпиталь. Ведется расследование.

Командир 1249 стрелкового полка 377 стрелковой дивизии майор ШВАГИРЕВ систематически пьянствует со своим

помощником по хозчасти САВИЧЕВЫМ. Вызвал в полк свою жену, которую оформил на должность военфельдшера полка. 19 февраля ШВАГИРЕВ, будучи в нетрезвом состоянии, площадною бранью отругали три раза ударил по лицу политрука НОСОВА. ШВАГИРЕВ в пьяном состоянии собрал весь командный состав полка, силами которого приказал взять ДЗОТ противника. Вмешательством Особого отдела комначсостав в бой введен не был.

26 февраля ШВАГИРЕВ, напившись пьяным, учинил дебош со своей женой, в которую произвел несколько выстрелов, в нее не попал. По делу ШВАГИРЕВА проводим расследование.

Командир 378 стрелковой дивизии полковник ДОРОФЕЕВ и комиссар дивизии КОРНЫШЕВ систематически пьянствуют й сожительствуют с женщинами. 8 января ДОРОФЕЕВ и КОНЫШЕВ пригласили к себе зубного врача и медфельдшера ЛЕВАНОВУ. Указанные женщины пьянствовали и ночевали с ними двое суток. Будучи выпивши, ДОРОФЕЕВ заявил командирам: «Здеш-

ние женщины проститутки, их нужно использовать, t вы, командиры, не теряйте этого случая».

5 февраля во время наступления дивизии, на командный пункт выехал начальник штаба и комиссар дивизии ДОРОФЕЕВ же вызвал к себе в блиндаж девушку-военфельдшера и пропьянствовал с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «Ну как там наше пьяное командование, что решило?..» в момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладению д. Остров ДОРОФЕЕВ, КОРИШЕВ и начальник штаба АКСЕЛЬРОД на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей.

Подобные факты морально-бытового разложения комначсостава в частях 59-й армии не единичны. По нашей информации, командиры и комиссары частей и соединений мер к устранению подобных явлений не принимают так как сами являются виновниками этого. О фактах морально-бытового разложения отдельных командиров и политработников частей 59-й армии неоднократно информирован Военный совет армии. Однако мер пресеченю творящихся в частях безобразий не принял».

Описанное выше — проблема? Да! Тогда почему мы с ней ничего не знали? А ведь следовало знать, и на будущее надо знать о таких проблемах. И Лебединцев об этом пишет. И пишет в очень правильном тоне — так, как обе всем этом говорили не моралисты, а реальные «массовые» мужики.

А вот это уже надо знать и женщинам, чтобы, попав в среду

мужиков, не сильно обольщаться и знать что принципиальность в вопросах секса себя оправдывает в глазах мужчин, чтобы они об этом на досуге между собой не болтали. Как бы они ни славили твою свободу и податливость, а потом будут зло иронизировать, что ты «с икрой».

Я помню вашу обстоятельную книгу, Николай Константинович, об обороне Могилева — о героической странице войны, почему-то незаслуженно забытой. Вам есть с чем писать, и вы умеете это делать. Но оглянитесь вокруг, сколько у нас писателей, которые ничего, кроме траханья, не знают, и пишут только об этом то прямо, то маскируя под любовь. От такого постоянного толчения воды в любовной ступе тошнит. Это одна сторона медали. Но, с другой стороны, половая жизнь — часть нашей жизни. Ведь только с годами, да и то если хватит ума, понимаешь, что это далеко не главная часть, но часть. Как же можно писать жизнь без одной ее части, что же ты тогда в жизни поймешь?

И как можно управлять жизнью, игнорируя подобные вопросы полностью? Нельзя ставить половую жизнь во главу угла, как это делается сегодня, — это идиотизм. Но и делать вид, что такой жизни не существует, что все люди испытывают потребность только в возвышенной любви и равнодушны к половой, — это такой же идиотизм. Вопросом половой жизни нужно управлять, и управлять так, чтобы люди становились лучше и с помощью «этого». Но чтобы вопросом управлять, о вопросе все надо знать. И Лебединцев кусочек этих знаний дал: он написал не о киношном, а о живом солдатском обществе, очень несовершенном по вине командиров, но со всеми его положительными и отрицательными сторонами.

Послесловие
Мы были неграмотными

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Мой оппонент-соавтор Ю. И. Мухин ошибочно причисляет к кадровым офицерам таких, как я, «семимесячников-недоносков» и многих, подобных мне «ускоренников». В нашем 48-м стрелковом полку 38-й дивизии уже третьего формирования в 1943 году на более чем сто офицеров был только один комбат старший лейтенант Лысынчук, который имел полный двухгодичный курс пехотного училища. Да и то потому, что на фронт попал в ноябре 1943 года, а до этого преподавал на курсах в глубоком тылу. Все остальные были «краткосрочники», начиная с комдивов. Начальник штаба дивизии был взят с первого курса бронетанковой академии, начальник оперативного отделения штаба дивизии капитан Петров В. И. накануне войны закончил двухмесячные курсы младших лейтенантов-сабельников, хотя это не помешало ему в послевоенные годы стать Первым заместителем министра обороны и маршалом Советского Союза. Единицы сохранившихся в Действующей армии «полнокурсники — двухгодичники», если выживали, то оседали в крупных штабах или тыловых органах управления.

Подавляющей мечтой многих офицеров-фронтовиков было дожить до Победы, поскорее забыть пережитые кошмары минувшей войны и пожить хоть несколько лет без разрывов бомб, снарядов, мин, пулеметных очередей, без вшей, пусть даже на полуголодном карточном пайке. Очень многие из них и не были готовы к условиям мирной службы.

В начале 1947 года, уже после окончания семимесячных курсов «Выстрел» в 1944 году, а в 1946 — годичного курса Офицерской школы штабной службы, я в капитанском чине был понижен в должности до командира 1-й мотострелковой роты 1-го гвардейского механизированного полка 1-й гвардейской (бывшей Ру-сияновской) дивизии — родоначальницы советской гвардии, оказавшейся после войны в городе Тбилиси.

На весь 1 — й мотострелковый батальон (только он один был с личным составом, а остальные — кадрированные) нас, фронтовиков, оказалось только два человека — я да командир взвода противотанковых пушек младший лейтенант Белозерцев — Герой Советского Союза. А все остальные офицеры были вновь пришедшими из запасных полков и тех дивизий, которые ни одного дня не приняли участия в боях, простояв на

государственной границе с Турцией и Ираном. А в штабах полков и штабе дивизии бывших фронтовиков сохранилось в кадрах гораздо больше. Так вот, многие из тех, кто «защищал» Тбилиси, Баку и Ереван на протяжении всей войны, потом служили до выхода на пенсию. А у фронтовиков жизнь складывалась по-разному, но большинство из них увольнялись по собственному желанию. Фронтовики оказались малопригодными Для мирной службы и для парадов.

От совершенно безграмотных избавлялись принудительно. Был у нас в штабе 261-й стрелковой дивизии в Ленинакане в 1952 году командующий артиллерией дивизии (КАД) полковник Волосков — фронтовик, из бывших Фейерверкеров (старшин) батареи времен Первой мировой войны. Сам он, конечно, не предполагал о своей безграмотности и готов был служить, но уж слишком явно его безграмотность проявлялась в документах, на которых он оставлял свои «резолюции». Так, например, расчеты на полигоне вели боевые стрельбы. Часть из них отстрелялись на «отлично». Начальник штаба артиллерии представил командующему список этих расчетов. КАД наложил резолюцию: «Начальник штаба, прапустить енти растчеты через движок с громкоговрорителем. КАД Волосков». Начальник штаба передал список в клубный автомобиль, чтобы его начальник объявил об отличившихся по радиотрансляционной сети. Вкупе со всеми другими своими прегрешениями он был понижен на подполковничью должность и тут же уволен на пенсию, почти вдвое меньшую, чем мог бы получать, выйдя на нее на неделю раньше. Бывало и такое.

Общеизвестный герой, конармеец, дважды или трижды Краснознаменец и генерал Книга начинал свою карьеру конником в Первую мировую войну и уже в 1914 году за полгода боев они вместе с Кузьмой Крючковым стали первыми полными кавалерами Георгиевского креста. В 1940 году Книга в числе первых генералов надел кавалерийские лампасы и командовал в Ставрополе запасной бригадой конников, потом с 1942 года нашей «прародительницей» — 72-й Кубанской кавалерийской дивизией. Он тоже не очень утруждал себя раздумьями относительно резолюций на документах, надписывая их: «В дило», на следующем документе: «И цю тоже». Потом просил: «Начальник штаба, построй мени брыгаду, я з нэю хоть поздоровкаюсь».

После того как его дивизия в Крыму под натиском танков Манштейна перестала существовать, он передал ее остатки уже без коней тоже полному Георгиевскому кавалеру полковнику Цыпляеву, который сколотил из нее 40-ю мотострелковую

бригаду. Она с честью выдержала натиск немецких горных егерей на туапсинских перевалах, стала Краснознаменной, а комбриг получил орден Ленина, стал генералом и комдивом. Но больше так и не продвинулся. Да, все первые четверо наших комдивов с 1943 года хоть и имели краткосрочное курсовое образование после Гражданской войны и прошли в предвоенные годы все ступени роста, командуя ротами, батальонами и полками, но не их вина, а их беда была в том, что им не у кого было учиться. Таких самородков, как комкор Рокоссовский, комбриг Горбатов было слишком мало, да и те «стажировались» в «Крестах» да на Калыме. «Неприкасаемыми» были только конармейцы, но их теория и практика вождения конных масс носила все же не главный, а вспомогательный характер в войне брони, моторов и боевой авиации.

Наши ощутимые неудачи в первые два фронтовых лета были неизбежными, так же как и поражения польской и французской армий. Как и армий других стран, даже если бы мы расстреляли половину нашего командного состава. Страх наказаний за поражения — не лучший союзник боеспособности Вооруженных сил. Наша беда была в том, что, распустив русскую армию — оплот буржуазии и правящих классов, ее Генеральный штаб, военные округа, учебные заведения, которые создавались и совершенствовались еще с петровских времен, мы по кастовой принадлежности ликвидировали офицерский корпус, унтер-офицерскую прослойку, а потом за 18–20 лет пытались восстановить то, что создавалось и совершенствовалось двумя столетиями. Но не успели… Как ни тяжелы были условия Версальского договора для поставленной на колени Германии, тем не менее они сумели до 1933 года сохранить костяк офицерского корпуса — основы вермахта, а мы почти всех пустили под корень.

Я абсолютно согласен с высказыванием оппонента Ю. И. Мухина, о том, что к тому времени и Русская армия была коррумпированна и имела устаревшее вооружение и боевую технику, что показала Крымская война, бои с турками под Плевной и война с Японией на Дальнем Востоке. Эту же свою теорию автор-оппонент удачно подкрепляет и примером относительно техники безопасности двух рядом расположенных шахт, на одной из которых работали наши «стахановцы», а на второй — подневольные военнопленные немцы. Общий результат, как многие поняли, был далеко не в пользу русских как по технике безопасности, так и по общим производственным результатам(* Я этого не писал. Строительные тресты, созданные из расконвоированных немецких военнопленных, не выполняли

норм, обычных для советских строительных трестов, и были убыточны. (Ю. Мухин.)). Все это процветало и в ВС нашей страны. И об этом надо откровенно писать, в том числе не только о людях, но и о вооружении и боевой технике. То, что у немцев было обыденно и повседневно даже в быту, у нас оказывалось в диковину даже для генералов.

На протяжении семидесяти лет наши школы, «ремеслухи», техникумы, училища, институты, академии и университеты большую часть учебного времени так преподносили знания учащимся, студентам, курсантам и слушателям за 3–4 года в таком количестве, в каком они осваивались немцами за полгода на производстве, в цехах, в частях, на учебных полях и стрельбищах. Всех неспособных немцы отсеивали, а мы тянули «зауши», выполняя план по «валу» силой и принудиловкой. Только в конце XX столетия выяснилось, чего стоят наши дипломы в зарубежных странах, не считая единиц поистине одаренных выпускников наших ВУЗов.

Наши крупные военачальники в армии и руководители производств боялись отбирать себе в помощники и в штабы наиболее способных и инициативных, чтобы они не затмили их своими знаниями и авторитетом. Процветала семейственность, угодничество, коррупция, о чем все знали, но терпели, как неизбежное зло. Обо всем этом знало руководство страны. Наш нарком обороны о боеспособности своего воинства судил по песням, игровым кинофильмам, а не по акту передачи наркомата обороны маршалу Тимошенко, где все виды ВС и рода войск оценивались со знаком минус, кроме кавалерии, получившей удовлетворительную оценку.

О товарище

В заключение я хотел бы рассказать читателям о своем товарище Н. П. Петрове. Этот генерал-майор был моим соседом по дому, мы контактировали как фронтовики. После его кончины в возрасте 69 лет 19 лет тому назад остались четыре экземпляра его личного дела в военных комиссариатах и его рукопись воспоминаний о пережитом, отпечатанная на пишущей машинке через полтора интервала общим объемом около 1600 страниц в шести сброшюрованных и переплетенных томах, общим весом 10 килограммов. Свою рукопись он посвятил не двум сыновьям от двух жен, а своим двум внукам. Ни он сам, ни его супруга Елена Григорьевна не предлагали рукопись издательствам в столь смутные годы перестройки, но с точки зрения ее полезности для истории пережитого времени она является бесценной.

Начнем хотя бы с таких цифровых данных 16 апреля 1934 года и за все время существования в нашей стране звания Героя Советского Союза, оно присваивалось 12,5 тысячи раз, в том числе 145 раз дважды. А семикратных кавалеров ордена Красного Знамени («Краснознаменцев») начиная с 1918 года оказалось только восемь человек и среди них генерал-майор Н. П. Петров. Правда, один из них маршал авиации Пстыго И.И. уже после публикации книги «Ордена и медали СССР» в 1983 году стал восьмикратным «Краснознаменцем». Авторы книги не приводят данных о других орденах наших «рекордсменов-краснознаменцев». У нашего Николая Павловича это выглядит так: закончил он войну, имея пять орденов Красного Знамени, причем последний, пятый, орден он получил по представлению к званию Героя Советского Союза. Кроме того, он был награжден орденом Красной Звезды, орденом Кутузова 2-й степени и орденом Отечественной войны 1 — й степени. В послевоенные годы он был награжден за выслугу лет орденами Красной Звезды (за 15 лет) и орденом Красного Знамени (за 20 лет безупречной службы). В связи с полувековым юбилеем ВС и за отличия в должности начальника штаба армии он был награжден седьмым орденом Красного Знамени. В 1968 году он, как Почетный гражданин Польского города Гданьск, был награжден орденом Польши «КрестХрабрых». В1975 году в связи с 30-летием Победы у нас был учрежден военный орден «За службу Родине в ВС». Это был его последний, 12-й, советский орден за 45 лет выслуги в ВС, втом числе календарных 39 лет и 9 месяцев.

Много это или мало — судить самим читателям. Для сравнения я напомню, что трое из последних наших маршалов

Советского Союза закончили войну, имея по одному ордену Красной Звезды, да и тот за полученные ранения (Соколов, Ахромеев и Язов). Но им несравненно повезло в годы мирного строительства Вооруженных сил. Двое первых даже были осчастливлены Геройством. Первый из них получил в мирные годы девять советских орденов, не считая 35 орденов и медалей иностранных государств. Ахромеев получил восемь советских орденов и 24 ордена и медали зарубежных. Язов не дотянул до Геройства, но шестью боевыми орденами осчастливлен, как и 20-ю орденами и медалями иностранных государств. Естественно, что все они и даже им предшествующие восемь человек не могли иметь персональных упоминаний их фамилий в благодарностях ВГК. Кому, как и когда повезет, как распорядится Фортуна. Одним на полях сражений, другим — в учебных центрах и высоких кабинетах на Арбате. Герой нашего повествования неоднократно повторял, что далеко не все полковники должны стать генералами, как и не все генерал-майоры должны продвинуться в маршалы. Авсе же, все же, все же…

Помимо боевых наград, обозримых на груди, Николай Павлович Петров, командуя с 20 ноября 1944 года 1 — й гвардейской мотострелковой дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова 2-х степеней Калинковичской бригадой, входившей в состав 1 — го гвардейского танкового ордена Ленина, Краснознаменного и ордена Суворова Донского корпуса, до конца войны был восемь раз отмечен в приказах Верховного главнокомандующего за освобождение таких городов, как Плоньськ(19.01.45 г.), Тухель(Тухоля) (15.02.45 г.), Данциг (Гданьск) (30.03.45 г.), Штраусбург (28.04.45), Фридланд (29.04.45 г.), Деммин (30.04.45 г.), Риб-нитц (1.05.45 г.), Марлов (1.05.45 г.). Для сравнения назовем, что из последних одиннадцати маршалов Советского Союза только один человек в должности командира танковой бригады, тогда подполковник Куркоткин С. К., отмечался четыре раза в приказах ВГК, а все остальные не могли быть отмечены персонально даже по своей должности.

Что касается присвоения воинских званий, то наш Николай Павлович отличился тем, что на должности начальника штаба соединения (мсбр) он выходил капитаном 1 год и 7 месяцев, а потом за полгода с 15.01.1943 года он получил трижды звание «майор» — на Донском фронте, 04.02.43 г., на Юго-Западном фронте и 30.08.1943 года на Западном фронте. Такое даже на фронте бывало весьма редко. Если бы все три майорские звезды были укреплены на только что введенные у нас тогда погоны, все равно не было бы перебора, так как его штатная должность была

полковничьей. Но он останется подполковником даже тогда, когда будет на генеральской должности командира бригады. Полковником он станет после войны 8-го сентября 1945 года, а звание генерал-майора получит только 8 августа 1955 года — через десять лет. Оно, это звание, окажется и последним в его службе.

Получением военного образования его также судьба не обидела. Он окончил трехгодичный курс кавалерийского училища в декабре 1937 года, потом заочный факультет общевойсковой Академии имени1 М. В. Фрунзе 17.11.1954 года, командуя одновременно развернутым полком в Туркестане. Прокомандовав дивизией три года, он зачисляется слушателем основного факультета ВА ГШ и выпускается с Золотой медалью и Дипломом с отличием.

Вся послевоенная служба Н. П. Петрова проходила не в столичных гарнизонах, но она была стабильной и постоянно чередовалась так, как угодно было вышестоящему командованию. Вот география его гарнизонов: Туркестан, Белоруссия, Украина, Сахалин, Приморье, Северная Корея, Египет, Москва. Занимаемые должности: командир механизированного полка, заместитель командира дивизии, командир мотострелковой, потом танковой дивизией, заместитель командующего армией по боевой подготовке, начальник штаба армии (дважды), военный атташе и одновременно военный советник в армии Корейской Народно-Демократической Республики. Снова начальник штаба армии, начальник штаба группы военных советников в Египте, и наконец, завершает службу Петров старшим преподавателем кафедры управления войсками в Академии Генерального штаба.

Известно, что все прохождение службы у кадровых военных фиксируется не только в Послужном списке, но и подкрепляется служебными аттестациями и боевыми характеристиками. Все они подшиты в его досье. Выводы каждой из них подтверждают не только его полное соответствие занимаемым должностям, но и даются рекомендации о выдвижении на вышестоящие должности, иногда даже на две ступени выше. Все оценки его деятельности выдаются в самых превосходных степенях. Даже под самый занавес его службы начальник кафедры особо подчеркивает то, что основным разработчиком и руководителем авторского коллектива по написанию учебника оказались не остепененные доктора и профессора кафедры, а рядовой преподаватель, не успевший даже стать кандидатом наук, — Н.П. Петров.

Далеко не каждому генералу и даже маршалу удалось освоить и пройти такие ступени роста. Он чередовал всегда командные должности со штабными, военно-дипломатическую

работу с советническими делами, преподавательскую — с научной деятельностью. Видимо, даже самые близкие сослуживцы не знали о том, что он оставит такую огромную рукопись с большим количеством исторических фактов и боевых примеров, которые могли бы стать бестселлером о Великой Отечественной войне.

Его рукопись изобилует историческими примерами удачно проведенных боев и сражений, начиная с блестящего завершения окружения немецких войск под Сталинградом, где их танковый корпус замкнул внешний фронт окружения под городом Калач. За это корпус стал родоначальником танковой гвардии в Сухопутных войсках. В последующих сражениях на Курской дуге, в операции «Багратион», при освобождении Польши и на территории самой Германии автор приводит множество примеров удачно спланированных и блестяще проведенных боев 1 — й гвардейской мотострелковой бригады. Ее командир как бы вернулся в 1941 год и, используя опыт немецкого «блицкрига» в отместку за те наши поражения, беспощадно громил врага, применяя самостоятельно любой маневр, не боясь брать ответственность на себя.

Конечно, его удачам сопутствовали не только полученные знания и опыт боев, но и выучка командиров подразделений, укомплектование гвардейских подразделений наиболее подготовленным и опытным контингентом рядового и сержантского состава. На боеспособности сказывались и меры вышестоящего командования. Оно гораздо чаще выводило гвардейские и ударные части на отдых и доукомплектование. Им выдавались победные лавры, благодарности, ордена, салюты. Все это мастерски описано автором в его воспоминаниях. Но не было, видимо, ни одной дивизии или корпуса, которых не постигали бы и неудачи.

О таких боях на Изюм-Борвенковском направлении в феврале-марте 1943 года автор рассказывает весьма подробно, не щадя ни командование корпуса, ни вышестоящее командование при вводе 1 — го гвардейского танкового корпуса в бой под Павлоградом. Обстановка к концу февраля 1943 года там сложилась весьма критической и угрожающей. Перед ними действовали ударные части вермахта, в том числе танковая дивизия «СС» «Мертвая голова». Части 1 — го гвардейского танкового корпуса совершали длительный марш из-под Сталинграда в сложных условиях бездорожья и дефицита горючего и вводились в бой по мере их прибытия, в условиях господства в воздухе вражеской авиации. Уже в первый день ввода в бой мотострелковой бригады был введен только головной

3-й батальон с некоторыми штатными средствами усиления во главе с комбригом, и он тутже был отрезан от главных сил бригады и корпуса. Подходившие остальные батальоны и артиллерийские дивизионы оказались в подчинении начальника штаба бригады — Петрова. Они беспощадно подвергались бомбардировкам вражеской авиации, ударам танковой дивизии «СС» «Мертвая голова». Бои гвардейской пехоты с танками противника носили ожесточенный характер под Синельниково, где боями руководил комбриг в полном окружении, и под Павлоградом под руководством начальника штаба бригады капитана Николая Петрова, даже не знавшего, что он с 15 января 1943 года уже являлся майором. Разрозненные группы пехотных подразделений вели бои с противником на рубеже шоссейной дороги Чугуев — Изюм. Только на шестые сутки боев Петрову удалось встретиться с командиром своего корпуса. А 28 февраля командиру бригады полковнику Филиппову удалось соединиться с главными силами бригады на рубеже реки Северский Донец у города Чугуева, где бригаде приказано было занять оборону по левому берегу реки. Противостояла ей все та же дивизия «Мертвая голова». Потери бригады в личном составе и боевой технике были ощутимые. Так, в минометном дивизионе все минометы были выведены из строя. Личный состав мотострелковых батальонов составлял не более 50 % от штатного состава.

Автор рукописи не приводит цифр по потерям танков в танковых бригадах, но, по всей видимости, они были большими, так как совершенно не взаимодействовали с мотострелковой бригадой, да и подвоза горючего и боеприпасов не было на всем протяжении отхода длиной около трехсот километров. Потери были настолько ощутимыми, что в середине апреля корпус был выведен из боя и по железной дороге отправлен в Миллерово для получения новой боевой техники и укомплектования его личным составом. Несмотря на отход и большие потери, никто из командования не только не был расстрелян, но и не понес наказания(За что?! Они же не бежали с поля, они сражались! (Ю. Мухин.)).

Однако на общем фоне многих неудач корпуса произошел один бой, о котором автор рукописи поведал своим потомкам. Встав в оборону под городом Чугуевым, 1 — я гвардейская мотострелковая бригада была усилена артиллерийской дивизией, дивизией зенитной артиллерии и не всегда боеспособными танками. Командир бригады Герой Советского Союза полковник Филиппов, сославшись на простудное заболевание, находился на излечении в медико-санитарной роте, заместитель командира

бригады был в госпитале, и командование бригадой ее командир поручил начальнику штаба бригады капитану Николаю Петрову.

Город неоднократно переходил из рук в руки. Однажды разведчики доставили в штаб бригады вражеского сапера, ставившего мины. Сапер сообщил о том „что дивизия «Мертвая голова» отведена под Белгород, а сменила ее 15-я пехотная дивизия, прибывшая на германо-советский фронт из Франции и не имевшая опыта боев. Сапер подробно доложил расположение всех трех батальонов его полка, два из которых находились в первом эшелоне, а третий во втором — все южнее города Чугуева, на западном берегу Северского Донца.

Несмотря на тяжесть серьезных потерь в минувших боях, Николаю Павловичу Петрову пришла мысль нанести малоопытному противнику внезапный удар, используя ночь и малую опытность командования немцев. Для проведения этого боя он решил использовать 1 — й мотострелковый батальон и добровольцев из 2-го и 3-го батальонов. Всего набралось три роты по 60 человек с пулеметами и автоматами. Объектом атаки была выбрана роща «Квадратная», которую оборонял немецкий батальон в двух линиях траншей. Поддерживающей артиллерии и минометов было вполне достаточно, чтобы достигнуть большой плотности огня. Заранее была сделана пристрелка и организовано взаимодействие.

Переправу по льду усилили досками, и в час ночи Петров лично проверил готовность рот. Атака была без артиллерийской подготовки настолько дружной и стремительной, что только небольшой части вражеских пехотинцев удалось бежать без оружия. Личный состав немецкого батальона был почти полностью уничтожен автоматным и пулеметным огнем. Артиллерия противника в тот момент вела огонь только по пойме реки, боясь поражения своих.

Захватив трофейное вооружение, наши автоматчики быстро отошли за линию железнодорожной насыпи на нейтральной полосе. 22 человека захваченных пленных, шесть 81 — мм минометов и 20 пулеметов были отправлены в тыл. Через час противник открыл массированный огонь по своим оставленным нами окопам и по пойме реки, совершенно не причинивший нам вреда, и провел контратаку батальоном второго эшелона. Наша артиллерия и минометы открыли массированный огонь на поражение, а когда немецкая цепь подошла на 200 метров к насыпи, то и по ней был открыт губительный огонь из пулеметов и автоматов — огонь, который могли выдержать только мертвые. И этот немецкий батальон был полностью уничтожен. Противник оставил на поле боя около 600 трупов, тогда как наш батальон

потерял только трех человек убитыми и четырех человек ранеными.

Были отправлены донесения в штаб 6-й армии и штаб 1 — го гвардейского танкового корпуса вместе с военнопленными, трофеями, на трофейных же машинах, и в 10 часов Утра капитан Петров был разбужен. Перед ним стояли Член Военного совета армии генерал-майор Клоков и заместитель командующего армией генерал-майор Фирсов. Прибыли они с орденами Красного Знамени и Красной Звезды, чтобы наградить наиболее отличившихся командиров и бойцов, участвовавших в этом бою. В здании школы были построены офицеры. Извещенный о прибытии в штаб двух генералов, но пока ничего не знавший о бое комбриг прибыл в штаб и встал на правом фланге под Боевым Знаменем. Генерал-майор Клоков поздравил его с высокой боевой наградой и протянул в коробочке знак ордена Красного Знамени. Но комбриг внес поправку, что первая награда принадлежит не ему, а начальнику штаба бригады, исполнявшему обязанности комбрига, и что он же был инициатором проведения этого боя и руководителем от начала до конца операции. Основные участники: комбат, командиры рот, командиры дивизионов были награждены орденами Красного Знамени, а другие — орденами Красной Звезды. Почти весь личный состав был награжден медалями «За отвагу». Комбриг, как единоначальник, все же получил орден, но позже, в более узком кругу.

В заключение гости захотели сами лично убедиться в численности вражеских потерь, и с НП артиллерии убедились, что цифра не была завышена.

Много еще было таких удачных побед в последующих боях под Бобруйском, Минском, при форсировании рек, при штурме крепости Гданьск.

Особый интерес вызывает

ПРОСТАВЛЕНИЕ НА ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Имеет награды: 3 ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1 — й степени, Красной Звезды и орден Кутузова 2-й степени.

Гвардии подполковник ПЕТРОВ Николай Павлович командует бригадой с октября 1944 года. В боях по разгрому немецких войск проявил свое высокое воинское мастерство и личный героизм, отвагу. Бригада под его командованием начала наступление 15января 1945годанаНа-ревском плацдарме, участвовала в прорыве обороны противника, с хода овладела оборонительной полосой противника. Впоследствии овладела городами Дробин, Серптц, Бродница и участвовала в захвате города Плоньск. За восемь дней бригада прошла с боями около

237 км.

В боях на подступах к городу Гданьск и за этот город бригада показала исключительное воинское мастерство и выносливость. При подходе к г. Гданьск бригада, несмотря на свою малочисленность (имела всего 300 активных штыков), преодолев упорное сопротивление противника, прорвала четыре линии траншей, первой ворвалась на западную окраину предместья Данцига Хохграсс, очистив до ста кварталов, овладев двумя верфями и десятью различными заводами, нанесла противнику огромные потери при сравнительно незначительных своих потерях.

При форсировании реки Одер Петров лично руководил переправой своей бригады. Несмотря на сильный артобстрел, бригада быстро переправилась на западный берег реки Одер с незначительными потерями и вступила в бой. В боях с 23.04 по 03.05.1945 года бригада, имея полный состав, продвинулась вперед на 300 км, форсировала реки Рандов, Юккер, самостоятельно овладела городами Брюсов, Штрассебург, Марнов и совместно с другими частями городами Фриденталь, Деммин, Рибнитц. За эти бои бригада уничтожила и захватила в плен 2200 солдат и офицеров противника, захватила ЮОсамолетов и много техники и военного имущества.

Бригада во всех боях показала исключительное воинское мастерство, выносливость и героизм. За период командования бригадой гвардии подполковником Петровым бригада награждена орденами Красного Знамени и Кутузова 2-й степени.

За умелое командование бригадой в наступательных боях, за лично проявленные в бою отвагу и героизм, достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 1-го гвардейского танкового Донского ордена Ленина, Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени корпуса гвардии генерал-лейтенант Панов. 12 июня 1945 года».

Этому представлению командира корпуса не был дан Дальнейший ход командующим БТ и МВ 2-го Украинского Фронта генерал-лейтенантом Г. Орлом, который по этому представлению своей властью наградил Н. П. Петрова пятым орденом Красного Знамени.

Изучив досконально все о прохождении им службы, я Убедился, что единственной «зацепкой» в его биографии была фраза, указанная им самим в его биографии еще курсантом в канун выпуска из училища, в которой он указал, что его отец Павел Васильевич Петров являлся участником Первой мировой войны, потом на стороне красных принимал участие в боях Гражданской войны. Но в 1919 году был в отрядах «зеленых». С

1930 года работал в колхозе. В 1935 году за участие в бандах «зеленых» был судим на пять лет и отбывал наказание. Вот что пишет сын о своем отце в своих воспоминаниях: «Отец был предпоследним ребенком среди четырех сестер. По характеру был самонадеян, настойчив, спорщик и скандалист, вспыльчив и не выдержан. Был сильным и ловким. Обучен был всем крестьянским работам в сельском хозяйстве. После женитьбы перестал выпивать и скандалить».

Сын впоследствии понял, что отец честный труженик, справедливый. В детстве окончил ЦПШ, в 1925 году избирался председателем сельского Совета. В Отечественную войну воевал под Старой Руссой, где был тяжело ранен. Вернулся домой инвалидом войны. Скончался в 1950 году. При выпуске из военного училища Н. П. Петров подвергся преследованию за сокрытие некоторых деталей из биографии отца, но был восстановлен в комсомоле и выпущен лейтенантом в кадры армии.

О подобном факте мне рассказал мой бывший сослуживец полковник Анатолий Дорофеев, с которым я проходил службу оператором в штабе ЗакВО в 60-е годы. Случайно встретились в 2001 году на Театральной площади столицы. Я увидел на его груди Звезду Героя РФ и поинтересовался, как он мог быть ею пожалован в свои 80 лет? Он рассказал, что еще в довоенные годы после выпуска из училища он был оставлен в его штате и женился на знакомой девушке. Потом оказалось, что она дочь «врага» народа. По этой причине лейтенанта до 1944 года даже не брали на фронт. Наконец, получил в командование батальон, который вел бои за крепость Кенигсберг. Командование представило нескольких человек из его батальона к званию Героя Советского Союза, в том числе и его — комбата. Все были удостоены этой высшей степени боевого отличия, кроме Дорофеева. Тогда он отнес это за счет краткосрочного пребывания на фронте и был доволен, что получил орден Красного Знамени. Выйдя на пенсию, он в Архиве МО ознакомился со своим представлением, где нашел приписку нужных органов: «Женат на дочери врага народа», которая и сыграла роковую роль. Полковник Дорофеев дал ход этому делу, так как его тестя давно реабилитировали, и ему вручили Золотую Звезду Героя РФ, о чем, конечно, уже не узнала ни его покойная жена, ни все наши сослуживцы, кроме меня одного. Порадовался за отца только сын-генерал да внук. А сам он прожил только один год в Геройстве.

После смерти Николая Павловича Петрова трагичной оказалась судьба его близких родственников: жена Елена Георгиевна скончалась в психиатрическом отделении больницы,

за ней от цирроза печени скончалась сноха, тоже генеральская дочь, потом умер и сын, только что вышедший на пенсию. Остался только внук Денис, наследовавший от деда ордена Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1 — й степени и «За службу Родине в ВС» III степени. А семь орденов Красного Знамени и три ордена Красной Звезды, в том числе и один ее самой, генеральша продала в комплекте коллекционеру, чтобы устраивать «девичники» со своими подругами, тоже генеральшами. А его бесценное творение, кроме меня, так никто и не прочитал. А ведь таких искренних воспоминаний вообще не существует. Тем бесценнее они для человечества. Но, может быть, только я один так думаю…

Снова о трусости

Ю. И. МУХИН. После прочтения воспоминаний Александра Захаровича Лебединцева я начал вспоминать, что вообще-то не впервые сталкиваюсь в воспоминаниях тех или иных ветеранов с фактами позорнейшего поведения кадрового офицерства на войне — с фактами того, что именно кадровое офицерство определило ничем не оправданную смерть на фронтах миллионов наших соотечественников. Но раньше я не обращал на это внимания, полагая, что действует естественное правило «в семье не без урода».

Скажем, как-то уже давно я прочел, по-моему в «Независимой газете», статью фронтового летчика той войны. Сообщаемые им случаи в целом были известны, в связи с чем я и не сохранил самой статьи. Но вывод казался настолько экстравагантным, что я, каюсь, не принял его всерьез. Дело в том, что и хорошо знающие этот вопрос историки связывают завоевание превосходства в воздухе советскими ВВС исключительно с поставками на фронт «современных» самолетов — от Як-3 до «Аэрокобр», причем время завоевания господства относят ко времени Курской битвы, то есть к лету 1943 года. А этот летчик утверждал, что бить немцев в воздухе мы начали тогда, когда были сняты с должностей довоенные кадровые командиры авиационных полков и заменены летчиками, не боявшимися водить самолеты в бой. Этот летчик утверждал, что довоенное командование ВВС в воздух не поднималось, боев не видело, сидело на земле и из блиндажей посылало самолеты на задания. В целом такое заключение могло быть следствием обиженности или озлобленности данного Героя Советского Союза на своего конкретного командира полка.

Но вот передо мной книга другого Героя Советского Союза — В. Ф. Голубева. Начав войну рядовым летчиком, Голубев к концу 1941 года стал командиром эскадрильи, а в 1943 году — командиром 4-го гвардейского истребительного авиаполка Балтийского флота. За войну лично сбил 39 самолетов, причем до 1943 года полк летал на И-16. Василий Федорович и в мыслях не держал написать что-либо по теме этой книги, но он в своих воспоминаниях дает массу подробностей, анализ которых позволяет сделать выводы, которых сам Голубев не делает. Он дает исторический факт, поясняет его техническую причину, но не касается главной причины — организационной. К примеру, Краснознаменный Балтийский флот, согласно справочнику, на начало войны имел 656 самолетов всех типов (истребители, к

сожалению, отдельной строкой не выделены). Начиная с 4-00 утра 22 июня 1941 года немцы стали нещадно бомбить и флот, и Ленинград, а вся многочисленная авиация КБФ смогла сбить первый немецкий самолет только на четвертый день войны. Техническую причину этой беспомощности В. Ф. Голубев объясняет.

Немцы, перелетая линию фронта, фиксировались нашими станциями ВНОС,(* Воздушного наблюдения, оповещения и связи.) и оттуда следовали телефонные звонки командованию ВВС флота, а оттуда уже шла команда на аэродромы. Взлетали наши истребители и летели к посту ВНОС! Пост на земле широкими белыми полотнищами выкладывал направление пролета немцев, а поперек узкими белыми полотнищами выкладывал высоту пролета (скажем, три поперечных полотнища означали 3000 м). Наши истребители разворачивались и летели за немцами, которые уже, во-первых, были от них в 50-100 км, а во-вторых, зная эту систему, немцы пересекали фронт на ложном курсе, а после того, как ВНОС терял их из виду, ложились на боевой курс. Такая система наведения своей авиации вполне достойна армии, вооруженной луками и стрелами, но поразительно то, что ПВО Ленинграда было оснащено уже в то время очень неплохими отечественными радарами типа «Редут» — техникой, которую в то время имели очень немногие страны. С помощью этих радаров теоретически было возможно навести наши самолеты на немцев как угодно: с хвоста или со стороны солнца. Но это только теоретически, практически ничего нельзя было сделать, поскольку истребители КБФ, да и Красной Армии не имели радиостанций. Это должно вызывать удивление хотя бы потому, что Сталин любую свободную минуту уделял авиации и уже с 1934 года требовал, чтобы все самолеты СССР оснащались радиооборудованием. И действительно, конструкторы самолетов и заводы оснащали советские истребители радиостанциями. Тогда почему же их не было в начале войны?

Примерно за год до войны радиостанции с истребителей были сняты и отправлены на склады. Те наши историки, кто знает, что такое радиостанция, дают такую легенду этому воистину предательскому мероприятию. Дескать, авиадвигатели самолетов СССР были незаэкранированы, и от системы зажигания в наушниках слышался треск, который отвлекал летчика. И Голубев, кстати, говорит об этой же причине.

Но ведь она идиотская в своей основе. А гул самого двигателя летчика не отвлекал? А почему этот треск не отвлекал летчиков бомбардировочной и разведывательной авиации? Причем далее в своих воспоминаниях В. Ф. Голубев пишет, что,

как только его назначили командиром эскадрильи, он сразу же приказшт установить на самолеты ранее снятые радиостанции и стал летать, командуя эскадрильей в бою и, главное, его эскадрилью стали наводить на немцев радары. И дело сразу же пошло. Интересно, что когда в 1943 году 4 ГВИАП менял И-16 на скоростные Ла-5, летчики с грустью прощались с «ишачком», который все наши историки считают устаревшим с 1941 года. Да, И-16 сильно уступал немецким истребителям в скорости, но сильно превосходил их в маневренности. И-16 не мог догнать «мессера», но достойно его встречал, когда «мессер» сам атаковал, а такое случалось очень часто, поскольку очень часто «ишачки» не за «мессерами» гонялись, а защищали наши наземные войска и флот, вынуждая этим немецких истребителей их атаковать. 12 марта 1942 года Голубев в одиночку на И -16 сбил в одном бою два атаковавших его «мессера» и не с пацанами в кабинах: оба сбитых им немецких аса отчитались к тому времени о 96 своих победах (в сумме). Оба предвоенных командующих ВВС РККА — Смушкевич и Рычагов, лишившие советскую авиацию радиосвязи, после начала войны были расстреляны. Надо сказать, что их вина, судя по всему, была непрощаема, поскольку предателя, предвоенного начальника Генштаба Мерецкова все же простили. Но дело не только в предателях, поскольку возникает вопрос: почему сотни командиров авиаполков не писали Сталину и не возмущались снятию с истребителей радиостанций? Ведь отсутствие связи на самолетах не давало им командовать своими полками в воздухе! У меня нет другого ответа: потому и не возмущались, что без радиостанций не могли командовать. Сидели себе на земле и посылали на смерть летчиков, пока еще было кого посылать, а собственная шкура была цела. Голубев не уделяет в своей книге этому вопросу никакого внимания, но то, как командовали до него и как командовал он — отличаются как день и ночь. Отбивая массированные налеты немцев, он всегда вылетал с полком и в воздухе командовал им: на месте боя указывал, какой эскадрилье или группе атаковать бомбардировщики, какой связать боем истребители прикрытия, какой набрать высоту и атаковать сверху и т. д. Вот такие летающие полковники, как он, Покрышкин, Кожедуб и, кстати, Василий Сталин, и обеспечили превосходство нашей авиации в воздухе над немцами.

Сейчас у нас много историков, которые исходят соплями от восхищения боевыми достижениями немецких асов, приписанных им министром пропаганды III рейха доктором Геббельсом. Взяли бы и прочли, что сам Геббельс думал об этих хартманнах и бакхорнах. Весной 1945 года немецкая промышленность стала

массово выпускать реактивные истребители и стал вопрос о летчиках для них. 22 марта Геббельс записал в дневнике свой разговор на эту тему с Гитлером: «Я привожу фюреру несколько примеров, иллюстрирующих чрезмерное роскошество в военно-воздушных силах. Наши летчики-истребители совершенно избалованы этой роскошной жизнью. Они больше сидели в офицерских клубах, чем на учебных занятиях, и от этой хорошей жизни стали трусливыми и ни на что не годными. Фюрер высказывает предположение, что летчики нашей бомбардировочной авиации лучше подойдут для вождения новых реактивных самолетов, поскольку они больше соприкасались с врагом, нежели наши летчики-истребители».

Если подытожить эту тему, то значит ли это, что все кадровые офицеры исключительно трусливы? Нет, конечно. Даже те, кто пошел в армию не Родину защищать, а обеспечить себя хорошим доходом и пенсией, в ходе войны могут достаточно честно исполнить свой долг.

Вот, к примеру, уже цитированные мной воспоминания комбата 2 сд А. В. Невского. Этот довоенный главбух не стесняется где надо презрительно отозваться о конкретном кадровом офицерстве РККА. Однако, как я уже писал, храбрость командиров полков 2 сд (тоже кадровых офицеров) не ставится им под сомнение. Не ставится им под сомнение и личная храбрость комдива генерал-майора Лукьянова, покрывавшего труса начальника штаба дивизии (имени которого Невский «не смог вспомнить»). Кстати, Лукьянов был снят впоследствии с должности комдива именно из-за трусости своего начштаба. В командование 2 сд вступил полковник М. И. Перевозников. У А. В. Невского есть эпизод, когда комдив 2 сд полковник Перевозников лично оказался в ситуации, гораздо более тяжелой, чем комдив 38 сд полковник Короткое под Босовкой, но повел себя совершенно по-другому. Зимой 1945 года 2 сд наступала в пургу в Восточной Пруссии. Штаб дивизии, саперный батальон и часть батальона связи заночевали на одинокой мельнице в тылу 261 сп. А В. Невский вспоминает:

«Около 22–00 часов командир дивизии М. И. Перевозников вышел «до ветру» из подвала и сразу же напоролся на фашистов. Выхватил винтовку из рук часовою — задремавшего на посту 17-летнего солдата, крикнул «подъем» и начал действовать как на уроке фехтования. Поднятые по тревоге полк и подразделения уничтожили в считаные минуты около 150 фашистов, лично М. И. Перевозников уничтожил 11 гитлеровцев, много было захвачено пленных. Пленные сообщили, что их группа до 400 человек пробивалась к своим, выходя из окружения.

Отдых был прерван, началось преследование оторвавшейся группы противника. Этот ночной поиск дал хорошие результаты: 261 сп обрушился на сонных фашистов в нескольких населенных пунктах и продвинулся вперед почти без потерь на 22 км.

Командир дивизии М. И. Перевозников, действуя в Пруссии, все время находился в боевых порядках пехоты, видел лично, как дерутся отдельные солдаты и офицеры. Личная смелость комдива поощряла солдат и офицеров действовать энергичнее».

Я думаю, что «11 гитлеровцев» комдиву приписали восхищенные им солдаты, когда создавали эту легенду, но, надо думать, несколько немцев Перевозников все же заколол. Как бы то ни было, но никакой внезапный удар немцев в тыл дивизии комдива Перевозникова, как видите, не смутил.

Так что дело не в том, что раз кадровый офицер, значит трус, а в том, почему соединениями и частями, в которых служил Лебединцев, да и многие другие, командовали трусливые кретины, а полковник Перевозников получил дивизию только в январе 1944 года? Почему его не оценили до войны?

Типичный кадровый офицер

Как понял читатель из послесловия, Александр Захарович со мной не согласен, но протестует вяло, думаю, потому, что у него все же стоят перед глазами погибшие по вине офицерства советские солдаты. Свою дискуссию с Лебединцевым о расстреле Короткова я опубликовал в «Дуэли», и вот какой получил ответ, подписанный: «В. В. ЗОЛОТАРЬ, бывший офицер Советской Армии, бывший офицер штаба дивизии Ракетных войск стратегического назначения, бывший член Военного трибунала (по совместительству)».

«Прочел статью Мухина Ю. И. с таким жестким выводом.

Чисто с юношеским задором и откровенностью Ю.И. Мухин признается миру — красных и советских офицеров нужно было расстреливать побольше. Во время войны.

Первое, о чем подумалось, — война сложное и кровавое явление. И нельзя так однобоко рассматривать действия офицерского состава 38-ой дивизии, тем более столько лет минуло. Да и было кому в то грозное время рассматривать и судить — военные трибуналы.

Есть поговорка: «На войне, как на войне…» Вывод прост — нельзя допускать войн.

Ну а если война начата, то ответственность за ее развязывание в первую очередь несет тот, кто ее развязал. Это Адольф Гитлер со своими бредовыми идеями об исключительности немецкой расы, и его нацистская партия, германский капитализм.

Что касается первых месяцев Великой Отечественной войны, этого бесславного времени в истории нашей страны, то основной причиной отступления Красной Армии были не просчеты военных, не безвинно расстрелянный генерал Павлов, командующий Западным фронтом, а невежество Сталина в такой серьезнейшей области знаний, как военные и военно-технические науки.

Сталин в 1933 году собственноручно закрывает работы по созданию атомной бомбы. Советские ученые уже в те годы были близки к созданию ядерного оружия, не хватило нескольких месяцев и… образованности Верховного Главкома, последнее и понятно — за плечами Сталина было всего лишь учебное церковное заведение. Более того, Сталин перед войной сворачивает работы по созданию ракетного оружия. Это уж потом, в годы войны, после письменного обращения к Сталину, полученному от никому не известного лейтенанта Флерова, в

последующем ставшему крупным ученым, в СССР возобновляются работы по созданию атомного оружия и ракет различного назначения. В своем письме молодой ученый-физик Флеров обращает внимание Сталина на то, что в Англии, в Америке внезапно засекречивается информация об атомных исследованиях, вся информация о ядре изымается из печати. Ну и в 1945 году из разгромленной Советской Армией Германии сотрудниками «Смерша» доставляются образцы «оружия возмездия» — оперативные ракеты ФАУ.

А какому преследованию подвергались в сталинские годы ученые — кибернетики, генетики? Напомню, что без кибернетики, а по-русски «Теории автоматического управления» невозможно решить задачи навигации в ракетостроении — ракеты не будут иметь систем управления, то есть вообще не будет полета. Будет метание.

Рожденный ползать летать не может…

Труды российских и советских ученых, пионеров ракетной техники — Жуковского, Циолковского, Цандера, Тихомирова, Королева в те далекие предвоенные годы были оценены Сталиным как бесперспективные.

Если бы Сталин не положил конец созданию ракетно-ядерного оружия перед войной, тона вооружение Красной Армии поступили, минимум, атомная бомба, максимум — ракеты с атомными боеголовками. Война не началась бы, если бы Советский Союз испытал ядерное оружие в те годы, когда еще живы были 50 миллионов, погибших в огне Второй мировой.

Вот так-то, господин главный дуэлянт, Мухин Ю. И.

Ну и пожелание Вам — займите свое место, руководитель. Сравнивать свою работу в должности начальника цеха (или кого там) с боевой деятельностью дивизии в годы войны может только пациент (потенциальный) психиатрической лечебницы..

Как там у Высоцкого: «А винтовку тебе, а послать тебя в бой!»

Вот что думает «типичное советское офицерство», Вы, пардон, полюбопытствовали на эту тему в своей весьма поверхностной статье.

Знаете, когда-то я увидел Владимира Вольфовича Жириновского в форме полковника Российской армии. Прекрасно помня, что Жириновский служил в Советской Армии при штабе округа в качестве младшего офицера-двухгодичника, я ему послал письмо с просьбой не надевать более форму офицера, к тому же полковника (это звание, ему присвоил обкомовский алкаш Борька Ельцин), ну и объяснил — мол, большим трудом, потом и кровью достаются эти звезды. И Жириновский понял.

И Вам совет — не надо «примерять» полководческий мундир

на свои плечи. Можете не выдержать — уж больно он тяжел… Ну, а пост главного редактора скандальной газеты не дает Вам права судить офицеров-фронтовиков, гадя им в души, издеваясь над памятью погибших офицеров Красной, Советской Армий.

Вы хлебните хотя бы сотую долю того, что выпало на их долю.

Статья Ваша пропитана ненавистью к офицерам той армии, которая уничтожила фашизм, и все эти Ваши примеры — то ли с сыном полка, мальчиком Сеней, то ли с командиром корпуса, который сжег шифрограмму, — это дешевая демагогия. Например, шифрограмму сжечь просто так невозможно. Да и откуда Александр Захарович может знать, что делает КОМАНДИР КОРПУСА?!! Кем был тогда Александр Захарович? И какая это армейская величина — командир корпуса? Вы это осмыслите, господин писатель. За судьбой шифрограмм и тогда, и сейчас — СТРОГО! — следил и следит Особый отдел, военная контрразведка. А эта структура и генералов подвергала аресту, если были на то основания.

Много у Вас пробелов в военной подготовке, даже на начальную военную не дотягиваете. В армии-то служили? Надо знать, когда была Красная Армия, а когда Советская. Надо отличать кадрового офицера от призванного на действительную воинскую службу по всеобщей мобилизации».

Итак, перед нами мнение кадрового офицера Советской Армии, уверенного, что он и является «типичным». Наверное, так и есть, но от этого хочется свечки ставить в память всех руководителей СССР, не допустивших настоящей большой войны.

Помню, на нашей военной кафедре как-то прошел слух, что в город прибывает какой-то маршал из Инспекции Советской Армии, и офицеры кафедры засуетились — начали красить помещения, вывешивать стенды, плакаты, лозунги и т. д. Мы тоже обеспокоились и спросили своего куратора майора Мартыненко, потерявшего глаз в танковой атаке еще в 1941 году, — может, и нам нужно что-то подучить, вдруг маршал решит проверить наши знания? Мартыненко совершенно спокойно ответил: «Если маршал вас о чем-нибудь спросит, то на любой его вопрос давайте любой свой ответ, но быстро и бодро. Он ведь все равно уже ничего не знает».

Теперь по поводу вышеприведенного письма типичного кадрового офицера. Признаюсь, что я в растерянности — то ли он меня за маршала принял, то ли он сам по умственному развитию уже маршал. Тема создания ядерного оружия и ракетной техники в «Дуэли» обсуждается много лет, причем я получал письма на эту тему от людей, очень далеких и от армии, и от атомной

промышленности или Минсредмаша. Но я никогда еще не встречал такого объема глупостей сразу, в одном флаконе, так сказать.

Да, существует красивая легенда о том, что физик лейтенант Г. Н. Флеров, находясь на фронте, написал письмо Сталину с предложением начать разработку атомной бомбы, и с этого письма начался советский атомный проект. Обычно при этом забывают сообщить, что Сталин действительно к этому письму отнесся с вниманием: Флеров был вызван в Казань, где находилась эвакуированная Академия наук СССР, и там на заседании малого президиума сделал доклад. Но наши «выдающиеся ученые» категорически забраковали идею создания атомной бомбы. Так что если бы Сталин полагался на ученых СССР, то создавали бы эту бомбу до сих пор.

А дело было так. Л. П. Берия, несмотря на огромную занятость, несмотря на войну с немцами, очень внимательно просматривал разведдонесения и из других стран. Именно он 4 октября 1941 года, еще до Флерова обратил внимание на сообщение разведчиков НКВД из Англии о неких слухах про начало работ по созданию урановой бомбы.

И уже в марте 1942 года он подготовил Сталину записку о создании при ГКО научно-совещательного органа по координации в стране всех исследовательских работ в этом направлении, а 27 ноября 1942 года ГКО обязал Наркомцветмет начать добычу урана, и к концу года по предложению Берии назначил малоизвестного тогда Курчатова руководителем всех научно-исследовательских работ.

Сначала это дело в ГКО поручили В. М. Молотову, но под его руководством оно шло ни шатко, ни валко. А когда в 1945 году американцы взорвали первую атомную бомбу, то стало ясно, что Вячеслав Михайлович эту работу «не тянет». Поэтому Постановлением ГКО 9887 от 20 августа 1945 года создание атомной бомбы поручили Л. П. Берии.

Положим, что офицер штаба дивизии Ракетных войск этого не знает, но ведь сегодня нет газеты или книги, которые не сообщили бы, что первую бомбу наши ученые сделали по чертежам, добытым нашей разведкой в США, то есть какое-то время мы отставали от США очень сильно. И не только от США, стянувших к себе физиков со всей оккупированной Европы, но и от Германии, в которой тоже были сосредоточены лучшие физики тех лет. Ну, положим, у нас Сталин не дал создать бомбу в 1933 году, но почему немцы и американцы ее тогда не создали? Этот вопрос типичный кадровый офицер мог бы себе задать?

Кадровый офицер штаба дивизии, в которой главным

оружием является ядерное, ни в меньшей мере не представляет себе проблем, которые стояли при создании этого оружия. Как осуществить ядерный взрыв, в те времена писалось во всех институтских учебниках химии, но проблема была в другом — где найти взрывчатку для него, то есть как выделить из природного урана изотоп уран-235 и как создать не существующий в природе плутоний-239.

Теперь о ракетах. Технические и научные идеи в области ракетной техники у ученых и конструкторов СССР перед войной были на зачаточном уровне, и немцы нас намного в этом опередили. Апофеоз нашей тогдашней мысли — реактивные снаряды к минометам М-8 и М-13 были в своих идеях всего лишь более совершенными копиями ракет, применявшихся русской армией в Крымской войне 1853–1956 годов. Создавая в 1942 году реактивный снаряд М-31 с более совершенным принципом стабилизации в полете — вращением вокруг своей оси, — наши конструкторы просто скопировали его с 280-мм немецкого снаряда, созданного в 1940 году. Даже захватив у Германии в качестве трофеев образцы ракетной и реактивной техники, мы к первым своим реактивным истребителям закупили лицензии на двигатели у Англии.

Я прослушал в институте и сдал на «отлично» курс «Автоматические системы управления», помнится, что в курсовой работе рассчитывал какую-то кривую затухающих колебаний, но не помню, чтобы кто-то из преподавателей даже упомянул о кибернетике. Мне приходилось внедрять автоматические системы управления, работать со специалистами в этой области, и никто из них тоже никогда не испытывал надобности в кибернетике. Это такая «наука», у которой либо нет законов вообще, либо вместо законов у нее, как и вейсмановско-морган овской генетики, такая чушь, которая на практике никому абсолютно не нужна.

«Рожденный летать» типичный кадровый офицер Золотарь «гонит» мне такую глупость, как будто я маршал из Инспекции Советской Армии. Вопрос: откуда он ее сам нахватался? Ведь даже в самых глупых газетах подобного кретинизма не печатают. Ответ один: это типичные кадровые офицеры в своем штабе ракетной дивизии между собой обсуждали научно-технические проблемы своей специальности и пришли к таким выводам. Как-то мне один полковник (правда, нетипичный кадровый офицер) сказал, что по его 20-летним наблюдениям меньше всего интересуются оружием именно офицеры И вот по этому письму Золоторя кто докажет, что этот полковник не прав?

Теперь по поводу того, каким потом достаются звезды типичным кадровым офицерам. Мой брат, служивший в

Германии, рассказывал такой случай. Перед ожидаемой проверкой начальство решило украсить полк газонами и купило дерн у немцев, но в спешке везли его не в два слоя, как немцы советовали, а загрузив полный кузов. Уложили им газоны, а проверка задержалась, и трава засохла. Тогда начальство распорядилось покрасить ее из пульверизаторов зеленой краской. Анекдот? Не скажите! Я два месяца был в армии на сборах. Однажды нашу роту послали на танкодром после обеда — во время самоподготовки и отдыха, но когда мы вернулись, то остальных двух рот в лагере не было. Они вернулись уже в темноте, мокрые от пота и изматерившиеся. Оказывается, в дивизии, при которой были наши сборы, ожидался приезд какого-то высокого начальства. И все солдаты дивизии, включая и всех свободных курсантов наших сборов, послали рвать траву вдоль дороги, по которой ожидался приезд начальства. Вдоль дороги был лес, и приказано было вырвать траву так, чтобы деревья, насколько видит глаз, стояли на голой, отборонованной граблями земле. Но это не все. Когда мы утром пошли по этой дороге в полк на завтрак, то глаз радовала следующая картина. На всех деревьях, опять-таки насколько видит глаз, были на уровне 1,5 метра нанесены масляной краской три круговые полосы примерно 10 см шириной: две белые и между ними — красная. Нам сообщили, что все это мероприятие называется «окультуриванием местности», но мы уже поняли, что это обычное мероприятие по добыванию типичным кадровым офицерством звезд на погоны потом. Но я был на сборах всего два месяца, а сколько же солдаты срочной службы пролили пота во имя этих звезд?

Вот Золотарь мне пишет: «А винтовку тебе, а послать тебя в бой!» А ты сам-то, типичный, в бой ходил с винтовкой, чтобы такие команды мне давать? Может, наоборот, может, тебе, как у Высоцкого, «спуститься в штрек» на всю оставшуюся жизнь, чтобы отработать те деньги, что проел и пропил за время, пока «доставал» себе звезды на погоны вместо того, чтобы изучать свою профессию?

Золотарь настаивает на том, что мы, штатские, не имеем права вести дискуссии об армии без них — без типичных офицеров. Во-первых, всю армию за свои деньги содержим мы — штатские. Во-вторых, если бы мы обсуждали то, как быстрее получить звезды на погоны и как побольше обожрать казну, то тогда да — тогда без квалифицированного совета типичных кадровых офицеров не обойтись. Но нам-то звезды на погоны не нужны. Нам нужна армия, способная нас защитить.

И нельзя церемониться с людьми, которые берут у общества

деньги якобы на его защиту, а на самом деле ни воевать, ни умирать за него не собираются. С такими нигде не церемонятся. В 1948 году, через три года после войны, американский генерал Бердер в журнале «Либерти» в статье «Не трусят ли американцы?» дал такую статистику: «10 процентов всего офицерского состава армии были осуждены полевым судом за уклонение от участия в сражениях, из которых 4 тысячи уклонились от боя, нанеся себе повреждения».

О репрессиях

Как вы видели, Александр Захарович прямо-таки навязчиво проводит две мысли: во-первых, что «мы были нищими», во-вторых, «не умели воевать». Причем на умение воевать ничего не влияло — «не умели воевать» и в начале войны, «не умели воевать» и в конце ее. Конечно, А. З. Лебединцев, с одной стороны, охотно приводит это объяснение, чтобы прикрыть однополчан и не говорить об их трусости и подлости, но с другой стороны, он просто повторяет то, что уже почти 50 лет вдалбливает в голову обществу наша «историческая наука».

Как только умер Сталин, «историки» получили задание от ЦК КПСС (в этом нет сомнений, если смотреть на их «труды») объяснять потери в войне тем, что Сталин якобы не дал привести войска в боевую готовность накануне нападения немцев на СССР, а накануне войны уничтожил лучшие кадры Красной Армии.

Что касается приведения войск в боевую готовность, то многолетняя работа «Дуэли», мои заочные дискуссии с главным историком МО РФ, президентом Академии военных наук, генералом армии М. Гареевым и начальником Генштаба генералом армии А. Квашниным, которые были рассмотрены в Министерстве обороны на заседании под руководством министра обороны маршала Сергеева, дали эффект: сегодня «серьезные историки» уже помалкивают о том, что войска Красной Армии на 22 июня 1941 года якобы ничего не знали о предстоящем нападении немцев. Но вопли об «уничтожении лучших кадров», из-за которого якобы и остальные кадры не умели воевать, продолжаются.

Начало этой клевете положено очень давно. К примеру, считающийся выдающимся военным историком, издавший десятки книг по военной истории, преподаватель Академии Генштаба, доктор исторических наук, полковник В. Анфилов еще в начале 60-х сочинил на эту тему «научную» брехню: «Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, — говорил в декабре сорокового года на совещании начальник управления боевой подготовки генерал-лейтенант В. Курдюмов, — показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались окончившими военные училища, остальные 200 человек — это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса». И даже в 2000 году Анфилов продолжает этой брехней хвастаться в «Независимой газете» (04.10.2000):

«Этот факт я привел еще в книге «Начало Великой Отечественной войны» (Воениздат, 1962 г.) и дал ссылку на

архивный документ (Архив МО СССР, ф. 2, оп. 75593, Д- 49, л. 63). Симонов решил вложить эти сведения в уста героя романа — Серпилина. 19 марта 1964 г. писатель прислал мне «Роман-газету» 1, 1964 г. С дарственной надписью: «Виктору Александровичу Анфилову на память с благодарностью. Через несколько месяцев пришлю Вам и вторую книгу, одно из самых важных для меня мест которой не могло бы быть написано, не прочти я Вашего интереснейшего исследования о начальном периоде Великой Отечественной войны. Уважающий Вас Константин Симонов».

Однако в выступлении на декабрьском 1940 года Совещании начальника управления боевой подготовки РККА генерал-лейтенанта В. Курдюмова ничего подобного и близко нет, нет этих чисел и в докладе инспектора пехоты генерал-лейтенанта А. Смирнова. То есть В. Анфилов подло и нагло придумал эту брехню, сославшись на якобы архивные документы. И эта брехня тут же начала тиражироваться сотнями миллионов экземпляров. И продолжает тиражироваться.

Вот к Дню Победы 2003 года в «Независимой газете» (25.04.2003) очередной «историк» А. Печенкин поясняет читателям вину Сталина, «поставившего свою страну перед катастрофой»:

«Действительно, РККА пережила за эти годы глубокие потрясения, структурную перестройку и значительные кадровые изменения. Четырежды менялись начальники Генштаба, командующие Военно-воздушными силами и Военно-морским флотом. Лишились своих постов, а затем погибли 9 заместителей наркома обороны, почти все командующие военными округами и многие командиры корпусов и дивизий. Кроме того, из армии были уволены свыше 40 тыс. офицеров, из которых только 12 тыс. (т. е. одна четверть) были затем реабилитированы и возвращены в строй. Сменились многие преподаватели и начальники военно-учебных заведений. Все это не могло не отразиться на подготовке военных кадров и на уровне образования офицерского корпуса. Из 579 тыс. советских офицеров лишь 7,1 % имели высшее образование, 55 % — среднее, 24,6 % окончили различные ускоренные курсы, а 12,4%вообще не имели военного образования. Отличительными чертами командиров РККА были патриотизм, относительная молодость, отсутствие боевого опыта и небольшой командный стаж. Большинство командиров частей и соединений прослужили в занимаемых должностях менее одного года».

Печенкин не поясняет, сколько же должен офицер находиться в своей должности — 10 или 20 лет, чтобы уметь воевать, и

радовало ли офицеров, если бы они в одной должности на радость Печенкину сидели по 20 лет, но, как видите, вина Сталина в «убийстве лучших кадров» тиражируется для наивных читателей «Независимой газеты» и надежно вкладывается в их головы. Так надо ли удивляться тому, что и Александр Захарович гибель тысяч солдат своей дивизии объясняет тем, что офицеры-де были необразованными и поэтому не умели воевать?

Уверен, что и у этой книги найдется масса читателей, которые жаркое состояние кадрового офицерства РККА тоже свяжут с репрессиями в армии 1937–1941 годов. Дескать, перебил Сталин всех умных и остался только с дрянью. Ошибутся эти читатели, и сильно ошибутся: перед войной как раз и была сделана попытка очистить армию от негодяев.

Хорошие порядки в любой организации завести не просто, а всяческая дрянь заводится легко, и вывести ее потом очень трудно. Читателям, наверное, уже все уши прожужжала «демократическая» пресса, а не только Печенкин, что в 1937–1941 годы Сталин, дескать, расстрелял 40 тыс. генералов и офицеров Красной Армии, чуть ли не каждого четвертого. На самом деле — это число всех офицеров и генералов, уволенных из армии в то время, а собственно, за участие в антисоветском мятеже было уволено всего около 4-х тыс. человек, часть из которых действительно была арестована и осуждена, в том числе и к расстрелу. Вы спросите, кто же еще был уволен? А вот кто:

«За последнее время пьянство в армии приняло поистине угрожающие размеры. Особенно это зло укоренилось в среде начальствующего состава. По далеко не полным данным, в одном только Белорусском особом военном округе за 9 месяцев 1938 г. было отмечено свыше 1200 безобразных случаев пьянства, в частях Уральского военного округа за тот же период — свыше 1000 случаев и примерно та же неприглядная картина в ряде других военных округов. Вот несколько примеров тягчайших преступлений, совершенных в пьяном виде людьми, по недоразумению одетыми в военную форму. 15 октября четыре лейтенанта, напившиеся до потери человеческого облика, устроили в ресторане дебош, открыли стрельбу и ранили двух граждан. 18 сентября два лейтенанта при тех

же примерно обстоятельствах в ресторане, передравшись между собой, застрелились. Политрук, пьяница и буян, обманным путем собрал у младших командиров 425рублей, украл часы и револьвер и дезертировал из части, а спустя несколько дней изнасиловал и убил 13-летнюю девочку. 8 ноября пять пьяных красноармейцев устроили на улице поножовщину и ранили трех рабочих, а возвращаясь в часть, изнасиловали прохожую

гражданку, после чего пытались ее убить. 27 мая капитан Балакирев в пьяном виде познакомился в парке с неизвестной ему женщиной, в ресторане он выболтал ряд не подлежащих оглашению сведений, а наутро был обнаружен спящим на крыльце чужого дома без револьвера, снаряжения и партбилета. Пьянство стало настоящим бичом армии», — негодовал в своем приказе 0219 от 28.12.1938 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов.

Армию, как и все государственные структуры, нужно было очистить от негодяев, от неспособных, от ленивых. Но чем больше ее чистили, тем больше становилось недовольных и среди военной дряни. Ведь армия была местом, где можно было «хорошо устроиться». Начальствующий состав получал большие продуктовые пайки и по сравнению с гражданскими лицами имел массу побочных удобств. Скажем, уже командиру полка полагался особняк или большая квартира, конь для строя, автомобиль для поездок и конный экипаж для выездов. Лишаться всего этого «заслуженным революционерам» и «героям Гражданской войны» было очень обидно.

В журнале «Военно-исторический архив» даны биографические справки на 69 лиц начальствующего состава Красной Армии в звании комкора (примерно генерал-лейтенанта), расстрелянных за участие в заговоре в 1937–1941 года. (Для «полноты счастья» к ним составители «мартиролога» добавили и самоубийц). Из этих 69 человек 48 были царскими офицерами в чинах до подполковника. Они вступили в Красную Армию, польстившись на обещания Троцкого обеспечить им быструю карьеру. Прошло 20 лет, они сидят на вторых и третьих ролях, а какие-то унтер-офицеры командуют округами! Разве не обидно?

Ну разве не обидно было, скажем, комкору Г. К. Восканову, подполковнику царской армии, награжденному пятью орденами, включая Георгиевский крест, сидеть на должности заместителя председателя центросовета Осоавиахима СССР и смотреть на унтера В. К. Блюхера, который уже маршал и командует Дальневосточным фронтом? А вообще необученный Ворошилов — нарком! В то время действительно множеством округов командовали те, кто в царской армии был рядовым или унтер-офицером (Буденный, Белов, Апанасенко).

Но и это не все. После Гражданской войны Красную Армию сократили до 500 тыс. человек, но с началом 30-х начался ее рост (1933 г. — 900 тыс., 1936 г. — 1,5 млн) и, следовательно, рост количества командных должностей. Казалось бы, что в этих условиях должен был начаться служебный рост и этих генералов. Но на самом деле из этих 69 человек 35 не только не сохранили

свои должности 20-х годов, но и резко их снизили уже к 1934 году, когда ни о каком заговоре и мятеже против Советской власти еще и слухов не было. Вот, скажем, комкор Н. В. Куйбышев, кавалер трех орденов Красного Знамени, в царской армии — капитан, в Гражданскую войну командовал армией. В 1929 году он командующий Сибирским военным округом — хозяин Сибири! А с 1930 году — он секретарь распорядительных заседаний Совета труда и обороны. Не обидно ли?

На мой взгляд, о репрессиях прекрасно написал историк В. И. Алексеенко, ветеран войны, авиаинженер и летчик-истребитель. Поскольку я хочу из первого сборника «Война и мы» дать обширный объем его статьи по этому вопросу, то дам ее не курсивом, как цитату, а прямым шрифтом, как наши с Александром Захаровичем тексты.

В. И. АЛЕКСЕЕНКО. Следует также остановиться на репрессиях вообще и на вопле «историков» о том, что репрессии якобы сгубили «цвет» Красной Армии и оставили ее без командиров. Полное издание книги Жукова подобные «историки» так «дополнили»: «Накануне войны в Красной Армии почти не осталось командиров полков идивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, а основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава» (т. 1,с.352).

Во-первых. Эта сентенция звучит довольно-таки глупо по отношению к самому маршалу Жукову, который, как и маршал Рокоссовский, не имел никакого формального военного образования.

Во-вторых. Получается, что поражения в сражениях начала войны, которыми Жуков сам, кстати, командовал, он объясняет тем, что у него, дескать, подчиненные не служили по 100 лет в армии и не окончили по 10 академий. Неграмотные были. Грамотных репрессировали, остались одни неучи. А давайте вспомним, как обстояло дело с офицерскими кадрами у наших врагов.

Характеристика командиров основных подразделений, частей и соединений войск Красной Армии на 1.01.41 г. (в %)

	Командиры			
	Корпусов (105 чел.)	Дивизий и бригад (359 чел.)	Полков (1833 чел.)	Батальонов (8425 чел.)
	По возрасту			
До 35 лет	-	1	9	65
36-40 лет	11	25	53	30
41-45 лет	56	49	33	4
46-50 лет	29	23	5	1
51-55 лет	4	2	-	-
	По воинским званиям			
Лейтенант	-	-	-	0,1
Ст. лейтенант	-	-	-	25,9
Капитан	-	-	1	58,2
Майор	-	-	54.3	13,9
Подполковник	-	1,7	23,8	1,4
Полковник	1,9	61.3	20,9	0,5

Генерал-лейтенант	12,4	-	-	-
	По стажу службы в армии			
До 10 лет		-	-	9
11-15 лет	-	3	23	66
15-20 лет	4	15	27	15
21 год и более	96	82	50	10

	По военному образованию			
Высшее	52	40	14	2
Среднее	48	60	60	92
Ускоренное	-	-	26	6
Без образования	-	-	3 чел.	7 чел.
По партийности				
Члены и кандидаты в члены ВКП(б)	99	98	86	82

Надо напомнить волкогоновым и прочим «историкам», что после Первой мировой войны и до середины 30-х годов в немецкой армии служили всего 4 тыс. офицеров. После того как Гитлер начал разворачивать армию до военной численности, в нее начали призываться офицеры из запаса, которые кончили службу чуть ли не 20 лет назад, и начали производиться в офицеры фельдфебели и унтер-офицеры. То есть к началу войны стаж службы в офицерских должностях у подавляющего числа немецких офицеров был в пределах 5–7 лет. Если качеством офицера считать его стаж службы в армии и окончание какого-то специального учебного заведения, то тогда немецкие офицеры по этим формальным признакам были значительно хуже командиров РККА. В таблице, по данным архива Главного управления кадров Красной Армии, дана следующая характеристика командования.

Как видно из этих данных, в Красной Армии даже командиры батальонов на 94 % имели среднее или высшее образование. А по стажу службы половина командиров полков, 82 % командиров дивизий и 96 % командиров бригад служили в армии более 20 лет. Даже среди командиров батальонов тех, кто служил в армии менее 10 лет, было менее 10 %. Это результаты «репрессий»? Кстати, входе репрессий за предвоенное пятилетие было осуждено за контрреволюционные преступления военными трибуналами (а только они рассматривали такие дела) — 2218 командиров Красной Армии, а в 1937 году в Красной Армии служили 206 тыс. человек начальствующего состава.

Да, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Якир и другие заговорщики в Гражданскую войну командовали фронтами и армиями, а посему могут считаться людьми с большим полководческим опытом. Но во Франции маршал Пэтен, генералиссимус Гамелен уже в Первую мировую войну командовали армиями и были героями. Это не помешало им в 1940 году практически за две недели сдаться более слабым немцам.

А из 19 гитлеровских фельдмаршалов сухопутных войск в Первую мировую никто не имел чина выше майора. Первую мировую войну А. Роммель окончил капитаном в должности командира роты, Вторую мировую начал в 1939 году командиром батальона личной охраны фюрера, в январе 1941 года стал генерал-майором, ауже в июне 1942 года буквально проскочив три генеральских звания — фельдмаршалом. Причем А. Роммель на Западе считается одним из лучших полководцев гитлеровской Германии наряду с Э. Манштейном, который Первую мировую войну также окончил капитаном, но о котором даже недовольный своими генералами Гитлер впоследствии сказал: «Возможно, Манштейн — это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус генштаба».

Так каких офицеров Жукову не хватало? И в чем тут виноват Сталин и репрессии?

Связывать поражения Красной Армии с какими-либо довоенными репрессиями в ней с точки зрения научной истины совершенно бессмысленно. Но в ходе этих репрессий были, по моему мнению, и невинно пострадавшие. Поэтому сегодня важно понять, почему это произошло, чтобы подобное не повторилось в будущем. А вот для понимания этого все эти волкогоновы как раз ничего не делают, они тщательно пытаются скрыть истинные причины предвоенных репрессий.

В статье «Кадры военные» в «Военной энциклопедии» по репрессиям в авиации волкогоновы пишут: «В ВВС в течение 1938–1941 гг. несколько раз обновлялся весь высший состав.

Вслед за Алкснисом, репрессированным в 1938 г., были репрессированы последовательно сменявшие друг друга начальники ВВС А. Д. Локтионов, Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов. Все трое были расстреляны в октябре 1941 г., как шпионы и враги народа. Только П.Ф.Жигареву, ставшему командующим ВВС в июне 1941 г., удалось избежать общей участи» (т. 3, с. 444).

А в «дополнении» к «Воспоминаниям…», там, где Жуков дает высокую оценку выступлению начальника Главного управления ВВС Красной Армии П. В. Рычагова на совещании в НКО в декабре 1940 года, дописывается: «Трагическая гибель этого талантливого и смелого генерала в годы культа личности Сталина была для нас большой потерей. Вскоре после совещания он был расстрелян» (т. 1, с. 289).

Во-первых, уточним. П. В. Рычагов был освобожден от должности начальника ГУ ВВС КА12 апреля 1941 года и направлен на учебу в Академию Генштаба. Арестован он был через 2,5 месяца, 24 июня 1941 года, то есть не только не после совещания в декабре 1940 года, но и не как начальник ГУ ВВС.

Но нас должно заинтересовать другое — почему Жуков вспомнил о Рычагове, но молчит о Я. В. Смушкевиче? Ведь в отличие от Рычагова, дважды Герой Советского Союза Я. В. Смушкевич был не просто знакомым Г. К. Жукова по службе, он был не только Герой за войну в Испании, но и Герой за сражение на Халхин-Голе, то есть он был боевым соратником Жукова. Почему же ему такое невнимание?

Дело в том, что после проверки результатов «чистки» армии в 1937–1938 годы в ее рядах были восстановлены около 12 тыс. ранее уволенных командиров. После этого было принято решение, что ни один военнослужащий не может быть арестован органами НКВД, если на это не дал согласия его прямой начальник. То есть следователи НКВД должны были сначала убедить начальника, что его подчиненный — враг народа, и арестовать подчиненного, только получив подпись-согласие начальника.

Так вот непосредственным начальником Я. В. Смушкевича был Г. К. Жуков, так как Смушкевич с августа 1940 года и до своего ареста 7 июня 1941 года был помощником начальника Генштаба, а с января 1941 года — начальником Генштаба был Георгий Константинович. Вот он и стенает о невинном Рычагове, но помалкивает о Смушкевиче, с кем Рычагов проходил по одному делу и на арест которого Жуков дал согласие.

По одному делу с ними проходил и начальник НИИ ВВС генерал-майор А. И.Филин, который был арестован 23 мая 1941 года, а расстрелян 23 февраля 1942 года. А. И. Филин был моим

командиром и учителем, и я никогда не поверю, что он был врагом народа. Но надо и понять, что тогда происходило.

Приближалась война, а хороших самолетов у советских ВВС было очень мало. Конечно, искали причины, почему страна затрачивает столько сил, а результата нет. А тут еще и давление на НИИ ВВС авиаконструкторов, которые пытались протолкнуть на вооружение Красной Армии свои недоработанные машины. Принимали или отклоняли эти машины начальники Главного управления ВВС КА, а непосредственно изучали их мы — НИИ ВВС. И мы могли дать отрицательное заключение на машину, у которой на бумаге великолепные летные данные, но недостатков очень много. Но ведь для того, чтобы понять причину, почему мы отказали, надо в этом разобраться, вникнуть в подробности. С другой стороны, мы могли принять машину, которая вроде на бумаге и хуже, но промышленность могла ее освоить, а недостатки ее могли быть устранены. Опять — кто это поймет, кроме специалистов?

Естественно, принимая одни самолеты и отклоняя другие, НИИ ВВС наживал себе уйму заинтересованных врагов, в том числе и среди авиаконструкторов, которые легко извращали дело так, что руководители ВВС якобы специально ставили на вооружение плохие машины и не пропускали хорошие, то есть были врагами народа.

С весны 1941 года в НИИ ВВС работала комиссия, которая кропотливо собирала компромат на руководство института, через них — на руководителей ВВС. Я помню эту комиссию, помню, как она на несколько месяцев парализовала нашу работу. Но что комиссия — это мелочь, которой поручено написать бумагу, вот она и старается. Ведь пока эту бумагу не подпишут высшие чины Красной Армии, она бумажкой и останется.

Нокогда высшие чины и начальники подписывают и утверждают бумагу, превращая ее в обвинительный документ, они же обязаны вникать в текст, не подписывать огульного обвинения на своих товарищей! Так должно быть, но я думаю, что когда нарком обороны и другие подписывали акт по нашему НИИ ВВС, то они доверились своим подчиненным — членам комиссии — и в технические подробности не вникли.

А что после этого могли поделать НКВД и трибунал, если все высшие руководители наркомата обороны да, видимо, и ряд авиаконструкторов утверждали своими подписями, что Рычагов, Смушкевич и Филин враги? Отпустить их?

А что мог поделать Сталин? Бросить все и, не веря руководству НКО, самому ехать на аэродромы, смотреть и сравнивать результаты испытательных полетов, самому выяснить,

существует или нет техническая возможность устранения тех или иных дефектов авиамоторов и т. д. и т. п.?

В истории нашей авиации есть блестящие страницы, есть трагические, но есть и грязные. И с этими грязными страницами тоже надо разбираться, чтобы не повторить их в будущем. А от того, что Сталина неустанно и бессовестно забрасывают грязью волкогоновы и им подобные, история наших грязных страниц не прояснится и будущие поколения умнее не станут.

О военном образовании

Ю. И. МУХИН. Поскольку и Печенкин, и В. И. Алексеенко затронули тему военного образования, то я хочу высказать по этому поводу крамольную мысль, которая многим покажется идиотской: наша система высшего образования, включая и военное, в большинстве-случаев не приносит ни обществу, ни образованцу ничего, кроме вреда. Если бы вместо тех четырех-шести лет, которые студент околачивается в учебном заведении, он сразу же пошел работать в то Дело, в котором он хочет стать специалистом, то он за это время в Деле стал бы специалистом гораздо лучшим, чем после протирания штанов в институте и получения диплома.

Отвлекитесь от магии стереотипа высшего образования и посмотрите со стороны — в чем оно заключается? Некие люди читают нужные книжки, а затем содержание этих книжек устно пересказывают студентам на лекциях. Естественный вопрос: а что, желающие стать специалистами в каком-либо Деле сами эти книжки не могут прочитать? Могут. Так в чем же дело? Вы скажете, что преподаватель объяснит непонятное. Ну что же, это довод, но если вы уже работаете в Деле, то в нем найдется гораздо больше гораздо более знающих специалистов, которые объяснят вам все, что по Делу требуется, и гораздо лучше, нежели преподаватели, поскольку, как говорили раньше американцы, кто умеет — тот делает, а кто не умеет — тот учит, как делать.

Многим и довольно давно была видна вредоносность того, что молодых людей, вместо того, чтобы приставить сразу к Делу, собирают на несколько лет в университетах, академиях, институтах и т. д., где профессора, достаточно далекие от Дела, заставляют их заучивать нечто, что, по их мнению, является знаниями о Деле. Еще в конце XIX века об этом писал классик психологии Ле Бон, тогда же об этом высказался в романе «Воскресение» Лев Толстой, выведя образ прокурора, закончившего и гимназию, и университет с золотой медалью, но являвшегося в своем деле исключительным идиотом. Однако университетские профессора и академики в обществе имеют столь значительный вес, что общество без всяких на то оснований считает их болтовню святой водой из кладезя мудрости и никакие, и ничьи доводы о том, что нужно вдуматься в смысл того, что происходит с образованием, в обществе не имеют эффекта. Общество глубоко уверено, что без дипломов о высшем образовании мы пропадем. В глазах общества только тот является специалистом, кто имеет такой диплом, даже если этот придурок

посылает вверенный ему батальон переплыть Днепр и топит этим за раз 700 человек.

Идиотизм высшего образования хорошо виден именно на подготовке офицеров. Как вы поняли из горестных сетований Печенкина и Анфилова, немецкие офицеры во время войны били советских потому, что не все советские офицеры имели бумажку о том, что они несколько лет терли галифе о скамьи училищ и академий, давая этим хорошо зарабатывать таким профессорам, как Ан-филов. Но вот такой, пожалуй, комичный случай. На Нюрнбергском процессе советский обвинитель Руденко свой допрос и доказательство вины начальника Генерального штаба вооруженных сил Германии В. Кейтеля решил построить на противопоставлении военного образования Кейтеля и Гитлера: дескать, Гитлер был простой ефрейтор, а Кейтель имел много дипломов об окончании военных академий. И Руденко, уверенный, что у начальника Генштаба не может их не быть, начинает «коварно» расспрашивать Кейтеля об этих дипломах:

«Руденко: Подсудимый Кейтель, уточните, когда вы получили первый офицерский чин?

Кейтель: 18 августа 1902 г.

Руденко: Какое вы получили военное образование?

Кейтель: Я вступил в армию в качестве кандидата в офицеры, служил сначала простым солдатом и, пройдя затем все следующие чины — ефрейтора, унтер-офицера, — стал лейтенантом.

Руденко: Я спросил вас о вашем военном образовании.

Кейтель: Я был армейским офицером до 1909 г., затем около шести лет полковым адъютантом, во время Первой мировой войны я был командиром батареи, а с весны 1915 г. находился на службе в генеральном штабе.

Руденко: Вы окончили военную или другую академию?

Кейтель: Я никогда не учился в военной академии. Два раза я в качестве полкового адъютанта принимал участие в так называемых больших командировках генераль — ною штаба, летом 1914 г. был откомандирован в генеральный штаб и в начале войны 1914 г. возвратился в свой полк».

Как вы поняли из этого диалога, в нашем понимании начальник Генштаба вооруженных сил Германии фельдмаршал Кейтель вообще не имел ни малейшего военного образования. Ни то, что не имел счастья обучаться у профессоров Академии Генштаба, но даже училища военного не закончил по в общем-то простой причине — в Германии просто не было ни военных училищ, ни академий. В Германии офицеры учились не у профессоров, а у офицеров.

Фельдмаршал Модель, которого Гитлер во время войны

перебрасывал с фронта на фронт на самые тяжелые участки, также не имел ни малейшего военного образования. Поступил в армию рядовым, в 1910 году стал прапорщиком, а в 1918 году его перевели на службу в Генеральный штаб.

Фельдмаршалы Манштейн и Роммель, по мнению американского историка С. Митчема, закончили военные академии, но дело в том, что у американцев и полицейское училище, выпускающее рядовых полиции, называется академией. Манштейн и Роммель поступили до Первой мировой войны на службу рядовыми, а спустя несколько лет, по мнению американца, учились в неких «военных академиях», причем Манштейн начал учебу в академии уже прапорщиком и после нескольких месяцев был выпущен лейтенантом, а Роммель начал учебу унтер-офицером и после академии стал прапорщиком. То есть эти немецкие «академии» были в лучшем случае чем-то вроде наших курсов младших лейтенантов. Больше никаких дипломов у Манштейна и Роммеля не было. Поэтому у нас любой офицер по наличию бумажек о военном образовании был просто генералиссимусом по сравнению с ними. Если бы воевать нужно было не умением, а дипломами об окончании училищ и академий, то генерапы и офицеры Красной Армии за месяц бы загнали немцев в Африку. Но не получилось, дипломы не помогли. По этому поводу можно сказать и так: немецкие офицеры учились воевать у немецких офицеров, поэтому и воевали как офицеры, а наши офицеры учились воевать у преподавателей, поэтому и воевали как преподаватели.

И вот тут возникает вопрос — если все наши «серьезные» историки вопят, что у наших предвоенных офицеров образование было хуже, чем у немецких, то почему тогда за 60 лет после войны в СССР и России не вышло ни одной работы, посвященной немецкому военному образованию? Ответ напрашивается один: потому и не было, что после такой работы немедленно встал бы вопрос — а на кой черт тогда нам все эти училища и академии?

С точки зрения обучения офицеров Красной Армии я с удивлением увидел еще один поразивший меня факт. Дело в том, что у нас в промышленности ни одно сложное решение, а тем более рискованное решение, не принимается без совета с теми, кому его нужно будет исполнять. Правда, совещания порой превращаются бюрократами в самоцель — в имитацию полезной деятельности этих бюрократов, но бюрократы таким образом извращают все, чем занимаются. А сами совещания являются составной частью управления производством, Делом. Но, кроме этого, совещания являются постоянно действующим университетом. Вот представьте, что на каком-либо заводском

объекте аварийная ситуация и перед принятием по ней решения главный инженер собирает совещание цеховых инженеров и заводских специалистов. Все высказывают свои соображения, рассматривают десятки вариантов причин аварийной ситуации (они не всегда видны), предлагаются десятки способов их устранения, причем их высказывают не только мастера, но и главные специалисты. Проблема рассматривается со всех сторон — и технологами, и механиками, и электриками, и снабженцами, и транспортниками и т. д. В результате молодой мастер за совещание узнает столько, причем применительно к конкретному Делу, сколько ему не узнать за все годы, проведенные в институте. Резко расширяется его кругозор: он начинает понимать смысл устройства завода, начинает понимать, как привлечь ресурсы всего завода к своей работе и в каких случаях это делается, начинает понимать, кто на заводе чем занимается и за что отвечает. Причем все это не абстрактная лекционная заумь, а решение конкретного Дела, которое ему уже сейчас нужно решать и потребуется решать в будущем.

И вспоминая то, что я прочел у Александра Захаровича, вспоминая то, что читал у других мемуаристов, я вдруг с удивлением заметил, что офицеры никогда не совещаются, тем более с исполнителями. Лебединцев участвовал в десятках боев, но ни разу не сообщил о том, чтобы командир, дающий приказ, обсудил его с теми, кому его исполнять, и пытался найти оптимальное решение с их помощью. Мне могут сказать, что армия — это не колхоз и что там единоначалие. Но на производстве да и в любом Деле тоже единоначалие, и у нас на заводе никто и никогда не принимал решения по результатам голосования. Это разные вещи. За решение несет ответственность тот, кто дает приказ или распоряжение, но ведь он обязан найти лучший вариант решения, прежде чем сформулировать его в приказе! Как же найти лучшее решение, если не узнать мнения исполнителей?

Уж кто-кто, а немецкая армия знала толк в единоначалии, и тем не менее ее офицеры и генералы совещались с исполнителями. Немецкий генерал Ф. Меллентин в своей книге «Танковые войска Германии» приводит рассказ начальника штаба 3-й мотопехотной дивизии 14-го танкового корпуса полковника Динглера о ходе наступления немцев на Сталинград летом 1942 года:

«Сопротивление, оказанное русскими между Доном и Волгой, было сравнительно слабым. Как правило, наши подвижные войска обходили узлы сопротивления противника, подавлением которых занималась шедшая следом пехота. 14-й танковый корпус без

особою труда выполнил поставленную задачу, заняв оборонительные позиции фронтом на север. Однако в полосе 3-й моторизованной дивизии находились одна высота и одна балка, где русские не прекращали сопротивления и в течение нескольких недель доставляли немало неприятностей немецким войскам.

Динглер указывает, что сперва этой высоте не придавали серьезного значения, полагая, что она будет занята, как только подтянется вся дивизия. Он говорит: «Если бы мы знали, сколько хлопот доставит нам эта самая высота и какие большие потери мы понесем из-за нее в последующие месяцы, мы бы атаковали более энергично». Динглер делает следующий вывод:

«Этот случай послужил нам полезным уроком. Если нам не удавалось выбить русских с их позиций, осуществить прорыв или окружение в момент, когда мы еще быстро продвигались вперед, то дальнейшие попытки сломить сопротивление противника обычно приводили к тяжелым потерям и требовали сосредоточения больших сил. Русские — мастера окапываться и строить полевые укрепления. Они безошибочно выбирают позиции, имеющие важное значение для предстоящих боевых действий. Так было и с этой высотой, где русские могли долго обороняться и держать под наблюдением наши тылы».

Балка, удерживаемая русскими, находилась в тылу 3-й моторизованной дивизии. Она была длинной, узкой и глубокой; проходили недели, а ее все никак не удавалось захватить. Изложение Динглером боевых действий показывает, какой стойкостью отличается русский солдат в обороне:

«Все наши попытки подавить сопротивление русских в балке пока оставались тщетными. Балку бомбили пикирующие бомбардировщики, обстреливала артиллерия. Мы посылали в атаку все новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжелыми потерями — настолько прочно русские зарылись в землю. Мы предполагали, что у них было примерно 400 человек. В обычных условиях такой противник прекратил бы сопротивление после двухнедельных боев. В конце концов русские

были полностью отрезаны от внешнего мира. Они не могли рассчитывать и на снабжение по воздуху, таккакнаша авиация в то время обладала полным превосходством. В ночное время одноместные открытые самолеты с большим риском часто прорывались к окруженным русским и сбрасывали незначительное количество продовольствия и боеприпасов.

Не следует забывать, что русские не похожи на обычных солдат, для которых снабжение всем необходимым имеет большое значение. Мы неоднократно имели возможность убедиться в том,

как немного им нужно.

Балка мешала нам, словно бельмо на глазу, но нечего было и думать о том, чтобы заставить противника сдаться под угрозой голодной смерти. Нужно было что-то придумать».

И что же делает штаб немецкой мотопехотной дивизии? Продолжает тупо гонять в атаки свои батальоны, пока наши пулеметчики не выбьют всю их пехоту? Ждут, пока начальство им даст по 300 орудий на километр фронта? Нет. Динглер продолжает:

«Истощив весь запас хитроумных уловок, которым нас, штабных офицеров, в свое время учили, мы пришли к выводу, что нужно обратиться за помощью к боевым командирам, непосредственно выполняющим задачу. Поэтому мы вызвали наших лейтенантов и попросили трех из них разобраться в обстановке и предложить что-либо полезное. Через три дня они представили свой план. По этому плану предполагалось разделить балку на несколько участков и расположить танки и противотанковые орудия прямо против окопов русcfdfx, после чет наши штурмовые подразделения должны были подползти к окопам и выбить оттуда противника».

То есть наша пехота жгла немецкие танки гранатами и бутылками с горючей смесью, если танки приближались к окопам. И немцы сосредоточили танки на нескольких участках и с них шквальным огнем не давали нашим бойцам поднять голову из окопа, поставить на бруствер пулемет. И немецкая пехота подползла на расстояние броска гранаты и забросала ими наши окопы. Но обратите внимание, немецкие генералы и их штабы отнюдь не брезговали посовещаться с командирами взводов и рот.

И закончу этот эпизод воспоминаний Динглера, чтобы показать, насколько хороший солдатский материал наша Родина вручала кадровым офицерам и генералам Красной Армии. Динглер пишет: *«Мы были поражены, когда обнаружили, что вместо 400 человек их оказалось около тысячи. Почти четыре недели эти люди питались травой и листьями, утоляя жажду ничтожным количеством воды из вырытой ими в земле глубокой ямы. Однако они не только не умерли с голоду, но еще и вели ожесточенные бои до самого конца».*

«Учился много, но ничему не научился»

О том, что давало советским офицерам военное образование, можно рассмотреть на примере генерала, у которого такого образования было максимально возможное количество. В жидкой кучке официальных диссидентов СССР видное место занимал генерал-майор Петро Григоренко (именно так, по-украински: не Петр, а Петро). За рубежом он выпустил толстую книгу воспоминаний, которые бессовестно назвал «исповедью» (Петро Григоренко. «В подполье можно встретить только крыс». Нью-Йорк, 1981). Я прочел первую часть книги, в которой Григоренко повествует о себе еще до того, как он подался в борцы с (его словами) «лживым общественным строем» (стр. 273), поскольку эта его «борьба» была мне уже неинтересна.

Я пытался в «исповеди» Григоренко найти и ответ на вопрос, почему он вдруг полез в диссидентство? Искренне во что-то поверил или что-то понял, чего не понимали другие? Нет, исключено, поскольку книга его исключительно лжива, в ней нет искренности, причем Петро пишет ее так, что все вокруг в дерьме, а он «на коне в белом фраке». Это не исповедь, а самолюбование. Судя по этой книге, у Григоренко была абсолютно неправильная самооценка — Петро, нисколько в этом не сомневаясь, считал себя человеком исключительно умным вообще и исключительным специалистом в военном деле в особенности.

Подспудно в книге идет рефрен: «лживый общественный строй» явно недооценивал Григоренко, а вот если бы это был «правдивый общественный строй», то Петро уже давно бы был маршалом. Причем эта его уверенность базируется не на реальных деловых качествах Григоренко (его «военные» мысли в книге порой даже не ошибочные, а идиотские), а на том, что он окончил две военные академии — инженерную и Генерального штаба — и написал после войны кандидатскую диссертацию. Из книги Григоренко следует, что какие бы победы ни одержали генералы без такой подготовки, как у него, но против Григоренко они все дураки. Григоренко в своей книге, к примеру, даже «защищает» от Хрущева Сталина как военного специалиста (нимало не заботясь о том, нуждается ли Сталин в защите такого профессионала, как он). Тем не менее вот его искренняя оценка военного дарования Сталина и Жукова (с. 406): «Теперь посмотрим на эти личности с точки зрения их военной подготовки. Оказывается, в этом отношении они похожи друг на

друга. Ни тот, ни другой военного образования не имеют. То, что Жуков командовал в мирное время полком, дивизией, корпусом и округом, — военного образования заменить не может» — безапелляционно пишет Петро, даже не пытаясь хоть как-то пояснить, почему же армии всей Европы разогнали немецкие офицеры и генералы, которые не то что академий, военных училищ никогда не кончали?

А что же ему самому мешало стать маршалом, кроме «лживого общественного строя»? Думаю, что это была и просто трусость, и трусость как боязнь брать на себя командирскую ответственность.

Хотя в книге Григоренко не жалеет красок, чтобы описать свою личную храбрость, но поверить в нее трудно, и не только из-за фантастических подробностей. Скажем, он уверяет, что был ранен в ногу, когда в воронку диаметром 15–20 м и глубиной 3м, в которой он находился, попал снаряд калибра 210 мм! Военный «профессионал» после двух академий, не смущаясь, пишет: «Наша воронка тоже попала под обстрел. 210-миллиметровая батарея, с предельной дальности беглым огнем обрабатывает нашу воронку. Снаряды ложатся пока что вокруг, ударяют в своеобразный бруствер (взрывной выброс) с наружной стороны или перелетают через воронку. Я лежу на западной части бруствера, изнутри. Наблюдаю, что делается в районе переднего края. Разрывы кругом, но к нам в «братскую могилу» пока что снаряды не залетают. Вдруг более громкий разрыв и почти тотчас удар по кости правой ноги. Осматриваюсь по сторонам. Вижу и узнаю от других: один снаряд врезался в задний бруствер (восточный) с внутренней стороны. Убит один автоматчик. Несколько человек, в том числе и я, ранены» (с. 299). То, что он был ранен — несомненно, но 210-мм снарядом?! Простите, это такие снаряды (вес 113 кг), которые оставляют после себя воронки более глубокие, чем та, в которой он сидел. Я акцентирую внимание на этом вопросе, чтобы показать, что Петро на самом деле очень редко слышал взрывы снарядов вокруг себя, поэтому не способен был по силе взрыва оценить, что это за снаряд, да и не знал элементарных сведений об артиллерии.

Итак, началась война, подполковник Григоренко служил на Дальнем Востоке незначительным клерком в штабе невоюющего Дальневосточного фронта. Осенью 1941 года его назначают (он уверяет, что добровольно попросился) начальником штаба отправляемой под Москву дивизии. Однако Григоренко всю свою службу пользовался «мохнатыми лапами» мафии выпускников Академии Генштаба, и его по чьей-то просьбе уже с эшелона снимают как, по его словам, очень ценного штабного работника,

без которого штаб Дальневосточного фронта просто развалится. Я бы в это поверил, но этого очень ценного штабного работника вскоре отсылают из штаба командовать бригадой тут же в тылу. Тогда в чем же была его ценность как работника штаба фронта? Почему его не отправили на фронт в 1941 году?

После перевода в командный состав Григоренко готовят в командиры дивизии и даже посылают на запад месяц постажироваться в этой должности на фронте. И в конце концов, его в зиму 1943 года выталкивают на фронт, где дружки в Москве направляют его принять 66-ю гвардейскую стрелковую дивизию 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта.

Однако он, якобы по убедительной просьбе командующего армией, становится заместителем начальника штаба 10 гв. армии по вспомогательному командному пункту. Что это за должность, понять нельзя, поскольку он об этих своих функциях ни разу не упоминает, но из описания того, что он делал в штабе, становится ясно, что он служил при армейском штабе «подполковником на побегушках»: сопровождал в поездках командующего, возил Члену Военного совета приказы на подпись, ездил с мелкими поручениями в дивизии и был ранен в такой поездке «210-мм снарядом».

После лечения и отдыха его посылают на 4-й Украинский фронт, здесь он тоже избегает ответственности командных должностей своего уровня, хотя, как он сам пишет, командиром 151-го стрелкового полка, к примеру, был подполковник Мельников, который до войны не две военные академии окончил, а всего лишь учительский институт, и был директором сельской школы. Но Петро все же не смог избежать должности начальника штаба 8-й стрелковой дивизии и в этой должности он, по его словам, в 1945 году совершил несколько удивительных полководческих подвигов.

Однако представить себе его подвиги очень трудно из-за обилия разных глупостей в их описании. Сомнение вызывает и то, что, кроме звания полковника, которое он буквально выпросил у Члена Военного совета фронта Мехлиса, его не наградили за эти подвиги никаким орденом, хотя в конце войны ордена давали чуть ли не пригоршнями. Он уверяет, что это оттого, что он потребовал орден Суворова, но Москва не уважала 4-й Украинский фронт и не дала ему этот орден. На самом деле так не делалось: Москва могла и не дать просимую награду, но вообще без награды не оставляла никогда: не наградили бы орденом Суворова 2-й степени, дали бы третьей или орден Кутузова, или Богдана Хмельницкого.

Думаю, что дело здесь в военной некомпетентности

Григоренко. Описывая наступательные бои 8-й дивизии, он упоминает номера и командиров всех входящих в нее стрелковых полков, однако ни разу не упомянул о дивизионном артиллерийском полку, о придаваемых дивизии артполках, об артиллерийских командирах своей дивизии. Но в конце войны наступление без артиллерии оыло немыслимо, ее в Красной Армии было огромное количество, и в связи с этим возникает мысль, что Григоренко не только очень плохо разбирался в артиллерии, но и не способен был организовать взаимодействие родов войск, а поэтому не только не участвовал в разработке замыслов боев 8-й дивизии, но, по сути, и не понимал их.

Так что все подвиги Григоренко, скорее всего, являются брехней, и 8-й дивизии он, скорее всего, запомнился тем, что вблизи переднего края всегда появлялся в каске и с автоматом. Он, кстати, долго, нудно и глупо объясняет, почему он так поступал и почему так надо поступать, даже если вся дивизия над тобой смеется, как 8-я дивизия смеялась над ним, но мой отец тоже рассказывал, что и их начальник штаба дивизии имел палку на винтовочном ремне, которую забрасывал за спину, как винтовку, если надо было идти к переднему краю. Коллега Григоренко был уверен, что немецкие наблюдатели примут его за простого солдата и не станут тратить снаряды на такую малозначительную цель.

Как только кончилась война, Григоренко, подделав бумагу о липовом отпуске, приехал в Москву за должностью. Тут ему, уже полковнику, друзья в Главном управлении кадров предложили дивизию на Дальневосточном фронте, от которой он опять малодушно отказался. Петро уверяет, что не знал о предстоящем участии Дальневосточного фронта в войне с Японией, но поскольку он все время крутился возле Генштаба, в котором служили его дружки, то я в это незнание плохо верю. После войны боевых генералов, в том числе и в Москве, было много, дружки помочь не могли, и Петро пошел преподавателем в Академию имени М. В. Фрунзе, в которой защитил диссертацию и за 15 лет высидел к пенсии звание генерал-майора. Этих генерал-майоров в Москве всегда было как собак нерезаных, и, конечно, Петро мог быть очень недоволен такой карьерой такого выдающегося полководца, как он. И Петро подался в диссиденты.

У меня уже были подобные работы, в которых я анализировал мемуары и приходил к совершенно иному выводу, нежели тот, который пытается навязать читателю автор воспоминаний. Пожалуй, одной из первых я анализировал книгу Б. Ельцина «Исповедь на заданную тему», посвятив Ельцину главку «Неумен, решителен, злобен» в своей книге «Путешествие из демократии в

дерьмократию и дорога обратно». Тогда, в 1993 г., я показал, что анализ «Исповеди» Ельцина позволяет сделать вывод, что он исключительный дурак в профессиональном и деловом смысле, поскольку от природы глуп, но одновременно болезненно самолюбив, от чего беспринципно подл, злобен и решителен. Спустя некоторое время меня разыскали коллеги Ельцина по его работе в Свердловске и Москве и подтвердили мою характеристику Борьке, порой удивляясь, как ее можно было сделать только по хвалебной книжке Ельцина о себе. Впоследствии эту характеристику в своих воспоминаниях подтвердили и те, кто работал с Ельциным позже, скажем А. Коржаков.

Но Ельцин — фигура заметная, а кто подтвердит мою характеристику такого в целом мелкого диссидентского прыща на теле СССР, каким был Григоренко? Фронтовиков-то практически не осталось. Но по странному совпадению, когда уже был набран вышеприведенный текст, А. З. Лебединцев принес мне в подарок подшивки «Военно-исторического журнала» за несколько лет. Я просмотрел оглавления журналов ив 10 за 1990 год наткнулся на публикацию служебных характеристик на Григоренко. Мне стало самому интересно, насколько Петро в моем видении соответствует тому, что видели в нем его сослуживцы.

Но сначала вот о чем. В хвалебных писаниях Григоренко о себе есть масса мест, подозрительных по лживости, но фактов опровергнуть их нет, поскольку гложут сомнения — а вдруг действительно могло быть именно так, как он пишет? К примеру, он пишет, что закончил Академию Генштаба с отличием, но не защищал дипломную работу. Как и почему это могло быть, мне непонятно. По словам самого Григоренко, после окончания 3-го курса перед защитой осенью 1939 года их направили стажироваться на Халхин-Гол, а он уже написал дипломную работу, поэтому его выпустили из академии без защиты. Но при чем тут время написания дипломной работы и ее защита? Это вещи совершенно разные, и если защиты не было, то, значит, что-то произошло, о чем Григоренко молчит.

Так вот вместе с характеристиками в В ИЖе напечатан донос Григоренко секретарю ЦК ВКП(б) Андрееву на руководство Академии Генштаба. Григоренко сумел за три года учебы собрать такой компромат.

«а) В лекции о Варшавской операции 1920 г. комдив Меликов взял на себя задачу доказать, что враг народа Тухачевский в то время не был врагом. «Аргументировал» он это тем, что, во-первых, нет материалов, подтверждающих его вражескую работу в этот период; во-вторых, сам Тухачевский очень сильно

«переживал» поражение, т. к. ему уже был преподнесен бинокль с надписью: «Победителю под Варшавой», и ею очень «угнетало», что теперь этот подарок обращался в насмешку над ним, и, наконец, в-третьих, если признать, что Тухачевский вредил, то встает вопрос, что делали партия, Ленин, Сталин, Дзержинский, который все время был на польском фронте.

б) В одной из лекций об операциях 1919 г. на Восточном фронте он посвящает значительную часть лекции реабилитации другого врага народа — С. С. Каменева.

в) В 1-й лекции об обороне Царицына профессор Меликов почти истерически кричал о гениальности т. Сталина, а о самих событиях говорил настолько бессвязно, что человеку, который не читал книгу т. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», понять что-либо было невозможно. Схему же, которая иллюстрировала эту, с позволения сказать, лекцию, иначе, как пасквилем на сталинский план обороны Царицына, назвать нельзя».

Обратите внимание на исключительную подлость доноса. Историк Меликов не статью в «Правду» пишет, а учит военных специалистов. Если бы он писал, что Тухачевский и Каменев были предателями, то он бы извращал весь военный смысл их операций, то есть он бы совершил подлость по отношению к курсантам. Кроме того, как может ученый опираться только на воспоминания действующего лица события, которые так или иначе не могут не быть тенденциозными? Если вся история содержится в книге Ворошилова, то зачем нужен лектор?

Выдав компромат, Григоренко в доносе переходит к оргвыводам: «Руководство академии (начальниккомбриг т. Шлемин и комиссар бригадный комиссар т. Гарилов) заняло позицию невмешательства вдела академии и пустило учебу на самотек». А далее, само собой, идут «Мои предложения: 1. Решительно перестроить учебный план. 2. Создать высококачественные учебные пособия. 3. Добиться от руководства академии настоящего большевистского руководства».

Если учесть этот донос, то уже не удивляют такие строки в воспоминаниях Григоренко: «Я сдал дипломную работу научному руководителю комбригу Кирпичнико-ву, и он ее докладывал государственной комиссии в мое отсутствие. Работа была оценена «отлично». Мне был прислан диплом с отличием» (с. 230). Как говорится, на, собака, твой диплом, лишь бы тобой тут не воняло!

Но обратите внимание на исключительную наглость, с которой Петро «прыгал на начальство». И вот эта взвешенная, точно рассчитанная и чаще всего абсолютно безнаказанная наглость окружающими, скорее всего, могла восприниматься как смелость.

Четыре года Григоренко служил на Дальнем Востоке под командой генерала Апанасенко, фамилию которого Григоренко по националистическим надобностям переделал в Опанасенко, как и свое имя Петр в Петро. И Григоренко признает, что Апанасенко был умен, прям, честен и ни перед кем не прогибался. Как я уже писал, весной 1943 года Григоренко послали на месяц на фронт стажером командира дивизии. Из Москвы запросили у Апанасенко служебный отзыв на Григоренко, и Апанасенко дал такой:

«Предан партии Ленина—Сталина и социалистической Родине. Окончил инженерную академию в 1934 г. и Академию Генерального штаба в 1939 г. Учился много, но ничему не научился. Командного опыта почти не имеет, вял, неповоротлив, в работе имеет много недостатков. Сам дисциплинирован, смел, к подчиненным мало требователен, нуждается в повседневном контроле и руководстве».

К лету 1943 года Апанасенко отпросился у Сталина на фронт и погиб в Курской битве. Его сменил генерал Пуркаев, который в конце 1943 года и отправил окопавшегося в тылу выпускника двух академий на фронт, послав вслед за ним такой служебный отзыв:

«В Красной Армии с 1931 г. Окончил инженерную академию в 1934 г., Академию Генштаба КА в 1939 г.

Бригадой командовал один год и 3 месяца. За это время показал низкие волевые качества, мягкотел, не требователен и не организован. На всем протяжении в бригаде была низкая дисциплина, неорганизованность, слабая выучка личного состава. Т. Григоренко неоднократно предупреждался за плохую работу, но добиться лучших результатов не смог. Имеет хорошую оперативно-тактическую подготовку, но практически организовать взаимодействие родов войск и управлять соединением не умеет. Сам дисциплинирован, но навести твердую дисциплину в частях в силу своей нетребовательности не может. Страдает чрезмерным зазнайством, переоценкой своих знаний и способностей, а на деле их не оправдывает.

По своему складу характера на командной должности использовать нельзя. Лучше использовать на оперативно-штабной работе.

За неорганизованность, отсутствие должной дисциплины в бригаде и слабое воспитание личного состава, вследствие чего в начале ноября с. г. было массовое отравление личного состава бригады, от должности командира бригады отстранен.

ВЫВОД: Командовать соединением не может, на командную должность можно назначить не выше командира полка. Лучше

использовать на оперативно-штабной работе в крупном штабе или начштаба бригады, дивизии».

Этот отзыв, видимо, и послужил причиной того, что Григоренко, направленного из Москвы командовать дивизией, в 10-й армии к командованию не допустили, а оставили ошиваться при штабе, чтобы к нему присмотреться. Когда он убыл на лечение, непосредственный командир Григоренко, начальник штаба 10-й армии генерал Си-дельников дал ему такую «боевую характеристику», хотя Григоренко в бою и близко не был:

«Подполковник Григоренко в занимаемой должности с января 1944 г. Прибыл из тыловых частей с должности командира бригады. Опыта штабной работы в боевых условиях не имеет. По причине излишнего самолюбия авторитетом у товарищей и подчиненных не пользуется. К вопросу организации управления войсками относится поверхностно. Инициативы не проявляет. В военном отношении подготовлен достаточно. Смел и решителен.

Для приобретения опьпа работы в боевой обстановке необходимо назначить тов. Григоренко начальником штаба стрелковой дивизии, действующей на активном участке армии».

По поводу того, откуда у довольно трусливого, на мой взгляд, Григоренко в характеристике взялось «смел и решителен» приведу такой эпизод.

В штабе 10-й армии «подполковник на побегушках» развозил начальству разные бумаги на подпись. Вот он привез боевой приказ по армии Члену Военного совета фронта, члену ЦК ВКП(б) И. А. Булганину, которого он в воспоминаниях для пущего эффекта сделал членом Политбюро. Булганин в присутствии своего порученца, полковника, предложил Григоренко показать приказ и, по словам Григоренко, между ними состоялся такой диалог:

— Ну что ж, раскладывайте карты.

— Я не могу этого сделать, пока в помещении есть посторонние.

— Кто же здесь посторонний? — улыбнулся он.

— В списке допущенных к плану операции нет полковника.

— Ну я его допущу. Что, вам написать это?

— Нет, мне достаточно и вашего устного распоряжения. Я разверну карты и сделаю полный доклад, но по окончании этого обязан буду донести в Генштаб, что произошло разглашение плана операции.

— Ну, если такие строгости, не будем нарушать. Законы надо уважать всем. Даже и члену Политбюро.

Он подчеркнул последнее слово.

— Оставьте нас одних, — обратился он к полковнику. И тот

вышел» (с. 295).

Согласитесь, что подполковник, который «прыгает» на генерал-лейтенанта и партийного деятеля, может приобрести репутацию смелого. Но смелость — это способность принимать рискованные решения. А чем рисковал наглый Петро, прикинувшийся этаким солдафоном, когда требовал от Булганина соблюдения инструкции и грозил тому пожаловаться на ее несоблюдение в Генштаб? Наоборот, он и у Булганина в глазах стал этаким туповатым, но чрезвычайно надежным исполнителем. Григоренко явно пытался понравиться Булганину и пролезть к нему в свиту подальше от фронта. Это же как кокетка,

которая грубостью задевает равнодушного к ней мужчину» чтобы он обратил на нее внимание. Но Булганин внимания не обратил и, надо думать, именно за это Петро изо всех сил поливает его в своих воспоминаниях грязью. Странное отношение у военных к начальству. Бравый солдат Швейк рассказывал анекдот, в котором денщика спросили, сможет ли он съесть дерьмо своего офицера. Тот отвечал, что сможет, но только, чтобы в дерьме не было волосинок, а то он страшно брезглив. Так и с Гри-горенко. Согласно воспоминаниям, он всю жизнь, не считаясь ни с чем, требовал, чтобы начальство его публично уважало, раза три рассказывает пустые байки про то, как его начальник дал команду его подчиненному не сообщать об этом Григоренко и как Петро выговаривал за это начальнику. Но вот начальник штаба дивизии подполковник Григоренко просит личного разговора у командира корпуса генерал-майора Гастиловича и, угрожая, делает ему выговор за то, что Гастилович его прилюдно обматерил: «Лучше вызовите меня одного и тогда, если я заслужил, ругайте, как хотите. Можете даже ударить. Из уважения к Вам и это снесу. Но публичной ругани могу не снести» (с. 320). Это же каким холуем нужно быть, чтобы прямо предложить начальнику бить себя по морде? Честь и достоинство отсутствуют начисто, осталось только стремление, чтобы об этом никто не узнал. С такими талантами и не стать маршалом? Конечно, обидно!

По Сеньке шапка

И вот, окончив училища и академии, офицеры со временем становятся генералами, встают во главе армии и начинают ее обучать, воспитывать, вооружать, одним словом — строить. Вопрос: какой построят армию те, кто поступает на службу, чтобы обеспечить свое материальное положение? Правильно, они, даже сами об этом не думая, перестроят армию так, чтобы с ее помощью было легче обеспечивать себя деньгами. Способность такой армии воевать отодвигается на второй план и становится десятым вопросом. О том, как армия превращается в инструмент по вытряхиванию денег из собственного государства, кадровые военные писать в своих мемуарах стесняются, более того, Лебединцев уникален тем, что он, пожалуй, единственный, кто написал хотя бы о материальных доходах офицеров до войны и во время войны.

Сегодня, к примеру, все офицерство дружно жалуется на маленькие зарплаты, но я не помню случая, чтобы на низкие доходы жаловались генералы нынешней армии. Генералов, судя по всему, нынешние доходы устраивают. Правда, тут опять та же беда — никто из генералов не спешит поделиться с обществом тем, как и за счет чего эти доходы формируются. Поэтому рассмотреть этот вопрос придется на примере императорской армии России, благо один из ее военных министров, А. Редигер, поступил в армию именно для того, чтобы обеспечить себе соответствующую жизнь, и в своих воспоминаниях описывает многие подробности материального устройства кадрового офицерства того времени.

Редигер был по-немецки меркантилен, но и относительно честен. То есть он искал деньги, радовался им, но старался, чтобы его доходы не обременяли его совесть, — брал, где мог и что мог, но в рамках тогдашних традиций. После отца остались знаки ордена св. Анны 1-й степени — продал, на вырученные деньги купил золотую цепочку на часы, которая служила ему всю жизнь. Эмир Бухарский наградил его орденом с бриллиантами — бриллианты снял и продал (и с российских орденов тоже), заменив их стекляшками. Как профессор академии Генштаба мог получать пенсию только при определенном преподавательском стаже, которого у него не хватало, — пересчитал по коэффициентам всю свою службу и эту пенсию себе оформил, когда служил уже в военном министерстве и больше не преподавал. Все, что у царя мог выпросить (пособия, аренды и т. д.), — все выпросил.

Но когда он в 1904 году стал военным министром и попал в состояние хронической нехватки денег для армии, то вынужден был хотя бы пытаться вводить экономию и, надо думать, именно из-за этого его возненавидел генералитет. А этот генералитет да и штаб-офицерский корпус представляли собой богадельню, набитую стариками в состоянии маразма, которые получали несусветно высокое содержание, никакой службы не несли, но ни в коем случае не хотели уходить на пенсию (до 7 тысяч в год), так как у них еще не все внучки замуж повыходили и им нужны были деньги. Редигер пытался освободить от них армию, но безвольный Николай II испугался потока жалоб от родовитого старья и так ничего и не сделал. Или такой момент.

С началом русско-японской войны генералитет действующей армии врал в Петербурге об огромной стоимости продовольствия и фуража в Маньчжурии, и Минфин отослал войскам огромные деньги, но цены там были настолько низкие, что в распоряжении генералитета на Дальнем Востоке оказалось до 40 млн рублей непотраченных сумм (четверть всего годового бюджета военного министерства). Редигер попытался отнять эти деньги у генералитета на нужды всей армии, но на него ополчились все, как на губителя «доброй традиции русской армии», по которой командир получал деньги на содержание вверенных ему войск и самолично пользовался «экономией» от них. Вообще-то Редигер, пока не стал министром, был не против этой «доброй традиции». В начале воспоминаний он пишет, что его отец, генерал-майор Генштаба и начальник штаба Гренадерского корпуса (генерал-квартирмейстер) был беден, так как «Генеральный штаб представлял из себя замкнутый корпус, чины которого были плохо обставлены». Поэтому он попросил о служебном понижении, но на командирскую должность. Ему дали даже не дивизию, а всего лишь 2-й Ростовский гренадерский полк. «Отец командовал им шесть лет, и это позволило ему поправить свои средства», — пишет Редигер. Но, став министром, взвалив на себя проблемы финансирования армии, Редигер стал уже по-другому смотреть на эту «экономию». Царь сначала тоже не посмел нарушить эту пресловутую «добрую традицию», но генерал Каульбарс в сентябре 1905 года по старческому маразму послал царю из этой «экономии» в подарок миллион рублей на постройку флота, тут уж и Николай возмутился и отобрал всю «экономию» в казну. Армии так ничего из этих денег и не досталось.

Щедрость царя не знала границ: министр, приезжавший к нему в Петергоф, обязан был в царском дворце давать на чай всем встречным лакеям — «кучеру, трем швейцарам и их помощникам, швейцарам и лакеям при помещении, буфетчику, кухонному

мужику и проч.», — причем в сумме получалось, что «каждая раздача требовала около 100 рублей». Царь понимал, что это дорого, поэтому давал министрам по 8000 рублей «экстраординарных сумм» на эти цели. (Редигер на экономию из этих сумм (не любил ездить к царю) купил два первых тогда в России автомобиля.)

Я понимаю, что перечисляемые мной суммы сегодняшнему читателю ни о чем не говорят, но вы запоминайте их, чтобы сравнить их с суммами, которые я дам ниже. Итак. Предшественник Редигера на посту военного министра Куропаткин получал в год 18 тысяч жалованья, 3,6 тысячи на экипаж и 8 тысяч «финских денег». Дело в том, что сначала и в княжестве Финляндском были свои национальные войска, и финны платили 22 тысячи марок военному министру России за управление ими, но к воцарению Куропаткина в министерстве финские войска были упразднены, и царь давал Куропаткину 8 тысяч рублей, «чтобы не обидно было». Куропаткин, объединив два дома себе под жилье, потратил на свою казенную квартиру 700 тысяч рублей плюс тратил 20 тысяч ежегодно на ее содержание. В 46 комнатах был не только бильярд Куропаткина, но и бильярд для прислуги. (Редигер в эту квартиру переехать постеснялся.) Когда Куропаткин вызвался командовать войсками в войне с Японией, он запросил 15 тысяч в месяц и 100 тысяч на обустройство в действующей армии. (Царь дал 12 и 50 тысяч соответственно.)

Казалось бы, если это хороший полководец, то ведь и денег не жалко. Но ведь война показала, что это был за спец! Более того, он и министром был тем еще! Уже несколько лет до войны Россия под боком Японии создавала военные базы, так трудно ли было догадаться, что конфликт с Японией вероятен? А между тем.

«Впоследствии (15 декабря 1908 года) Владимир Сахаров писал мне:

«В войне с Японией у нас плана кампании, как известно, совсем не было; по крайней мере так думаю я, бывший начальник штаба армии и главнокомандующего, и это подтверждается тем, что 28 января 1904 года будущий командующий и главнокомандующий говорил мне, что для предстоящей, видимо, войны с японцами придется собрать армию, пожалуй, даже корпусов в шесть, а мы, как известно, имели таковых к концу кампании восемнадцать».

Таким образом, и вооруженные силы Японии оказались совершенно неизученными, несмотря на то, что наш военный министр сам ездил в Японию!» — восклицает Редигер.

Но разве Куропаткин ездил в Японию, чтобы оценить вероятного противника? Оно ему надо! Все генералы и высшие

чиновники России ездили много и очень охотно. Дело доходило до того, что полки, бригады и дивизии в мирное время размещали как можно дальше друг от друга, чтобы корпусные генералы могли как можно больше ездить, посещая вверенные им войска. Тут дело в еще одной «доброй традиции». Генералам за проезд платили не по фактическим затратам, а так, как будто они ехали на лошадях. Выгода получалась огромная. Редигер и с этим пытался бороться, и в этом вопросе тоже нажил себе врагов. Он отменил в военном ведомстве этот идиотизм, но, как только его сняли, все было восстановлено. В цифрах «поездки на лошадях» выглядели так. Когда царь уволил Редигера из министров, то назначил его членом Военного совета и в комиссию по изучению бедственного состояния военно-морского флота. Редигер вместе с адмиралами в салон-вагоне съездил в Севастополь и обратно и честно предъявил казне счет за дорожные расходы в 134 рубля 35 копеек, а адмиралы «за проезд на лошадях» — по 1500 рублей.

И раз уж мы затронули тему флота, вспомним и о нем. Госдума и царь (по настоянию Думы) *«решили выяснить лишь причины, почему наши суда строились дольше и обходились дороже, чем где-либо, и почему вообще наши расходы на флот (без судостроения), при его слабом боевом составе, продолжали поглощать почти такие же средства, как в Германии с ее сильным флотом?»*

Что касается стоимости боевых кораблей, то тут все понятно: русские промышленники, как настоящие патриоты, закладывали в сметы на строительство кораблей 100 % своей прибыли, в результате броненосец в Англии за тонну стоил 674 рубля, в Германии — 764 рубля, в России — 1200 рублей. А вот расходы на содержание флота удивляли, особенно огромным количеством небоевых судов: от учебных до портовых буксиров. Дотошный Редигер начал «копать» и выяснил: *«По отношению к общему тоннажу всего флота тоннаж судов, не имеющих боевого значения, то есть старых судов, утративших уже это значение, а равно учебных судов, транспортов и вспомогательных судов у нас определяется в 42,91 %, тогда как в Англии эти суда составляют всего 1,04 %, в Японии — 11,11 %, в Германии — 13,24 %, во Франции — 5,79 %. Содержание этих судов обходится весьма дорого, ремонт же старых судов с каждым годом поглощает все большие суммы»*.

Причем с открытием навигации все эти суда Российского флота устремлялись в море, сжигая сотни тысяч тонн угля и изнашивая механизмы. Формально якобы плавали для того, чтобы готовить новые экипажи, поскольку сверхсрочники на флоте получали оскорбительно мало и матросы после срочной

службы уходили в запас. Сверхсрочник-комендор орудия главного калибра имел жалованье 200 рублей в год, а в Петербурге даже неквалифицированные землекопы получали не менее рубля в день. Кто же будет за такие деньги служить сверхсрочно? А на подготовку одного комендора расходовалось боеприпасов и стволов на сумму в 100 тысяч рублей. То есть, если платить сверхсрочнику-комендору даже 1000 рублей в год (годовое жалованье подполковника в армии), то за 20 лет его сверхсрочной службы это составит всего 20 тыс. рублей. За это время не придется готовить минимум четырех новых комендоров, затраты на подготовку которых составили бы 400 тыс. рублей. Экономия минимум в 380 тысяч. Но моряки на это категорически не шли. Почему? Потому, что при такой экономии казне нужно было бы уменьшить количество учебных судов, а значит, уменьшить количество офицерских и адмиральских должностей во флоте. По этой причине вешали на любую посудину Андреевский флаг и включали ее в состав флота. А выгоняли флот в море в бессмысленные плавания потому, что всем офицерам доплачивались «морские» и «походные» деньги. Короче, кадровое офицерство и армию, и флот строили не для войны, а для того, чтобы можно было хватануть из казны как можно больше.

(Редигер все это положение с флотом изложил царю в секретном докладе, а царь это все похерил — «оставил без последствий». Но, правда, после напоминаний Редигера дал тому бриллианты к ордену Александра Невского).

К революции 1905 года во множестве примкнули и солдаты. Взбунтовался даже 1-й батальон Преображенского полка, в котором царь считался командиром. И Редигер вынужден был отвлечься от того, сколько получали его коллеги, и написать и о солдатах.

«Нищенская обстановка солдата, который бывал сыт лишь при особой распорядительности и честности его начальников. Жалованье его было ничтожно до смешного: рядовой в армии получал 2 рубля 10 копеек в год! Белье и сапожный товар отпускались такого дрянного качества, что нижние чины продавали их за бесценок и покупали взамен собственные вещи; отпуск на шитье сапог был ничтожен, и на это приходилось им доплачивать рубля два из своего же кармана. Короче, без помощи из дому солдат не только бедствовал, но почти не мог существовать! Подмогой ему являлись вольные работы, но даже из заработанных грошей он сам получал лишь треть, другая треть вычиталась в артельную сумму на его продовольствие, а еще треть шла в пользу не бывших на работах. Что нижние чины бедствуют, знали все и даже жалели их; но при громадном составе

армии прибавка лишь одной копейки вдень на человека вызывала расход в 4 миллиона рублей в год, а поэтому сожаление оставалось совершенно платоническим, и все привыкли смотреть на нищенское положение солдата как на нечто нормальное или по малой мере неизбежное, к серой безропотной массе относились свысока и считали, что если издавна она находилась в таком положении, да беды от этого не было, то нечего разорять финансы на улучшение ее быта. Одеяла и постельное белье были заведены лишь в немногих частях, особо заботливыми и распорядительными начальниками. Чайное довольствие в мирное время давалось лишь в местностях, особенно неблагоприятных в климатическом отношении».

Вообще-то о чайном довольствии солдат вопрос поднимался еще в 1904 году, но требовалось 2 млн рублей, и поскольку это была не квартира Куропаткина с бильярдом для прислуги, то решили довольствовать солдат чаем с 1908 года. (Были и робкие голоса, что по примеру других стран надо бы включить в рацион солдат и рыбу, но это было чересчур дорого!) Революция, однако, подстегнула события, и царь пошел на расходы. К концу 1905 года солдатам и унтер-офицерам произошла, как пишет Редигер, «существенная прибавка», выразившаяся в добавлении «к отпускающемуся пищевому довольствию четверти фунта мяса в день, и сала, и введение чайного довольствия; установление отпуска одеял, постельного белья, утиральников, носовых платков и мыла и увеличение отпуска денег на шитье сапог с 35 копеек до 2 рублей 50 копеек в год; отпуск всего белья в готовом виде и отпуск по одной гимнастической рубахе с погонами в год».

Кстати, на чайное довольствие сахара было положено три золотника — чуть больше чайной ложки в день, или одна столовая ложка на два дня.

Как мы видим, кадровое офицерство в лице российских генералов и адмиралов при царе устроилось прекрасно, сделав армию инструментом по откачке денег из казны, что не замедлило сказаться в Первую мировую войну. И сегодня российские генералы довольны, надо думать, потому, что и сегодня у нас армия соответствующая. Как при царе.

Снова о тупости и нежелании знать военное дело

Вдумываясь в то, о чем написал Лебединцев, начинаешь по-новому оценивать мемуары наших военачальников, которых можно разделить на две части: кадровых — тех, которые и в войну занимали должности, аналогичные тем, что они занимали до войны, и тех, кого выдвинула война. К первым можно отнести: Г. К. Жукова, который до войны командовал Киевским военным округом, что по аналогии равноценно фронту, кроме того, он был и начальником Генштаба РККА; и И. С. Конева, который до войны командовал Забайкальским военным округом, а во время войны — фронтом. Ко второй части полководцев можно отнести полковника И. Д. Черняховского, который до войны командовал дивизией, а к 1944 году — Западным фронтом, комдива К. К. Рокоссовского, самого, пожалуй, сильного полководца той войны, комбрига А. В. Горбатова, который до войны сидел в тюрьме, так как десять кадровых офицеров на суде показали, что он враг народа, и сотни других генералов, которых генералами сделала война, а не услужение начальству.

Давайте немного поговорим о первых. Жуков, пожалуй, как никто, интересовался личной карьерой, и пожалуй, как никто, не интересовался военным делом. Вот посмотрите: весна 1941 года, Жуков — начальник Генерального штаба. Он знает, что летом начнется война с немцами, он уже подписал директивы в западные округа с приказом срочно подготовить план обороны границ. Он знает, что с нападением немцев на СССР ему надо будет руководить уничтожением агрессора. Ему не надо было самому собирать разведданные о том, как немцы — гроссмейстеры войны — воюют. Разведывательное управление Генштаба подготовило и положило ему на стол доклад «О франко-немецкой войне 1939–1940 гг.», в котором проанализировало причины молниеносного разгрома Германией англо-французских союзников. Вы полагаете, что Жуков бросился изучать этот доклад? Нет, он на нем написал: «Мне это не нужно». Вы думаете, что война что-то изменила и интерес к военному делу у Жукова возрос? Давайте посмотрим, как он организовывал штурм Берлина. Основной идеей этого штурма была ночная атака подготовленной немецкой обороны. Немного о принципе таких атак.

Ночные атаки были делом обычным, вот и Александр Захарович вспоминает о трех своих и одной — Петрова. Но тут

две тонкости. Это должна быть либо абсолютно внезапная для противника атака (как в случаях, описанных Лебединцевым), либо оборона противника должна быть неподготовленной. (Командир танковой бригады, дважды Герой Советского Союза В. С. Архипов в глубине обороны немцев успешно водил свои танки в атаку с зажженными фарами.)

Немецкий историк, по воспоминаниям немецких очевидцев, об этом пишет так.

*«Наступила ночь. И началось то, чего немцы за это время перегруппировавшиеся к обороне, еще никогда не испытывали. На поле битвы стало светло, как днем, и воздух наполнился адскими звуками: танки Рыбалко надвигались на немецкие позиции с зажженными фарами и включенными сиренами, безостановочно стреляя из пушек. На броне танков сидели пехотинцы двух стрелковых дивизий, 167и 136-й. Таким паровым катком они глубоко въехали в немецкий фронт. Рыбалко рассчитывал, что слепящие фары вызовут панику. Он также помнил об эффекте «иерихонского средства», которое использовали немецкие «Штуки»(*Немецкие пикирующие бомбардировщики Ю-87*) против советских пехотинцев, — сирены, завывающие при пикировании «Штук», неизменно приводили русскую пехоту в состояние, близкое к паническому. Рыбалко надеялся достичь сходного результата своей пронзительной, ослепляющей бронированной армадой. И он преуспел в этом на многих участках ослабленного фронта 13 и 7-го корпусов.*

Более эффективным, естественно, был огонь многочисленных бригад Т-34. Несмотря на контратаки своей танковой группы, 7-я танковая дивизия генерала фон Мантойфеля не смогла помешать русским форсировать Ирпень в восьми километрах западнее Киева и двинуться по Житомирской дороге в направлении Фастова, важнейшего железнодорожного узла юго-западнее Киева».

Но обратите, внимание, Рыбалко начал атаку в ночь с 4-го на 5-е ноября — в сырую украинскую осень, когда ни танки, ни взрывы снарядов не поднимают пыли.

Немцы пытались повторить подвиг Рыбалко, и вот пример ночной атаки, о которой Жуков теоретически не мог знать потому, что в это время исполнял свои генерал-адъютантские функции (представитель Сталина) на фронте у Рокоссовского. В это время плацдарм, который занимала армия А. В. Горбатова, подвергся ночным немецким атакам. Причем немцы все же действовали грамотнее Жукова — тоже во влажное время года, когда взрывы поднимают в воздух еще немного пыли. Тем не менее 1 марта 1944 года результат немецких атак в рассказе Горбатова был таков.

«Вечером враг произвел особо сильную артподготовку. Огонь сосредоточивался на плацдарме по нашим первой и второй траншеям. Спустя полчаса противник перенес огонь на переправы, не допуская подхода наших резервов, и пошел в наступление пехотой. Потом заревели и двинулись танки. Не обогнав еще своей пехоты, танки включили фары, и на фоне их света были видны густые цепи наступающих. Со своего НП — с вышки, установленной на берегу реки, я по свету фар насчитал пятьдесят танков и на этом прекратил счет. Мы наблюдали частые вспышки выстрелов наших орудий Прямой наводки, слышали сплошной треск стрелкового оружия и грохот орудийной стрельбы. Море огненных всплесков переливалось над полем, где наступал противник, над плацдармом и мостами — это рвались тысячи снарядов. С тревогой вслушивались и вглядывались мы в картину ночного боя. Выдержат ли защитники плацдарма такое суровое испытание?

Немецкие танки, обогнав свою пехоту, выключили свет, и наступающих цепей не стало видно. Я пожалел об этом, считал, что огонь нашего стрелкового оружия будет не столь метким и станет слабее; но треск выстрелов из винтовок, автоматов и пулеметов не слабел, а стрельба из орудий прямой наводки все нарастала.

Вдруг фары снова зажглись почти одновременно на всем участке, но это уже были отдельные и короткие вспышки света, притом в сторону противника, и в эти мгновения была снова видна его пехота, но уже отступающая. На НП раздались восклицания: «Танки повернули назад!», «Атака отбита!». Немного позднее было получено донесение с плацдарма, подтверждающее, что атака гитлеровцев всюду отражена.

От имени Военного совета армии всем защитникам плацдарма и артиллеристам, стрелявшим с левого берега, я объявил благодарность и в то же время предупредил их, чтобы готовились к отражению повторных атак.

Через два часа противник перешел снова в яростное наступление, но уже с меньшим количеством танков. Наши герои, воодушевленные предыдущим успехом, отбивали эту атаку с еще большим мужеством, и она, а также последовавшие за ней в эту ночь третья, четвертая и пятая атаки захлебнулись. Чуть забрезжил рассвет, многие тысячи глаз начали всматриваться в лежащую впереди местность. Первыми показались силуэты шестнадцати подбитых танков и самоходок, некоторые из них еще дымились. А когда стало совсем светло, мы увидели поле, усеянное трупами фашистов».

Вот такую же картину увидели на рассвете и немцы,

оборонявшие Зееловские высоты под Берлином, когда Жуков, вопреки уже имевшемуся немецкому горькому опыту, повел на них 1-й Белорусский фронт в ночную атаку. Только тел убитых солдат и сгоревших танков было чуть ли не в сотню раз больше, и это были советские танки и убитые советские люди. Историк В. М. Сафир, проанализировав боевые донесения тогдашних подчиненных Жукова, сообщает (Военно-исторический архив, 20, 2000, с. 138–140) подробности о ночном штурме Зееловских высот:

«Если перечислять недостатки операции, то список этот будет слишком велик, поэтому ограничимся только главными примерами:

— «артиллерийская подготовка проведена по пустому месту, так как противник накануне перенес свои огневые точки» (1079 сп 312 сд);

— «танки не были приготовлены к ночной стрельбе. В момент наступления стреляли вслепую» (командир танковой роты 68-й ТБр);

— «боевые порядки фактически перепутались, что дало возможность противнику наносить нам ущерб даже неприцельной стрельбой» (1083 сп 312 сд и др.);

— «большинство ранений произошло не на минных полях противника, а на наших» (политотдел 69-й армии);

— «наступила ночь, и вот начался кошмар: идут волны наших бомбардировщиков и сгружают свой груз на мой штаб,

на колонны и боевые порядки 8 гв. мки 11гв. тк, жгутнаши танки… убивают людей. этою мы на 4 часа прекратили наступление» (Катуков, 1 гв. ТА). Нечто подобное происходило и в зоне действия 3 гв. ТА Рыбалко:«.. двое с половиной суток мы были под ударом своей авиации».

Что касается идеи Г. К. Жукова использовать 143 прожектора, то иначе как казусом или скорее грубой ошибкой это назвать нельзя.

Вот оценки:

— «прожекторный свет дал возможность противнику сосредоточить свой огонь по местам скопления наших войск, чем объясняются такие большие потери» (69 А);

— Чуйков (8-я гв. армия):«… мы отлично знали, что после 25-минутного артналета такой мощности, как было на плацдарме, ничего нельзя было увидеть… все поле закрывается стеной пыли, гари и всем, чем хотите. Василий Иванович (Казаков, командующий артиллерией фронта. — В. С), когда мы с Вами сидели на высоте 81,5, когда засветились прожекторы, которые находились в 200–300 метрах от нас, мы их с вами не видели и не могли определить,

светят они или нет… реальной помощи войска от этого не получили» (выделено мной.—В. С.) — Подобных примеров не перечесть».

Зато сочтены потери — на штурме Берлина Жуков положил 179,45 тыс. советских солдат, из которых потеряны безвозвратно 37,61 тыс.

Теперь о воспоминаниях второго кадрового полководца — Конева. Я уже писал о крайней неэффективности советской артиллерии из-за отсутствия авиационной корректировки огня, и маршал Конев в своих воспоминаниях тоже об этом пишет:

«Вражеская авиация не могла действовать большими группами, но одиночные разведывательные самолеты все время летали над полем боя, в том числе летал и наш старый враг — разведчик «Фокке-Вульф», или, как мы ею называли, «рама». Так что возможности для наблюдения, хоть и ограниченные, у немцев еще оставались.

«Рама» доживала тогда свои последние дни. Но те, кто видел ее, не могли забыть, сколько неприятностей она доставила нам на войне. Я не раз наблюдал на разных фронтах действия этих самолетов — они были и разведчиками, и корректировщиками артиллерийского огня — и, скажу откровенно, очень жалел, что на всем протяжении войны мы так и не завели у себя ничего подобного этой «раме». А как нам нужен был хороший, специальный самолет для выполнения аналогичных задач!»

А за пять лет до этого, в декабре 1940 года, генерал-лейтенант Конев выступал на Совещании высшего руководящего состава РККА (23–31 декабря 1940 г.), на котором обсуждалось, что еще нужно Красной Армии, чтобы выиграть войну и не понести больших потерь. Командующий Забайкальским военным округом генерал-лейтенант Конев не скрыл этого от присутствующих, более того, не пожалел слов о том, что для победы главное — это точно исполнять приказы нашего мудрого наркома обороны т. Тимошенко, который руководствуется указаниями еще более мудрой Ленинско-Сталинской партии. В промежутках между обоснованием этой тонкой мысли он также пояснил, что все, кто еще не успел получить звание генерал-лейтенанта, обязаны учиться, в том числе:

«Я ставлю вопрос об обязательном изучении истории партии, об изучении марксизма-ленинизма, об изучении военной истории, изучении географии как обязательною предмета для командного состава. А у нас еще существует такое положение, когда изучение марксизма-ленинизма поставлено в зависимость от настроения. Мы не можем позволить, чтобы наши командиры были бы политически неграмотными, в таком случае они не могут

воспитывать бойцов Красной Армии. Изучение истории партии, изучение марксизма-ленинизма является государственной доктриной и обязательно для всех нас».

Вот при помощи этой доктрины наши генералы огонь артиллерии и вели. И на совещании никто, ни один генерал не озаботился тем, что советская артиллерия накануне войны не имеет практически никаких средств разведки и корректирования огня, кроме оставшихся с Первой мировой биноклей и стереотруб.

А ведь упомянутый самолет-разведчик, прозванный нашими войсками «рамой», а немцами названный Фокке-Вульф-189, Красная Армия могла бы иметь с первых дней войны, заикнись Конев на совещании об этом, а не об изучении истории партии.

Дело в том, что на взятые у немцев в 1939 году кредиты мы закупили у них чертежи и технологию постройки целого ряда боевых самолетов, в том числе и этого FW-189, а к июню 1940 года получили и образцы самолетов.

Авиаконструктор Петляков в июне 1940 года перерисовал чертежи истребителя-бомбардировщика «Мессершмит-110» с небольшими изменениями, и промышленность СССР по этим чертежам и образцу успела изготовить к концу года уже два серийных самолета, названных Пе-2, а в первом полугодии 1941 года их было выпущено уже 458.

Чем, сидя 20 лет на шее советского народа, занимался генералитет РККА?

Эта довоенная грамотность Конева, а вот он демонстрирует свой послевоенный профессионализм.

«Во время Берлинской операции гитлеровцам удалось уничтожить и подбить 800 с лишним наших танков и самоходок. Причем основная часть этих потерь приходится на бои в самом городе.

Стремясь уменьшить потери от фаустпатронов, мы в ходе боев ввели простое, но очень эффективное средство — создали вокруг танков так называемую экранировку: навешивали поверх брони листы жести или листового железа. Фаустпатроны, попадая в танк, сначала пробивали это первое незначительное препятствие, но за этим препятствием была пустота, и патрон, натыкаясь на броню танка и уже потеряв свою реактивную силу, чаще всего рикошетировал, не нанося ущерба.

Почему эту экранировку применили так поздно? Видимо, потому, что практически не сталкивались с таким широким применением фаустпатронов в уличных боях, а в полевых условиях не особенно с ними считались».

Выше написаны ужасные по своему смыслу слова, но они

требуют пояснения.

Есть два способа пробить броню. По одному броню пробивает твердый и тяжелый снаряд, который в стволе пушки разгоняют до очень большой скорости. Сегодня в таких снарядах применяют урановые сердечники, плотность которых в 2,5 раза выше, чем у стали, а разгоняют их до скорости выше 1100 м/сек. За счет высокой энергии они и пробивают броню.

По второму способу броню пробивают высоким давлением сосредоточенного (кумулятивного) взрыва. Для этого во взрывчатке снаряда делают кумулятивную выемку в виде конуса. При взрыве ударная волна в этой выемке идет навстречу друг другу, и в точке, в которой сходятся волны со всей поверхности, образуется очень высокое давление. Если разместить эту точку на броне, то давление взрыва ее проломит. Но если эту точку отодвинуть от брони, то взрывная волна рассеется и броню не пробьет. Для кумулятивных снарядов очень важно, чтобы они взрывались точно на броне и были по отношению к ней строго ориентированы, иначе толку от такого взрыва не будет никакого.

Откуда я это знаю? Из детства, из начала 60-х. В школе ежегодно собирали бумажную макулатуру, а в это время уже отменили допризывную подготовку. Поэтому в макулатуре я нашел старый школьный учебник допризывной подготовки, прочел его и понял, как действуют кумулятивные снаряды и что делать, чтобы они не сожгли танк. Нужно между ними и броней поставить препятствие, тогда они взорвутся на препятствии, взрывная волна за ним рассеется, и танку ничего не будет. Именно этой цели служат описываемые Коневым экраны, а не тому бреду, что был у него в голове, когда он диктовал свои мемуары.

То, что я пацаном знал, как действует кумулятивный снаряд, в этом ничего странного нет — мало ли чем любопытные пацаны интересуются. А вот почему этого не знал маршал Конев, которого Хрущев назначил главнокомандующим Сухопутных войск, а потом — Варшавского договора? Почему он не знал о своей профессии того, что уже знали пацаны?

Ведь немцы применяли кумулятивные снаряды в артиллерии с начала войны, свою пехоту вооружали сперва магнитными противотанковыми кумулятивными минами, а затем, с конца 1943 года, — одноразовым гранатометом с кумулятивной гранатой, который получил название «фаустпатрон». Этими фаустпатронами широчайшим образом снабдили всю немецкую армию, даже танкистов, и только Конев этого не знал. В Красной Армии тоже примерно с 1943 года самым широким образом в артиллерии использовались кумулятивные снаряды, авиация

применяет против немецких танков кумулятивные бомбочки, которых в 1943–1944 годы изготовили почти 13 млн. штук. С весны 1943 года на вооружение советской пехоты поступила ручная противотанковая кумулятивная фаната РПГ-43, а с осени такая же, но усовершенствованная, РПГ-6. Одновременно немцы с этого же времени стали ставить экраны на свои танки прямо на заводах при их постройке. Но Конев был «не в курсе дела».

И погнал на улицы Берлина под выстрелы фаустников незаэкранированные танки. Надо же, 800 танков сгорело, минимум 2 тысячи танкистов погибли, кто бы мог подумать?!

Так ведь Жуков и Конев — это же еще и из лучших кадровых полководцев РККА. А кто сегодня вспомнит таких кадровых полководцев — предвоенных командующих военными округами, как Герасименко, Кузнецов, Ремезов, Черевиченко, Ковалев, Кичалов, Тюленев, Калинин?

Думаю, нет смысла итожить остальные качества кадрового офицерства, скажем его подлость. Тут только вспомнишь, как эти кадровые скопом шельмовали своего Верховного главнокомандующего, и руки опускаются.

Стоит, пожалуй, пару слов сказать о непрерывных сетованиях Александра Захаровича на «нашу нищету». Бумаги не было, бинтов не было, фонариков не было и т. д. и т. п. Думаю, что определенная часть нашего офицерства считала и считает, что богатство страны растет на деревьях. И у нас таких деревьев было мало, а вот у немцев — много.

На самом деле богатство страны создают люди в промышленности и сельском хозяйстве. И откуда же взяться богатству, если этих людей тупо гонять на немецкие пулеметы?

Что делать?

Проблема описана: общество отрывает от своих детей и от себя деньги и содержит на них армию — кадровых военнослужащих, обещающих так изучить военное дело и быть настолько храбрыми, чтобы в случае опасности от внешнего врага это общество защитить. И за деньгами, выделяемыми обществом для своей защиты, в армию набивается огромное количество подонков, которые ни военное дело не изучают, ни подвергать себя опасности не собираются. Это типичные паразиты. И когда начинается война, их подлость, трусость и дурость оборачиваются огромными потерями для общества. Возникает естественный вопрос — да на кой хрен нам нужна армия с таким кадровым офицерством?! Начнется война, и мы опять будем ждать, пока в командование вступят бухгалтера и художники-оформители? Так ведь долго будем ждать: эти кадровые угробят их в боях своими тупыми и подлыми приказами.

После такого исследования полагается дать рекомендации, что делать, чтобы армия еще в мирное время была укомплектована достойными людьми, чтобы и в мирное время командные должности в ней занимал тот, кто пришел в армию защищать Родину, а не обжирать ее. И таких рекомендаций могло бы быть много, поскольку проблема уж очень многогранна. К примеру, становится видна бессмысленность всех этих военных училищ и академий, очевидна вредность комплектования армии офицерами таким путем. Можно было бы рассмотреть путь, каким немцы комплектовали офицерами свои вооруженные силы перед войной. Но кому это надо?

Правящий режим обворовывает Россию и украденные деньги в иностранной валюте прячет за рубежом, куда и члены режима удерут, в случае если Россия будет способна это воровство пресечь. Но сильная Россия, с сильной армией, способна будет этих воров из-за границы вернуть вместе с украденными деньгами, а слабая Россия, со слабой армией, этого не сможет. И правящий режим делает все, чтобы Российскую армию ослабить, он заинтересован именно в том, чтобы во главе ее были подонки, не знающие военного дела и не собирающиеся защищать Родину на поле боя. Но даже если бы у нас во главе страны вдруг откуда-то взялись бы патриоты, то что делать с народом?

Ведь либералы уже более 15 лет через все СМИ вдалбливают в головы населения, что патриотизм — это признак подлеца, что Родину защищают только идиоты, что у умного человека родина там, где жрать вкуснее, а работы меньше, что от службы в армии

надо «косить» любым способом. Но офицеры появляются в армии именно из этого народа и другого народа у нас в запасе нет. Если в нашем обществе сегодня смерть за Родину, мужество и храбрость считаются глупостью, то как же нашим офицерам быть храбрыми и самоотверженными? Они тоже не дураки — деньги берут, а отдавать их службой не собираются. Да и как им служить? Вот какие-нибудь «умные», типа Киселева, Познера или Сванидзе, в случае войны будут сидеть в тылу, а офицер что — свою жизнь за них в бою положит только потому, что режим ему платил 150 у. е. в месяц? А ху-ху не хо-хо? Чтобы офицер шел на смертный бой, нужно, чтобы весь народ готов был идти на этот бой. И по-другому не будет!

Это при монархии подданный заплатил царю налоги, и этим его служба в государстве окончилась. Теперь царь за эти деньги должен нанять войско и этого подданного защищать.

Но у нас давно уже не монархия, у нас гражданское общество, а в точном смысле этого слова гражданин — это тот, кто находится под защитой государства и служит ему одновременно, ибо его защита от его службы и происходит. Иными словами, гражданин, чтобы иметь защиту от внешнего врага, сам должен быть военнослужащим. Если все уклоняются от службы в армии, то и армии не будет. Поэтому в гражданском обществе исключений быть не может — если ты гражданин, то ты и обязан защищать Родину с оружием в руках.

Поэтому национальному правительству России требуется в первую очередь разделить население на граждан и подданных. Гражданин тот, кто дал воинскую присягу, либо мать, растящая будущего гражданина или гражданку. Здоровье не в счет: я не знаю такой болезни, при которой мужчина или женщина не в состоянии удержать в руках АКМ. Речь идет не о реальной воинской службе в мирное время, а готовности защищать Родину, если это потребуется.

Все, у кого такой готовности нет, — подданные. Они платят только налоги (как и граждане), но находятся под защитой государства, то есть граждан. Соответственно в гражданском обществе, как и при монархии, подданные не могут определять законы страны и контролировать их исполнение. Иными словами, они не могут избирать законодательную, исполнительную и судебную власти. Это обязанность только граждан.

Начинать надо с этого. Без ясного понимания, кто мы и что мы, обсуждать пути улучшения офицерского корпуса бессмысленно.

Верховный Главнокомандующий

Но закончить книгу я бы хотел не этим. Вскоре после Победы 24 мая 1945 года И. В. Сталин созвал на банкет по случаю Победы высший генералитет тогда еще Красной Армии. И случай был не тот, и никаких упреков либо критических замечаний он своему генералитету и офицерам как таковым на этом приеме говорить не мог. Ведь их авторитет — это тоже оружие, это тоже страх врагов. Да и армия была уже не та: рядом с Жуковыми уже были рокоссовские, коротковых во многих дивизиях сменили ламко и кошелевы, и в полковых штабах были уже обстрелянные лебединцевы.

Хотя Сталин и считал себя русским грузинского происхождения, но первые тосты он чисто по-грузински поднял за своих гостей. А затем сказал последний тост, очень известный.

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и, прежде всего русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русскою народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были У нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской Республики, покидала, потому что не было другою выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали

наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим, другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!»

В коммунистической и русской националистической среде этот тост очень известен — как же, ведь он так греет душу русского, приподнимая его над остальными. Но если вы всмотритесь в текст и попытаетесь понять, зачем Сталин сказал этот тост, то увидите, что это тост покаяния главы СССР перед народом, пострадавшим из-за его ошибок. Русский народ в данном случае выделен из-за непропорциональности своих потерь. Составляя в численности населения СССР около 53 %, русские (великороссы, малороссы и белорусы) в числе фронтовых безвозвратных потерь составили 66 %. И одновременно этот тост — безоговорочное указание на того, кто действительно победил в этой войне — народ. Победил даже при ошибках Правительства.

Сталин задал тон, и должно было бы последовать понимание со стороны советского генералитета, то есть следующий поднимающий тост генерал или маршал обязан был предложить выпить за солдата, который победил, несмотря на ошибки этих генералов. Но этого не случилось, генералы поднимали бокалы, но не за солдат. Сталин терпел и ждал.

Из присутствующих на банкете военачальников сотни написали мемуары, но ни один из присутствовавших никогда даже не заикнулся о том, как проходил этот банкет далее — после тоста Сталина.

А. З. ЛЕБЕДИНЦЕВ. Теперь я хочу привести рассказ еще одного современника событий тех лет. Речь пойдет о Банкете Победы, на котором наш Верховный Главнокомандующий, Председатель Ставки ВГК, Председатель Совета

народных комиссаров, народный комиссар Обороны и Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) от имени всех своих должностей решил поблагодарить великий русский народ за его стойкость, выдержку, как старшего брата всех других народов, населявших Советский Союз. Это общеизвестно. Ветераны войны помнят и о том, что Сталин благодарил военные советы фронтов, чокаясь с каждым членом военных советов от имени правительства и ЦК партии, благодарил и поздравлял он Генеральный штаб.

Этот рассказ я услышал от самого старшего из больных нашего неврологического отделения Центрального Красногорского военного госпиталя в самый канун 1974 года, когда сам уже год находился на пенсии. За ужином об опале маршала Георгия Жукова возник спор между одним из сотрудников журнала «Военный вестник» и лечившимся генерал-майором. По окончании ужина мы разместились в комнате отдыха на диванах. Спорщик-генерал вскоре убыл в палату, а в

центре внимания оказался престарелый генерал-полковник, бывший в войну заместителем командующего войсками фронта и присутствовавший на Банкете Победы. Начал он свой рассказ с того, что находится в преклонных годах, но еще нигде не прочитал сообщений о том, как проходил банкет для высшего командования Генерального Штаба и фронтовых Членов Военного совета. И вот что рассказал участник Банкета.

Маршал Жуков находился за одним столом с Верховным Главнокомандующим, но в его персональную честь не было сказано ни слова. Всем присутствовавшим это показалось странным. Старшие военачальники стали знаками подавать ему сигнал на перекур. Жуков попросил Сталина сделать перерыв. Вождь дал разрешение. Сам он курил трубку за столом, а все вышли в курительную комнату. Здесь же командующие войсками фронтов попросили маршала Жукова начать короткое выступление, чтобы они могли продолжить здравицу в честь первого маршала Победы.

Жуков свое выступление-тост начал примерно так: «Если бы меня спросили: когда за всю войну мне было тяжелее всего, то я бы ответил, что осенью и зимой при обороне Москвы, когда практически решалась судьба Советского Союза». Выслушав молча эту тираду Жукова, Сталин внезапно оборвал его словами: «Вот вы, товарищ Жуков, вспомнили оборону Москвы. Правильно, что это было очень трудное время. Это была первая победоносная битва нашей армии при защите столицы. А Вы знаете, что многие ее защитники, даже генералы, получившие ранения и отличившиеся в боях, оказались не отмеченными наградами и могут не получить их, т. к. стали инвалидами!» На этот упрек Жуков ответил так: «Товарищ Сталин, я, как и Вы, тоже не отмечен наградами за эту битву, хотя почти все работники Генерального Штаба награждены орденами Ленина (Шапошников, Антонов, Ватутин, Штеменко и др.). Вполне допускаю, что мною допущен в этом деле просчет, и мы поправим это».

Тут Сталин ударил кулаком по столу так сильно, что хрустальная ножка высокого фужера обломилась и красное вино пролилось на скатерть. Вождь, перебивая Жукова, сказал: «А вместе с тем вы не забыли наградить своих бл…ей». Наступила гробовая тишина, в ходе которой Сталин поднялся, удалился из-за стола и больше не вернулся.

notes

Примечания

1

Командно-наблюдательный пункт.